

2015

ВОЛОГОДСКИЙ
ЛАД

ВОЛОГОДСКИЙ
ЛАД
Литературно-художественный журнал

1 (30)
2015 год

1

70 ЛЕТ ■ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Вологжане хранят память о героях

На Мамаевом кургане в Волгограде 20 апреля был торжественно открыт памятник вологжанам – защитникам Стalingрада. На церемонии присутствовали ветераны войны, представители общественных объединений, губернаторы Вологодской и Волгоградской областей, главы Волгоградской и Вологодской митрополий

70 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

В День Победы по площади Революции пронесли «Знамя победителей»

В шествии вологодского «Бессмертного полка» участвовали около 8 тысяч человек.
Фото Сергея Юрова и Валентины Певцовой

На открытие памятного знака приехали ученики областной кадетской школы из Сокола

Здесь учились летать, побеждая

На окраине Кадникова, близ федеральной трассы «Холмогоры», 30 апреля открыт памятный знак лётчикам и техникам 27-го запасного истребительного авиаполка. Чтобы помнили. Чтобы знали, что надо помнить...

В августе 1941 года был сформирован 27-й запасной истребительный авиационный полк, который был расквартирован в Кадниково. Здесь до конца сентября 1942 года, когда полк был расформирован, пополняли техникой и новыми лётными и техническими кадрами авиационные подразделения, понесшие большие потери на фронтах Великой Отечественной войны. Тихий провинциальный городок, до сих пор стоящий в стороне от железной дороги, стал «воздушными воротами» для американских и английских самолётов, поступавших по ленд-лизу в Архангельск морским путём в самые первые месяцы

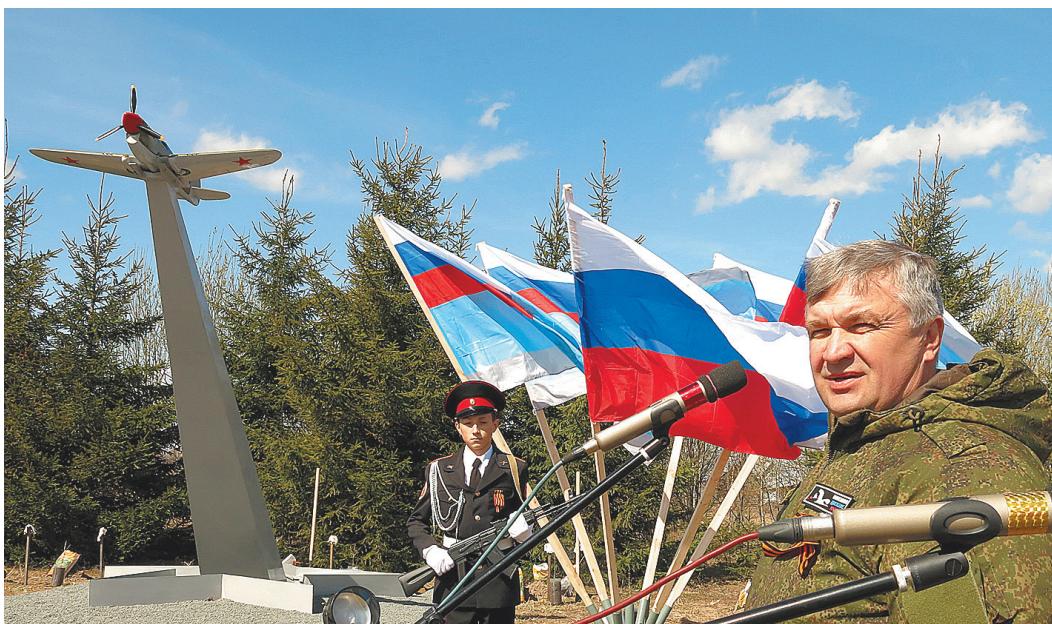

Великой Отечественной войны. В Соколе и Кадниково их собирали, отлаживали, модернизировали по мере возможности, прежде чем за штурвалы «Томагавков» и «Харрикейнов» садились наши военлёты...

70 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Майские торжества по-особому проходят для тех, кто помнит войну

Командир Вологодского поискового отряда Иван Дьяков «раскапывает» историю 27-го запасного истребительного авиаотряда уже много лет

70 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Череповецкий авианиженер Михаил Петрович Торицын выполнил точную копию самолёта «Томагавк» в масштабе 1:6,5

Экспозиция музея

В составе 27-го запасного истребительного авиаполка служили в числе сотен других военнослужащих Виктор Перов и Сергей Часовиков, внуки которых приехали в Кадниково на открытие памятного знака техникам и лётчикам полка.

Вот цитата из книги прославленного полярного лётчика Виктора Михайловича Перова «Полярными трассами», изданной в Москве в 2001 году:

«На станцию города Сокола стали поступать ящики с разобранными подержанными самолётами «Томагавк». Работы у бригады инженера Часовикова прибавилось настолько, что специалисты покидали сборочные площадки на отдых и сон только тогда, когда валились с ног. Немудрёную пищу принимали тут же, у самолётов. Четыре английских специалиста, прикомандированных к Часовикову, жили в доме колхозника в Соколе, целыми днями играли в карты и только изредка появлялись на сборочной площадке.

Появление этих, с позволения сказать, авиаиспециалистов выводило из себя корректного инженера, и он почти всегда на чистом английском предлагал им уезжать в город и только в случае его вызова появляться на сборке.

Однажды я задал Часовикову вопрос: почему он не воспользуется услугами английских специалистов? Сергей Николаевич ответил, что они, хоть и считаются авиаиспециалистами, совершенно не разбираются в технике и в самолёте «Томагавк» в частности, что это всего-навсего военные разведчики, скрывающиеся под видом авиамехаников...

«Томагавки» были совершенно не приспособлены к суровой русской зиме. От сорокаградусных морозов лопались радиаторы, трескались шланги пневматики, разряжались аккумуляторы. Устраивали возникающие проблемы с помощью специалистов НИИ ВВС. Колёса и генераторы заменили на отечественные, масло-, гидро- и охладительную системы оснастили кранами, через которые

В музее поискового отряда - потомки лётчика Виктора Перова, служившего в Кадниково инструктором

жидкости на ночь сливали, провели и другие доработки. Когда с этими бедами справились, большая часть «Томагавков» утратила боеспособность - отсутствовали не только запчасти и новые двигатели (их не поставляли вовсе), но и патроны к американским и английским пулемётам!

К середине января 1942 года лишь 9 машин могли летать.

За год с небольшим в Кадниково были подготовлены более трёхсот лётчиков и шестисот авиатехников для Военно-Воздушных Сил Красной Армии.

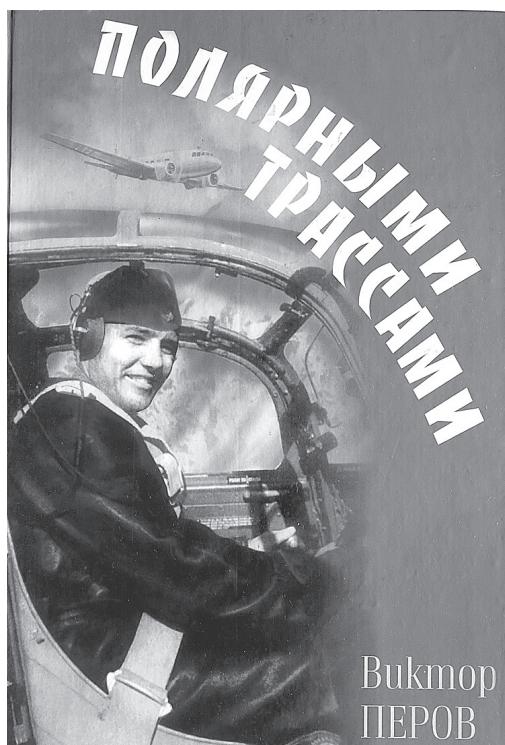
Фронтовые судьбы лётчика Перова, попавшего в запасной авиаполк в качестве инструктора после тяжелейшего ранения в первые дни войны, и инженера Часовикова сложились по-разному. С лета сорок второго Виктор Перов был переведён в 1-ю перегоночную авиадивизию, лётчики которой осуществляли переброску более совершенных амери-

канских истребителей с Аляски в Красноярск. Дальность полёта истребителей тех лет невелика, а расстояние от Фербенкса до Красноярска - шесть с половиной тысяч километров. Маршрут был разбит на пять участков...

- Художественный фильм «Перегон», на мой взгляд, вполне достоверно передаёт картину тех событий. Это, в известной мере, фильм и о моём деде, - говорит внук Виктора Перова Михаил. - Для меня этот фильм - «экранизация» дедовых рассказов...

Мы приехали в Кадников заранее, осматриваем стелу с устремившимся к автомобильной трассе американским истребителем, слушаем трепет флагов, кажется, готовых взлететь в небесную синь вслед за самолётом, разговариваем о прошлом и нынешнем.

Вот ещё одна выдержка из книги лётчика Перова:

В своей книге лётчик Виктор Перов, ас полярной авиации, вспоминает и о пребывании в Кадникове

«Группу Часовикова было решено перебросить в Иран, куда должны были поступать самолёты из Соединённых Штатов. Во время перелёта транспортный самолёт потерпел катастрофу в горах Кавказа. В ней погиб со своими лучшими специалистами замечательный инженер, обаятельный человек Сергей Часовиков».

Были потери из-за отказа техники и здесь, в Кадникове.

Историю 27-го запасного истребительного авиаполка стал «раскапывать» ещё много лет назад командир Вологодского поискового отряда Иван Дьяков. Опрос местных жителей, очевидцев и участников тех событий, проведённый задолго до юбилейных торжеств Дня Победы, кропотливая работа в Центральном архиве Министерства обороны позволили установить имена сержантов Александра Носова и Николая Перекрёстова, млад-

«Трофеи» вологодских поисковиков, привезённые из экспедиций по местам боёв Великой Отечественной

Андрей Чуверин, внук Сергея Часовикова, посадил на кадниковской земле куст сирени в память о деде

В память о героях войны самодеятельные артисты показали в Каднике небольшой спектакль

«Вологодский ЛАД»

шего лейтенанта Ахата Валиулина. На могилы к ним приезжали в разные годы родственники...

Военный аэродром в Каднике, построенный летом сорок первого всенародно на колхозном поле, примыкавшем к городу, просуществовал недолго. Над ним не было воздушных дуэлей. Но свою лепту в славную Победу внесли все, кто в самом начале войны самоотверженно приближали её, не думая о наградах. Об этом говорили в последний день апреля на открытии памятного знака лётчикам и техникам 27-го полка. Памятный знак установлен на вершине холма, рядом с федеральной трассой А-8 «Москва - Архангельск». Точную копию самолёта «Томагавк», выполненную в масштабе 1:6,5, изготовил череповецкий авианиженер Михаил Петрович Торицын. Рядом с памятным знаком высадили 27 саженцев сосны и сирени.

Посадили свои саженцы внук Сергея Часовикова Андрей Чуверин, внук и правнук Виктора Перова Михаил и Дмитрий Перовы.

После торжеств в Каднике, прошедших по-человечески тепло, а не по-казённому, на которые собрались местные жители, представители власти, кадеты из Сокола, мы с московскими гостями заехали в музей поискового отряда, что на улице Благовещенской в Вологде.

Иван Дьяков рассказывал историю каждого экспоната подробно. Гости слушали и задавали вопросы. В самом конце импровизированной экскурсии отец и сын Перовы не скрывали эмоций, а московский восьмиклассник Дима Перов, правнук прославленного лётчика Виктора Михайловича Перова, поглядывая на отца, обратился к Ивану Дьякову:

- У нас есть миноискатель хороший, американский... Вот бы и мне к вам в экспедицию попасть!.. Это возможно?

Алексей КОЛОСОВ
Фото автора

Благословенная Сура: граница земли и неба

Среди юбилеев, которыми щедро одарил нас нынешний год, самый скромный «по цифре» - 25-летие со дня прославления святого праведного Иоанна Кронштадтского. Количество лет и вправду не впечатляет, но ведь не в числе же дело!

В святости этого человека были уверены тысячи, десятки тысяч русских людей. И при его жизни, и сразу после кончины, и весь двадцатый век не утихало народное почитание Всероссийского батюшки, как почтительно звал его народ. Кронштадтский священник Иоанн Сергиев исцелял и пропорчествовал, помогал бедным и наставлял заблудших. Люди, видевшие отца Иоанна во время молитвы, ощущали: батюшка говорит с Богом, получает ответ на свои горячие обращения, порой больше похожие на требования, чем на моления... Однако когда батюшка Иоанн в очередной раз - и сколько их было! - пытался достучаться до соотечественников с предупреждением, его словно не замечали. «Наступают великие беды, обратитесь к Христу, не забывайте Бога», - взывал отец Иоанн, но люди ждали от него не пророчеств, а помощи. Не изъяснения путей Божиих, а исцеления от болезни, устройства на работу, денежного пособия. Предупреждения слушали - но не слышали. Грозные пророчества сбылись. И всё же Церковь выстояла. Сохранилась она, как считают многие, молитвами святых - и в том числе, конечно, Кронштадтского пастыря.

В 1990 году Священный Синод Русской Православной Церкви причислил Иоанна Кронштадтского к лику святых праведников. Казалось, это еще один шаг к возвращению русского народа к вере Христовой. Вот-вот, ждали многие, народ войдет под своды храмов, и не свечки ставить, а горячо молиться о спасении, о покаянии... Увы: оказалось, креститься хотят все - а вот о том, чтобы жить, как подобает христианину, и слушать-то редко кто соглашается. И снова злободневными оказываются призывы святого праведного Иоанна - помнить о Боге, оставить грех, не поддаваться искушениям... Широкое празднование юбилея Всероссийского батюшки - возможность для каждого из нас одернуть себя, задуматься: так ли живу? Как исправиться?

Святой праведный Иоанн Кронштадтский родился не так уж далеко от Вологды, почти каждый год он у нас бывал, когда летом отправлялся в свою любимую Суру - село на

Святой праведный Иоанн Кронштадтский с племянником Игорем Шемякиным

Пинеге, где он родился в 1829 году. Правда, следов пребывания Иоанна Ильича Сергиева на Вологодчине почти не осталось. Точно известно, что он служил в Казанском храме Вологды, который сейчас возрождается. Бывал батюшка в Ферапонтовом монастыре, который восстановила его духовная дочь игумения Таисия (Соловьева); в алтаре Богоявленского храма прославленной обители хранится фелонь, в которой служил святой праведный Иоанн. Вот и все. Не так много? Но ведь не о материальном призывал нас помнить Всероссийский пастырь! Главное его наследие - горячая вера, истовое желание служить Богу и людям, любовь к Творцу и Его творению - человеку. В Соколе строится храм, во имя Иоанна Кронштадтского, и молитвы, которые будут возноситься в этом храме, - лучшее памятование заветов святого.

Нынешней весной, во время подготовки к юбилейным торжествам, вологодский журналист Пётр Давыдов побывал на родине святого праведного Иоанна Кронштадтского. Предлагаем читателям его беседы с сурянами.

Есть храм - будет и жизнь

БЕСЕДА С ИГУМЕНИЕЙ СУРСКОГО ИОАННОВСКОГО
ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Матушка Митрофания наотрез отказалась ехать из храма в обитель на машине:

«После всенощной мне очень хочется пройтись пешком. Ничего, что мне 75 лет, что холодно и что до обители километр. Мне нравится смотреть на звездное небо Суры. Пойдемте вместе - заодно и поговорим».

Матушка Митрофания опирается на руку сестры Нины, верной своей помощницы. Они идут по разбитой дороге неспешно, мы разговариваем. Академический петерский выговор игумении звучит в этих северных широтах, может, несколько неожиданно, но тем достойнее и доступнее. Она рассказывает, что почувствовала, когда узнала, что ей предлагаю поехать из Иоанновского монастыря, что на Карповке в Санкт-Петербурге, сюда, в далекую Суру, на далёкий Север.

- Это было три года назад, в 2012-м. Священный Синод постановил открыть

Сурский женский монастырь, а меня назначили игуменией этой обители. Меня спросили, поеду ли я в Суру, в Архангельскую область. Я ответила: «Не только поеду - я пешком пойду!» И, признаюсь, за всё это время я ни разу - ни часа, ни минуты - не пожалела о том, что оказалась здесь. И дело тут не только в красоте северной природы, конечно. Думаю, что, несмотря на бедность нашей обители, ее недостаточное по сравнению с другими материальное обеспечение, гораздо большее значение имеет то, что все сестры, которые живут здесь, приехали в Суру

Игумения Митрофания, настоятельница Сурской женской обители, на родине святого праведного Иоанна Кронштадтского

по зову сердца. Нас всего шесть человек - пять сестер и я, игумения.

- Матушка, Вы говорите, что Иоанновский монастырь не богат и не велик, всего шесть человек в нём молятся и трудятся. Как же вы справляетесь с многочисленными трудностями?

- Во-первых, нужно знать, что в монастырь не идут от чего-то - от уныния, от неустроенности личной или семейной жизни. В обитель идут к чему-то, точнее, к Кому-то - к Христу, Его святым. Я уже говорила, что наши сестры пришли сюда по зову сердца, по любви к Богу и к Его святому - праведному Иоанну Кронштадтскому. Если человек не имеет в себе таких качеств, то сами условия жизни в Суре помогут ему быстрее и честнее взглянуть в собственное сердце - долго он здесь не выдержит. А если есть в его сердце любовь и упование на помощь Христову и святого праведного Иоанна, то, поверьте, он будет воспринимать любые трудности спокойно. Сколько раз мы убеждались, что Батюшка не оставляет своих сестер без благодатной помощи! Это происходит практически ежедневно, таких «обычных чудес» неисчислимое количество. И мы на собственном опыте убеждаемся: Бог нас не оставляет Своей помощью, отец Иоанн Кронштадтский всегда рядом с нами.

- Расскажите, пожалуйста, о прошлом Иоанновской обители.

- Сурский женский монастырь был детищем Всероссийского пастыря, как называют святого праведного Иоанна Кронштадтского. Батюшка нашел немалые средства на его строительство, участвовал и в составлении устава монастыря, направлял сестер в обитель, наставлял первых послушниц.

Иоанновская обитель в начале XX века занималась благотворительностью: оказывала большую помощь нуждающимся и страждущим, поддерживала родственников погибших на войне воинов, собирала средства на благотворительные цели, а также подавала милостыню.

Не забывали и об образовании: при

монастыре была читальня, где для прихожан выписывали православные журналы и газеты, здесь работали различные мастерские. Вообще, тогда монастырь был центром просвещения в Суре и окрестностях (здесь это называется Сурский куст): работала церковноприходская школа для детей и воскресная школа для взрослых, где учили не только молитвы, но и осваивали грамоту, а также ремёсла: шитьё, рукоделье, вязание, ремонт одежды. Была открыта даже аптека и больница для крестьян!

Обитель была большой: в 1915 году здесь было около двухсот сестер.

- Поговорим о временах, о которых отец Иоанн предупреждал с тревогой и с болью за свою Родину - как малую, так и всю Россию. Через несколько лет после его кончины произошла национальная катастрофа, вызванная, по его словам, отступлением от Бога большой части нашего народа...

- Да, и Батюшка говорил, что Россия в случае своего отступничества потеряет даже свое имя! В течение долгих и страшных десятилетий мы и жили в обезличенной, потерявшей собственное имя стране. Не будем сейчас говорить о всероссийских масштабах - взглянем только на Суру и окрестности. А масштабы безбожного разорения были таковы, что вселяли ужас. Разрушенные храмы на Русском Севере, закрытая и оскверненная Иоанновская обитель, запрет даже именовать себя православным, гонения, мучения, издевательства над христианами - все это пережила наша земля. Попытки заставить русский народ отказаться от своей веры, думаю, оказались и на его изменившемся менталитете, что повлекло и печальные изменения в материальной жизни. Где сейчас крепкая русская деревня с её прочным, добротным хозяйством, основательными жителями, всегда готовыми прийти на помощь в трудную минуту? Я заметила: то село, в котором был разрушен храм, если не трудится над его восстановлением, неизбежно умирает. Помню, после войны, уже прия в себя после блокады

(я - блокадница, первые годы жизни прожила в Питере, а они пришли как раз на войну), я попала в Вологодскую область, в Вытегорский район. Там было огромное село, а в двух разоренных храмах был то ли дом культуры, то ли клуб - не помню уж точно. Потом, лет через 30, я съездила туда вновь - от когда-то большого села осталось хорошо если четыре ветхих дома. Народу - три старушки: живут посреди торчащих из снега черных оставов изб. Ох, как больно было на это смотреть! И так везде, по всей России - там, где не восстанавливают церкви, умирает село. Есть храм - будет и жизнь. И дома будут крепкие стоять, и работа появится у людей, и хозяйством крепким займутся.

- Примеры можете привести подобного возрождения?

- Ну, вот Сура и пример. После долгих лет запустения по молитвам Батюшки Иоанна нашлись добрые люди в самых разных уголках России, которые стали трудиться над воссозданием в этом селе сестричества, образовали приход и из руин стали возрождать Никольский храм и скит. Чуть позже прихожане Иоанновского монастыря на Карповке с помощью благотворителей продолжили их труд, и были созданы такие условия, которые оказались достаточными для возрождения в Суре женской обители. К чести жителей Суры, большинство из них с радостью откликнулись на восстановление монастыря. Сейчас, когда требуются большие работы - будь то строительные, отделочные, разные бытовые - многие местные жители помогают нам в этом. Помогая монастырю, люди, а особенно молодежь, начинают постепенно приближаться к Богу по молитвам своего святого земляка. Это очень важно для России: нельзя русскому человеку без Бога.

Иногда рабочим приходится сталкиваться и с прямыми наставлениями Батюшки. Чтобы понятнее было, приведу пример. Бурили водную скважину. Тут, кстати, это довольно трудно: до воды меньше восьми метров не бывает. Так вот, прораб настаивает на том, чтобы

бурили в том месте, где ему непременно хочется - мол, так удобнее. Я ему говорю: «Не надо здесь бурить: по моим данным, в этом месте был, простите, туалет в течение долгого времени». - «Какая разница - тут быстрее все будет и дешевле, а у меня смета». - «Пожалуйста, не надо!» Ну, не прислушался. Я взмолилась: «Дорогой Батюшка, помоги, вразуми человека!» И двадцати минут не прошло, как бежит ко мне прораб: «Бур сломался! Десять метров пробурили - нет воды, стали дальше - бур пополам! Простите, матушка». Так и живем, приближаясь к Христу - то буры ломаются, то чудеса происходят. Лишь бы люди к Христу шли - а отец Иоанн всегда в этом поможет.

- Судя по Вашему спокойствию и уверенности в помощи Божией, Вы не унываете, сталкиваясь с трудностями?

- Монаху - унывать?! Простите, на это просто нет времени. Нет времени даже поболеть как следует - дел много, а уж унывать - это вообще нельзя. Слишком много дел.

- А ведь многие считают, что монашеская жизнь - этакое бегство от труда и проблем. Знай себе молись...

- «Знай себе» - поднимайся в четыре утра, ложись после полуночи, работай на скотном дворе (у нас три коровы и другая живность), помогай на строительстве, работай на кухне, в прачечной, чисти дороги, коли дрова, не забывай о неусыпаемой псалтири, будь постоянно на службах и всё время молись, причем искренне, от сердца...

- ...Потрясающее «бегство»!

- Повторяю: в монастырь приходят те, кто любит молиться и трудиться, те, кто имеет в сердце любовь ко Христу и дорогому Батюшке.

Но, конечно, у недавно открытого монастыря сейчас много трудностей в воссоздании духовной и материальной жизни. Но трудности - это не повод для жалоб, а повод для труда, не так ли?

- А есть ли у обители какие-то планы?

- Да, Сурская обитель планирует возродить благотворительную деятельность. Мы надеемся создать приют для девочек-сирот, богадельню для одиноких престарелых людей, воскресную школу, а также помочь селу в возрождении разнообразных ремесел, традиционных народных промыслов.

Вернемся к теме взаимосвязи строительства храмов и возрождения русского села. Сура - село большое, больше двух тысяч жителей. Сколько церквей в селе?

- Пока большей частью богослужения мы проводим в храме во имя святого праведного Иоанна Кронштадтского. Храмовое помещение расположено на первом этаже в доме священника о. Георгия Макавеева, друга и сомолитвенника отца Иоанна. Георгий Макавеев, еще будучи диаконом, был с благословения Батюшки распорядителем на строительстве церковных зданий. Когда святой приезжал в Суру, он останавливался в доме Макавеевых, жил на втором этаже, окно его комнаты выходило на монастырь. А в 1902 году отец Георгий был рукоположен во священника. Он пострадал во время гонений в 1920 году.

Кроме этого храма, в Суре есть еще два собора. Никольский собор открыли для прихожан в январе 2013 года. Осенью 2014 года завершилось строительство храмовой колокольни. А вот Успенский собор начал возрождаться совсем недавно. Работают, напомню, местные рабочие. Таким образом, у нас в селе есть три церкви.

Мы молимся и верим, что придут в новую обитель сестры - труженицы и молитвенницы, наладится духовная, монашеская жизнь, устроится быт, станет больше паломников, и мечта дорогого Батюшки Иоанна о процветающем женском монастыре на его земной родине станет реальностью - станет вести людей от земного Отечества к Отечеству Небесному... Вы только посмотрите, какое небо огромное, сколько звезд и как ярко они сияют! Иногда я уверена: Сура граничит с Небом. Приезжайте к нам почаше. А сейчас пойдемте пить чай - сестры подготовили кабачковое варенье. Ручаюсь: никогда такого не пробовали.

Чай после прогулки - милое дело. А чай с кабачковым вареньем и молитвой, да еще в Суре, в монастыре... - небо смотрело с пониманием, подмигивая огромными звездами. Улыбалось, наверное.

Так Сура выглядит с самолета

Прописаться у святого? - Вполне возможно!

БЕСЕДА С ЛИДИЕЙ ВАСИЛЬЕВНОЙ ЛАЗАРЕВОЙ

На въезде в Суру стоит большой Поклонный крест. На нем надпись: «Сей крест восстановлен в честь духовного возрождения Суры». То, что духовное возрождение древнего северного села - родины святого праведного Иоанна Кронштадтского - началось, видно не только по тому, что был поставлен крест, - два года назад здесь появилась и улица в честь святого земляка. До сих пор одним из основных аргументов против возвращения старых, справедливых названий в наши города и села, против присутствия имен, скажем мягко, весьма одиозных и ничего доброго нашему Отечеству не принесших, считается «канитель с бюрократией»: мол, слишком много усилий потребуется для переименования. Приводятся и другие доводы, но этот - основной. А отнюдь не богатое северное село смогло без всяких особых усилий облагородить свой облик - как внешний, так и внутренний. Как это удалось сделать, рассказывает Лидия Васильевна Лазарева: сейчас она на пенсии, а до этого учителяствовала, долгое время возглавляла местную администрацию.

- Лидия Васильевна, как проходило переименование улицы Кирова в улицу Иоанна Кронштадтского? Вы же в то время работали главой администрации Суры и сделали многое для того, чтобы на родине святого появилась улица его имени. Как Вы на это решились?

- Главное, наверное, что нами двигало, - это всё-таки чувство стыда: везде, не только в России, но и во всем православном мире, знают про святого Иоанна Кронштадтского, столько про него говорят, проводят всевозможные чтения, семинары, конференции, а на его родине, в Суре, нет даже улицы его имени. Я сама родом из Белгорода, много приходилось ездить, и во многих русских городах видела улицы, названные в честь нашего святого. На родине мне говорят: «Как мы тебе завидуем, что ты живешь в Суре!» - а я чувствую стыд.

Трудно, конечно, давалось переименование. Начали еще в 2004 году. Собирали руководителей, совет глав поселений, консультировались с районной властью. Есть же закон такой, как нам сначала сказали в районе, согласно которому нужно пройти умык у всяких утомительных согласований

Лидия Васильевна Лазарева делает традиционных пинежских кукол

на различных уровнях, вплоть до министерского. А потом мне в Архангельске подсказали: Иоанн Кронштадтский - он же святой. Зачем собирать какие-то родословные, поднимать кипы документов, обосновывающих законность и логичность переименования улицы? Надо только согласие жителей, их подписи, доказывающие, что это не вы

одна решили, а большинство сурян, вот и всё. Потом я собрала всех наших местных руководителей: больницы, лесхоза, школы, торговых предприятий, библиотеки, клуба - они идею поддержали, поставили свои подписи, всего 15. И с этими подписями руководителей мы направили письмо главе нашего района, но никакого ответа сначала так и не получили. Положили под сукно, и дело, казалось, замерло. Были даже такие замечания в мой адрес: «Тебе, Лидия Васильевна, больше делать нечего, как такими вопросами заниматься?!»

Ну, и мы решили действовать сами. К 2006 году у муниципальных образований стало больше прав, мы могли уже и сами решать.

- Как я понимаю, люди-то вас поддержали?

- Да, всё постепенно шло. Многие суряне страдали, что церковь в забвении. По этой улице я ходила в каждый дом, спрашивала мнение жителей. И из сотен людей, живущих здесь, только человек одиннадцать, по-моему, были против переименования. И главная-то причина, по которой они не соглашались, - беспокоило, что возникнет всякая кутерьма с документацией: штампы надо менять в паспортах, аншлаги новые делать и

ставить... Мы объясняем: «Это проблема администрации - мы всё сделаем за вас, вам ничего делать-то и не надо». - «О-ой, да это ж всё равно хлопотно...» Больно видеть было эту лень, апатию в людях.

Тут столько его родственников живет, а мы так мало о праведном Иоанне Кронштадтском знаем - честное слово, как в каком-то тихом болоте! Это ведь центральная улица, Кирова называлась, тут разрушен был храм Никольский - прямо больно было смотреть: до окон всё было разрушено, заросло всё травой. У меня соседка говорила: «Лида, пойдем курочек нарвем мокрицы в церкви». Придём - она тут помолится, травки пособирает, всплакнет, скажет: «Вот бы дожить когда-нибудь до того, что храм-то восстановится!» Я говорю: «Пелагея Фроловна, да ты в это веришь ли?» - «Верю». Соседка моя умерла в 1995 году, Царствие ей Небесное, но и она, и другие старушки верили в то, что храм восстановится.

Но подавляющее большинство жителей откликнулось с пониманием, я бы сказала - с разбуженным пониманием, с поддержкой. И вот уже два года мы живем на улице Иоанна Кронштадтского: по мнению большинства сурян и гостей Суры, сердце радуется.

Сура.
На улице
Иоанна
Кронштадтского
Хорошо, наверное,
жить на улице
имени святого!

«А зла никому ничева не делайте!»

БЕСЕДА С РОДСТВЕННИКАМИ СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ИОАННА КРОНШАДТСКОГО

О святом праведном Иоанне Кронштадтском, его приездах на родину, о Суре начала ХХ века и Суре сегодняшней рассказывают внучатая племянница отца Иоанна Любовь Алексеевна Малкина и ее дочь Нина Яковлевна Кривицкая.

Отца Любови Алексеевны, младшего сына сестры Всероссийского пастыря Дарии, Иоанн Кронштадтский хотел видеть священником, даже отвёз его учиться в Санкт-Петербург. Но тот очень быстро затосковал по дому, в городе чувствовал себя одиноко, и отец Иоанн не стал его неволить, по словам Любови Алексеевны: «Отвёз на следующий год обратно. Зачем неволить человека? Невольник - не богохульник!» Таким образом, отец Любови Алексеевны священником не стал. Зато её внук, тоже Алексей, служит теперь в Суре - окормляет сестер Иоанновской обители, а также всех жителей села и приезжающих сюда паломников.

Любови Алексеевне в октябре нынешнего года исполняется 95 лет, и она - самая пожилая родственница Иоанна Кронштадтского. Обе женщины живут в доме на улице имени святого. Разговор мы начали вдвоем с Ниной Яковлевной: «Давайте сперва с вами поговорим, а бабушка, ну, мама то есть, Евангелие читает - не будем мешать. Как дочитает, придет к нам».

ИЗ СУРЫ? НЕ ПРОКАЗНИЧАЙ!

- **Нина Яковлевна, чем местные жители занимаются?**

- Да много чем. У нас есть почта, школа, небольшая больница. А всё остальное - в район. Как распута, так, конечно, сложно добираться. Это недели три-четыре. Как апрель, так разливаются и Сура, и Пинега, и мы будто на острове

живем. Все луга заливают, над которыми церковь стоит. Так рыбаки-мужики на лодках плавают, рыбу ловят! Охотой, конечно, занимаются: волк, медведь, кабан, лось - этого у нас много. В леса люди ходят, ягоды сдают, грибы. Кто в торговле работает, кто где - безработных мало, к счастью. А «в блокаде» мы живем недели три или месяц. Хорошо, что пекарня своя есть, хлеб всегда свой, и вкусный - гости хвалят все. Но привозные продукты, да и всё, что привозят, конечно, дорого - дороже, чем в городе. Перед половодьем наберём продуктов как следует, наложим в холодильники и ждем, когда транспорт наладится. Кстати, тут собираются еще мост Иоанна Кронштадтского построить - вот тогда точно полегче будет! Если молока надо или другого чего молочного, то у многих всё-таки остались коровы, еще голов 20 так точно есть; говорят, будут увеличивать поголовье частники. И правильно так-то. Весь Сурский куст, то есть Сура и деревеньки в округе, - это около двух с половиной тысяч человек. По переписи начала ХХ века здесь как раз ровно столько народу проживало.

Люди берут молоко, мясо тоже - всё свое. Сейчас ещё начинают заводить коз, овец. Куры, конечно, почти в каждом хозяйстве есть. Праздным народ не сидит. Особенно хорошо, что молодые стали это понимать: дома оставаться начали. Да еще и из других мест приезжают - из Питера, из Белгорода, своим хозяйством обзаводятся. Самые активные, кажется, питерские всё-таки: Сергей Рожде-

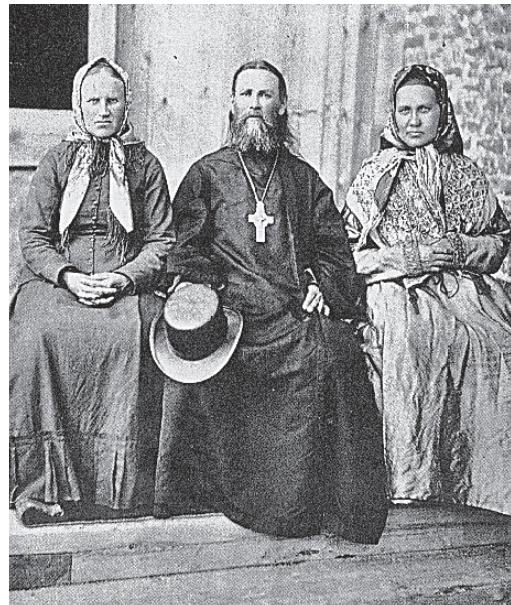
ственский, например, сейчас в лесхозе работает, но планирует ферму создать. Взяли они земли за рекой, за Сурой - там планируют открыть. Другой Сергей с семьей тоже хочет ферму сделать, козью. С Питера-то они более хваткие - наши пока-а раскачиваются! Но смотрят на соседей и начинают тоже что-то делать. Делать-то умеют, и основательно так! Для себя-то все держат - чтобы детей прокормить, родителей, внуков, а вот чтобы широко-то так - это пока раскачиваются еще. Но сделают, сделают.

- Может быть, тут сказывается и то, что как село дальше города сопротивлялось революционному уничтожению, так и теперь ему требуется больше времени для восстановления?

- Вполне может быть! Надеюсь, государство поддержит деревню: когда село поймет, что государство за него стоит, а не за Запад какой-нибудь, вот тогда заработает по-настоящему. Сейчас люди сами говорят: будем спокойны за государство, проживём и кризис этот несчастный - надо корову, сено, хозяйство, а руки, слава Богу, есть, работать умеем. Так что нет уныния в русском селе, мне кажется. Если село настоящее, не истраченное, не спитое.

Но молодежь всё-таки часто уезжает в город. Сначала на учёбу, а потом могут ведь и остаться там на работу: не все возвращаются обратно. И хотели бы вернуться домой, но - куда им всем с педагогическим, скажем, образованием? Здесь педагогов - пруд пруди: битва идет за часы в школе. Плюс трудности с жилищным фондом. Но Сура сейчас строится хорошо: многие хотят свои дома построить. Тут мало таких домов заколоченных, в которых больше никто не живёт, никому не нужных.

Один пустой дом - это дом Дарьи Ильиничны. Но он пустой не просто так: его сейчас в порядок приводят. Там собираются открыть музей батюшки Иоанна. Летом будут проходить мастер-классы по ткачеству, лоскутному шитью, обработке

Отец Иоанн с родными сестрами Анной и Дарьей. Сура, 1891 год

шерсти и т.д. Любовь Алексеевна, например, всю жизнь пряла, ткала, вязала. А по профессии она бухгалтер: работала в совхозе, школе и лесхозе.

- У каждого села - свой характер. У Суры - тем более. По местной молодежи это заметно?

- Думаю, да. Местные ребята, мне кажется, меньше подвержены вызовам нынешнего времени: меньше, чем в городах, пьют, например. Этому очень помогают встречи школьников с нашим священником, отцом Алексием Кривицким. Такие откровенные встречи-беседы, на которых молодежь понимает, что Православие - это не свечки, ладан и крашенки на Пасху, а смысл жизни. По крайней мере, священник пытается донести это до них. Думаю, что получается. Со временем, я уверена, это даст свои всходы. В трудностях, а то и, не дай Бог, бедах, нынешние молодые будут знать, что у них есть Бог и Церковь - самый настоящий Отчий дом. Кроме того, само то, что они родом из Суры, уже накладывает на наших молодых определенную ответственность. Вот

они рассказывают, что когда где-нибудь в городе узнают, что они из Суры, то на них и смотрят уже по-другому: «О-о, да ты с родины Иоанна Кронштадтского, парень!» Тут уж не будешь проказничать - будешь вести себя так, чтобы родину святого земляка не опозорить.

У нас полегче, чем в городе: не рай, но всё-таки лучше, спокойнее, может быть достойнее. Всякое бывает, конечно, но село чувствует себя по-настоящему русским.

У нас летом очень хорошо! Бабушке Любке оно больше всего нравится. Приходят паломники, расспрашивают, она рассказывает. Летом на скамеечке у крыльца, а если холодно, то дома сидят - разговаривают. У бабушки Любы есть желание рассказать молодежи про бывшие годы, передать воспоминания своей мамы, Павлы Григорьевны, о батюшке Иоанне Кронштадтском - если давление не скачет, она с удовольствием принимает гостей. Паломники приезжают из Питера, из Москвы, из Вологды, Сыктывкара, Архангельска, а ещё из Швеции были. Северные-то наши даже виновато говорят, что, мол, «своей земли по-настоящему не знаем: всю жизнь тут живём, а её красоты и не видели - стыдно!» Ну, мы их не осуждаем: спасибо, что хоть сейчас приехали - смотрите, радуйтесь, молитесь... О, бабушка Люба идет!

Любовь Алексеевна вошла в комнату, села на диван, сняла очки: «От хорошо написано-то как!» - «Что же, Любовь Алексеевна?» - «А вот смотри: «Потому отныне мы никого не знаем по плоти; если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем...»» - процитировала она 2-е Послание к Коринфянам. - «Если и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем». Задумалась, замолчала. Я начал её спрашивать.

- Любовь Алексеевна, вы видели отца Иоанна, вашего двоюродного деда? Помните его?

(Тут я прошу понимания у читателей: речь бабы Любы я попытался передать без изменений. Ударения,

непривычные для тех, кто «поморской говорей» не владеет, отмечены полу-жирным шрифтом).

«ЗНАШЬ - НЕ ЗНАШЬ, А ЖЕНИСЬ!»

- Не, отца Иоанна я не видала: я родилась-то после его смерти уже.

А рассказывала мне про него мама - чего он ей рассказывал, дак она мне потом. Маму звали Павла Григорьевна. Мама называла меня Любой, потому что родилась я 1 октября, а называла она всех своих детей по святцам. День мучениц Веры, Надежды, Любови и Софии - вот я и попала. Я родилась в 1920 году, а Кронштадтский-то Иоанн умер в 1908-м. Четверо детей-то осталось у Алексея-то, у отца, когда жена первая умерла. И батюшка в церкви ему посоветовал: «Бери Павлу Григорьевну - она у тебя детей вырастит, она всё умеет делать. Поезжай, сватайся, и она за тебя пойдет замуж». А он: «Я ей не знаю!» - «А знаешь - не знаешь, поезжай и сватайся!» И он поехал на Прилук, у дяди-то Васи просит: «Я приехал за невестой, мне надо

Любовь Алексеевна Малкина, внучатая племянница святого Иоанна Кронштадтского, читает Евангелие

жениться». А дядя-то Вася говорит: «Павла, иди! Давай жениху руку да молись Богу - пойдешь замуж!» А она говорит: «Нет, я не пойду замуж!» - «Как не пойдешь?! Если ты замуж не пойдешь, ты мне не сестра, я тебе не брат, и сейчас же уходи из моего дома!» - это Василий-то, брат ей, который её вырастил. И она дала жениху руку, помолилась Богу, и он в этот дом ей и привез, в этот самый дом, где мы сидим. Она от отца-то осталась маленькой, да ростил ее брат.

До того, как замуж вышла Павла, всех детей **ростил** старший брат, и отдал ей в нянки к батюшке, который тут служил. А Кронштадтский-то приезжал, у того батюшки ночевал, у отца Павла. Он ездил на пароходе «Николай Чудотворец» - как вода поднимется в Пинеге, он и приедет в Сур. Каждый год ездил. А вода поднимается в мае, так и сейчас осталось - как май, так воды много, половодье.

«ВРЕМЯ НА ВРЕМЯ НЕ ПРИХОДИТ»

- Мама рассказывала, что поехал он в нашу Рошчу, там церквь была деревянна построена, там жили манашки с коровами, и он к им поедет. Поедет по деревням: сначала Филимоново, Прилук, Горушка, Слуда, а там дорога одна - прямо на церковь. И вот, поехал по Прилуку-то - весь народ вышел его встречать, просят его благословения, а он им денежки кидат, мелочь таку. С лошади кидал, с телеги. Моя-то мама тоже подняла - 20 копеек. И купила себе на сарафан. А хорошие деньги были: 5 копеек метр был! Ситцу купила. Четыре метра и вышло. Жили-то бедно - всё на своём, чего насеют да насадят, на том и живут. Производства-то никакого не было. Он денежки-ти кинет, да возьмут, да только на соль, да на мыло, да на спички. А давки никакой, мама говорила, и не было - никто не ссорился.

И вот он опять на другое лето приехал. Приехал, и у Макавеева-та ночевал, и с балкона народу-то всё говорил. Про Христа говорил. А еще сказал, что, вот,

построили церквь-ту большую, а в ней службы долго не будет. А почему не будет? Народ думает, что сгорит или ещё чего, а он говорит: «Нет: церкви будут закрывать, священников убивать» - предсказал он всё. Ну, вот я в это самое время, про которое он говорил-то, и родилась, и выросла, и жила. И потом он опять приехал, и стал ночевать-то у батюшка, где мама-то в нянках жила. Их повалили в одну комнату ночевать-то, и батюшка-то Кронштадтский всю ночь молился. Молился, молился... А поп-от, у которого он ночевал, сказал ему: «У нас нету жития от крыс. Да звери на пастбище скота задирают». Он стал молиться, и с того времени, начиная от Верколы и до конца района у нас, до Кучкаса, крыс нету: он намолил. Молитвы-те у него дохоччивы были до Бога-то. И вот, он намолил и потом поехал по пастбищам, чтобы скота зверь не трогал. Тоже молился. И с того времени скота зверь не трогает у нас. Волки ходят, медведи ходят, а скота не трогают.

- А правда ли, что сам отец Иоанн помогал строить дома в Суре?

- Правда. Как нет? Он всем помогал - деньги, которые ему давали, он всё в Сур посыпал. И строил тут церкви - вот Успенскую, другие тоже, и дома помогал строить. Николаю Чудотворцу церковь построил, монастырскую лавку, школу церковноприходскую, часовню - это всё каменно. Там две могилки в часовне - его родителей. А в том конце опять монастырь Успенский, да была кузница каменна сделана - теперь магазин. Всё помогал, и все дома помогал строить - посыпал деньги всё. Помогал своим землякам.

- Как странно получается: помогал отец Иоанн своим землякам дома строить, село обустраивать, а потом в его же родной Суре, да и во всей России, храмы рушили...

- Время на время не приходит. Когда какое время.

- А к своим родственникам как отец Иоанн относился? Выделял их как-то особо?

- Нет, для него все были равны. Он ко

всем заходил, со всема говорил, наставление давал, что делайте всё добро. Людям только делайте добро, а зла никому ничёва не делайте, - вот это наставление егово. А на свои-чужие он никого не разделял, для него все были свои.

- Вы чувствуете помощь своего святого родственника?

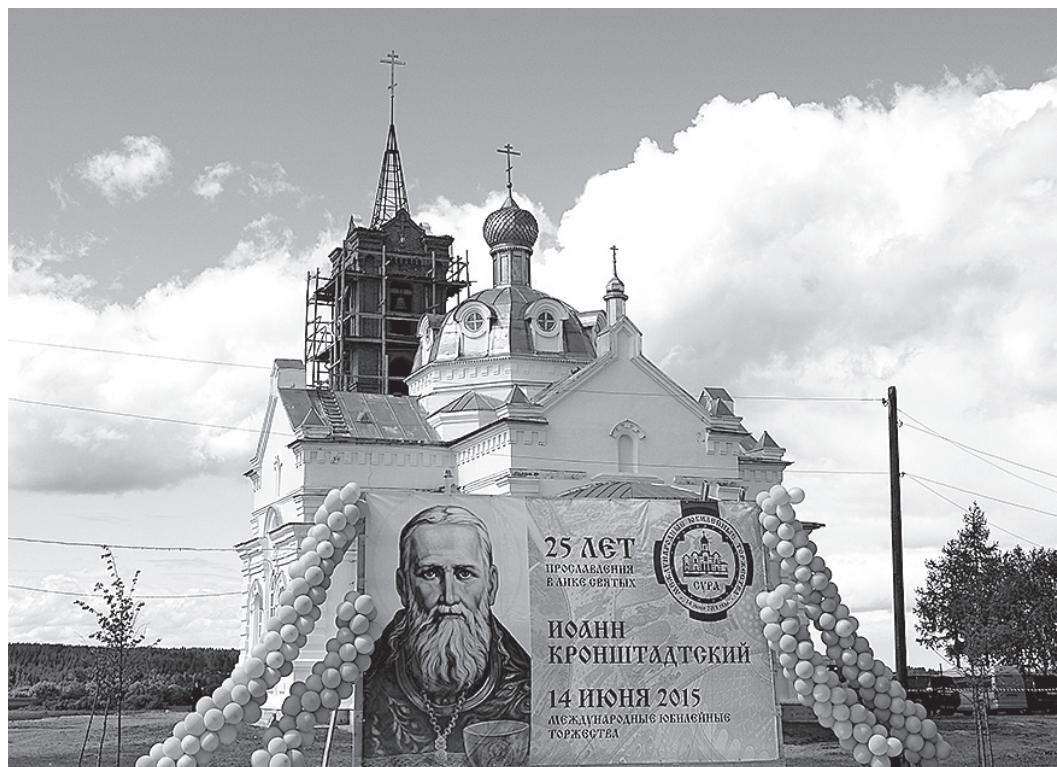
- Я ему молюсь - и чувствую, что он меня защищает. Чувствую я это. Сейчас в храм мне не дойти - ноги слабые, так я дома молюсь. В новом-то, в Никольском храме, я бывала. Через 90 годов туда пришла, как его построили, потом разрушили, а потом восстановили. Меня мама в тот храм водила еще за ручку, он еще не сломан был, молились там. Водила в храм, там было Причастие, и я потом всякий раз маму опять зову: «Пошли опять в церковь, там Причастие!» Она: «Каждый-то день не служат!» А мне причащаются-то

понравилось, конечно. А потом через 90 годов снова сходила, когда снова церковь эту построили. В той церкви меня и крестили давно. Все и удивились тогда: самая старая в Суре (мне тогда 93 было) входит в церковь, в которую давно ходила, а потом её разрушили, но дождалась, когда восстановили!

Хорошо, что сейчас храмы стали восстанавливать. И молодежь откликнется, пойдет в церковь. В Бога надо верить - Бог, Он всё равно есть, надо это знать. Вот я и молюсь святому Иоанну Кронштадтскому, чтобы помог мне лучше Его узнать. Вот фотография святого - он её подарил моему отцу, своему племяннику. Она у нас в красном углу стоит, рядом с иконами...

Беседовал Петр ДАВЫДОВ
Фото автора

Вологда - Сура - Вологда

Никольский храм перед торжествами восстановили. 14 июня, в день 25-летия прославления святого праведного Иоанна Кронштадтского, здесь совершил Божественную литургию патриарх Московский и всея Руси Кирилл
Фото пресс-службы Московской Патриархии

Сергей Михеенков: «Книга состоится, если герой тебе ответит...»

Книга о легендарном нашем земляке - маршале Коневе - вышла в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей» два года назад. Она промелькнула на книжных прилавках и даже на родине прославленного полководца известна далеко не всем. Книга Сергея Михеенкова - это первая биография маршала Конева в «ЖЗЛ». Исследователи считают её наиболее полной, называют даже канонической.

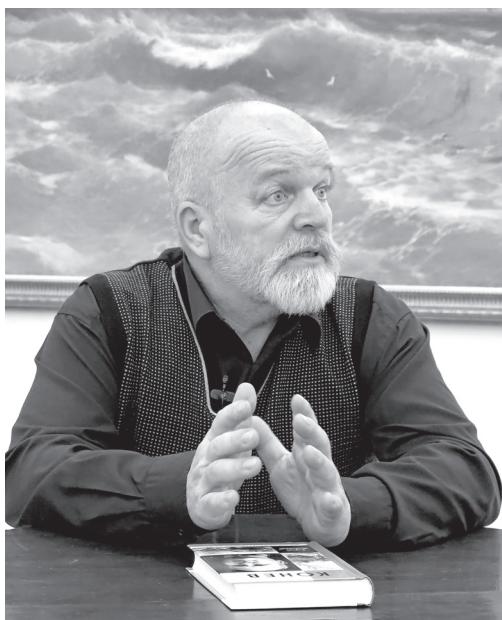

Фото Алексея Колосова

Конев, хоть и находится неподалеку от Никольска, нынче относится к Подосиновскому району Кировской области. Сергей Егорович побывал в Лодейно, осмотрел музей маршала. В Вологде писатель встретился с читателями в областной универсальной научной библиотеке имени Бабушкина, побеседовал с сотрудниками журнала Вологодской митрополии «Благовестник» и телеканала «София».

Из нескольких вологодских разговоров с калужским писателем сложилась беседа, которую журнал предлагает читателям. Сергей Егорович рассказывает о своей работе над книгой, о принципах написания книги-биографии, вспоминает интересные эпизоды из жизни маршала Конева.

Фрагмент из книги Сергея Михеенкова «Жуков. Маршал на белом коне» опубликован в номере журнала, который читатель держит в руках, начало - на странице 48.

Ранней весной Вологодчину посетил известный русский писатель Сергей Михеенков, автор книг о маршалах Коневе и Жукове. Сейчас Сергей Егорович работает над книгой о маршале Рокоссовском. Пригласил писателя депутат Государственной Думы от Вологодчины В. Е. Позгалев. Гость выступил на заседании Совета муниципальных образований Вологодской области, а потом вместе с главой Никольского района Вячеславом Васильевичем Пановым побывал на малой родине маршала Конева. Деревня Лодейно, где родился

ОТ ГЕНЕРАЛА - К МАРШАЛУ

«Вологодский ЛАД»: Скажите, почему Конев? Как-то вы признавались, что о Жукове материал для книги собирали много лет, всю жизнь. А Конев - тоже с детства вас интересовал?

Сергей Михеенков: Честно признаюсь, маршал Конев такого интереса, как маршал Жуков, у меня не вызывал. Больше скажу - вначале он был мне непонятен, неясен.

«В. Л.»: Как же вы тогда взялись за книгу, персонаж которой не был для вас понятен?

С. М.: Это было предложение издательства. Я пришел в «Молодую гвардию» с предложением написать книгу в серии «ЖЗЛ» о генерале Ефремове - моем любимом генерале и земляке: Ефремов родился в Тарусе, где я уже много лет живу. В 1942 году 33-я армия, которой командовал генерал-лейтенант Ефремов, попала в окружение. Михаил Григорьевич оставил солдат отказался, хотя мог бы - за них специально прислали самолет. Генерал Ефремов был тяжело ранен и застрелился, чтобы не попасть в плен.

«В. Л.»: Как-то сразу напрашивается аналогия с Власовым...

С. М.: Положение, в которое попал Ефремов, действительно во многом напоминает ситуацию, в которой оказался Власов, - но один в окружении сдался, а другой старался спасти, прежде всего, солдат...

К сожалению, мой любимый генерал «Молодую гвардию» не заинтересовал. Я написал о генерале документальную книгу, которая выдержала уже четыре издания, пятое выйдет вот-вот в изда-тельстве «Вече», в серии «Военные тайны двадцатого века». Книга называется «Армия, которую предали». Быстро очень тиражи расходятся, потому что тема такая больная, интересная.

«В. Л.»: И как же вы от него к Коневу перешли? У них же нет вроде бы ничего общего...

С. М.: Серия «Жизнь замечательных людей» - самая знаменитая серия в книгоиздательстве России, да и в мире ей равных нет. «ЖЗЛ» исполнилось 125 лет, над книгами для серии работали лучшие писатели страны. Конечно, хотелось издать книгу в этой серии.

Ну, не вышло - что делать... Многое решается сейчас уровнем продаж, время такое. Но в изда-тельстве, видимо, зная мою работу по теме Великой Отечествен-ной войны, отклонив биографию генера-ла Ефремова, неожиданно предложили:

«А не взялись бы вы написать биографию маршала Конева?» Конева я мало знал, это был, что называется, не мой герой. И я попросил паузу. Вернулся в Тарусу, посмотрел все, что было у меня, сходил в библиотеку, перечитал коневские «Записки командующего фронтом». И как-то неожиданно для себя почувствовал, что этот полководец, почти незнакомый мне до того времени, потрясающе интересен. Конев - человек из когорты молодых со-ветских красных командиров, который постепенно стал прекрасным командую-щим, настоящим русским офицером, а впоследствии и выдающимся полковод-цем Великой Отечественной войны. Я разыскал дочь Конева Наталью Ивановну, она руководит Фондом содействия со-хранению памяти полководцев Победы, мы поговорили. Я понял, что материала для книги вполне достаточно; Наталья Ивановна, посмотрев мои книги, сказала: «Я вам доверяю», и она действительно мне дала многие материалы, которых вообще не было в историческом обороте. Так, из семейного архива Коневых в книгу по-пало много новых фактов, свидетельств, документов.

Однажды артистка Ангелина Степанова, наслаждаясь мелодией вологодско-вятской речи маршала, воскликнула: «Иван Степанович! У вас такая красивая речь! Откуда вы родом?» - «Моя родина там, где не было крепостного права и не ступала нога завоевателя. Мы сохранили свободный и вольный дух славян, которые жили под Великим Устюгом».

Сергей МИХЕЕНКОВ

Правда, в издательстве договор со мною заключили не сразу, сначала предложили написать две пробных главы. Для этих глав я взял один из самых сложных периодов Великой Отечественной - октябрь 1941 года, второе наступление немцев на Москву. Тогда немцам в ходе операции «Тайфун» удалось смять Западный фронт, которым командовал Конев. Вины Конева в том, что рухнул Западный фронт, не было: предчувствуя разгром, Иван Степанович несколько раз запрашивал у Ставки разрешения на отвод войск. Располагая разведданными, понимая силу своих войск и войск противника, полководец видел, что не устоять. Надо маневрировать, надо отходить на запасные позиции. Конев, в то время генерал-полковник, вначале был назначен заместителем Жукова, а потом стал командующим отдельным фронтом - Калининским, который был выченен из состава Западного. На Западный фронт назначили Жукова.

«В. Л.»: Скажите, эти пробные главы были потом изменены как-то или вошли в книгу в неприкосновенности?

С. М.: Они вошли в эту книгу, но, конечно, я их потом уже вписывал в общую ткань повествования. Когда материал хлынул и я начал вживаться в характер и образ своего героя, в обстоятельства, которые ему предложила история, дорога к октябрьской битве оказалась долгой. Конев же не сразу стал маршалом! Я шёл по его жизни постепенно, последовательно - вот он был ребёнком, вот стал юношой, потом - солдатом. Вот он первый раз надел шинель, первый раз прочитал устав и подчинился ему, и впервые почувствовал, что армейская служба - это его и рок, и судьба, и счастье одновременно.

Так что, когда я дошел до времени, которое уже было описано - и правильно вроде бы описано! - всё равно пришлось в текст вмешиваться. Что-то уточнять, исправлять, дополнять...

Автор, пишущий биографию, дважды испытывает ужас во время работы. Первый - это когда взялся за гуж и чув-

ствуешь, что материала не хватает, что можешь и не сдюжить. Потом материал приходит, погружаешься в него - и тут испытываешь вторую волну ужаса: материала много, как им распорядиться? Он никак не укладывается ни в какую концепцию... Ты просто-напросто тонешь в нём. Он не выстраивается композиционно, рвёт первоначальные замыслы и надежды...

Наверное, мне помогает то, что я - не чистый историк, а прозаик, я и сейчас не только биографии и документальные книги пишу, но и рассказы тоже. Именно рассказ всегда определяет уровень писателя. Так что, отвлекаясь от нашей темы, должен заметить, что главный жанр для писателя - не биографическая проза, не документальная, и даже не роман. Рассказ - вот главный жанр. И я им стараюсь пользоваться и в биографии - вставные новеллы. Они эмоционально сильнее скучных описаний тех или иных периодов жизни героя.

Так вот, я вовсе не историк и даже не начальник штаба при моём герое, пишу, начиная воображать героя, разговаривать с ним - и если он откликается, соглашается со мной разговаривать, всё идет как надо. Тогда мы вдвоём книгу пишем.. А вдвоём, как известно, дело идёт веселее.

«В. Л.»: И когда вам Иван Степанович отозвался?

С. М.: Думаю, когда я писал пробные главы. Потому что там напрягались все мои жилы. И космос помог.

Биография - всё-таки совершенно особый жанр. Когда пишешь роман или рассказ - ты за столом один. А в работе над биографией, по-моему, присутствует большая степень ремесла: нужны архив, библиотека, документы какие-то личные - значит, надо к кому-то обращаться за помощью. Короче, должны быть союзники, кроме жены, чтобы поддерживали: давай, давай, Серёга, вперед! Мы тебе рублём не поможем, по архивам будешь мотаться на свои, но ты молодец! Ну ладно, хоть так...

Иногда нужно помочь и материально. Поехать, допустим, на место, где проис-

ходили описываемые тобой события - это же не так просто. Гонорары нынче... На подготовку книги и написание можно истратить в два-три раза больше, чем составит вознаграждение, которое получишь потом за написанную и изданную даже приличным тиражом книгу.

ПОДАРОК ОТ МАРШАЛА

«В. Л.»: Трудно было работать над книгой?

С. М.: Конечно, трудно - книги вообще писать трудно, честно сказать. Но есть вещи, которые заставляют это делать снова и снова. Потому что писатель - это проводник. Он написал, потратил энергию, время, отдал часть своей жизни, какие-то материальные средства - и всё это для того, чтобы донести до людей что-то, как кажется писателю, важное и нужное.

Помните, я о генерале Ефремове упомянул? Работая над биографией Конева, я не нашел никаких следов его знакомства с генералом Ефремовым, хотя всё время на это надеялся. И нужно было побывать в Лодейно, чтобы увидеть вдруг в экспозиции коневского музея великолепную фотографию: стоят рядом Конев - тогда еще генерал - и генерал Ефремов. Ромбы

в петлицах - значит, сняты еще до войны или в первые месяцы войны. Такой подарок от маршала...

Попросил директора музея, чтобы он прислал мне эту фотографию, и если успеем с пересылками, обязательно включу её во второе издание книги о Коневе. Готовится сейчас переиздание, первый тираж весь разошёлся. Когда собрался ехать в Никольск и получил оттуда заказ на пятьдесят экземпляров, в Москве объехал с десяток магазинов, но необходимого количества книг так и не набрал.

НУЖНА НОВАЯ ПРАВДА О ВОЙНЕ!

«В. Л.»: Судя по прессе, интерес к вашей книге не только на родине Конева велик, так что второе издание биографии маршала просто необходимо. Тираж какой у вашей книги?

С. М.: Пять тысяч - это сейчас большой тираж, максимальный для серии; обычно книги в «ЖЭЛ» выходят тиражом от трех тысяч до пяти. Моя вторая книга в этой серии, о Лидии Руслановой, вышла трёхтысячным тиражом.

Конечно, я думаю, что эта книга должна пойти к читателям, в особенности - к

В деревне Лодейно тишина. Здесь осталось всего шестнадцать жителей, основном старики . Сторож мемориального дома-музея Юрий Васильевич Конев, по-вятски нажимая на «О», сказал:

- Так мало нас тут осталось. Но в основном - Коневы. Тринадцать Коневых с той войны не вернулось.
- А вы родня Ивану Степановичу?
- Нет, просто - Конев.

В просторном северном доме пахнет вековыми стенами. Я долго разглядывал, как ладно вырублены изнутри углы. Посидел на лавке. Вот фотография дяди Григория с Георгиевскими крестами во всю грудь. С ним Иван ходил в школу в соседнюю деревню Яковлева Гора. Здесь, на реках Пушме и Яхреньге, он гонял плоты.

Сергей МИХЕЕНКОВ

землякам героя. Дело-то в том, что мы все сейчас открываем для себя героев великой нашей войны вновь. Был момент, когда, к сожалению, о них стали забывать. Был момент, когда не было официального соизволения на празднование Дня Победы. Совсем недавно это было. Такой позор пережили... Тогда казалось, еще год-два, и вообще забудет народ о своих героях, и перестанет быть народом... Но сейчас всё возвращается на круги своя. И даже, как мне кажется, круг этой спирали проходит даже выше вчерашнего.

Да, возвращаются герои - но возвращаются они уже немножко другими. Преображенными возвращаются. Потому что начинают говорить не их ровесники и современники, а люди другого поколения. Вот я - человек не воевавший, родившийся через 10 лет после Победы. Я не хочу сказать, что мой взгляд на войну и воинов чем-то лучше, или острее, или внимательнее, - но не хочу сказать и другого - что мы чем-то хуже, потому что мы не воевали и пишем без знания дела.

Время идёт, и о нашем прошлом говорить надо снова и снова. И вся наша система государственная тоже должна это чётко понимать, и нужно открывать новые архивы, чтобы осмысленные новыми поколениями образы наших героев возвращались к нам действительно преображенными. Нет, вовсе не приукрашенными. Но более близкими к истине. Вот я много провёл времени в архивах и скажу вот что: чуть не 90 процентов военных документов ещё недоступны для исследователей. От кого мы прячем свою историю? Подвиги наших отцов и дедов...

«В. Л.»: Может быть, и не надо всё пускать в открытый доступ, чтобы не было злопыхательства, клеветы? Мало ли мы все этого наслушались за последние 20-25 лет...

С. М.: Скажите, а зачем злопыхательству архивные сведения? Клевещут, не глядя ни на какие документы, а то и вопреки им. От того, что многие архивы по-прежнему закрыты, страдают прежде всего те, кто хочет честно рассказать о

Когда книга вышла, некто в соцсетях разместил небольшой текст-реплику, упрекнув автора, что не рассказал всей правды об Иване Коневе, что молодой комиссар, дескать, причастен к расстрелу священников Никольского уезда в период замирения эсеровского мятежа... Рецензийка была подписана именем жителя Никольска. Признаться, одной из целей этой поездки был как раз-таки поиск моего адресата. Думал: раз этот человек живёт здесь, в Никольске, так обязательно придёт на встречу и предъявит документальные доказательства... Не пришёл. Не появился. Местные знают об истории расстрела священников и сомневаются в причастности к ней Конева. Я тоже. Так что никаких поправок, касающихся никольского периода жизни Конева, для второго издания делать не буду.

Сергей МИХЕЕНКОВ

великой войне. К примеру, я страдаю от этого - и не потому, что хочется что-то там вытащить из биографии известного человека и потом трепать это на весь свет - а вот смотрите... Нет, нужно раскрыть читателю глубинную правду о войне, со всеми её тяготами и ужасами. Мы какое-то время очень долго боялись показать

чрезмерные людские потери. И архивы во многом по этой причине закрывали. Но теперь-то мы смотрим на потери совсем иначе. Нас уже не смущают большие потери. Напротив: мы понимаем, что эта победа оплачена такой огромной кровью, что забыть её ни в коем случае нельзя! И чем больше было крови, чем больше погибло за неё солдат - тем дороже она для нас, эта победа. Она - святая, наша победа!

Сейчас автору документальной книги приходится то и дело сталкиваться с документальными провалами. Описывая события, и вдруг наступает период, о котором ты либо не нашел материалов, либо - чаще всего - они недоступны: архив закрыт. Пока, на какое время - неважно, читатель-то твою книгу взял сейчас. Он ищет документально подтвержденного рассказа, а ты ему - извини, друг, архив закрыт и я перехожу к другому периоду... Разве это государственный подход? Начальный? Вот такие вещи и способствуют клевете и клеветникам: раз нет документов - ври что хочешь... И ведь врут!

НА ВОЙНЕ ОН УВИДЕЛ ДРУГОЙ МИР

«В. Л.»: Разделяем вашу боль, но давайте вернёмся к Коневу. Работалось вам нелегко, как мы поняли, - но интересно...

С. М.: Я работал над биографией Конева с огромным удовольствием. Смотрел я из машины на Лодейно - и понимал: когда Иван Степанович попал на войну, он увидел другой мир. Конев был молод, силён, чувствовал свою энергию - и дар, может быть, уже. Деревня когда-то была могучая. Вон какой характер она выплавила для державы!

Батарея тяжелых мортир, где служил Иван Конев, двигалась к фронту, и тут

началась революция. Армия разваливалась, на что он смотрел с тоской. Те части, которые были на Украине, самостийники начали украинизировать... Это очень похоже на то, что происходит сейчас. Орудия украинцы быстро забрали себе и многим предложили служить у них. Кстати, немало офицеров согласились. Конев и его друзья служить в украинской армии отказались - хотя там и паёк, и зарплаты были. Полк, в котором служил Конев, с мораспустился. Большинство офицеров и солдат собрались потом на Дону, а Иван Степанович поехал домой.

В Никольске мы были в здании военкомата, где служил Конев. Я знал этот дом с балкончиком по снимкам, но когда увидел - тепло разлилось в душе невольно. Здание даже не покосилось, оно такое же бодренькое, как на фотографиях, хотя уже почти столетней давности. Вот такой же прочности был и характер Конева.

Эта поездка была важна ещё и для того, чтобы убедиться: я ни в чём не ошибся. Душой не покривил. Биография - не только документальная книга, это история человека, и должна быть наполнена человеческими чертами - и героя, и тех, кто его окружал.

«В. Л.»: А человека можно описать ярко, убедительно, только если полюбишь...

С. М.: Конечно, своего героя я люблю. Если бы я его не полюбил, он бы мне знает что ответил? Послал бы куда по дальше... Для меня ваш земляк дорог не только как герой войны - теперь он для меня, как и для вас, вологодских, родной человек.

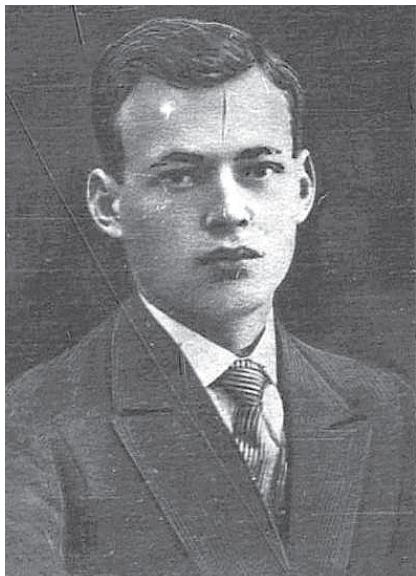
**Беседовали Андрей САЛЬНИКОВ,
Вадим ДЕМЕНТЬЕВ,
Алексей КОЛОСОВ**

«Моя профессия - художник слова...»

Тайны судьбы поэта Алексея Ганина
по материалам Государственного архива Вологодской области

*Это же Ганин! Он чист и талантлив,
Правдив и велик
в дружбе, мужестве и любви.
Вспомяни же его, вспомяни!*

Нина Кузнецова

В марте 2015 года исполнилось 90 лет со дня трагической гибели сложного, до сих пор не оцененного по достоинству выдающегося крестьянского поэта Алексея Алексеевича Ганина, который родился и вырос на Вологодчине. С шестидесятых годов прошлого века постепенно стали появляться публикации о жизни и творчестве крестьянского поэта. Настоящий прорыв в информационной блокаде вокруг Алексея Ганина начался в 1990-х годах. Между тем опубликованные сведения изобилуют всевозможными биографическими неточностями и ошибками. Фонды Государственного архива Вологодской области содержат различные сведения о жизни Алексея Ганина, помогают прояснить его биографию, рассказывают, чем «жил и дышал» поэт в Вологде буквально за год до своей трагической гибели - он был расстрелян в 1925 году. Первоначальным импульсом для исследования стали материалы личного архивного фонда писателя В. И. Белова, хранящиеся в ГАВО.

ТАЙНУ ГИБЕЛИ ПОЭТА ХРАНЯТ АРХИВЫ ГПУ-КГБ

В декабре 1989 года юрист Эдуард Александрович Хлысталов обратился к В. И. Белову, в то время - народному депутату СССР, с просьбой о содействии в начатом им расследовании гибели поэтов Есенина и Ганина.

«Вот уже несколько лет я занимаюсь расследованием обстоятельств трагиче-

ской гибели поэта С. А. Есенина. Делаю это в ущерб всем своим другим делам. Я не буду говорить о тех препятствиях, которые нагромождают мне на пути справа и слева, каким оскорблением я подвергаюсь, какой злобной обструкции со стороны лидеров есениноведения окружжен. Меня вдохновляют тысячи доброжелательных писем от простых людей, умоляющих, чтобы я не прекращал своей работы...» - писал Э. А. Хлысталов. Автор письма неодно-

кратно обращался к председателю Комитета государственной безопасности СССР В. А. Крючкову с просьбой разрешить ознакомиться с делом Алексея Ганина, но не получил даже ответа.

В письме Эдуард Хлысталов обрисовывает плачевное материальное положение и душевное состояние, в котором оказались Есенин и Ганин в 1923 году. Затравленные поэты находились под тотальной слежкой со стороны органов ГПУ. «В ноябре 1924 года, - сообщает Хлысталов, - А. Ганин был арестован. Вместе с ним были арестованы еще 13 человек. В то время власти хранили в тайне причину ареста. Я нисколько не сомневаюсь, что готовилась эта акция против Есенина....». Хлысталов был убежден, что разгадка гибели Есенина кроется в «расстрельном» деле Ганина, надежно скрытом в архивах и недоступном для исследователей.

«Почему акция и против Есенина? - продолжает автор. - Потому что Ганин и его товарищи (возможно, среди них несколько человек являлись провокаторами и давали нужные для судей показания, а потом с богом отпущенные домой) обвинялись в создании «Русской фашистской партии», ставящей своей целью свержение советского правительства и проведение террористических актов против вождей революции в августе 1924 года». По данным Хлысталова, Ганин во время проведения следственных мероприятий потерял рассудок, вследствие чего в институте им. Сербского была проведена судебно-психиатрическая экспертиза. По результатам экспертизы поэт был признан невменяемым - следовательно, не подлежал уголовному наказанию. Тем не менее коллегия ГПУ приговорила его к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 30 марта 1925 года на заднем дворе Бутырской тюрьмы. А. Ганин был похоронен в общей могиле на территории Яузской больницы Москвы.

«Члены коллегии ГПУ, выносившие смертный приговор А. Ганину, таким образом, совершили тягчайшее преступление, однако их фамилии считаются

Разгадка гибели Есенина кроется в «расстрельном» деле Ганина, надежно скрытом в архивах и недоступном для исследователей

геройскими, им установлены памятники», - резюмирует автор. Эдуард Хлысталов просил Белова воспользоваться, так сказать, служебным положением и изучить дело Ганина, без которого не представлялось возможным раскрыть тайну гибели Есенина. Неизвестно, направлял ли В. И. Белов запрос в архивы госбезопасности и МВД. Так или иначе, в начале 1990-х годов сверхсекретные архивы спецслужб оказались открытыми для самого широкого круга исследователей.

У ПОЭТА НЕ БЫЛО БЛИЗНЕЦА!

Согласно метрической книге Михайло-Архангельской Бохтюгской церкви Вологодского уезда, 28 июля 1893 года в семье крестьян д. Коншино Архангельской волости Алексия Степанова Ганина и его жены Евлампии Семеновой родился сын Алексий (позднее имя во всех документах писалось «Алексей»). Крестили новорожденного на следующий день, крестным отцом стал его родной дядя - Федор Степанов Ганин.

В документе обнаружены пометы сотрудников ЗАГС более позднего происхождения, одна из которых говорит о том, что 12 октября 1966 года - спустя более сорока лет со дня исполнения неправедного приговора - военный трибунал Московского военного округа реабилитировал А. А. Ганина посмертно с формулировкой «за отсутствием в его действиях состава преступления». Через два месяца после официального запроса в архив ЗАГС была сделана выписка из метрики, подтверждающей дату рождения Алексея Ганина.

Благодаря сохранившейся исповедной ведомости приходской церкви за

1916 год известен состав семьи Ганиных. Алексею Степанову Ганину, отцу поэта, в то время было 49 лет. Кроме него, семья состояла из Евлампии Семеновны, матери поэта, и детей Федора, Августы, Анны, Марии и Елены. В ведомости записан находившейся на военной службе старший брат поэта - Александр, 23 лет (возраст, вероятно, указан ошибочно: возраст Алексея в то время известен точно - 23 года, брата-близнеца у него не было). В ведомости указан и Алексей Ганин, не присутствовавший на исповеди по причине «отлучки». Согласно документам, на исповеди были дяди поэта, Федор и Асикрит Степановы Ганины, с семьями.

ЕСЕНИН ХОРОШО ИГРАЛ НА ХРОМКЕ

В краеведческой и биографической литературе подробно описаны обстоятельства посещения Есениным Вологодчины. Есенина и Ганина связывала настоящая дружба. Впервые рязанский поэт побывал на родине вологодского друга в 1916 году, а через год он приехал с Зинаидой Райх, в Вологде ставшей женой Сергея. Их венчание состоялось в конце июля 1917 года в церкви святых Кирика и Иулитты Вологодского уезда. После свадьбы в Вологде молодожены поехали в родную деревню Ганина - Коншино. Вот как описывала их приезд родная сестра Ганина - Ма-

рия Алексеевна Кондакова: «...приехали, когда рожь клонилась, на престольный праздник деревни после Петрова дня, остановились в доме, спали на полу. Райх была в белой блестящей кофте, в черной широкой шуршащей юбке. Веселая... А Есенин хорошо играл на хромке - подарил ее Федору (младшему брату)».

БЫЛ ЛИ ГАНИН АКУШЕРОМ?

В разнообразных исследованиях указывается, что Ганин закончил медицинское или даже акушерское училище. Но таких учебных заведений в Вологде в начале XX века не существовало. Документы Государственного архива Вологодской области свидетельствуют, что в сентябре 1919 года Ганиным было получено удостоверение об окончании им в 1914 году Вологодской фельдшерской школы при губернской земской больнице с присвоением звания медицинского фельдшера. Удостоверение подписал председатель педагогического совета школы, знаменитый земский врач С. Ф. Горталов, преподававший теорию женских болезней. Сергей Федорович Горталов являлся одним из лучших врачей-терапевтов Вологодского земства, он стал организатором местной общины сестер милосердия Красного Креста и долгое время на общественных началах возглавлял фельдшерскую школу. В июне 1916 года после службы в Николаевском военном госпитале Ганина демобилизуют из армии по состоянию здоровья.

Ганин и Есенин

ГОДЕН К НЕСТРОЕВОЙ

Немало «белых пятен» и разнотечений имеют сведения о военной службе поэта. Учетно-воинский билет А. Ганина, выданный канцелярией Вологодского губернского комиссариата по военным делам, обнаруженный в архивном фонде этого органа, дает представление о службе поэта после возвращения в 1919 году с Северного фронта. В октябре 1920 года Ганин становится на

Военный билет А. А. Ганина.

учет в губернском комиссариате, где его записывают как бывшего младшего унтер-офицера, годного к нестроевой службе. Дата рождения в документах указана ошибочно - 27 июля. Графы медицинского освидетельствования в документе не заполнены. 20 октября 1920 года Алексей Ганин был назначен на должность инструктора политпросвет-отдела при губернском комиссариате. С 5 января 1921 года на основании приказа начальника политуправления РВСР № 129 и телеграммы начальника политуправления БВО № 745 ввиду передачи политотдела в отдел народного образования Ганин был исключен из списков служащих губернского военкомата и передан на учет в Вологодский уездный военкомат «с откомандированием для работ в отдел народного образования». Через две недели его вернули обратно в распоряжение военных губернских властей, а с 1 апреля опять приписали к уездному военкомату.

«Вологодский ЛАД»

...ПО НЕКОТОРЫМ ПРИЧИНАМ МОРАЛЬНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

В архивном фонде Вологодского института народного образования сохранилось личное дело студента 3-го курса А. А. Ганина. Уникальный документ, состоящий всего из девяти листов, отражает нестигаемую, свободную, порой бескомпромиссную натуру поэта.

Характерно заявление Алексея Ганина в приемную комиссию института, датированное 11 ноября 1919 года. Поэт просит зачислить его в художественно-литературный отдел, аргументируя желание получить образование: «Мне, как и всем нам детям народа во времена духовного крепостничества школы и вообще личности, среднюю школу окончить не удалось, частично из-за материальных средств, частично из-за того, что не знал, существуют ли такие школы, а потом было уже поздно. Но все же, после окончания сельской школы, вынужденный добывать себе хлеб с десятилетнего возраста личным трудом (на заводах, каменщиком, маляром, печником и проч.), я продолжил заниматься самообразованием. Два года спустя после окончания сельской школы поступил и окончил школу для подготовки учителей, «школу грамоты», после двухгодового перерыва снова учился - в фельдшерской школе Вологодского земства, а после окончания был взят на военную службу и служил с 14 по 1916 год».

В заявлении о приеме в институт Ганин пишет: «В школе 1917 года был вынужден бросить службу и бежать из Петрограда и был до октябряской революции на Белом море и у себя на родине». Документ содержит политически откровенные, рискованные для того времени признания: «Накануне октябрьской революции (оба слова написаны со строчной буквы - А. П.) снова приехал в Петроград, служил в книгоиздательстве «Кооперация» и принимал литературное активное участие в

объединенной организации большевиков и левых социалистов-революционеров Рождественского района, но официальным членом ни той, ни другой партии не состоял ни до, ни после. После октябрьской революции до Брестского договора был сотрудником литературного отделения газеты «Знамя труда» и некоторых социал-демократических газет большевистского толка. В начале 1918 года как не сочувствующий выступлениям социалистов-революционеров бросил сотрудничество в газете и уехал на родину, где летом занимался крестьянскими работами. Осенью 18 г. с момента открытия Северного фронта поступил вне мобилизации в Красную Армию и до 1 августа был на Северо-Двинском и Пинежском фронтах по организации помощи больным и раненым красноармейцам. В настоящее время, согласно декрета, как уставший, находясь на службе в том же ведомстве и в гор. Вологде».

Далее идут с точки зрения властей компрометирующие автора строки: «По политическим убеждениям с 1912 года коммунист-анархист, но в партии не состояю по некоторым причинам морального и художественно-этического характера. Единственно правильной организацией в настоящее время... считаю советскую власть и безусловно сочувствую трудовой школе как верному и быстрому пути просвещения и достижения новой культуры человечества на правах равенства и справедливости».

Таким образом, простое вроде бы заявление абитуриента о приеме в институт по сути представляет собой своеобразный политический манифест. Отказавшись от банальной формы «родился, учился, женился», Ганин предъявил приемной комиссии декларацию личных взглядов, которые были подкреплены большим жизненным опытом. Ведь к 26 годам Алексей Ганин был ветераном двух войн - Первой мировой и Гражданской. Хотя он и не принимал непосредственного участия в боях, но служба фельдшером на передовой позволила ему не только увидеть, но и понять очень многое.

В это время Вологда уже была «зачищена» губчека во главе с М. С. Кедровым от «контрреволюционных элементов», и открыто выражать свои политические взгляды было небезопасно. Вот как вспоминал о том времени в своей книге «Четвертая Вологда» Варлам Шаламов: «Я много раз думал - почему в Вологде, таком традиционном, свободолюбивом городе, не было ни одного восстания, ни одного мятежа против новой власти. Ведь нет городов, где бы не поднимался мятеж. Вологда - исключение... Объяснение это в жестоком терроре, осадном положении, в котором город находился... Человеком, возглавлявшим и организовавшим этот террор, был Кедров, командующий Северным фронтом, председатель известной «Ревизии»... Именно Кедрову принадлежит идея регулярных обысков, облав, проверок... В 1918 году в Вологде аресты шли день и ночь...».

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СТАЖ С ДЕСЯТИ ЛЕТ

В марте 1920 года Ганин с братом Федором вступают в члены Вологодского отделения профсоюза работников искусств (РАБИС). В списке членов профсоюза указано, что на 1920 год литературный стаж Алексея Ганина составлял 9 лет, у Федора Ганина - 1 год.

При вступлении в профсоюз 16 марта 1920 года Ганин заполняет регистрационный листок РАБИСа, где на вопрос анкеты «Кто Вы по Вашей профессии», ответил: «Художник слова», «специальность - поэзия, в профессии находясь с 1913 года. Зимой занимался ученьем, летом работал на заводе и в деревне. С 8-ми лет начал работать каменщиком» (видимо, как помощник - А. П.). Также указано, что стихами за последний месяц заработал 1000 руб. (однако сумма зачеркнута). В 1920 году впервые вступил во Всероссийский союз поэтов, должности в профсоюзах не занимал, поэтому и писал свободно. Жилье на ул. Урицкого снимал самостоятельно. Исходя из сохранивших-

ся записей, становится понятным, почему Ганин сторонился членства в каких бы то ни было политических и общественных организациях. Профессиональный союз явился тем исключением, который подтверждал правило его жизненной позиции, - поэт должен быть свободным.

В списке личного состава литературно-художественной секции Вологодского отделения РАБИСа от 15 сентября 1920 года среди членов секции указаны восемь литераторов и только один поэт - Алексей Ганин. В секции состояла и его 20-летняя жена - Гильда Даниловна. По воспоминаниям сестры Алексея Ганина Елены, Галя, как ее называли, по происхождению была эстонка, с началом Гражданской войны ее семью высыпали в Пинегу, где с ней Алексей и познакомился. У Ганиных родилась дочь Валя. После отъезда Ганина в Москву в 1923 году Гильда сначала ждала его, потом решила, что муж её бросил, и уехала на родину, в Эстонию. Писала в д. Коншино из г. Выру: «Сообщите что-нибудь об Алеше». Но родные сами ничего не знали, Алексей Ганин как в воду канул. О трагедии узнали только через три года после расстрела. Гильда Ганина умерла в 1937 году в г. Тарту, дочь Ганина Валя - в 1941 году.

ГЛАВНОЕ - ЛИТЕРАТУРА

Во время учебы в Вологодском педагогическом институте братья Ганины не отличались прилежанием в посещении занятий. В октябре 1920 года студенту 2-го курса литературно-художественного факультета Алексею Ганину пришлось даже писать объяснение за себя и брата о причинах «не совсем исправного посещения лекций»: «1. Служба в красной армии как культурных работников - один из нас учитель, другой организатор красноармейских клубов-университетов, и приходится работать во многом самостоятельно, потому что готовых методов нет. Служебные командировки и заботы... о хлебе и проч. - причина значит социальная. 2. Литературно-художественная работа.

Жена поэта Гильда Ганина

Один из нас член Всероссийского союза поэтов, другой - член секции писателей при Всероссийском союзе работников искусств. 3. Бережливость времени. Переходы, межлекционные перерывы иногда по часу или даже отсутствие лекций - все это, по нашему мнению, непродуктивно занимает вечер, в силу чего мы предпочтаем заниматься дома. 4. Когда нам не мешают первые две причины, мы все же лекции посещаем».

Объяснение достаточно самоуверенное, если не сказать дерзкое. Складывается впечатление, что таким образом Ганин открыто критиковал руководство института за неудовлетворительную организацию учебного процесса, а следовательно, все претензии к нему по поводу непосещения занятий считал беспочвенными. Более того, далее в объяснении Ганин дает понять, что если ситуация не изменится, он с братом и в последующем не смогут гарантировать соблюдение студенческой дисциплины: «5. Здесь мы считаем умест-

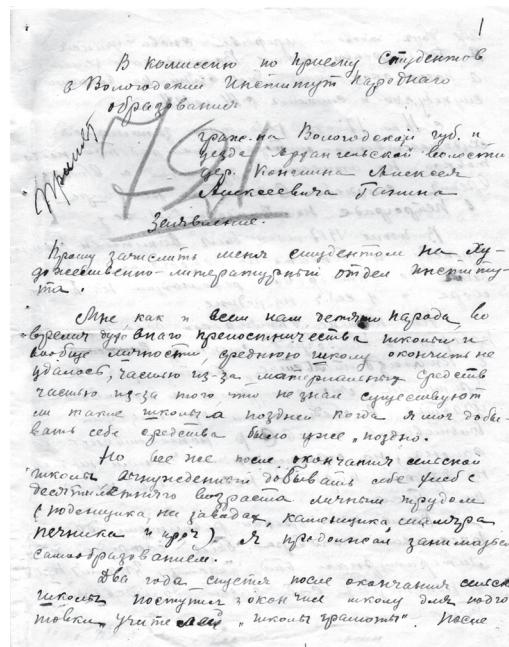
ГОД ЛИТЕРАТУРЫ: ■ ОТКРЫТИЕ

ным сказать, что, по всей вероятности, и в будущем ежедневно посещать институт не предстavится возможность, но бросать институт мы не намерены, т. е. не хотели бы, потому что, числясь студентами, мы имеем одно важное обстоятельство - хорошую программу самообразования и хорошее средство проверять и систематизировать свои знания в форме рефератов и официальных зачетов. Где и каким путем мы приобретем знания, полагаем, правлению института безразлично, лишь бы они были».

Судя по сохранившейся ведомости посещаемости лекций студентов 3-го курса уже словесно-исторического факультета, Ганин свое слово сдержал (в марте 1923 года из 33 лекций он пропустил 25).

В личном деле также имеются три анкеты. Первая заполнена 21 февраля 1921 года. На вопрос о предыдущей работе Ганин написал, что ранее работал в области словесного искусства. Сотрудничал в газете «Дело народа», позднее - в «Знамени труда», «Скифах», «Ежемесячном журнале», в нескольких провинциальных газетах. Имел несколько своих книжек стихов. Вместо стипендии с 1 февраля получал городской паек. В конце анкеты указан адрес проживания в Вологде: ул. Урицкого, д. 60, кв. 2 (ныне ул. Козленская). Дом до настоящего времени не сохранился.

Учебу в Вологодском институте народного образования Ганин воспринимал, скорее всего, как своеобразные подготовительные курсы для дальнейшего продолжения образования в Москве. В анкете студента 3-го курса словесного отделения словесно-исторического цикла Вологодского практического института (к этому времени структура и название института претерпели очередные изменения) от 23 сентября 1922 года на вопрос: «Что привело вас к решению поступить именно в практический институт», Ганин ответил: «Привести в систему свои взгляды на мир». К этому времени ему удалось «сдать минимум» за два курса, однако сверх намеченного зачеты он не сдавал из-за «отсутствия возможности». Как свидетельствуют данные анкет, кроме учебы

Заявление Алексея Ганина о приеме в Вологодский институт народного образования

в институте поэт посещал художественную студию, а на каникулах уезжал в деревню. Семью содержал благодаря литературным заработкам в периодических изданиях, а также изданию собственных книг. На вопрос о посещаемости честно ответил, что занятия в текущем году в полном объеме посещать не сможет.

В анкете учета студентов от того же числа и года Ганин указал, что печататься начал с 1912 года, состоял в профсоюзе работников искусств, был инструктором по организации кружков при красноармейских клубах. В институте занимал должность секретаря литературной секции при «П/отд искусств». В конце документа стоит четкая, размашистая, без сокращений подпись: «Алексей Ганин». Даже автограф поэта ярко показывает его стремление к независимости.

РОМАНТИК XX ВЕКА

С другой стороны, было в его натуре и нечто зыбкое, фатальное, в полной мере

отвечавшее неопределенному времени начала XX века, рожденному в предчувствии неизбежного конца. В предисловии к сборнику «Былинное поле» поэт так определил свое творческое кредо: «...Многие при встрече называют меня «мистик». Это неверно. Это желание от серьезных вещей отделаться недомыслием. Я родился в стране, где пашут еще косулями и боронят суковатками, но где задолго до Эйнштейна вся теория относительности высказана в коротком слове «авось»..., если люди всё еще не умеют уважать одиноких и от каждого требуют стадной клички, я был бы более прав, если бы рекомендовал себя: «А. Ганин - романтик XX века».

Во время учебы в институте Ганин всесело был сосредоточен на самообразовании и, в отличие от своих однокурсников по литературно-художественному факультету, не мог позволить себе такой роскоши, как экскурсии в Петроград или «по Волге», с целью «с большой пользой утилизировать предстоящий отдых». В рождественские или пасхальные каникулы (в 1920-х гг. так их еще по инерции называли) спешил к себе на родину в деревню Коншино, где его ждали семья и крестьянский труд.

ВОЛОГОДСКАЯ «РЕСПУБЛИКА ШКИД»

Учеба Ганина пришлась на время больших перемен как в структуре управления, так и в учебном процессе вуза. Подтверждением независимого поведения коншинского поэта в институте может служить спор с председателем исполкома педагогического совета института, однокурсником Алексея Константина Головниковым. Спор впоследствии перерос в настоящий конфликт, произошедший на конференции (объединенном заседании) исполкома и факультетских комитетов института 31 марта 1921 года. Несмотря на то, что внеучебная документация велась довольно аккуратно и имеется практически в полном объеме, протокола именно этой

конференции не сохранилось.

Дело дошло до того, что К. А. Головников написал заявление о сложении с себя полномочий председателя исполкома, и вопрос о решении конфликтной ситуации пришлось вынести на заседание исполкома, проходившего 1 апреля 1921 года. В присутствии 14 человек сокурсница Ганина, некая Горбунова, выступила с докладом «Об инциденте между Головниковым и председателем политпросветительской комиссии А. Ганиным» (текст доклада к протоколу не приложен). Выступил на заседании и Алексей Ганин; к сожалению, протокол прямую речь докладчиков не зафиксировал. Большинством (6 против 3) постановили, «что мотив ухода Головникова из исполкома безоснователен, конфликт считать исчерпанным и не подлежащим дальнейшему обсуждению».

Можно только догадываться, в чем заключалось противостояние двух студентов. Обычным студентом Головникова можно назвать только формально: в результате тотальной реорганизации института в руках педагогического совета сосредоточилась практически неограниченная власть в принятии важнейших решений относительно не только общего управления, но даже формирования преподавательского состава и условий приема в институт. Причем совет наполовину состоял из студентов, которым принадлежало приоритетное право в принятии решений.

Вологодский институт народного образования в начале 1920-х годов, по всей видимости, чем-то напоминал воспетую Леонидом Пантелейевым «республику ШКИД». Доходило до абсурда. Под видом «смычки» учащихся и «профессуры» студенты стали иметь право давать оценку научной подготовке и педагогической деятельности преподавателей, лекторов и лаборантов института. Так, известный искусствовед, прозаик Иван Евдокимов, читавший лекции по истории русского искусства, решением заседания комиссии «по пересмотру научных работников института» 28 ноября 1921 года был

Поэт писал: «Я был бы более прав, если бы рекомендовал себя: «А. Ганин - романтик XX века»

оставлен только на преподавательской должности, а шестеро лекторов были все уволены из вуза. 7 марта того же года, с одобрения студента Головникова, был поставлен вопрос об увольнении преподавателя химии, автора множества научных трудов, профессора А. В. Огородникова, с политической точки зрения «не представляющего особой ценности для института». К облегчению преподавательского состава и неравнодушных к знаниям студентов, именитого ученого удалось отстоять.

Исполком педагогического совета мог опротестовывать даже директивы губернского отдела народного образования. Большинством голосов принимались решения об исключении из учебного курса предметов, учреждении и закрытии кафедр. В итоге курс обучения в институте сократился до трёх лет. Были введены суды чести, на которых рассматривали дела как студентов, так и преподавателей. Исполком участвовал в решении вопроса о придании институту нового статуса. Была выдвинута инициатива о придании институту статуса государственного университета - первого в Вологде, и вуз по всем параметрам соответствовал требованиям того времени, однако продвижение преобразования захлебнулось из-за нерасторопности и чрезмерной осторожности руководства учебного заведения.

Вполне закономерно, что у части либерально настроенного студенчества, в том числе и у Ганина, возникли сомнения в легитимности проведенных преобразований и справедливости принятых решений. Материалы протоколов заседаний исполкома и всевозможных комиссий института дают возможность предположить, что причина конфликта заключалась, скорее всего, в том, что Ганин обвинил Головникова в эле-

ментарном узурпировании власти, о чем заявил по обыкновению открыто. Своеобразные меры репрессивного характера по отношению к Ганину были предприняты в форме «оттеснения» или недопущения его к управлению студенческим коллективом даже на самом низовом уровне. Так, на заседании общего собрания литературно-художественного факультета 1-3 курсов Вологодского института народного образования от 28 февраля 1921 года в ходе избрания членов в факультетский комитет и 12 представителей в факультетский совет Ганин ни в один из этих органов не был выбран.

Хотя раньше студенческий коллектив не игнорировал его организаторские способности, особенно в сфере проведения культмассовой работы. В феврале того же 1921 года Алексей Ганин был избран председателем политико-просветительной комиссии, основная деятельность которой была направлена на развитие гражданского самосознания и пропаганду кружковой и клубной работы среди студентов. 10 марта он докладывал исполному института о проделанной работе. На следующем заседании, 16 марта, Ганин также был заявлен в повестке дня как докладчик информационного отчета исполнкома (ни один из докладов к протоколу не приложен). Уже на этом заседании, как ясно из протокола, начались «проблемы». Заседание решено было прекратить из-за «продолжительных трений по поводу разногласий между членами исполнкома и сгустившейся атмосферой среди студенчества». В деле имеется незаверенное положение о кружках при Вологодском институте народного образования, над разработкой которого, несомненно, работал Ганин. Зная о концентрации Ганина на ускоренном процессе овладевания знаниями, можно предположить, каким дополнительным бременем легла на него эта общественная нагрузка.

14 июня 1923 года перед отъездом в Москву в ректорате института Ганин получил удостоверение о том, что в тече-

Федор Ганин, брат поэта

ние 1921/1922 учебного года прослушал два курса литературно-художественного цикла Вологодского педагогического института. Соответственно, первые два года обучения, с 1919 по 1920 год, ему не засчитали. Это последний обнаруженный документ, относящийся ко времени пребывания А. Ганина в Вологде.

Однокурсники братьев Ганиных по словесно-историческому отделению летом 1923 года закончили учебу и получили дипломы об окончании Вологодского педагогического института. Несмотря на то, что литературно-художественное отделение впоследствии трансформировалось в словесно-историческое, истории как таковой не преподавалось, упор делался на словесность. Наряду с изучением зарубежной и русской литературы читались курсы по истории русского языка, народной поэзии, психологии и психопатологии, логике, а также школьной гигиене и Конституции РСФСР.

ГАНИН РАБОТАЛ В «КРАСНОМ СЕВЕРЕ»

Младший брат Ганина Федор институт также не закончил по не зависящим от него обстоятельствам. 27 июня 1923 года он был отчислен из числа студентов 3-го курса Вологодского практического института как «не пригодный к педагогической деятельности в трудовой школе».

Без преувеличения можно сказать, что Федор находился под влиянием старшего брата (разница в возрасте составляла шесть лет). Совместная учеба и проживание в доме на улице Урицкого еще больше способствовали их сближению. Болезнь, операция и долгий восстановительный период выбили Федора из учебного процесса на 2-м курсе. Видимо, во избежание отчисления брата Ганин заполнил за него анкету, где чётко объяснил, на каком основании возник «простой в учебе».

Не без влияния брата Федор занялся литературным трудом. В Вологде работал в «Красном Севере», затем переехал в Нальчик. По воспоминаниям сестры Елены, «Федор-то в Алеше души не чаял. Приехал из Вологды, когда узнал о расстреле, никому ничего не сказал, боялся за мать - думал, с ума сойдет..., молчит. Только закроет лицо и скрипит зубами, а то и плачет... Потом не выдержал, сказал: «Алешку-то расстреляли». В 1937 году, во время работы в «Гагринской правде», Федора Ганина арестовали. Приговорили к десяти годам заключения. Умер Федор Ганин в Магадане в 1941 году «от паралича сердца».

ДЕРЕВНИ НЕТ, НО ЖИВ ОГОНЬ, КОТОРЫЙ ГАНИН ПЛАВИЛ

По воспоминаниям родственников, перед уходом в армию Алексей Ганин вырезал на доске «Деревня Коншино» и прибил на столб при въезде. Увековечил он родную деревню в своем последнем романе «Завтра» (полное название «Описание жизни деревни Загнетино, настоящей

и будущей»), Ганин предвосхитил судьбу малой родины. Это произведение вошло в целый ряд сочинений о русских селах-горемыках, а Коншино заслуживает стать таким же символом нелегкой крестьянской доли, как Смурино Павла Засодимского, Горелово и Неурожайка Николая Некрасова, Шибаниха Василия Белова...

Елена Алексеевна Ганина после приезда в Коншино в 1938 году вспоминала: «Всё запустелое. Церковь, где апостолы были как живые, захабалили, всё переломали, зерном засыпали. Не зря пели песенку пионеры в те годы: «Мы всё взорвем, мы всё разрушим, мы всё с лица земли сотрем, и солнце старое потушим, и солнце новое зажжем...».

Согласно похозяйственной книге колхоза «Искра» Сокольского района за 1943 год, единственной представительницей фамилии Ганиных в деревне Коншино была Александра Николаевна, родившаяся в 1885 году. Через год из некогда большого семейного клана в деревне не осталось ни одного человека. А ведь в начале XX века деревня Коншино была бойким местом: в 1916 году в 15 дворах проживало 107 человек, включая младенцев. В 1960 году в деревне насчитывалось уже всего 23 человека. В марте 1980 года исполком Сокольского районного Совета народных депутатов решил исключить из учетных данных «переставшую существовать» деревню Коншино Архангельского сельсовета. Вместе с ней ушла в небытие и деревня Козино, где на протяжении веков также жили и трудились крестьяне с фамилией Ганины.

Утеряно многое из творческого наследия крестьянского поэта из Коншина, почти не дошли до нас его фотографии, дневники, а от всей богатой переписки сохранилось одно короткое письмечко. Но

Перед уходом в армию Алексей Ганин вырезал на доске «Деревня Коншино» и прибил доску на столб при въезде

в сердцах земляков живет память, как и предсказывал друг поэта Пимен Карпов в стихотворении, посвященном гибели Ганина:

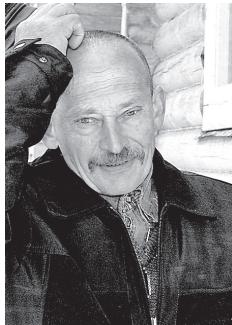
*Нет, не напрасно ты огонь свой плавил,
Поэт-великомученик! Твою
В застенке замурованную славу
Потомки воскресят в родном kraю.*

В 1989 году в Соколе прошли первые Ганинские чтения, которые с тех пор проводятся регулярно, в них участвуют вологодские писатели и поэты. В средней школе и библиотеке села Архангельского Сокольского района созданы экспозиции, посвященные жизни и творчеству поэта. Переиздаются книги поэта, публикуются воспоминания о нём. В деревне Коншино в год 100-летия со дня рождения поэта был установлен памятный камень. В 1991 году в Северо-Западном книжном издательстве в серии «Русский Север» вышла первая после долгого перерыва книга Алексея Ганина. В неё вошли сохранившиеся стихи и поэмы, а также роман. Составление, предисловие и комментарий - Станислава и Сергея Куняевых. Немало было публикаций о безвинно погибшем поэте в местной и районной прессе.

**Анна Борисовна ПЕРШИНА,
старший научный сотрудник
Государственного архива
Вологодской области**

70 лет Великой Победы

У каждого своя дорога

**Станислав
МИШНЕВ**

Станислав Михайлович Мишнев живет там, где родился в 1948 году и вырос - в деревне Старый Двор Тарногского района. Станислав Мишнев - член Союза писателей России, автор нескольких книг, публикаций в различных литературных журналах. «Вологодский ЛАД» публикует прозу тарногского писателя с первого номера в 2006 году.

Два ряда деревенских изб уныло глядят маленькими окнами друг на дружку. Нового было мало - белевший свежим деревом высокий притульный пятистенок, ладно крытый тесом, с пустыми окнами и не навешенными дверями, а большая часть изб и хозяйственных построек без должного глаза незаметно, тяжело и медленно уходит в землю. Пятистенок «закатил» списанный на берег по причине пьянства мурманский рыбак Соколов. Поначалу деньги у него водились, и деньги немалые, потом стал пить, шататься по вдовушкам, на смешливо кивая встречным людям обмерзшей, обсосуленной бородой, а потом и сгинул где-то. Одни говорили, что Соколов уехал обратно на море рыбу ловить, другие слышали, будто живёт одиноко в забытой всеми, покинутой часовне, на стенах часовни много картин и икон. Деревенские жители запомнили заносчивого богатыря. Старенькая учительница стала Соколова «калить» в магазине - зачем ребят малолетних спаиваешь? На это Соколов ответил: «Человек - это дробное число. У старика числитель - мозга, знаменатель - кишкa. У глупого юнца наоборот: числитель - кишкa, знаменатель - мозга».

Год как нет у руля страны товарища Сталина.

Валя Григорьева не считает себя самой разнесчастной девушкой в сельсовете - таких, как она, десятки. По тому, с какой стойкой уверенностью она работает на свинарнике, никто подумать не может, что сердце её часто замирает от горечи и отчаяния. И есть от чего замирать: годы идут, пора бы иметь своих деток, да на личном фронте одни пробелы. На досуге тайком от матери достанет спрятанную в книжке фотокарточку, смотрит, целует Митю в пшеничные усы, и говорит, говорит, и светится её лицо улыбкой, ласковой, осторожной, мечтательной. Образ парня

завладевает ею, завладевает внезапно, всякое лихо прогоняя прочь, подменяя яростное возбуждение беззаботной лаской и нежностью. Её Митя пограничник, служит четыре года на Дальнем Востоке, и нет Мите замены, может быть, ближе к Покрову и демобилизуют? Знает она Митю всего один час. Шли пьяные парни через ихнюю деревню - отправлялись в армию, один парнишка идти совсем не может, валится, песни матерные орёт, сел у колодца - Валя как раз на ту пору воду набирала, и давай пьяный бухтить, замуж звать. Нас, говорит, у матери четверо, я самый старший, я в МТС столяром работаю, на хорошем счету у директора, большие деньги зашибаю. «А пить-то зачем?» - грубо спросила Валя. «Из-за костра и щепа востра! Другая, тоже мне, матка. Вот такую державу-бабу мне и надобно! Гад буду: отслужу и сватом приеду!» За окопицу Митю проводила, вернее вывела, сидящим на земле хохочущим парням отдала. Потом Митину фотокарточку Вале младший братишко Мити принёс, из руки в руку подал да наказал брата не забывать. Валю прошлой зимой премировали мужскими резиновыми сапогами. Сапоги большие, с запасом, зато ногам тепло. Можно надеть шерстяные носки и портнянки из мешковины. Молодость проходит возле свиней, мать со своим нарочито грустным голосом не отступается: «Разе я на худоё скажу? Послушайся меня, Валька: принимай домовика. Мы с батьком рады будем. Ты ведь насквозь поросячим духом пропахла, тебя в бане неделю мыть - не отмыть. Домовик тебя из свинарка уволит, не станет он пороссятину нюхать. Ему жена нужна, утеши ему подавай». Омрачается лицо Вали выражением какой-то утомлённой, брезгливой скуки, подожмёт презрительно пухлые губки да и скажет матери: «Ой да, мама... зачем?» - «Зачем, зачем, что ты ровно порченая, сама себя боишься?» Валя ощущает на себе испытывающие взгляды матери, мать виновато улыбается, на выцветших глазах показывается какая-то муть. «В перестарках останешься, посватается

вдовец многодетный, и за вдовца пойдёшь. Вон сколько парней подросло, рады в примаки уйти. Ты у нас работящая, характером покладистая...» - «Вот привяжешься, мама...» - «Ты не злись, не злись на меня, я тебе добра желаю».

Деревянный свинарник - довоенной постройки. Углы стоят на большущих камнях, под стенами много дыр, и дыры год от году множатся. В одну такую дыру юркая бригадирша Маша Доводкина заползла вытаскивать провалившуюся поросенка, визжащую животину кое-как поймала, вытолкнула на белый свет, а сама две изъеденные крысами половицы изломала и вовнутрь, вся в навозе и земле, выползла. Много крыс. Их травят, но меньше не становится. За стенами скребётся ветер.

Большая печь, сложенная из разномастного кирпича, в печь засунута двухсотлитровая бочка из-под керосина с вырезанным дном - это своего рода котёл. В бочке варится картошка. Она мерзлая, эта картошка, хранится навалом, её нельзя хранить долго в тепле, её надо сразу варить, в тепле такая картошка быстро «обмылеет». По свинарнику плывет пар. Даже не пар, ползёт какая-то сырая пуховая пелена, то опускаясь до мёрзлого пола, то поднимаясь к черному, в студеных тяжелых каплях воды, потолку.

Сумрачно в помещении. Стойкий запах погреба и вони. Стекла в рамкахплачут, в пазах поддувает, где-то на крыше пробует сорвать тесину безрукий хулиган.

Сидит возле печи Сергей Матвеевич Григорьев. До войны он был подвижным, с тёмными глазами весельчаком, даже на гармошке немного пиликал, а с войны вернулся одногоний инвалид, подавленный и замкнутый, с красным и плоским лицом. Гармошку с полатей ещё разу не доставал. Мужик созерцал во всей наготе факт своего жалкого существования, это состояние казалось ему напущенным на него, на всю деревню, на весь белый свет кем-то извне, как бы со стороны. Перед воображением его стоял незабытый послевоенный голод, горькие деревенские

нужды, и чем дальше влачит мир, тем нуднее он становится, ибо нет никакого просвету для человеческой радости.

Курит «кошью ножку». Махра у него крупная, что опилки. Лениво сосёт цигарку и думает о смерти. Вот был у него взводный, младший лейтенант Густов, из сбравших на фронт студентов. Всякую беседу с солдатами строил по принципу вопросов и ответов. Любил затронуть такие каверзные темы, что... «Вот ходим мы, ребята, в обнимку со смертью. Притерпелись, но каждый из нас размышляет о жизни, и размышления становятся потребностью, без которых нельзя обойтись, которые нельзя скрыть. Что остаётся от плодов наших размышлений? Яростная жажда жизни! Имеет ли жизнь смысл? Григорьев, вот какой толк во всей жизни? Сергей Григорьев «листает жалкий человеческий словарь», пытается ответить доходчиво, что человек не есть скотина безродная, до нас люди жили, умирали, рождались, и мы обязаны жить, чтоб врага победить, домой вернуться. «Верно! Миллионы лет миллионы существ возникали и исчезали с лица земли. В космическом измерении человеческая жизнь длится полторы секунды. Ровно столько, сколько исходит душа из тела. Жизнь - это как помывка в бане...» - «Товарищ младший лейтенант, я в бане моюсь часа два, потом квас пью час, потом жёнку ласкаю - на полторы секунды не согласен», - смеётся сержант Дюкин. «Значит, сегодня тебя не убьют, ты не помылся в бане. Друзья мои, наука стремится к гармонии с окружающим миром, с тем миром, законы которого она предчувствует. Предчувствует! Жизнь - это согласие познания и тайн природы. Каждый из нас строит её своеобразно своим потребностям, прихотям, способностям, случайностям...» И такого туману напустит взводный, что голова пухнет. «Вот всё на земле когда нибудь кончится. И уголь, и дрова, и бензин, и керосин, и хлеб... У нас кончится, у немцев, у дикарей острова Борнео, у американцев...» - «У американцев хлеб не кончится, - возражает Сергей Григорьев. - Чтобы у американцев

и бензин кончился, и хлеб - не поверю».

- «А ты поверь. Доживут люди - на всём белом свете голым-голо. Всё съели, всё сожгли, всё истребили. Вот как у нас передовая взрывами перепахана, лишь на кладбище изобилие цветов, птички-бабочки порхают. Ничего нет - осознали, одумались, да поздно, и чешут репу: а как жить дальше? Мысль человеческая свободно движется в других сферах, бежит за пределами специальных знаний, даже ад войны вынуждает человека к постоянно му действию». - «Тогда и жить... на хрена тогда и жить, мужики, если ничего нет?!»

- «Люди исчезнут последние. Люди захлопнут дверь эволюции. Жаль, конечно...

На чём поедут машины людей последних поколений? Вы не поверите, в это трудно поверить: на общей космической энергии!

Чтоб осветить небольшой город, нужна энергия нашего взвода...»

«Жаль, если взводного убили. Роем траншею, лень лопатой ворочать, его как леший зудит: «Вот, Сергей, нам говорят, что души нет. Так? Пусть так. Тогда откуда идёт выражение «душа бессмертна?» Один поэт-семинарист времён Первой мировой войны писал: «Господь! Смири мою грешную душу, смири мою жадную плоть. Дай вечно мне слышать отныне не взрывы, а звон вдалеке...» Или: «душечка», «душегрейка», «душевой надел», «душеприказчик», «душевное волнение», «душевнобольной», «душевный порядок», «душеспасение», «душевный изгой»? Мозг управляет телом или душа мозгом? Или: солдат слаб духом. Он трус? А где душа прячется у труса? Где душа живёт у храбреца?» - «Товарищ младший лейтенант, вот вырою я окоп на пять метров глубиной, лягу на самое дно, и пускай меня засыплет взрывом, только бы вы меня не нашли. Такой день хороший, небушко синее, горизонт дрожит в сияющей дымке, - говорит солдат Григорьев, - а вы, будто дьявол, взываете к разрушению этой красоты». - «Во, - смеётся довольный взводный, - проняло! Сегодня нас с тобой точно не убьют. В такой день ключник Пётр разомлел от жары и спрятался в

тенёчке. Мудрость, Сергей, отказывается от «почему», она довольствуется простым «как». Главное для человека - растолковать самому себе сущность моральной устойчивости. Ты думаешь, я тебя мучаю? Нет, я сам с собой разговариваю, а ты вроде публики в зале. Можно любить порядок, но не стремиться его желать, можно копать траншею, а логичнее - вот тут ты прав, лучше бы на берег реки, полежать, небом полюбоваться...»

На войне не убили - слава Богу, зачем теперь живёт - сам не знает. Год товарища Сталина нет, а без Сталина... «Вряд ли из нужды выбьемся. Будем долго голодную лямку тянуть». Желает добра-здравья военному хирургу: золотые руки у человека, «отчекрыжил» ногу ниже колена, а мог бы и выше. Пусть на деревяшке, да ходок. До гробовой доски будет видеть поленицу из солдатских рук да ног возле госпиталя: кость побита - резать, некогда лечить, истекают кровью сотни раненых. Сергея заставили выпить граммов сто чистого спирта, привязали к столу, пилу по железу протёрли спиртом, в рот кляп забили... хирург, как мясник, весь в крови, ори, беснуйся... «Меня ещё Бог миловал, вон у соседа Васи Каликина обеих ног нет «под самую колокольню». Васю из танка вытащили, а свой же танк, сзади шедший, его раздавил. Да-а...» Катают его сердобольные родные, как обрубок дерева. Вася Каликин писал письмо товарищу Сталину насчёт такой бы тележки заводской, с рычажками и с педалями, чтоб мог он что-нибудь по хозяйству делать, да умер Stalin, а без Сталина... «Не до нас».

Непонятная тоска грызла сердце. Перед Новым годом ездил он на кобыле в районный военкомат, спрашивал, будут ли давать деньги за ордена. За взятие польского города Белостока его наградили орденом Славы 3-й степени. И ещё в районном центре стали инвалидам войны выдавать радио на батареях. Когда радио в деревню придёт? Во взгляде военкома блеснуло что-то страшное, холодно-свирепое и отчаянное - орденоносец понял: денег не будут давать и радио в деревню пожалует

не скоро. Встретил идущего другой стороной улицы из столовой троюродного брата Николу Попова, фуражка нахлобучена на посиневший от морозу нос - Никола хоть и бывший пленный, а корни в земельном отделе райисполкома пустил глубоко. Здоровались издали, не пожали один другому руки. Видел в райцентре сытые, по-праздничному радостно озабоченные лица, и чем благообразнее смотрелась физиономия, тем с большей неприязнью смотрел на нее колхозник Григорьев. «Все сволочи из деревень сбежали! Нажрали морды!»

Вроде день уж заметно прибыл с Нового года, пора бы идти на прибыль хорошему настроению, ожиданию весны... «Вот пойду к Машке...» Хорошо, пойдёт он к бригадирше, скажет, что инвалид войны, награждённый орденом Славы, и в гробу видел этот свинарник! Но он отлично знает, что не пойдёт, и злобу в себе зря разжигает, и некого девчушке Машке ставить вместо него, некого! Вася Каликин с радостью бы стал картошку варить, воду греть, кабы Васю сюда на свинарник притащить-прикатить. Потом, на этом свинарнике работает его дочь Валька... и заглушает в себе злое, тоскующее чувство личности Сергей Григорьев.

Неделю назад волки утащили собаку. Не ахти какая собачонка была стоящая, да лаяла с визгом.

Волки совсем обнаглели. Ребят малых на улицу выпускать страшно. Средь бела дня волк гнался за кошкой, заскочил к одной бабе в сени, баба со страху едва ума не лишилась.

Распахнулась дверь, в клубах сырого парного воздуха, как толстая пика, показался обломок еловой жерди, вместе с ним в помещение ввалилась девушка во рваной овчинной шубе. Пришла дочь Валя. Она по пути на свинарник привернула к изгороди, выдернула сухую жердь, изломала её между двумя черемухами и с обломком заявила на работу. Сняла с себя шубу, бережно свернула и положила на кучу сырых ольховых дров, придавила поленом. Надела шуршащую от засохших

комков муки и навоза юбку - два мешка, сшитых вместе; валенки прижала головками к печи - грейтесь, сама обулась в резиновые сапоги.

- Все живы? - спросила отца густым, спокойным голосом.

- Вроде, - сипло ответил отец.

- Что нахохлился, как старый ворон?

- Да так... Ехала бы ты, Валька, куданибудь. Вон у Доводкиных обе девки подались по городам, обратно в деревню не спешат ворочаться.

- Мама пилит, пилит... Чего я в городах забыла?

Присела на корточки перед отцом Валя, смотрит на отца, и так Сергею Матвеевичу больно стало от умных, страдающих глаз, что чуть не расплакался. Добрая у них дочь, отзывчивая. Белая худая шея с глубокой впадинкой кажется слабенькой. Впервые отец заметил на лице дочери легкие морщинки, вблизи оно показалось незнакомым, но более близким, чем то, которое постоянно видит издали. Впечатление было настолько ново, что Сергей Матвеевич поперхнулся и раскашлялся.

- Худо вы с мамой старались, одну меня родили, а Доводкины - шесть девок да три парня. Едут - и правильно. Как всем по дому, это сколько домов заводить надо? А тут колхоз один свинарник подлатать не может... До весны бы дожить, весной... весной на трактористку в МТС пойду учиться. И Машка со мной.

- Ну-у?

- Думаешь, не смогу?

- Что ты, что ты!

Сергей Матвеевич подтягивает под себя кульяпку с деревяшкой, быстро встаёт.

- Да ты у нас!.. Атаманша! Вот ты кто! Парнем бы тебе надо родиться!

Лицо Сергея Матвеевича расплылось в широкой ласковой улыбке.

- Осилишь, как пить дать, осилишь! - сказал он с радостной торжественностью.

- И Машка осилит! Она хоть и маленькая, да удаленькая.

Вале было как-то особенно радостно думать, что рядом с ней замечательный

отец; порой он кажется обыденным, озабоченным, даже тусклым, а вдруг неожиданно освещается сверкающей красотой своей души.

Ночь Сергей Матвеевич ковылял возле свинарника. Тяжелое небо висело над головой. Оно не было пустым и безмолвным - по краю поля приглушенно грызлись собаки. Сергей Матвеевич знал, что это волки, они, должно быть, попробовали свинины - сколько говорил девкам, что не выбрасывайте дохлых поросят, не приманивайте зверёв; вобрав голову и плечи, хлестал крепким колом по стенам. Звуки лопались, тёмная даль аукалась от глухих ударов. Станет прикуривать цигарку, сунется лицом в ладони, и почуздится ему, что загорелся в его руках большой костёр, и костер этот пламенеет, вырывается сидящих в этот час возле своих окон деревенских жителей и зовёт в темноту, ближе к нему; за его ладонями спит в немоте родная деревня; прикурит, уставится в едва заметные ряды чернеющих изб, и хочется придать соторённой умом картине многозначительный характер: он за всех ответ держит!

Стужа. Время почти остановилось. Хочется пихать его руками, бить палкой не стену - бить время; табачный дым перехватывает дыхание... Хорошо быть сытым и богатым и спать в теплой постели - мысли Сергея Матвеевича опять «гостят» в райцентре: «Пленные как у нас высоко залетали! Давно ли голос пленного был тоньше комариного писку, а ныне... Рано умер товарищ Сталин. Кабы ещё пожил лет десяток... В колхозе иной не в сноп, не в горсть, а только до райцентра выбрался, ты к нему с уважением: Николай Иваныч. Мишка Каликин уже опер, преступников ему подавай...» И крутится в голове длинная повесть печальных страданий, выпавших на долю деревни. И как будто Сергею Матвеевичу, привалившемуся пророгшим телом к стене свинарника, не было дела до рыскающих волков, он сравнивал волков с сбежавшими из деревень за лучшей долей мужиков. «Кто где пристроился...

С войны пришли с паспортами, пожалуйста... а нет бы всем миром за краюху хлеба вцепиться? Поднять деревню, а там бежите...»

Днём бригадирша Маша Доводкина далеко выходила в поле, нашла, что количество волчьих следов с каждой ночью прибывает и следы жмутся к самым стенам. Бегала к председателю колхоза. Нашла председателя за самоваром. Тот пил чай с кренделями, на шее лежало вышитое полотенце. Сам как помытый в парной бане.

У порога молитвенно сложила руки и хнычающим голосом произнесла:

- Василий Васильевич! Защита ты наша и опора! Под стенами свинарника волки шастают!

С безумной торопливостью бегают глаза председателя, с холодным вниманием осматривает он свою маленькую молоденькую бригадиршу, полотенце с шеи сдернул.

Пробурчал не то смущенно, не то обиженно:

- Ну вот, ещё и карауль я...

- Что делать, что делать, Василий Васильевич?

- Что, что... пугать. У стариков должны быть ружьишки, как же иначе...

- Да какие? Какие у нас в деревне старики, Василий Васильевич?

Ночь Сергей Матвеевич отстоял, а утром, держась за стену рукой, говорит шепотом бригадирше Маше Доводкиной:

- Долго мне не выдержать.

- Страшно, дядька Сергей? - тоже шепотом спрашивает Маша.

- Горло надсадил. Кричал, матом ругался... Васю Каликина проси. У Каликиных ружьё есть. Васю в тулуп завернуть, посадить на потолок свинарника, Вася... Вася танкистом был, горел Вася...

Тут же бригадирша Маша Доводкина побежала к Каликиным. Скрывая неловкое волнение - когда-то был дядька Вася плечистый, рослый, с хорошим, чуть на-смешливым лицом мужик, а тут сидит на полу ребенок с большой головой, щиплет косарём лучину, - просит попугать обна-

глевших волков. Василий Савич загорелся: и ружьё ему сейчас же подавай, и патроны, и шубу. Ружье домашние держали от него подальше, боялись, что однажды не выдержит и застрелится.

...В сизой пенистой мгле простило длинное тонкое облако. То народился короткий зимний день. Два зайца-беляка, смешно подкидывая длинными ногами, один за другим выскочили на торную дорогу. Как переглянулись, понюхали поочередно убитый снег, присели - и пошли гоном.

Далеко над лесом катилось и замирало эхо.

Василия Савича скатили по двум плахам с потолка свинарника. Он был счастлив. Во всем теле чувствовалось приятное изнеможение. Смотрел на поле, давненько не виденное: сейчас поле просыпалось, подпираемое слабеньким светом восхода, тёплое глазки, такое свежее, такое родное, что хотелось говорить тихо, боясь помешать сладкой дрёме, но взамен того Василий Савич чуть не кричал:

- В упор, Серега!.. В бок, где броня тоньше! Я его долго подпускал, палец на крючке онемел! Во, рукой за загривок чуть не держу, и под лопатку, под лопатку фашиста гадючего!

Сергей Матвеевич заглядывал в лицо Васе, жал руки и радовался, словно не Вася застрелил волка, а он.

- Ну вот, а то сидишь без дела, - говорил, пытаясь привязать Васю к санкам верёвкой.

- Не, не, я сам! Руки на что?! А? Помнишь, как с угоров катались? Серега, притащи волчару, дай шерсть пощупать.

- Ага, притащу я тебе добычу, - хмыкнул Сергей Матвеевич и хлопнул Василия по плечу. - Девки, притащите. Первый трофеей,

- Что ты, дядька Сергей, я и притронутся-то боюсь, - испуганно сказала бригадирша Маша, прячась за Валю.

- Перестань давай, трусиха.

Где Василий Савич сам отталкивается, где Маша Доводкина санки тащит, правятся они домой. Бабы за водой в этот

утренний час идут, Василия Савича поздравляют, - быстро пробежал по деревне слух, что Вася Каликин волка укокошил, и тут же выговор дают:

- Прошлым летом двух баранов у нас волки задрали. Еле-еле налог вытянули.

Давно бы тебе надо, Василий, за ум взяться, смотри, как у тебя ловко получается... Не страшно одному-то, в эскую стужу? Молодка какая не пришла караул скоротать?

- Эх, бабы! Ровно я воскрес!

- А то! Без настоящего дела человек чахнет.

Сергей Матвеевич волка ободрал, мясо на кусочки порубил, хряку-производителю в корыто вывалил. Хорошая добавка к мёрзлой картошке.

На небе Сергей Матвеевич прочел что-то хорошее. Может быть, облака, очень похожие на гигантских белых птиц, несли добрые вести о близкой весне, или что иное, хотя чужд и холoden был высокий полёт.

Он рубит дрова топором у свинарника. Щепки и осколки брызжут по сторонам. Дрова сырье, дров сегодня много. Бригадирша Маша Доводкина посыпала за дровами пятерых женщин. Пять возов - пять дней жить можно.

«А весной, - Сергей Матвеевич на миг переводит дух, - Весной... заживём! Народ мы тяглой! Валюха наша учиться пойдёт... ну и пускай! Хорошая трактористка будет, в первых рядах!»

Жизнь плелась-дёргалась как старая кляча, изводила людей и скотину. Жизнь редко смеялась солнышком, чаще хмурилась непогодью. Деревня день ото дня просыпалась всё раньше, люди с надеждой смотрели в потеплевшие окна, а пока вся обыденность текла по старому расписанию: хлопотно, холодно и печально; до весны ещё надо дожить.

Третий день пустое небо жжёт стужей. Вот и верь, что весна не за горами.

Объявился Соколов. Топает вдоль деревни к своему недостроенному пятистенку, волосы, как у монаха, на плечи легли, черная курчавая борода до половины закрывает лицо, шаг вольный.

Приворачивает к Григорьевым. «Выдь, - просит, - Сергей Матвеич, покумекать надь». Вышли на улицу, смотрит Сергей Матвеевич - один ободранный о ледяной наст тулуп на мужике, ни рубашки, ни майки даже.

- Не зябнешь? - прищуриваясь, спрашивает Сергей Матвеевич, заходя сбоку.

- Нет, - угрюмо отвечает Соколов.

- Мы уж тебя на деревне списали вчестую, думали, всё, каюк.

- Поторопились. Здесь жить буду и умру здесь. Хоромы свои поднять надь.

- Под смертью ходил?

- Из ада вышел. Стрелка взбесившегося компаса остановилась на точке «я». Поздновато, однако, далеко унесли меня шальные ветры, да надь себя поискать. Гардероб... - Соколов потряс полами тулупа, продолжил речь с усмешкой, будто о другом человеке он говорил; на глаза навернулись слезинки, губы подёрнулись.

- Гардероб весь на мне.

- Дело наживное, - с расстановкой произнес Сергей Матвеевич.

- А жить охота! Охота жить, Сергей Матвеич! Смерть - это просто, страшно себя потерять. Жизнь - это такая малость... кто-то из святых отцов сказал, что её надь передать, облагородить и возвысить.

- Куда тебя понесло-то, числитель со знаменателем! Похвально, однако. Эх, взводного бы моего тебе в учителя! Взводный бы тебе курс выправил! Шибко грамотный парень был, страсть! У мира силу проси.

- Надь. Я в рождественский сочельник первую звезду ждал. Всё, Сергей Матвеич, думал, сказка для глупых старух эта звезда, ан нет!

Сергей Матвеевич онемел: стоит перед ним могучий мужик с тихими голубыми глазами, прогрессий, голодный, верно голову приклонить не знает куда - и говорит о звездах... умом, что ли, тронулся?

- Вышла она, трепетная, на северо-востоке в начале пятого, одна себе под углом градусов сорок пять... Вот тут, - Соколов с обидчивой горячностью постучал

кулаком по своей голой груди, - тут всё у меня ныло, горело, мне было стыдно. Стыдно!

Как человек, сделавший важное открытие в самом себе, Соколов выглядел гордым, хотя лицо его выражало приступ удивления.

Молчание! Сколько надо времени, чтобы ощутить счастье? Секунда, миг, всё остальное лишь устои внутреннего мира. Молчание многозначительнее любого слова, всякое красноречие кажется лишним.

- Дом, говоришь, достраивать будешь? А какой силой? В райцентре ватажников надыбал? - спросил Сергей Матвеевич.

- Силы в обрез: ты да я, да мы с тобой.

- Чудак, - сказал Сергей Матвеевич с приглушенным смешком. - Морозишь меня на улице, про звезды голову морозишь, в тепле не мог сказать? Числитель ты со знаменателем. Святые на зов не придут, избу не подымут, хлебом не накормят, вином не напоят.

Звал Сергей Матвеевич Соколова ночевать - отказался.

Один пошёл в теплую избу, другой, напитанный тишиной и тихой мощью природы, величием Небесного океана... У каждого своя дорога.

...На Введенскую было назначено отчетно-перевыборное колхозное собрание. Василий Васильевич запросился в отставку.

На улице сырость, слякоть, летят хлюпающие клочья снега. Этой осенью даже на Покров не изладилось приличного заморозка.

Собрание проходило в клубе (большущий пятистенок раскулаченных Бурцевых), присутствовали первый секретарь райкома партии и его протеже - молодой субъект невысокого роста, в очках и, что странно, в шляпе. Он сильно походил на напуганную ворону. То сидел, втиснувшись в стул, то порывался выпрямиться - от лиц колхозников, как от холода близкой реки, исходили холодная вежливость и настороженность, у него, должно быть, ломило плечи. Все ждали и гадали: по-

тянет ли ЭТОТ председательскую лямку? Большинство колхозников в душе было рады смене председателя, порядком надоели обрюзгший и располневший Василий Васильевич. Хотелось молодого, собой гвардейских статей мужика, хозяйственного, доброго, а ЭТОТ еле перебирает ногами. Больной, что ли?

Долго выступал Василий Васильевич. Путался в бумагах, то в очках читал подготовленные бухгалтером материалы, то без очков, кряхтел, из зала сказанному подтверждения ждал. У меня, сказал в самом конце, голова постоянно кружится, ночью сплю худо, нервы испорчены, глаза видят худо. Вон, рукой тычет в зал, сколько молодёжи послевоенной поднялось, заменить, слава богу, есть кем. И предложил кандидатуру Маши Доводкиной. Правильно, есть кем заменить, да устроит ли замена райком партии, вот где собака зарыта!

- Здоровья у меня осталось только ключи от склада носить, - то ли в щутку, то ли с намеком закончил своё выступление.

Горят керосиновые лампы. Их желтый колеблющийся свет ещё больше разжигает любопытство.

Секретарь райкома партии предлагает колхозникам молодого очкарика Георгия Фирсовича. Георгий Фирсович вскакивает с места, озирается, мнёт в руках шляпу, лицо плачевно-грустное. По словам секретаря, Георгий Фирсович подаёт надежды быть хорошим руководителем. На должности заведующего районным архивом показал себя грамотным, трудолюбивым, дальновидным, дисциплинированным специалистом.

Запросил слова Сергей Матвеевич Григорьев. Вышел вперёд, гремя новеньkim протезом, извинения попросил у секретаря райкома и Георгия Фирсовича, и говорит:

- Так-то бы оно так... власть нужна. Не в обиду будет сказано, товарищ секретарь, и ты не обижайся на нас, товарищ из архива, - вроде бы кота в мешке привезли, а, крещёные? А вы, товарищ секретарь, про-

тив не будете, если я кандидатуру одного нашего предложу?.. Соколов, выйди сюда.

Медленно встал с лавки бывший моряк Соколов, хотел шагнуть к Сергею Матвеевичу, но, помедлив, сел обратно.

- Не трусь, и я упрусь, - подбодрил Сергей Матвеевич.

- Да тут... - потупился Соколов, почесал бровь, решительно встал и вышел вперёд. Ближе к осени он неузнаваемо преобразился. Сегодня обут, одет, одеколоном спрыснут, осторожно гладит рукой свою выбритую щеку.

- Все знаете его? - спросил Сергей Матвеевич.

- А то! Наслышишь!

- Давай, Соколов, доложи народу о себе и своем курсе, - говорит Сергей Матвеевич.

Опустил голову Соколов, вздохнул и говорит:

- Без меня меня женили, я на мельнице молол, - пропел из частушки. - С тобой, Матвеич, и посекретничать-то нельзя. Я шутя и сказал-то, а ты...

- А чего шутить-то, Соколов, возьмись да правь от всей правды, - сказал Сергей Матвеевич. - Капитаном будь, одним словом. Команда, конечно, не ахти как бравая, больше бабья, но если вожак ого-го!

- Сергей Матвеевич погрозил кулаком. - То и команда подтянется. Верно, бабоньки?

Молчит народ. Боязно! Длинная у райкома партии рука. Матвеич разглагольствует вольно, а как прищучат... а как завтра!... а как план по хлебопоставкам увеличат?!

Секретарь райкома старался сохранить вид спокойный и равнодушный к выдвинутой кандидатуре. Но, чувствуя, что ему нужно решаться, проговорил с притворной сердитостью:

- Товарищи колхозники, какое будет ваше мнение?

- Свой, знаем... в числителе нонче у него порядок!

- Что-то я не понял про числитель, - спрашивает секретарь Сергея Матвеевича. - Товарищ Соколов из учителей?

Ожил зал. Заскрипели стулья, шепот пополз по рядам.

- Из моряков я, - ответил Соколов.

- Соглашайся, Соколов, - вылетели из зала торопливые женские слова.

- Что ж, я рад. Рад, что вы выбираете своего председателя, которому верите. Свой - он и есть свой, что говорить, - сказал секретарь райкома.

А Соколов переступил с ноги на ногу, подтянулся весь, глянул на Сергея Матвеевича, удивленно хмыкнул:

- Ну, сват, сам себе не верю... ловок же ты, дьявол!

- Ты бабам-то скажи про курс, про звезду, только коротко, и как жить дальше будем, - подтолкнул Сергей Матвеевич.

Улыбается он: доволен!

- Курс... - у Соколова возле переносицы обозначилась заботливая морщинка. Посмотрел на внимательно изучающего его секретаря райкома, продолжил: - Курс такой: надо жить кучнее, с миром жить, и мир уважать, и жить богато!

...Валю Григорьеву увёз в свою деревню демобилизованный пограничник Митя.

...Василий Савич Каликин мастерит себе тележку с рычажками и педальками. Не раз писал в военкомат, чтоб помогли с тележкой, да жаль, в военкомате не шьют не порют.

Сердитая буква

Ольга
КУЛЬНЕВСКАЯ

Ольга Павловна Кульневская родилась в 1958 году в Великом Устюге. Работает заведующей отделом информации районной газеты «Советская мысль».

Как руководитель великоустюгского литературного объединения принимает участие в подготовке, художественном оформлении и издании книг авторов-устюжан, в газете ведёт «Литературную страницу». Стихи и проза публиковались на страницах районных и областных газет, в краеведческом альманахе «Великий Устюг», во всех коллективных сборниках великоустюгского литературного объединения, в региональном альманахе «Звезда Поюжья», в журнале «Вологодский ЛАД», неоднократно - в детском журнале «Мурзилка».

Автор поэтических книг «В шёпоте дождя» (Великий Устюг, 2001), «Всему свой свет...» (Великий Устюг, 2010).

Член Союза журналистов России, победитель трёх различных всероссийских журналистских конкурсов (в 2011 году и дважды в 2010), неоднократный победитель областных журналистских конкурсов.

Как долго тянулась зима! Ну, вот на календаре и март.

...Аленкина мама смотрит за окно на высокие и словно чисто-чисто вымытые небеса и говорит сама себе:

- Пришел, наконец-то, протальник-капельник... - и хорошо так улыбается. Такой мамина улыбка бывает, когда Алёнка чем-нибудь маму порадует.

А та к Алёнке поворачивается и спрашивает весело:

- Дочка, хочешь карамельку? А может, грушу?

Но хитрая Алёнка понимает, почему мама это спрашивает, и отвечает ей в тон:

- Яблоко хочу!

Дело в том, что Алёнка, хоть и ходит уже в детский сад, но почему-то не выговаривает букву «р». Ну, никак не получается у неё эта сердитая буква.

В том, что буква эта сердитая, Алёнка ничуть не сомневается. «Р-р-р!» - так рычит злая собака. «Р-р-р!» - так грохочет большой и страшный грузовик. Даже гром во время летней грозы оглушительно громко выговаривает эту ужасную букву...

Ничего весёлого в ней нет - не нравится она Алёнке...

- Хорошо, съешь яблоко и пойди погуляй. Вон какое солнышко на улице! Весна...

...Солнце на улице и на самом деле было ого-го какое! Алёнка даже зажмурилась сначала и потом долго привыкала к его ослепительному сиянию. Сиял всё ещё пока белый снег, сияли лужицы у крыльца, куда с брызгами падали сверху сосулькины слёзки. И сами сосульки сияли в солнечных лучах, как бриллианты. И весь воздух, казалось, был наполнен светом!

Алёнка глубоко вздохнула от непонятной радости, вдруг охватившей её. И от вздоха радость эта стала ещё сильнее, потому что воздух был таким свежим, таким волшебно вкусным, что Алёнка чуть не задохнулась. Она восторженно смотрела

на этот сияющий весенний мир и неожиданно почувствовала, что растворяется в нём. Это просторное синее небо - это она, Алёнка! Это солнечное золото - это тоже она, Алёнка! Она - этот весенний запах, это звонкое воробышко чириканье, эти радужные брызги капели и яркие блики звёзды в лужицах у крыльца!..

Она сделала несколько шагов по влажному снегу и вдруг увидела совсем близко, на заборе, большущую ворону. Та внимательно следила за Алёнкой, вытянув шею и поблескивая бусинками глаз.

- Ты чего? - рассмеялась Алёнка. - Что-то хочешь мне сказать?

И ворона очень громко и раскатисто ответила:

- Кар-р-р!

Потом тяжело взмахнула чёрными крыльями, перелетела подальше - на толстый сук старого тополя возле дома и снова гортанно и зычно изрекла, обращаясь к Алёнке:

- Кар-р-р!

И так у нее это вышло весело, так гулко откликнулось в пронизанной солнцем кроне тополя и хрустяще, словно куски

сахара по столу, рассыпалось по соседним сугробам, что Алёнкин смеющийся рот сам по себе вдруг приоткрылся, а язык самостоятельно и четко произнес, повторив следом:

- Кар-р-р!

Ворона взъерошилась, похлопала крыльями и снялась со своего места. Алёнка, улыбаясь, смотрела, как она улетает куда-то за соседний дом, как скрылась из виду, и уже оттуда, из-за дома, послышалось воронье карканье.

...Дома, едва скинув пальто, Алёнка побежала к маме на кухню:

- Мама, я... р-р...разговаривала с вороной! Вот так: кар-р-р! И я хочу гр-рушу! И кар-рамельку!

Весь вечер Алёнка искала дома слова с буквой «р» и старательно их выговаривала: р-роза, сахар-р, кр-ресло, кр-ровать, картина, ковер-р, кр-ружка, кастр-рюля, кр-рышка, пр-ряник, р-радость...

А буква-то, оказывается, вовсе не сердитая. Зря Алёнка так про неё думала.

Декабрь 2014 г.

Фото Алексея Колосова

Два рассказа про армию

**Алексей
МУРАТОВ**

Алексей Игоревич Муратов родился в Костромской области. Майор запаса. Ветеран боевых действий. Призёр и лауреат двух всероссийских литературных конкурсов. «Вологодский ЛАД» публиковал рассказы А. И. Муратова.

АЛЬБОМ

Положив голову на сложенные крестом на столике руки, я не пытаюсь заснуть. Я не хочу спать, просто мне надо закрыть глаза, чтобы воспроизвести то, что я хочу видеть. Кто я сейчас? Всё тот же маленький мальчик, которого в моих же снах всё ещё будит зимними утрами мама и которому никак не хочется выбираться из-под одеяла, пока она не погладит рубашку, чтобы надеть её тёплой? Тот же маленький мальчик, хранящий в вырытом на задворках тайничке свои главные сокровища - несколько крупных кусочков цветного стекла? Не так давно я нашёл их. Случайно, конечно. В ящичке из плотного картона, в нижнем отделении серванта. Моя мама хранит их вместе с моими вещами, представлявшими для меня в разное время какую-то ценность. Здесь почтовые марки легко соседствуют с обёртками от жевательной резинки и школьными табелями. Почётные грамоты за спорт и даже учёбу перемежаются несколькими письмами от первой любимой девушки. Даже не одной, оказывается. Рядом фотоальбом. Вот куда подевались практически все мои фотографии! В наклеенных снимках нет системы. Она не нужна ей, моей маме. Зачем? Когда любят, не любят по системе... Я листаю альбом, точнее, пролистываю. Как это увлекательно, оказывается, открывать лист с запечатлёнными мгновениями из твоей же жизни - лист, не признающий никакой последовательности и временных рамок. И это не лента видеопленки: её-то можно прокрутить вперёд и назад с выбранной тобой же скоростью. Альбом - продолжение этого же ящичка, где кусочки стекла соседствуют с первыми письмами от любимой девушки, почтовые марки - с почётными грамотами, обёртки

от жевательной резинки - со школьными табелями. Я не хочу спать. Я знаю, что снова проснусь в этом же вагоне этого же поезда и мама не предложит мне надеть ещё тёплую рубашку. Я знаю, что если засну, я увижу не то, что хочу увидеть. Сейчас я вспоминаю мамин ящичек. Сейчас я мальчик и юноша из собранного мною фотоальбома. И я отталкиваю от себя давно знакомое ощущение того, что я не хочу. Когда я не сплю, у меня это получается. Когда сплю - нет. Мне уже очень давно не снятся нормальные, невоенные сны.

Кто-то садится напротив меня. Я неохотно выпрямляюсь и вижу перед собой невысокого, какого-то скованного, молодого, лет двадцати, паренька. Он вежливо здоровается со мной, затем отдергивает оконную занавеску. Я спрашиваю название этой станции. Он отвечает. Отвечает сразу, словно ждал именно этого, пусть и дежурного вопроса. Мне всегда казалось, что на Север, наш русский Север, в плацкартных вагонах должны ехать или возвращаться люди, удел которых - судьба. Судьба ехать к родственникам на свадьбы или поминки. Проведать родителей, детей, сестер или братьев, просто друзей, с которыми давно не виделся и без слов и глаз которых бывает порой так трудно жить. Я редко ошибаюсь. Я узнаю его, сына русского Севера, узнаю так же безошибочно, как наша славная милиция узнает в любой толпе человека с честно заработанными и поэтому бережно сохраняемыми им деньгами. Я разговариваю с ним, глядя в его настороженные глаза. Он весь как на ладони. Он - легкая добыча для каждого, получившего выше тройки в школе выживания в нынешнее время. Нет, он нигде не учится. Он плохо знает физику и математику, так как их учительница в третьей четверти его десятого класса, предварительно забеременев, уехала, прокляв на прощание этот забытый Богом угол России. Он только что отслужил ей, своей Родине, честно, почти два года без отпуска. Служил как мог, как служили ей его отец и два деда, оба неизвестно где и как похороненные. Он не

ходил под пулями, не вытаскивал из-под огня раненых, он просто служил там, куда его призывали. Он не захотел легкой жизни и отказался от денег, которые совал ему прaporщик, покупая ими после выгрузки в рыночный контейнер собранной из кантёрки парадной солдатской формы его молчание. Он отказался подписывать контракт, предложенный ему, видимо, из-за его хронической безотказности аж командиром части...

Я просто говорил с ним. Он просто говорил со мной. Он своё отслужил. Я тоже. Я знал, кто он. Он не знал, кто я... Он спрашивал меня: на сколько дней ему может хватить денег в ожидании самолёта до его посёлка, если по каким-то причинам в Архангельске не окажется его двоюродной сестры, и где ему в это время жить. Я не знал ответа. Он жалел, что с его суточных на дорогу вычли половину, так и не объяснив толком, за что или на что... Он отказался от предложенных ему мной нескольких сотен, но не отказался от пирожков и лимонада, купленных мной из расчета на двоих на одной из станций...

А знали бы вы, как зажглись его глаза, когда он, вчерашний солдат наших непобедимых Вооруженных Сил, начал рассказывать о том, как они однажды плыли с отцом на лодке и как внезапно появился медведь! Как он сейчас, задним числом, жалеет, что у них не было в тот момент такого грозного оружия как автомат Калашникова, из которого он стрелял аж три раза за два года своей службы! Он рассказывал мне и о своих единственных, в полной мере ЕГО учениях, проходивших почему-то не за триста км, как было написано в плане, а всего лишь за пятьсот метров от забора собственной части. Он тогда экономил единственный за всю службу настоящий армейский сухой паек, выданный ему лично, наверняка представляя себе, что завтра, может, не будет и этого, а может, не будет и завтра...

Я купил у проводника несколько пачек печенья и бутылку минералки. Я отдал пареньку этот пакет и воинскую честь, прощаясь с ним на перроне железнодо-

рожного вокзала родного мне города. Это было всё, что я мог для него сделать. Точнее, это было всё, что он захотел принять.

Где-то в моём сознании тоже есть ящичек, так похожий на мамин. Перемешанные друг с другом обрывки воспоминаний, образов, эпизодов. Того, что сейчас принято называть файлами. Пустые глазницы полуразрушенных домов, фонтанчики пыли от ложащихся так близко пуль; высохшие пятна крови, которые стараешься не задевать, забираясь на броню... В этом моем, казалось, уже закрытом военном ящичке сегодня прибыло. Обычный солдат, возвращающийся домой.

О САШКЕ, АЛЕКСАНДРЕ, ПОБЕДИТЕЛЕ...

Я стою практически смирно, держа за спиной на всякий случай два кукиша.

- Литинант. Вы... да, Вы... Вы со всем... Где??? Покажи мне, где снайпер в штатах узла связи??? Что я проверяющим скажу??? Что я разрешил выдачу?? Трёх патронов для СВД!!! На пристрелку!!! Снайперской винтовки!!! Взводу связи?! Ты смерти моей хочешь? Литинант! Я и так умру... Я тебя чисто по-человечески прошу. Не помогай ты мне в этом деле... Не помогай, господь Богом прошу!

Остальное пропускаю. Я уже прицелился, откуда позвонить в санчасть. Мой командир части мне многое позволяет. Не без этого. А мне и терять нечего. Разжаловать-то некуда. Послать дальше, чем я есть, никак. У меня и узел связи, кстати, так называется - Горизонт. У всех всегда на виду. Дальше уже не видно.

- Даёк, товарищ полковник, люди ладно, но ему собак кормить нечем! - так, не разжимая пальцев, сложенныхных фигами, я пытался контратаковать полковника.

Однако контратака сразу захлебнулась в ответных «пи-пи-пи». И вдруг:

- Бля! Это не твои ли долбоклюи обнесли ларек? На сорок тыщ, заметь, обнесли...

Это прокол! Прижатая огнём ругани и крика пехота в моём лице воспряла духом.

- Не, товарищ полковник. Вы по-путали. Это как раз мои нашли тех, кто ларек обнёс. Вот тот самый, для которого я прошу три патрона выписать, и нашёл. Точнее, не он, а его собака. На сносях она. И голодная. Ей же ведь не объяснишь, что мы сами последний хрен, и тот без соли....

Поток «пи» на мою покаянную голову стал менее обильным, потом и вовсе сменился препирательствами. В конце концов командир, недобро покосившись, взял трубку и без всяких предисловий вызвал командаира 1-й роты.

Генка появился примерно через три минуты, показавшиеся мне бесконечностью. Попробуйте-ка выдержать без единого слова пристальный взгляд «глаза в глаза» человека, обвшанного властью...

- Капитан! Выпиши три патрона и отдай этому лохмандею. Три! Для СВД. Нет - лучше выпиши пять. На твою роту два. Так вот. И не забудьте мне ляжку привести. Я тож, кстати, живой ёщё, как бы какие-то литинанты ни старались.

Вот это подарок так подарок! А то пришлось бы ёщё с Генкой делиться...

- Уф! - я вытер рукавом выступивший пот. Генка - боевой ротный. Кстати, мы с ним друзья. Он первый, с кем я познакомился в этой части. Периодически напиваемся. Как правило, тогда, когда я получаю для техобслуживания спирт. «Роялем» мы брезгуем. Между прочим, не бывает непьющих связистов. Бывают только закодированные...

Поскольку я не Чехов с его ружьём на стенке, то разные лирические отступления пропущу. Не помню, какого цвета была заря и всякое такое прочее. Просто пошли и завалили трёх лосей, сэкономив при этом один патрон. Все семь человек, участвовавших в битве за выживание, были горды победой. Я, восьмой, сам напросившийся на почётную должность мясоносца, тоже.

Ельть! Как я материл свою предпримчивость и инициативу! На меня нагрузили килограммов сорок.

Нести пришлось примерно километра три. И не по шоссе. Когда мы добрались до

поселка, то сразу же, не глядя, обменяли часть мяса на три бутылки водяры. Всего таких ходок мы сделали три. Повторяю, три. Пусть любители борьбы с пьянством и алкоголизмом тряпят, что хотят. Пусть они вылезут из своих теплых квартир на первый снежок и пройдут хотя бы один разок по той так называемой дороге. И пусть, пройдя только раз, заставят себя на неё вернуться.

Сашка был счастлив. Его Ера - именно так звали эту легенду нашего полка, его немецкую сучку - была счастлива не меньше. Да и все мы. Полк ел эту лосятину примерно с неделю. А участники битвы на правах победителей жрали её месяц. Ну, и командир, конечно, тоже. Вот пишу сейчас и понимаю, что даже помню вкус этой лосятины, притомленной с черносливом в духовке...

Читатель, успокойся! Вот же он, мой главный герой. Саня. Вот он... Родом с Западной Украины, где целый посёлок не понимает, что говорит житель соседнего поселения. Жуткая смесь русских, украинских, польских, румынских и ещё каких-то слов в речи моего героя. Попав сюда, на Русский Север, он влюбился в него и остался служить. Ещё на срочке зеки приговорили его к смерти. Он завалил одного кадра, пнувшего его собаку. Завалил, если рассуждать по закону, неправильно. Пришлось под нужный закон подстраиваться, переместив на 5 метров флаги. Убитый был редкостной сволочью: два изнасилования малолеток. И кто сказал, что все, осуждённые по 117-й, на зоне ходят в петухах? Этот-то ещё и авторитетом был, оказывается. Был.

Саньке тогда полоснули бритвой по глазам. Задели правый. Глаз на вид как глаз. Только не видит ничего... Компанию «любителю малолеток» составила ещё пара кадров. А Санька с тех пор стреляет с левого плеча. Нормально, кстати, стреляет.

И всё же от работы на воздухе и с людьми его начальство отстранило. Так

он ко мне и попал. Должность у начсекида связи чокнутая, но Саня и этому рад. Даже улыбаться не разучился.

- Саша! Ты собак больше, чем людей, любишь. За что?

- Воны нэ могут врать, - ответил он мне после очередного получения спирта на техобслуживание.

Примерно через год нашу часть сократили. На это место не пришёл уже никто и никогда не придёт.

Я помню, как я вышел, пьяный, из столовой, в которой мы, двадцать с чем-то человек, оставшихся на тонущем «Титанике» нашей части, последний раз напились вместе. А на последние деньги купили шампанского и мыли им полы этой столовой. Мы жрали тогда такую же лосятину с черносливом и пили заморский спирт. Тот самый «Роял», которым брезговали когда-то...

На плацу на трёхногом стуле сидел Сашка и играл сам себе на баяне вальс. «На сопках Манчжурии», кажется.

Саня потом будет в Чечне раза три. С другой собакой, внуchkой той самой Еры, которая однажды отыскала даже стыренные сигареты в куче угля. Собака Сани найдёт столько мин и всякой опасной фигни, что вполне потянет на звание Героя России. Однако собакам не дают званий.

А впоследствии уже правнучка Еры разыщет убийцу, расчленившего труп семнадцатилетней девчонки. При проведении следственных действий преступник попытается убежать. Флажков, разумеется, при этом не будет - переставлять их не придётся...

Всё это будет потом.

А сейчас я стою перед командиром и держу на всякий случай за спиной две фиги: Ера на сносях и жрать хочет.

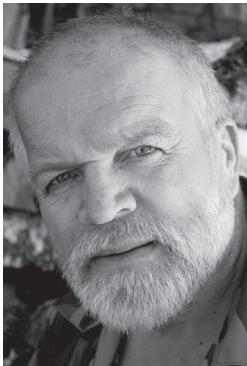
«Полковник! Дай три патрона».

70 лет Великой Победы

Берлин

Фрагмент из книги «Жуков. Маршал на белом коне»

«Уравнение со многими неизвестными...»

Сергей
МИХЕЕНКОВ

Сергей Егорович Михеенков родился в 1955 году в Калужской области. Окончил Калужский государственный педагогический институт имени К. Э. Циолковского, Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР. Работал учителем, журналистом, научным сотрудником краеведческого музея.

Член Союза писателей России. Автор более тридцати книг прозы и документально-исторических исследований, лауреат нескольких литературных премий. Книга Сергея Михеенкова «Конев. Солдатский маршал» (2013) признана одной из лучших в серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия» за последние годы.

К 70-летию Великой Победы в «ЖЗЛ» в марте 2015 года вышла книга С. Е. Михеенкова о Георгии Жукове; сейчас писатель работает над биографией еще одного прославленного полководца - маршала Константина Рокоссовского. Живет в Тарусе (Калужская область).

Спустя годы маршал, размышляя о Берлинской операции, твердо стоял на своём: «Ошибка не было. Однако следует признать, что нами была допущена оплошность, которая затянула сражение при прорыве тактической зоны на один-два дня.

При подготовке операции мы несколько недооценивали сложность характера местности в районе Зеевских высот, где противник имел возможность организовать труднопреодолимую оборону. Находясь в 10-12 километрах от наших исходных рубежей, глубоко врывшись в землю, особенно за обратными скатами высот, противник смог уберечь свои силы и технику от огня нашей артиллерии и бомбардировок авиации. Правда, на подготовку Берлинской операции мы имели крайне ограниченное время, но и это не может служить оправданием.

Вину за недоработку вопроса, прежде всего, я должен взять на себя.

Думаю, что если не публично, то в размышлениях наедине с самим собой ответственность за недостаточную готовность к взятию Зеевских высот в армейском масштабе возьмут на себя и соответствующие командующие армиями. При планировании артиллерийского наступления следовало бы предусмотреть трудности уничтожения обороны противника в этом районе.

Сейчас, спустя много времени, размышляя о плане Берлинской операции, я пришёл к выводу, что разгром берлинской группировки противника и взятие самого Берлина были сделаны правильно, но можно было бы эту операцию осуществить и несколько иначе.

Слов нет, теперь, когда с исчерпывающей полнотой всё ясно, куда легче мысленно строить наступательный план, чем

тогда, когда надо было практически решать уравнение со многими неизвестными. И всё же хочу поделиться своими соображениями по этому поводу.

Взятие Берлина следовало бы сразу, и в обязательном порядке, поручить двум фронтам: 1-му Белорусскому и 1-му Украинскому, а разграничительную линию между ними провести так: Франкфурт-на-Одере - Фюрстенвальде - центр Берлина. При этом варианте главная группировка 1-го Белорусского фронта могла нанести удар на более узком участке в обход Берлина с северо-востока, севера и северо-запада. 1-й Украинский фронт нанёс бы удар своей главной группировкой по Берлину на кратчайшем направлении, охватывая его с юга, юго-запада и запада.

Мог быть, конечно, и иной вариант: взятие Берлина поручить одному 1-му Белорусскому фронту, усилив его левое крыло не менее чем двумя общевойсковыми и двумя танковыми армиями, одной авиационной армией и соответствующими артиллерийскими и авиационными частями.

При этом варианте несколько усложнилась бы подготовка операции и управление ею, но значительно упростилось бы общее взаимодействие сил и средств по разгрому берлинской группировки противника, особенно при взятии самого города. Меньше было бы всяких трений и неясностей».

Солдат Крапилин и тут стоял перед ним, в воспоминаниях и размышлениях, в бессильной и бесплодной попытке ещё раз перевоевать Берлинскую операцию - уже более правильно, рациональнее, с наименьшими затратами и потерями. Маршал смотрел своему солдату в глаза, но нам, читателям и потомкам, так и не признался в своих сомнениях, сразу отрезав: «Ошибка не было». Но достаточно пространные рассуждения о вариантах проведённой операции, вылившаяся в пять дней и пять ночей беспрерывного кровопролития, и есть признание ошибки. Большего от такого характера, как Жуков, требовать невозможно. Это место в его книге написано чернилами бессонных ночей и мучительных раздумий. Маршал надеялся, что «соответствующие

командующие армиями» тоже «взьмут на себя» «ответственность за недостаточную готовность к взятию Зеевских высот». Но увы. Никто из генералов не пожелал этого сделать ради правды истории, видимо, опасаясь бросить тень на свои ордена.

Конев, получив «добр» Верховного на поворот своих танковых армий в северном направлении, вовсю гнал Рыбалко и Лелюшенко к Берлину. И вскоре, почти одновременно с войсками 1-го Белорусского фронта, его авангарды прорвали немецкие порядки на внешнем обводе и стали занимать квартал за кварталом. Началась гонка фронтов - кто первый доберётся до центра Берлина.

После смерти маршала Конева вышли его «Записки командующего фронтом», с главами, ранее никогда не публиковавшимися. В них он, рассказывая о Берлинской операции, затрагивает тему непростых отношений с героем нашей книги: «Известно, что Жуков не хотел и слышать, чтобы кто-либо, кроме войск 1-го Белорусского фронта, участвовал во взятии Берлина. К сожалению, надо прямо сказать, что даже тогда, когда войска 1-го Украинского фронта - 3-я и 4-я танковые армии и 28-я армия - вели бои в Берлине, - это вызвало ярость и негодование Жукова. Жуков был крайне раздражён, что воины 1-го Украинского фронта 22 апреля появились в Берлине. Он приказал генералу Чуйкову следить, куда продвигаются наши войска. По ВЧ Жуков связался с командармом 3-й танковой армии Рыбалко и ругал его за появление со своими войсками в Берлине, рассматривая это как незаконную форму действий, проявленную со стороны 1-го Украинского фронта».

Когда войска 3-й танковой армии и корпус Батицкого 27-й армии подошли на расстояние трёхсот метров к рейхстагу, Жуков кричал на Рыбалко: «Зачем вы тут появились?»

Вспоминая это время, должен сказать, что наши отношения с Георгием Константиновичем Жуковым в то время из-за Берлина были крайне обострены. Обострены

до предела, и Сталину не раз приходилось нас мирить. Об этом свидетельствует и то, что Ставка неоднократно изменяла разграничительную линию между нашими фронтами в битве за Берлин с тем, чтобы большая часть Берлина вошла в зону действия 1-го Белорусского фронта».

Пилихинская натура - не мог Жуков допустить, чтобы победу, наполовину уже урезанную Верховным, отнял сосед слева, который всю войну был его подчинённым.

И всё же первое донесение о прорыве в Берлин ушло в Москву из штаба 1-го Украинского фронта:

«Москва, тов. Сталину, лично.

1. 3 гв. ТА Рыбалко передовыми бригадами ворвалась в южную часть Берлина и к 17.30 ведёт бой за Тельтов и в центре Ланквиц.

2. 4 гв. ТА Лелюшенко - 10 тк ведёт бой в районе Зармут (10 км юго-вост. Потсдам).

22.00 22.4.45.

Конев».

Но неожиданный удар Конева на самом деле выручил войска 1-го Белорусского фронта, во многом облегчил их последующие действия и при прорыве внешнего оборонительного обвода Берлина, и во время боёв непосредственно в городе. 12-я армия генерала Венка, предназначавшаяся для контрудара по нашим частям, прорвавшим зееловский укрепрайон, была брошена против войск Конева, наступавших с южного фланга и угрожавших полным окружением берлинской группировки.

Несмотря на полную обречённость, немцы продолжали ожесточённо сопротивляться. 23 апреля Геббельс выступил по берлинскому радио с заявлением: обороною Берлина с этой минуты руководит сам фюрер, «и это придаёт битве за столицу европейское значение». Геббельс сказал, что на защиту города встало всё население, «и члены партии, вооружённые панцерфаустами, автоматами и карабинами, заняли посты на перекрёстках улиц».

А наступающие, чувствуя жестокий азарт, проламывались сквозь очередные линии пошатнувшейся обороны.

25 апреля передовые части 1-го Укра-

инского фронта вышли к Эльбе и встретились с подошедшими с западной стороны войсками 1-й американской армии.

Танкисты Рыбалко с ходу форсировали Шпрее и продвигались к центру Берлина. Вскоре выяснилось, что они идут по тылам 1-й гвардейской танковой армии Катукова и 8-й гвардейской армии Чуйкова, которые, вопреки разграничительной линии, продвигались к центру города по «чужим» кварталам.

Чтобы избежать неразберихи и удара по своим, Конев 28 апреля обратился к Жукову: «Прошу распоряжения изменить направление наступления армий т. Чуйкова и т. Катукова». Жуков эту просьбу оставил без ответа, а спустя несколько часов телеграфировал Сталину:

«Докладываю:

1. Войска 1-го Белорусского фронта, продолжая уличные бои в центре г. Берлина, к 19.00 28 апреля 1945 г. ведут бой на линии <...>

2. Я решил встречным ударом 2 гв. ТА и правого фланга 3 уд. А в юго-восточном направлении, всеми силами 5 уд. А, 1 гв. ТА и 8 гв. ТА в северо-западном направлении расколоть окружённую группировку в Берлине на две части, после чего оставшиеся очаги обороны уничтожить по частям.

По состоянию на 19.00 28 апреля 1945 г. эти наступающие навстречу друг другу группы войск фронта находятся на удалении полтора километра одна от другой и в ближайшее время соединятся.

3. Две стрелковые дивизии 28-й армии и одна мсбр 3 гв. ТА 1-го Украинского фронта, имея от Конева задачу наступать из района ст. Палештрассе (полтора километра западнее аэропорта Темпельхоф) на север вдоль железной дороги, 28 апреля 1945 г. вышли в тыл боевых порядков 8 гв. А и 1 гв. ТА.

Наступление частей Конева по тылам 8 гв. А и 1 гв. ТА создало путаницу и перемешивание частей, что крайне осложнило управление боем. Дальнейшее их продвижение в этом направлении может привести к ещё большему перемешиванию и к затруднению в управлении.

Докладывая изложенное, прошу устано-

вить разграничительную линию между войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов или разрешить мне сменить части 1-го Украинского фронта в г. Берлине».

Да, непрост был Жуков. Непрост.

Сталин приказал Коневу отвести свои войска за новую линию разграничения.

Жуков всё же настоял на своём.

30 апреля подразделения 3-й Ударной армии 1-го Белорусского фронта ворвались в рейхстаг.

Ранним утром 1 мая Жукову сообщили с командного пункта 8-й гвардейской армии: на КП прибыла группа парламентёров во главе с начальником штаба сухопутных сил генералом Кребсом. Жуков попросил Чуйкова доложить подробно. Выслушал и приказал:

- Никакого перемирия. Никаких переговоров. Только полная и безоговорочная капитуляция. Что ещё говорит Кребс?

- Говорит, что Гитлер покончил с собой.

Жуков послал в штаб Чуйкова генерала Соколовского, а сам позвонил в Москву. Ему сообщили, что Сталин только что лёг спать и просил не будить.

- Разбудите, - потребовал он. - Очень важно.

Вскоре Верховный взял трубку. Жуков доложил.

- Доигрался, подлец! - сказал Сталин.

- Жаль, что не удалось взять его живым.

Так завершилась схватка двух диктаторов, двух систем, двух народов. Но сокрушением немецкой группировки в Берлине и окрестностях военные действия не окончились. Конев повернулся свои танковые армии на Прагу. Ему ещё предстояло уничтожить крупную группировку генерала Шёрнера в Чехословакии. Ленинградский фронт маршала Говорова сдавливал окружённую и прижатую к морю Курляндскую группировку. Рокоссовский дожимал остатки 3-й танковой армии и добивал последние немецкие гарнизоны на изолированных плацдармах у Балтийского моря и на островах Борнхольм, Воллин, Рюген. Но Берлин, дыша с развалинами и смердя непогребёнными, уже лежал у ног победителей.

2 мая Верховный подписал приказ: «Войска 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова при содействии войск 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Конева после упорных уличных боёв завершили разгром берлинской группы немецких войск и сегодня, 2 мая, полностью овладели столицей Германии городом Берлин - центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии.

Берлинский гарнизон, оборонявший город, во главе с начальником обороны Берлина генералом от артиллерии Вейдлингом и его штабом, сегодня, в 15 часов, прекратил сопротивление, сложил оружие и сдался в плен.

2 мая к 21 часу нашими войсками взято в плен в городе Берлин более 70 000 немецких солдат и офицеров.

...В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение Берлином, представить к присвоению наименования «Берлинских» и к награждению орденами.

Сегодня, 2 мая, в 23 часа 30 минут, в честь исторического события - взятия Берлина советскими войсками - столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует своим доблестным войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трёхсот двадцати четырёх орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, участвовавших в боях за овладение Берлином.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины! Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза

И. Сталин.

2 мая 1945 года».

Жуков за эти бои был в третий раз удостоен звания Героя Советского Союза.

7 мая в штаб фронта из Москвы поступила телеграмма:

«Заместителю Верховного Главнокомандующего

мандующего Маршалу Советского Союза Жукову Г. К.

Ставка Верховного Главнокомандования уполномочивает Вас ратифицировать протокол о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил».

На следующий день, 8 мая, в Карлсхорсте, в восточном секторе Берлина, состоялась церемония подписания акта о безоговорочной капитуляции германских войск перед союзными войсками. Но у этой истории была предыстория, довольно неприятная для советской стороны. И теперь Жукову, как не раз это случалось, предстояло исправить ошибку.

Дело в том, что 5 мая в штаб Эйзенхауэра прибыл полномочный представитель нового президента Германии и верховного главнокомандующего гросс-адмирала Дёница для переговоров о капитуляции германских войск. Эйзенхауэр связался с Москвой и проконсультировался по поводу того, приемлемы ли предложения Дёница для советской стороны. Сталин через генерала Антонова дал согласие на подписание капитуляции немецких войск на Западном и Восточном фронтах. В Реймсе, в ставке Эйзенхауэра, капитуляцию подписали Эйзенхауэр, генерал Йодль и начальник советской военной миссии в Реймсе генерал Суслопаров. Однако Сталин вдруг спохватился, усомнившись в верности своего первоначального решения, и потребовал повторного подписания акта в Берлине. Генерал Суслопаров показался ему фигурой слишком легковесной. Да и Красная Армия заплатила несопоставимо большую цену, чтобы документ подписывали во французском городе, оккупированном американскими войсками.

Во время телефонных переговоров Сталин сказал Жукову:

- Мы договорились с союзниками считать подписание акта в Реймсе предварительным протоколом капитуляции. Завтра в Берлин прибудут представители немецкого главнокомандования и представители Верховного командования союзников. Представителем Верховного Главнокомандования советских войск назначаетесь вы.

К вам вылетел Вышинский. После подписания акта он останется в Берлине в качестве помощника главноначальствующего по политической части. Главнокомандующим по Германии назначаетесь вы, одновременно будете главнокомандующим советских оккупационных войск в Германии.

Кем становился для Сталина Жуков, когда война была закончена Победой, когда верный маршал сделал своё главное дело, можно понять только по одному факту - какого человека «по политической части» «в качестве помощника главноначальствующего» он прислал в Берлин. Правда, бывший прокурор зловещих 1930-х в то время занимал более мирный пост - заместителя наркома иностранных дел СССР.

О том дне в Карлсхорсте маршал рассказал довольно подробно в «Воспоминаниях и размышлениях»: «Как мы условились заранее, в 23 часа 45 минут Теддер, Спаатс и Латр де Тассини, представители от союзного командования, А. Я. Вышинский, К. Ф. Телегин, В. Д. Соколовский и другие собрались у меня в кабинете, находившемся рядом с залом, где должно было состояться подписание немцами акта безоговорочной капитуляции.

Ровно в 24 часа мы вошли в зал.

Начиналось 9 мая 1945 года...

Все сели за стол. Он стоял у стены, на которой были прикреплены государственные флаги Советского Союза, США, Англии, Франции.

В зале за длинными столами, покрытыми зелёным сукном, расположились генералы Красной Армии, войска которых в самый короткий срок разгромили оборону Берлина и вынудили противника сложить оружие. Здесь же присутствовали многочисленные советские и иностранные журналисты, фотокорреспонденты.

- Мы, представители Верховного Главнокомандования Советских Вооруженных Сил и Верховного командования союзных войск, - заявил я, открывая заседание, - уполномочены правительствами стран антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого военного командования. При-

гласите в зал представителей немецкого главного командования.

Все присутствовавшие повернули головы к двери, откуда сейчас должны были появиться те, кто хвастливо заявлял на весь мир о своей способности молниеносно разгромить Францию, Англию и не позже как в полтора-два месяца раздавить Советский Союз.

Первым, не спеша и стараясь сохранить видимое спокойствие, переступил порог генерал-фельдмаршал Кейтель, ближайший сподвижник Гитлера. Выше среднего роста, в парадной форме, подтянут. Он поднял руку со своим фельдмаршальским жезлом вверх, приветствуя представителей Верховного командования советских и союзных войск.

За Кейтелем появился генерал-полковник Штумпф. Невысокий, глаза полны злобы и бессилия. Одновременно вошёл адмирал флота фон Фридебург, казавшийся преждевременно состарившимся.

Немцам было предложено сесть за отдельный стол, который специально для них был поставлен недалеко от входа.

Генерал-фельдмаршал не спеша сел и поднял голову, обратив свой взгляд на нас, сидевших за столом президиума. Рядом с Кейтелем сели Штумпф и Фридебург. Сопровождавшие их офицеры встали за ними.

Я обратился к немецкой делегации:

- Имеете ли вы на руках акт безоговорочной капитуляции Германии, изучили ли его и имеете ли полномочия подписать этот акт?

Вопрос мой на английском языке повторил главный маршал авиации Теддер.

- Да, изучили и готовы подписать его, - приглушенным голосом ответил генерал-фельдмаршал Кейтель, передавая нам документ, подписанный гросс-адмиралом Дёницем. В документе значилось, что Кейтель, фон Фридебург и Штумпф уполномочены подписать акт безоговорочной капитуляции.

Это был далеко не тот надменный Кейтель, который принимал капитуляцию от побежденной Франции. Теперь он выглядел побитым, хотя и пытался сохранить какую-то позу.

Встав, я сказал:

- Предлагаю немецкой делегации подойти сюда, к столу. Здесь вы подпишете акт безоговорочной капитуляции Германии.

Кейтель быстро поднялся, устремив на нас недобрый взгляд, а затем опустил глаза и, медленно взял со столика фельдмаршальский жезл, неуверенным шагом направился к нашему столу. Монокль его упал и повис на шнурке. Лицо покрылось красными пятнами. Вместе с ним подошли к столу генерал-полковник Штумпф, адмирал флота фон Фридебург и немецкие офицеры, сопровождавшие их. Поправив монокль, Кейтель сел на край стула и слегка дрожавшей рукой подписал пять экземпляров акта. Тут же поставили подписи Штумпф и Фридебург.

После подписания акта Кейтель встал из-за стола, надел правую перчатку и вновь попытался блеснуть военной выпряткой, но это у него не получилось, и он тихо отошёл за свой стол.

В 0 часов 43 минуты 9 мая 1945 года подписание акта безоговорочной капитуляции Германии было закончено. Я предложил немецкой делегации покинуть зал.

Кейтель, Фридебург, Штумпф, поднявшись со стульев, поклонились и, склонив головы, вышли из зала. За ними вышли их штабные офицеры.

От имени советского Верховного Главнокомандования я сердечно поздравил всех присутствовавших с долгожданной победой. В зале поднялся невообразимый шум. Все друг друга поздравляли, жали руки. У многих на глазах были слёзы радости. Меня окружили боевые друзья - В. Д. Соколовский, М. С. Малинин, К. Ф. Телегин, Н. А. Антипенко, В. Я. Колпакчи, В. И. Кузнецов, С. И. Богданов, Н. Э. Берзарин, Ф. Е. Боков, П. А. Белов, А. В. Горбатов и другие.

- Дорогие друзья, - сказал я товарищам по оружию, - нам с вами выпала великая честь. В заключительном сражении нам было оказано доверие народа, партии и правительства вести доблестные советские войска на штурм Берлина. Это доверие советские войска, в том числе и вы, воз-

главлявшие войска в сражениях за Берлин, с честью оправдали. Жаль, что многих нет среди нас. Как бы они порадовались долгожданной победе, за которую, не дрогнув, отдали свою жизнь.

Вспомнив близких друзей и боевых товарищей, которым не довелось дожить до этого радостного дня, эти люди, привыкшие без малейшего страха смотреть смерти в лицо, как ни крепились, не смогли сдержать слёз.

В 0 часов 50 минут 9 мая 1945 года заседание, на котором была принята безоговорочная капитуляция немецких вооружённых сил, закрылось.

Потом состоялся приём, который прошёл с большим подъёмом. Обед удался на славу! Наши хозяйственники во главе с начальником тыла генерал-лейтенантом Н. А. Антиленко и шеф-поваром В. М. Петровым подготовили отличный стол, который имел большой успех у наших гостей. Открыв банкет, я предложил тост за победу стран антигитлеровской коалиции над фашистской Германией. Затем выступил маршал А. Теддер, за ним Ж. Латр де Тассини и генерал К. Спартс. После них выступали советские генералы. Каждый говорил о том, что наболело на душе за все эти тяжёлые годы. Помню, говорилось много, душевно и выражалось большое желание укрепить навсегда дружеские отношения между странами антифашистской коалиции. Говорили об этом советские генералы, говорили американцы, французы, англичане, и всем нам хотелось верить, что так оно и будет.

Праздничный ужин закончился утром песнями и плясками. Вне конкуренции плясали советские генералы. Я тоже не удержался и, вспомнив свою юность, сплясал «русскую». Расходились и разъезжались под звуки канонады, которая производилась из всех видов оружия по случаю победы. Стрельба шла во всех районах Берлина и его пригородах. Стреляли вверх, но осколки мин, снарядов и пуль падали на землю, и ходить утром 9 мая было не совсем безопасно. Но как отличалась эта опасность от той, с которой все мы сжились за долгие годы войны!

Подписанный акт безоговорочной капитуляции утром того же дня был доставлен в Ставку Верховного Главнокомандования.

Первый пункт акта гласил:

«1. Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени германского верховного командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооружённых сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному командованию союзных экспедиционных сил».

Днем 9 мая мне позвонили из Москвы и сообщили, что вся документация о капитуляции немецко-фашистской Германии получена и вручена Верховному Главнокомандующему.

Итак, закончилась кровопролитная война. Фашистская Германия и её союзники были окончательно разгромлены».

Кейтель тоже оставил свидетельства о Карлсхорсте. Изложил он их на бумаге в нюрнбергской тюрьме, когда ему уже ладили петлю для казни: «Незадолго до 24 часов - часа вступления капитуляции в силу - я был вместе с сопровождающими меня лицами препровождён в офицерскую столовую (казино) казармы. В тот самый момент, когда часы пробили полночь, мы вошли в большой зал через широкую боковую дверь. Нас сразу же провели к стоявшему поперёк длинному столу с тремя стульями... Зал был заполнен до самого последнего уголка и ярко освещён многочисленными «юпитерами». Поперечный и три продольных ряда стульев были плотно заняты сидящими. На председательском месте за торцовым столом сидел генерал Жуков, справа и слева от него - уполномоченные Англии и Америки. Когда начальник штаба Жукова положил передо мною Акт на трёх языках, я потребовал разъяснения, почему в его текст не внесено требуемое мною ограничение репрессивных. Он вернулся к Жукову, а потом, после краткого совещания с ним, которое я мог наблюдать, снова подошёл ко мне и сказал: «Жуков категорически

обещает мне неприменение этих мер с продлением срока на 12 часов».

Торжественный церемониал начался несколькими вступительными словами. Затем Жуков спросил меня, прочел ли я Акт о капитуляции. Я ответил: «Да». Второй вопрос гласил: готов ли я признать его, поставив свою подпись? Я снова ответил громким «да». Сразу же началась процедура подписания... По завершении её я вместе с сопровождавшими меня лицами покинул зал через заднюю дверь.

Нас опять привели в нашу небольшую виллу; здесь... стол уставили закусками и различными винами, а в остальных комнатах устроили спальни - для каждого отдельная постель с чистым бельем. Офицер-переводчик сообщил о предстоящем приходе русского генерала, стол снова сервировали. Через полчаса явился обер-квартирмейстер Жукова и пригласил нас к столу, но сам просил извинить его, так как он должен удалиться. Блюда были гораздо скромнее, чем те, к которым мы привыкли, но пришлось довольствоваться этим. Тем не менее я не преминул заметить, что мы к такой роскоши и к такому богатому столу непривычны. Он явно почувствовал себя польщённым этой репликой. Мы полагали, что заставленный закусками стол означает конец этого пиршства в гостях у палачей. Но когда мы уже достаточно насытились, вдруг подали горячие блюда, жаркое и т. п. А на десерт - свежезамороженную клубнику, которую я ел первый раз в жизни. Этот десерт явно был из берлинского ресторана Шлеммера, да и вина были того же происхождения».

Лидия Захарова, которая, как и другие девушки-военнослужащие, на праздничном ужине выполняла роль официантки, после войны рассказывала писателю Андрею Жарикову, что «когда на банкете было уже шумно, слышались радостные голоса и звучала музыка», Жуков её «поманил к себе»

и сказал: «Возьми бутылку водки и хорошей закуски, отнеси Кейтелью...»

- Я знала, - рассказывала Лидия Владимировна, - Жуков не допускал подобных шуток, но сначала подумала, что он пошутил. Но когда ответила «Есть!» и он не остановил меня, я поняла: это приказ. Охраняли немцев англичане и наши пограничники, ребята пропустили меня с подносом. Кейтель был в комнате вместе со своим адъютантом. Он сидел за столом, подперев ладонью лоб. Мне показалось, что он плакал...

Но поразил всех на том банкете танец маршала.

Уже все главные и обязательные тосты были произнесены, уже хорошенько выпили, и пошли вольные разговоры, когда заиграл вдруг баян. И не просто заиграл, а с ходу рванул «русского». В середине зала стали расступаться. Русские все затихли в ожидании: кто же выйдет в круг? Иностранны замерли, вообще не понимая, что происходит.

И вдруг в образовавшийся круг к баянисту выскочил маршал Жуков! Он жаво, легко «прошёлся» и, как это ярко и точно выразил Твардовский в «Василии Тёркине», «пошёл, пошёл работать, наступая и грозя...» Всё тут в нём всколыхнулось - и трудная война, и горечь потерь, и родная калужская Стрелковщина, научившая его этим лихим коленцам и движениям, и торжество жизни, преодолевшей весь смрад и ужас только что отгремевшей войны. И всем, наблюдавшим этот танец, выплеснувшийся из самой глубины русской души маршала, вдруг с ослепительной очевидностью открылось: это и есть венец их торжества - воин из воинов, лучший из них, танцует свой ликующий танец победителя.

Ветер с севера

Ольга
ФОКИНА

Ольга Александровна Фокина представляет читателям «Вологодского ЛАДА» подборку новых стихов.

...И был когда-то книжный бум,
Но - начитались!
И те давно лежат в гробу,
Кто - издавались,

Кого носили на руках,
Боготворили...
Теперь они - и тлен, и прах:
Не «есть», а «были».

Но в тишине библиотек
На книжных полках
Всё обитают души тех,
Чья лира смолкла.

Раскрой роман, прочти сонет -
И убедишься,
Что смерти не было и нет
Для тех, кто пишет.

Ни гипс, ни бронза, ни гранит -
Души оковы! -
Так жизнь души не сохранит,
Как может - слово.

Масленица!..
Перед новым постом
Грех, коль не влиться
В общее блинство, гульбу, озорство,
Не взвеселиться!
Соображателям - им не впервые
Соображенье:
В двадцать два метра почти высотой
Сооруженье!
Пять кубометров древесных

страпил -

Башню из башен! -
Тканью в четыреста метров обвил
Мастер отважный.
Нечто невиданное произвесь,
Чтоб - выше крыши!
И разнести эту гордую весть:
Смертный - да слышит!

Думать-подумать: всего ничего,
А - знаменито!
Зрячий да зрит: в небесах головой
Девка - элита,
Масленица! Головёнка в платке,
Щёки, что маки, -
По-над рекою, с платочком в руке,
Смотрит на драки
Добрых молодчиков (дань старине),
Слушает песни,
Что всё задорней, бойчей, озорней,
Сердцу любезней.
Всем интересно. Никто не в тоске.
...Ой, люли-лёли!
Чьё это чучело жгут на реке?
Уж не моё ли?!

Северное сияние!
Солнечное затмение!
То ль это - нас пугание?
То ль это нам - знамение?

Небо такое классное:
Тронь - зазвенит! - не вялое!
Бархатное, атласное,
Сине-голубо-алое!

Март. А тепло - апрельское:
Лёд на реке - в промоинах,
И на заботы сельские
Снова душа настроена.

Браво, солнцепоклонники!
Не за горами летчики.
Грядка на подоконнике -
Семечкам из пакетиков.

Минуло равноденствие, -
Время проснуться, малые!
Время священное действовать -
Скалы ростком раскальывать.

В преддверии беды,
В предчувствии конца
Не тянет на труды
Ни старца, ни юнца.

Без видимых причин,
Утрачивая шанс,
Впадаешь в гнусный сплин,
В невыносимый транс!

Слuchится веший сон,
И ты насторожись, -
Вполне возможно, он
Тебе спасает жизнь.

Не протестуй, на злись, -
Твой выбор предрешён!
Подсказке подчинись, -
Всё будет хорошо!

Смела, здорова, молода,
Хоть в ту Сибирь, хоть в ту Европу,
Как вездесущая вода,
Ты прожурчишь и автостопом!
Все приглядишь-приобретёшь
И, всем пресытясь, в дом родимый,
Не разорившись ни на гроши,
Ты возвратишься невредимой.
Хвала неробкому! Хвала
Успешному и пробивному!
Я таковою не была.

Я - не турист, мне лучше - дома.
...Ты мне подаришь мыла кус,
Что обрела у киприотов,
А я тебе - смороды куст.
Попробуй - сладкая? Ну, то-то!

Приснился: далёкий,
Когда-то любимый,
Тот самый! Единственный!
Неповторимый!
Юнее, чем юный,
Прекрасней Париса,
Живой, без обмана,
Притворства, каприза!
Немыслимо близкий:
Нагнуться! Коснуться!
...И так, не коснувшись,
Как в жизни, -
Проснуться...

...А в том году, тем знойным летом
Из деревенского «угла»
Я сорок восемь километров
До твоего «угла» прошла:
Ты ждал, ты звал.. и я, поверив
И опасения презрев,
Взошла на наш с тобою берег
По изнуряющей жаре,
Чтобы воочью убедиться
В несовместимости сердец,
И в отчий «угол» удалиться
От наших двух с тобой крылец,
Где на одном крыльце - встречались,
А на другом - расстались мы...
Как шла я в каменной печали
Кремнистым берегом Двины!
О, это жалящее солнце!
О, это злое комарё!
О, этих слов последних стронций
На сердце бедное моё!
Я, не сдаваясь, окунулась
В двинскую гладь и благодать,
Но боль в Двине не оставалась,
Но боли было не отстать,
Не сняться - с платышиком из синца,
Не кануть камушком в волну,
Не раствориться, не отмыться,
Не погрузиться в глубину...
И был мой подвиг не безумен,
И, чтобы сразу отстрадать,
Я про тебя сказала: «умер»,
Когда о том спросила мать.
И что с того, что жив и здрав ты
И в мой - чутЬ позже - дом зайдёшь?
Куда правдивей этой правды
Моя тогдашняя - не-ложь.

Ещё не скоро сок берёзовый
Из ран древесных потечёт,
А уж смущают зовы-позывы
В леса охотничий народ.

И ствол ружья елейным шёпотом
Переговаривается
С политым маслом ржавым шомполом,
Что драит зарево лица,

О том, куда свой след прочавкают,
В пах упираясь, сапоги,
Где кипяток, заверен чагою,
Спасёт скитальцев от тоски.

Спасёт от благ, обузой ставшиими,
От телевизорных тенёт, -
Шуршат и гильзы с патронташами,
И порох с дробью толк ведёт.

...А я по утреннему настинку
Спешу в родной березнячок
Смекнуть: ведёрышко из пластика
Кому поставить под бочок?

Ветер с севера. С неба - снег.
Под ногами - кромешный лёд.
По всему, - не бывать весне!
Но душа-таки верит-ждёт,
Что холодные полюса,
Холод выдохнув, призаснут,
И весенние голоса
Невесенных перехлестнут.
Воду в ступе зачем толочь?
Предаваться хандре - зачем? -
День уже пересилил ночь!
Льды авось просверлит ручей!
...Украина - в войне, в огне...
Ей Россия - сестра, не мать,
Им положено - по родне -
Помогать, а не предавать.
Но повержен, как в страшном сне,
Вековечных законов свод.
...Ветер - с севера. С неба - снег.
Под ногами - кромешный лёд.

Гаснет закат в ивняке густокудром,
Сколько в нём золота, света, тепла!
Это-то солнышко да кабы утром!
...Утром погода другая была.

Было унылое небо в морщинах,
В трепете-дрожки промокший ивняк.
Было... и я уже было решила -
Это навеки останется так!

И ни к чему затевать перетряску,
Перестановку, помывку в дому:
Если на улице - хмуро-небаско,
В доме - баса-красота ни к чему.

...День кое-как попрополз, протащился
В лени, безделье, в унынья грехе,
И светлым вечером вдруг разрешился!
Я разрешаюсь восторгом в стихе.

Ландыш. Фото Алексея Колосова

Папины стихи

Николай
ДЕГТЕРЕВ

Николай Александрович Дегтерёв родился 8 апреля 1986 года в поселке Шексна. Закончил Литературный институт имени Горького. Стихи Николая Дегтерёва публиковались в поэтических сборниках, литературных журналах, в том числе и в «Вологодском ЛАДЕ», переведены на болгарский и вьетнамский языки. Николай Дегтерёв - участник литературной группы «Разговор». Женат, воспитывает сына и двух дочек. Живет в Шексне. Катехизатор Казанского храма.

* * *

*Не поплачешь, не поспоришь:
Всё исчезнет. Потому
Эта радость, это горе
Ни к чему.
Подожди еще немного,
Всё исчезнет без следа.
Только будет: ночь, дорога,
Провода.*

* * *

*Ах, зачем надо мной шелестели
То ли ивы, березы то ли,
Я не помню - в мае, в апреле,
В сентябре, в феврале, в июле?*

*Там речушка во тьму бежала,
Ручеёк, может быть, канавка,
И хрустальные брызги бросала,
Как цветок, от паденья камня.*

*Я бросал их с моста, конечно,
Впрочем, это не мост - мосточек,
Восхищаясь игрой нездешней
Раскрывавшихся водных почек.*

*Время шло, может быть, летело,
Может быть, и ползло, не знаю,
Холодало и вечерело,
Я не помню, я всё бросаю.*

*Камни все покидал я к ночи,
Без следа их вода поглотила.
О, душа моя так же точно
Безразлична и терпелива.*

* * *

*Жизнь, конечно, - это путь,
Путь от матери к Отцу.
Жизнь, конечно, - это суть,
Недоступная слепцу.*

*А слепец - любой из нас,
Если только Бог ему
Не откроет в некий час
Очи лицу Своему.*

ПЕСНЯ

* * *

Леса да просеки.
Эх, воля вольная!
В проемах осени
Высоковольтная

Проходит линия,
Но обрывается.
А небо синее
Не прекращается.

Автобус медленный,
Дорога длинная,
Туман умеренный,
Село былинное.

Проходят пьяные,
Не обратимые,
Но в драке самые
Неукротимые.

К земле склоняется
Трава-муравушка,
Не изменяется
Россия-матушка:

Реки излучины,
Кресты, заточеки,
Да вдаль распущены
Пути-клубочеки.

Занавеску кинув на стол,
Ветер в кухню нашу вошел.
Засмеялась мама: «Ну вот», -
И закрыла для ветра вход.

Хлеб поправила на столе,
По тарелкам суп разлила,
А потом и Лехе, и мне
Ложки тоненькие дала.

Мы жевали, глядя в окно,
Как там дождь семенил в окне.
Так всё это было давно,
Что не верится даже мне.

Потому что ни мамы нет,
Ни окна того, ни дождя,
Только ветер шумит восторг,
Занавеску не находя.

Мужики сидели тихо.
Вечер пятницы. Весна.
Поздоровалась врачиха.
- Эх, красавица! Одна?

- Не про нашу честь, - ответил
Сварщик Боря не спеша.
Вечер тепел был и светел -
Благодать для алкаша.

Молча выпили, сырочком
Закусили на троих.
Слышино было, как цветочки
Из глубин растут земных.

И, чуть только градус звонкий
Начал взламывать мозги,
Мужики, как три ребенка,
Ощущали, как смогли,

Что забылся, растворился
Груз семейных драм и бед.
Каждый снова возвратился
В то блаженство детских лет.

И, как в детстве, на скамейке
Вновь втроем они сидели:
Толя пел, Борис молчал,
Николай ногой качал.

* * *

Почерневшая пижма
прикрыта снежком,
Из-под снега чернеет трава.
Передать я пытаюсь
беззубым стишком,
Что в душе уместилось едва:

Этих белых снегов, этих черных стеблей
Красоту, чистоту, глубину.
Здесь частичка природы, а то, что за ней,
Я никак уже не потяну.

У обычной помойки, где кошечка полно,
Где пакеты от ветра шуршат,
Я смотрю на природу,
как смотрят кино
И когда никуда не спешат.

Погляжу я немного и молча пойду,
Но запомню, метелью обвит,
Как качается пижма у бака ДУ,
Неприметная, в общем, на вид.

* * *

- Кто опять натоптал в прихожей?
Посмотрите, какая грязь! -
И стою я с потухшей рожей,
Даже внутренне матерясь.

Столько сил - и пропали даром.
Всё прибрал я и вымыл пол.
- Что, прихожую делать базаром?!
Или тут батальон прошел?!

- Почему батальон? Нисколько, -
Неизвестный голос сказал, -
Время тут проходило, Колька,
И отсюда базар-вокзал,
Время тут проходило. Помнишь,
Сколько ног унесло оно?
Ноги мамы и ноги папы,
Бабы, дедушки, дяди тож.
Видишь, даже кошачьи лапы
След оставили - не сотрешь!

- Да, простите, мои родные,
А не то я стал забывать,
Что теперь времена другие,
Чтоб за памятью поспевать...

И беру я метлу сознанья,
И мету я в своей крови,
Убирая песок страданья,
Оставляя узор любви.

* * *

Вот школьник я, от времени далек,
В храм осени вступаю развеселый,
Сверкают листья, словно уголек,
И nimб дождя возносится над школой.

Не замечая луж, иду домой,
Вернее, небо в лужах замечая.
Вода и грязь сияют синевой,
С землею небеса соединяя.

В воронке лет, где вечность у щеки,
Как ветерок, прохладный и пьянящий,
Я вспомню всё, но не найду строки
И вновь забуду этот день звенящий.

И школьный двор в слезинке дождевой,
И шепот трав на месте Мегалита,
И эту грязь под этой синевой,
Где осень, словно Библия, раскрыта.

* * *

Я знаю: легче сесть и писать,
Думая, как велик,
Чем взять ребенка и покачать,
Перепевая крик.

Я знаю: проще, когда аскет
Ради одной строки,
Чтоб стать известным на тыщу лет,
Не ест, не пьет и не спит.

А я буду спать, а я буду жрать,
Иногда тупить синема.
Попробуй хоть час с детьми поиграть
И не сойти с ума.

Я знаю: проще дойти до глубин,
Поставить большой вопрос,
Чем думать: а что же делать, блин,
Когда у детей понос?

Я знаю: легче в мире идей
Учинить скандал, не кичась,
Чем прибраться там, где двое детей
Поиграли хотя бы час.

Я знаю, что проще. Но вот секрет:
Об этом нет ни строки.
Потому что пишет стихи - поэт.
А папы не пишут стихи.

* * *

Осторожно, возможно падение
с неба снега
И льда вызревание на земле.
Это зима плывет, как омега,
Город раскачивая на себе.

* * *

Лед расползается, как медуза,
Если ступить на нее ногой.
И кажется, что не выдержишь груза,
Полный до края самим собой.

И мы засыпаем, уже двулики,
Нам эмпирически невмоготу
Любовью, как паром, дышать на стыке
Слов, замерзающих льдом во рту.

А в центре метели, высок, и тонок,
И мрачен, как сторож среди зимы,
Молча вслушивается потомок
В заледеневшие наши псалмы.

* * *

Есть в часах, почти уже вечерних,
Небывалой жизни красота.
Белый день уж тьмою перечеркнут,
Ночь в борьбе со светом начата.

Но горят, горят еще покуда
Фонари, глаза еще горят.
Поневоле тут поверишь в чудо,
Опускаясь в сумеречный ад.

Нет, горят и окна, и витрины,
Фары и подфарники горят,
Ртом людей глотают магазины,
Давятся бумагой банкомат.

Вот идут с работы, покупают
И спешат увидеть сериал.
Это люди жизнью называют -
Где тождествен быт и идеал.

И когда немного так прикинешь,
Как бы ты такою жизнью жил,
По-любому, Моцарт, кони двинешь,
Если рук еще не наложил...

Потому я Бога выбираю,
Что Он дал мне чудо из чудес -
Не способность землю сделать рабом,
А возможность прыгнуть до небес.

Говорил я истории бедной страны:
«Что ты так глубока и горька?
Отчего твои раны так жутко видны,
Будто плоть под ножом мясника?»

Не ответила горькая. Горб наклоняя,
Лишь за горло взяла без стыда,
В свою рану раскрытую сунув меня:
«Посмотри, и рассудишь тогда».

* * *

Да, я мальчиком мечтал о славе
И в себе способность разглядел:
Жизнь, любовь и смерть
словами славить.

И за славой с этим полетел.

Жизнь меня ломала и давила,
Самых близких загоняя в прах.
Но меня неведомая сила
Как-то удержала на ногах,

Чтобы этот мир увековечить,
Боль вбирая, ужасы любя,
Чтоб лечить,
а может быть калечить
Тех, кто вглядывался внутрь себя.

И плелись созвучья, пелась рифма.
Но такая мука там была,
Что едва веревка или бритва
Не решили все мои дела.

И теперь, рискнувший всем на свете,
В этой церкви, светлой и прямой,
Я стою, открытый, словно дети,
Но не молчаливый, не немой.

Если мне священник скажет строго
Со своей духовной высоты:
- Брось писать. Не нужно это Богу.
Это же игра, а нужен - ты, -

То тогда, взглянув на двери рая,
Я скажу заветное своё:
- Да, игра, но слишком дорогая,
Чтобы мог я проиграть в ней.

...Звенит струна страстями жизни жаркими

Евле́нья
(Еле́на)
ВИНОГРАДОВА

Елена Михайловна Виноградова родилась в 1962 году в Великом Устюге. Окончила художественную школу, приобрела специальность резчика по дереву, но пришлось переучиваться на строителя. Стихи публиковались в районных и областных газетах, в коллективных сборниках устюгских авторов, в региональном альманахе «Звезда Пойюжья», в журнале «Вологодский ЛАД», в «Литературной газете». Участник областного литературного семинара в 2006 году. Автор поэтических книг «Ожидание» (Великий Устюг, 2003), «Осколки» (2007), «Отчаянная радость» (2008).

Куда ни ткнусь - ни лодки ни весла
одно крыло от велика «Десна»
да дом забитый с мёртвым коромыслом
колодец с колесом ...Сансары?

нет... не зна...

и нету смысла
взгляд отводить с обугленной стены
на пыльный самовар без крана
но с трубою

когда и кем из-за какой вины...

и было ли

с тобою?

две мухи звонко просятся на свет
в слепом оконце завиток от хмеля
разрухи сон... на печке ты Емеля
но щуки под рукой в помине нет
и ты шагаешь по хребту забора
поваленного ветром и дождём
сквозь зверобой аж до грибного дора
тут скот пасли осинник увлажнён
отсюда прелый дух и тропка в гору
скорбя ведут на пятнистый погост
где ель застыла вместо колокольни
где от могил заметны только колья
да в человечий окаянный рост
трава такая что в своих объятьях
готова удержать и уронить
но нить от солнца золотая нить
на чистом платье

Белёсый свет на дюнах от луны.
Два светлячка - сиянье ярче шёлка,
как водится в июне, - влюблены.
И тицится шепелявая иголка
к прибою приторочить галуны.
Пришли к телу джинсы и футболка,
планктон не в силах бездну превозмочь.

С ним чудится - морская кофемолка
и нас с тобой перемолоть не пречь!
И снова слева солнца тихий блеск.
Разбросаны прозрачные медузы.
День. Новый день из черноты
воскрес,
тем укрепил наличие союза.
Подобно тени, долг интерес -
подробно изучать следы от шторма.
И каждый новый безмятежный всплеск
соединяет содержанье с формой.
В сплошном смещенье моря и песка
с вкраплением солнца
в каждой из песчинок
смешно лишенье, призрачна тоска.
Волна к волне, - их жажды беспричинна.
Завидна даже участь пятака -
для глаз твоих - в карманах
щедрой смерти.
Да это всё потом!.. Ну, а пока
ни сил ошибки править, ни усердья.

Пора сорвать тоски репей,
лесок утюжить лыжами,
оторопев во сто тетерь,
сомлеть у елей с фиажмами!
Пора конькам на лёд теперь...
Осечка(!) - тема русская, -
вороньей стаей оттепель,
как семечками, лузгает.
Но голенастой быть уже, -
снега грядут под нордами.
Короста наста, выдюжи
зимы походку твёрдую!
В погоне бурной улица
кипит, - заботы яркие.
Пургой не впору ль пудриться?
Сменить наряды маркие!
Тропарь с пристрастием выучен,
казна деньками ёлкает -
словарь истратим рыночный:
«За ёлками! За ёлками!..»
...Сродни весёлым дележам
покупки елей бойкие...
Огни, в тесёмках дышланыс,
хлопушки, хмель и ойканье.
Ошкурен сочный мандарин
на снега свежем кружеве.

«Вологодский ЛАД»

До дури алчный взгляд витрин, -
им всё б зевак выуживать.
- Пожива нынче недурна! -
ворона ближним каркает.
Зенит зимы. Звенит струна
страстями жизни жаркими.

Другой, но всё же вновь поводырём
снег вышел из небесного закута.
Такой хороший! - Хочешь, заберём
его на двор, весна придёт покуда?
Сведём знакомство со снеговиком -
пускай по-свойски
с непоседой-сойкой
следит за нами с высоты веков
чудак бокастый - весело и стойко.
А если кто холодный и чужой
придёт нарушить чудную обитель,
он вынужою отвадит, как вожжой,
а нас ничуть при этом не обидит.
Он будет вольно жить - без поводка
и без ошейника гулять в округе...
Он чутким нюхом будет знать, когда
мы ошибёмся как-нибудь
друг в друге...

Отведи меня, улица,
на заглохший пустырь.
Там на травы невхожие,
как стена в монастырь, -
желто-жухлые, вялые,
под снега обреченные, -
упаду я усталая, октябрем
удрученная.
Волновалась вопросами
под цветущими вишнями:
прихожанка? послушница?
непутевая? лишняя?
А назад-то как хочется!
Да, боюсь, не назад.
И во снах все бормочется
про невиданный сад.
Льют там травы нетленные
ту же самую песнь?
Мой пустырь, друг смиренный мой,
может, сад этот есть?

Улица коня ярЕй, -
Необъезженной ревнится.
Оттепель, да в январе!
Оттепель, да катаница!
Ох, совсем не по поре
Старый ворон веселится!
Старый ворон щурит глаз,
Мокрым клювом шарит в перьях.
Старый ворон черномаз, -
Отвернусь из суворья!
Выступил на тротуар
Гравий оспенюю сыпью.
Занемог от ног, от фар, -
Отдохнул бы, неусыпный,
Отдохнул бы до утра
Под картавинку капели,
В свете кротких фонарей.
Глянь, как кровли пропотели, -
Оттепель, да в январе!

О чём ты думаешь с утра,
готовый к осени кромешной?
О том ли, как декабрь промешкал
с зимой, что нынче не шустри?
Земная, тоже не безгрешна
и тоже хнычет от утрат...

А помнишь, первый снег слетел,
как сала шмат на сковородку?!

Да, мало... и, скорей, на откуп,
чем в завершенье бренных дел.
И было влажно подбородку,
и было всё как ты хотел...

Нашилась газета под селёдку,
тост величавый, словно снег.
Дышалось спиртом, - пили водку
до дна, и чтобы без помех
успех явился к нам простецкий
с деньгами и с грядущим днём.
Смеялся в телике Жванецкий.
Мы хлопотали над огнём.
Печь с дымом долго разгоралась
(примета верная - к гостям),
я неумело матюгаясь.
Дрова (судили по гвоздям) -
от сруба старого - не грели, -

зато горели, так горели!
Ладонь болела от ножа.
Щепать лучину не спеша
меня учила в детстве мама.
Тогда - наивна и упрямая,
теперь - прилежна и мудра, -
я всё же отворила раму,
и снег к нам падал до утра...

Ой, - дитя по травушке
босиком!
Вон летят журавушки
косяком,
над ракитой-ивою,
к озерцу.
Расскажу крикливому
сорванину
про высокий лепет их
в синеве:
«В свете нету трепетней
сыновей...

...Супротив их, родненький,
мы слабы...
Мы с тобой колодники,
мы - рабы
у земли-земелюшки, -
без крыла...

...Ну, пойдём, Арсенюшка,
нам пора...»

Здесь можно быть до западной зари.
Речной ландшафт -
скупой до жизни щедрой -
мог с вечностью бы заключить пари
на верность чайки и...

Вещают ретро
с парома, преданного загнанным авто,
ворона зарится на разовый жетон
с корчмы плавучей, где лосиным гоном
звучит отборный мат, и на затон
отчаливает судно с геликоном.

Дрейфуют в лодке баба с мужиком, -
заглох мотор, чего-то там шевелят.

А я лежу, к песку припав щекой, -
ещё одна пропащая неделя.
Откуда ни возьмись - воздушный шар, -
он ярко-жёлтый,
нитка пахнет тиной, -
мол, не греши, что нету ни шиша...
(- Отдай апорт собаке, эй, скотина!)

Не разлучаясь с едким никотином,
вон солоскали, шаткой и сырой,
один закинул леску, - хочет рыбы,
другой спецовку жамкает с дырой, -
смешная пара, - пьяные улыбы...
С подветренного бока жалкий вид -
мотоциклист никак не сыщет стремя.

В броне песка, сама себе: «Живи!
Живёт же он с другой
вот в это время...»

Те дни тянулись сумеречно... долго...
Был в тягость Ельке с моря переезд.
Привитое в разлуке чувство долга
давило... Ощутимый интерес
не вызывала школа. Как зверушке,
возвращённой в тёплой воле, на волнах, -
от пяток до нашкодившей макушки
не приживалось к месту... Но она
под непомерным гнётом

старших братьев
горбатый ранец цветом... (не скажу!),
напяленный поверх страшилы-платья,
несла, как европейка паранджу.

Всё заодно в пути: петух клевачий;
в канаве лужа; на углу детдом
(там за окном в зелёнке детки плачут,
«... вот вырасту, - всех заберу потом...»);
собаки, вечно страждущие счасти,
с глазами-вишнями,
и кошки - не поймать!

Лишь к третьему уроку -
к школьной пасты -
являлась и садилась за тетрадь...

Капитолина Павловна с указкой
размером с дрын (ей сделал выпускник
на память о всеобучной закваске)
хромала между парт,
портфелей, книг...

Шептали в спину (холодеет сердце)
о том, как ей в концлагере - давно -
ломали руки-ноги злые немцы...
Про это мы... да только из кино.
И потому дразнили, - дело было.
А Елька... да, жалела... Но её
учительница сразу невзлюбила, -
по пальцам била.

Ждала - заревёт.

На кончике указки набалдашник
в довесок к бдению школьных дисциплин
исполнил токарь -

двоечник вчерашиий...

И надо же было ляпнуть, вольной (блин!):
- Вы, Колотилка Палкина!.. И всё тут, -
прилипла кличка, век не отодрать.

К ученью напрочь отлегла охота.
- К директору веди отца и мать!
...Беда у Ельки с тем чистописаньем.
А гнев от классной дамы тут как тут.
- Шарыпова! Да что за наказанье!
Откуда руки у тебя растут?!

...Как пуповиной, - школьную аллеей...
Уставшая листва, скользи, кружись...
Капитолина Павловна, больнее
указки Вашей оказалась жизнью...
... Вопрос... ответа нет, не одолею.
Вы в вечности ... и голос в небесах:
- Евленья, да когда же ты сумеешь,
когда же ты научишься писать?!

Словно белые птицы, уходят на юг облака

Григорий
ШУВАЛОВ

Родился в 1981 году в поселке Ладва Республики Карелия. Большую часть жизни прожил в поселке Шексна. Служил в пограничных войсках, работал на стройке и в театре. В 2003 году поступил в Литинститут на поэтический семинар Ю. П. Кузнецова. После его смерти перешёл в семинар Е. Б. Рейна. В 2006 году с группой единомышленников основал поэтическую группу «Разговор». В 2009 году вышел первый коллективный сборник стихов - «Разговор». Также стихи печатались в журналах и альманахах России, переведены на болгарский, вьетнамский и английский языки. Лауреат премии «Золотой витязь», победитель конкурса имени Бориса Примерова газеты «Литературная Россия». Лауреат XIV форума молодых писателей. Главный редактор поэтического журнала «Разговор».

НА МОГИЛЕ БАТЮШКОВА
В ПРИЛУКАХ

Неудачный любовник,
Городской соловей,
Папоротник и шиповник
На могиле твоей.

Твой талант - дивный корень
На глухом пустыре,
Ты не зря похоронен
В дальнем монастыре.

Так писал ты туманно,
Что не каждый поймёт,
Стих твой - рваная рана,
Перевязка и йод.

У ворот монастырских
Инвалиды стоят,
Просят деньги настырно
На закуску и яд.

Лишь случайный прохожий
Да заезжий поэт
Твой покой потревожат:
«О, коллега, привет!»

Так судьба повелела -
Отпусти и прости.
В землю спрятано тело,
Чтоб стихами цвести.

И совсем неподвластны
Пересудам толпы,
Выпирают бесстрастно
Ягоды и шипы.

* * *

В Москве всё пышно расцветает,
А в вологодской стороне
Листочек первый распускает
Природа, словно в полусне.

Душа исполнена покоя,
В столице брошены дела,
И ощущение такое,
Как будто жизнь назад пошла.

И ты лежишь на верхней полке
И спишь, как много лет назад,
А вдоль дороги ёлки, ёлки,
Как дни прожитые, летят.

И мы еще не знали горя
Ни с той, ни с этой стороны,
Еще не ездили на море,
Друг в друга крепко влюблены.

Нас жизнь еще не обломала,
Не обманула, не сожгла,
И от вокзала до вокзала
Как будто вечность пролегла,

Где мы заложники с тобою.
И солнца лучик бьет в окно,
И ничего еще судьбою
Наверняка не решено.

ЛАДВА

В низине средь сосен и ёлок
Хлебнувший страданий и бед
Затерян карельский посёлок,
Где я появился на свет.

Рекою от уха до уха
Разрезан на две стороны.
Разруха, разруха, разруха,
Как после гражданской войны.

Зачем же я здесь очутился
И не позабуду никак
Квартиру, в которой родился,
И Ленина ржавый пиджак,

Мосты и развалины храма,
Который погиб от огня,
То время, где папа и мама
Немного моложе меня.

Да, были и ахи, и охи,
Но всё же горели огни,
А мне от прекрасной эпохи
Остались осколки одни.

И я не найду теперь средство,
Движение лёгкое, чтоб
Опять превратить это место
В сверкающий калейдоскоп.

* * *

Взирая на трубы завода
и церкви разбитый хребет,
выходит поэт из народа,
как тени выходят на свет.

Течёт, утекает водица,
как этот денёк голубой.
Хотел бы я снова родиться
и встретиться снова с тобой.

Хотел бы я жить и работать,
любить и стихи сочинять,
по фене поганой не ботать,
измен и предательств не знать,

забыть эти дрязги и кипеж,
спокойно дождаться до седин,
увидеть, как сказочный Китеж
всплывает из тёмных глубин.

Смотри, словно белые птицы,
уходят на юг облака.
Хотел бы я снова родиться,
хотел бы, да жизнь коротка.

* * *

Как надоело мне
в поэзию играть.
Вот я лежу на дне
и не хочу всплывать.

Вся жизнь моя прошла
за этою игрой,
в итоге ни кола,
ни дома за спиной,

вернее, ни двора,
хотя при чём тут двор.
Поэзия - игра,
и я - дурной актёр.

Поэзия - хомут,
надет - известно ком.
Стихи меня ведут,
увы, не в Вифлеем,

не в Иерусалим,
они сулят распад
и скверный Третий Рим
преображают в ад.

Они ведут на дно,
они грозят бедой,
в них лучшее вино
становится водой.

17 АВГУСТА

Где эта музыка нынче,
та, что по жизни вела?
Как на картинах Да Винчи,
лёгкая дымка легла.

Август склонился к исходу,
яблоко падает вниз.
Я выбираю свободу,
ты выбираешь каприз.

В зарослях крякает утка,
ладят кузнечики хор.
Счастье сорвалось, как шутка,
праздник угас, как костёр.

Выросли травы по пояс,
солнечный плещется свет.
Медленно тащится поезд,
если не куплен билет.

* * *

Последняя радость осталась - дорога,
она начинается прямо с порога,

идёт мимо школы, петляет дворами,
её я измерил своими шагами,
за школой её перерезал трамвай,
и сам я себе говорю - не зевай!

А дальше она поднимается в гору,
с которой катаются в зимнюю пору,

потом она между деревьями въётся,
и кто-то навстречу тебе улыбнётся.

Дорога похожа на школьную
пропись...
Как жаль, что она упирается в офис.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Природа, сжатая в кулак,
в апреле разжимает пальцы -
ликуют птицы и скитальцы,
и у поэтов все ништяк.

Об этом после как-нибудь...
Апрель - и лопаются почки,
и дышат клейкие листочки
во всю распахнутую грудь.

Земля - как смятая постель,
пока на ней не вырос клевер.
И, как по компасу, на север
идет вприпрыжку коростель.

Снег тихо прячется в лесу,
готовый превратиться в воду,
трава выходит на свободу,
услышав первую грозу.

Природа празднично-светла
и улыбается спросонок,
она беспечна, как ребенок,
не знающий добра и зла.

В этот год обмелела река,
От воды отодвинулись зданья,
Стали ближе её берега,
Так что впору бежать на свиданье.

Снова тучи над лесом сошлись,
Ни какого на них угомону,
В самый раз оглянувшись на жизнь
И держать до зимы оборону.

Я иду по дождю и тоске,
Вдалеке черной точкой собака
Изучает следы на песке,
Как астрологи круг зодиака.

«Вологодский ЛАД»

Ветер к берегу гонит волну,
Он не ведает страха и горя,
Я ползу, как улитка по дну
Пересохшего моря.

Как безвольно душило меня
Тридцать третью опаленое лето,
Порох есть - не хватило огня,
Кисти есть - недостаточно света.

И любовь, что рябиной горит,
Не утешит в осеннюю слякоть,
Недозрелая горечь обид
От её поздних ягод.

Впрочем, хватит уже о больном,
И без этого грусти хватает,
Дома встретят
привычным теплом,
И душа отойдёт и отпает.

А потом снова выпадет снег,
Белый-белый, пушистый-пушистый,
Чтобы горя не знал человек
После осени мрачной и мглистой.

И деревья оденет зима
В небывалый наряд подвенечный,
Не иссякли её закрома,
Их запас - бесконечный.

И иду я, дорогой влеком,
Открестясь от унынья и грусти,
Эта жизнь нам далась нелегко,
И легко мы её не отпустим.

* * *

Жили они долго и счастливо
и умерли в один день.
(Из русских сказок)

Классно тем, молодым и влюблённым,
Что летят по путевке в круиз,
А их лайнер над солнечным склоном
Неожиданно падает вниз.

Лучше так: пусть летят из круиза -
Отдых тоже теперь не пустяк,
И уже проштампovана виза,
И заполнены фотки в «Контакт».

И осталась минута до взрыва...
Полминуты... и скоро рванёт.
Он глядит на неё молчаливо
И до боли за руку берёт.

Да, родители будут в печали,
Будет водку глушить лучший друг,
Но зато они горя не знали,
Не хлебнули измен и разлук,

И друг друга уже не обманут,
И любовь свою не предадут,
Взявшись за руки, так и представят
На последний, на божеский суд.

Ну а нам, друг от друга уставшим
И в глаза научившимся лгать,
Много раз свою честь потерявшим,
О таком можно только мечтать.

С высоты самолёт наш не падал,
Теплоход не спремился ко дну.
Здесь - мы жизнь свою сделали адом,
Там - и вовсе гадать не рискну.

Что ж, спасибо, судьба, за науку,
Что открылась уму моему.
Просто дай на прощание руку,
Я её напоследок пожму.

Забудь про былое, нажми тормоза
И с небом осенним напрасно не ссорься,
Я кровью заката испачкал глаза,
Тебя я не вижу, прощай, моё солнце.

Меня не спасут нашатырь и бинты,
Не смогут меня откачать санитары,
Чтоб сердце моё не покинула ты,
Осталось красиво уйти под фанфары.

И больше не думать о самом простом,
Ведь в пропасть уходит любая дорога
И чувства вовеки не станут мостом,
Всё это - издержки красивого слога.

Не надо любовь превращать в балаган,
Довольно тревог и метаний по краю.
В обнимку с реальностью ходит обман,
Но я больше в этот обман не играю.

Сегодня солнце людям тоже светит!

Евгений
НЕКРАСОВ

Евгений Викторович Некрасов - известный журналист, много лет руководил лучшими газетами Вологодчины. Писать стихи начал в юности, их одобрил Николай Рубцов.

Но газетная текучка много лет не давала возможности развиваться поэтическому дару. Молчание Евгений Викторович прервал, когда вышел на пенсию. Сейчас большую часть года он живет в деревенском доме, ухаживает за огородом, гуляет с собакой - и пишет стихи.

Вышли уже девять поэтических сборников Е. В. Некрасова. «Вологодский ЛАД» напечатал его стихи в № 2 за 2013 год, и читатели отнеслись к публикации с одобрением. Высоко оценила стихи Евгения Некрасова и Ольга Фокина.

Представляем новые стихи поэта.

Судьба -
скитанья и дороги.
А их финал -
газетный лист.
Всегда я был поэт немного.
А по натуре -
журналист.
Люблю газетную работу,
её нелёгкий,
чёрный хлеб.
О строчках вечную заботу.
Редакционный
наш «вертеп».

Стакан вина нальёшь с устата,
закусишь
плавленым сырком.
И вновь согласен
без оглядки
в дорогу!
В мир!
Скорей!
Бегом!..

Но в суматохе торопливой
вдруг солнца
поразит закат...
И голос соловья счастливый
всегда послушать
снова рад...
Рад наблюдать,
как постепенно
заря струит на землю свет...

И в журналисте
Непременно
заложен должен быть
поэт.

* * *

Желание любви
волнует душу.
Пусть сед.
Пусть стар.
Пусть жизнь почти прошла.
По-прежнему я рад
твой голос слушать.
И хочется,
чтоб рядом ты была.

Чтоб знал,
что я не одинок на свете.
Чтоб в трудный миг
опорой стал твой взгляд.
И чтобы не смотрел
с тоской назад:
сегодня солнце людям
тоже светит!

Скворцы внезапно улетели, -
и домик их осиротел.
Мы помириться не сумели -
никто виниться не хотел.

В упрямом нашем сущесловии
на разум и намёка нет.
У каждого свои условия.
Своих набор проблем и бед.

Уходит время на разборки -
раздора теплятся угли.
Свой гонор нам дороже горький,
а быть бы счастливы могли...

Гнетёт
невольная вина,
что не сумел
помочь я другу.
Не протянул
в час трудный руку.
Она была ему нужна!
А я не знал,
что он в беде.

Спросить, как жизнь, -
не догадался.
Забот боясь прибавить мне,
сам он признаться
постеснялся...
Так важно
вовремя уметь
чужую приголубить душу
и научиться
сердцем слушать!
Чтобы в беде
помочь успеть...

ПРЕДЗИМЬЕ

Стеклом покрылся
пруд у бани -
ударил лёгонький мороз:
шутливый,
робкий -
утром ранним
слегка пощипывает нос.

К обеду солнце
нальдь сгонит.
Угор над речкой запарит.
И ветер вновь
в волнах утонет -
весёлой рябью заискрит.

Но к вечеру
багрянец стылый
скуёт над лесом горизонт.
И снова пруд
покроет лёд.
И затвердеют поля жилы...

НОЧЬЮ

Видно, как вьюжит
вокруг фонаря.
Изредка звякнет
карниза железо.
Стыло, дремотно
в конце декабря -
самый поскрёбьшиный
года отрезок.

Нету грехов
очевидных за мной,
и угрызения
совесть не мучат.
А вот не спится
ночною порой
в старой уютной
кровати скрипучей.

Встану, к окну
босиком притащусь -
вдруг где-её
огонёк затеплится.
Может, кому-то
так же не спится.
Схожую душу
во мраке ищу...

В СУМЕРКАХ...

В сумерках зыбко
плывут очертания -
будто предметы
из воска отлиты.
В сумерках чувствую
вечную тайну -
границы миров,
от сознания скрытых.

Ветхим туманом
размыта граница
между доступным
и запредельным.
Кажется, стоит
в туман углубиться,
чтоб оказаться
в стране параллельной.

Серые тени
призываю вихрятся.
Сердце
в надсадном рывке
замирает
в смутной надежде
до тайны добраться:
что за пределами
нас ожидает?..

Поэзия проблем не поднимает
Прогулочный себе усвоив шаг.
Она, увы, не только не ломает,
Но даже и не скрещивает шаги.

Ольга Фокина

Опять, поэт, тебе неймётся.
Душа опять стихами рвётся.
Нет - чуткой ей - успокоенья.
Заходится от возмущенья
Бессстыдством
власти обнаглевшей.
Жульём,
границы все презревшим.
Народа вечным благодушьем...

Да пожалей ты свою душу!
Борьба так тяжело даётся...
Найди-ка лучше ты
болотце
в тиши,
где солнце нежно греет.
Вода под ряской сладко преет...
И Бог с ней -
с ключевой-проточной!
Найди -
сухую главно -
кочку.

Не будет места там
несчастьям,
отпустят сердце
боль и страсти...
Уютно.
Мирно.
Безопасно!
Дремли и пой,
как жизнь прекрасна!

Не видно жизни
станет с кочки?
А ты, как все, -
пой про цветочки!..

Встречное чудо

Ольга
СЕЛЕЗНЁВА

Ольга Ивановна Селезнёва
живет в Шухтовском лесничестве
Череповецкого района.

Закончила Литературный институт имени
Горького в Москве (поэтический семинар
Эдуарда Балашова). «Вологодский ЛАД»
публиковал стихи и прозу Ольги Селезнёвой.
Первая тетрадь «Дневника жены лесничего»
была опубликована в № 2 «Вологодского
ЛАДА» за 2013 год. Подборка стихотворений
Ольги Селезнёвой «Дотронуться до весны»,
опубликованная в № 1 нашего журнала
за 2013 год, признана победителем
конкурса на лучшую публикацию
«Вологодского ЛАДА» в прошлом году.

Что за июль?! Октябрь бывает лучшие.
Пора уж брать иглу и небо штопать.
Идут, идут нагруженные тучи;
В окно мне видно их босые стопы,
Парящие над лесом в дымке белой -
Так трудники после большого дела,
Так косари идут домой с покоса,
Пролившие потоки трав на пожню,
Обившие росы густое просо.
Нет, от дождей оплоуметь можно!
Всё лето хороводы водят грозы,
Всю зиму будет плыть перед глазами,
Как ливень лил, как гневалась берёза,
Толкая ветер гибкими ветвями.

АБХАЗИЯ

От скученности зимних городов,
От дел бессмысленных
и слов пустых уводит
К библейской ветхости и зелени садов,
К теням и надписям
на каменистом своде.
Где милостями юга и востока,
В ущелье том, без времени, без дна,
У самых ног - молочный рёв потока,
Младенческая снов голубизна.
И, видимо, земля не так кругла,
Когда из древности распахнутой ступени
К ступням моим, омытым добела,
Как кони вздыбленные рвутся в белой пене.
И памяти не изменить, любя
Земной простор в опаловом обводе,
Где зов веков - к тебе и сквозь тебя,
И жаждой жизни вечность превосходит.

Из ниоткуда в сёла-города
Идут года в одеждах чёрно-белых;
И равнодушны эти господа
К любой душе, живой и неумелой.
И никаких заслонов у души,
Как будто кто-то непреклонный в здание
С сознанием прав вошёл и притушил

Её всегда текучее мерцание.
 И никакой надежды на ответ -
 Ей, выжившей в ночи подвальной ниши,
 Где под пластом однообразных лет
 Она всё молчаливее и тише.
 Но, может быть, душа - светлым-светла
 И убыли не претерпела, просто,
 Как тот ручей под снегом, - замерла
 В предчувствии движения и роста.
 И как ручью из казематов белых -
 К самой себе иного нет пути,
 Как только выйти за свои пределы
 И самую себя перерости.
 О, как громоздок всякий лишний час,
 Которым меряется теснота острога!
 У Бога много милости для нас,
 У нас так мало радости для Бога.

ЗАКАТ

Как шаткого в ночи нелепой кружит
 Под действием дурмана иль вина -
 В водовороте щепкой неуклюжей
 Меня кружили года времена.
 И дни, как волны, шли навстречу мне,
 Накатывали тяжестью булыжной,
 И в каждом новом дне, как на волне,
 Всё ненадёжно было и подвижно.
 Всё было скрыто водяной завесой.
 Лишь поздней осенью и раннею весной
 Закат в поросшей мохом пасты леса,
 Как дивный зверь, стоял передо мной.
 Из сумрака развилок и расщелин,
 Стволов мохнатых, волосатых пней
 Смотрел он на меня, как из пещеры,
 Сквозь сеть очерченных огнём ветвей.
 Атласный блеск сбегал с багряной шкуры,
 Ложился в первые, последние снега,
 И тонкой пылью золотисто-бурой
 С деревьев сыпало в еловые рога.
 Он был как остров в широко бурлящем
 Разливе жизни - в качке межсезонной
 Он постоянным был и настоящим,
 И останавливалась я ошеломлённо.
 Из серой мглы реальностью бессрочной
 Мир проявлялся. В центре был закат.
 Меня к земле спасительно и прочно
 Приковывал его короткий взгляд.

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

И кажется: всему я знаю цену,
 Когда последний свет в лесах горит.
 Ночь падает, как занавес - на сцену,
 И темнота, как пыль, в глаза летит.
 И кажется: приснился небылицей
 Закат - огня заоблачный залив.
 И кажется, что темнота дымится,
 Его, как кит Иону, проглотив.
 Но что замыслила судьба
 над смуглым лугом?
 Над ельником, во мгле и влажном лаке?
 Там что-то совершается в упругом,
 Ходящем волнами лиловом полумраке.
 Там что-то двигают, кроют, пересидают,
 В скользивая гибкую портьеру.
 Взволнованно шепчаясь, переживая,
 Как перед вновь задуманной премьерой.
 От неизменных правил отступают,
 Свергают догмы и крушат основы,
 Чтоб мир вовеки был неисчерпаем.
 И каждый день оказывался новым.

НАЕДИНЕ

Рассвет был неясен, и от пробужденья
 Вдоль смены погоды тянувшийся день
 Был грустью заполнен
 и медленным чтением,
 Раздумьем и недомоганьем. Мигрень
 Уже от затылка сползла на плечи,
 Уже за окном в ожидавшем саду
 Сиял ожидаемой прелестью вечер,
 И, встав от стола, я решила: пойду.
 Пойду уже в сумерках, как на свиданье
 К тому, кто далёких и близких родней.
 Пойду, загляну в глубину мирозданья,
 Проведаю речку и небо над ней.
 Знакомая ночь, тишина и берёзы...
 Дорога исхожена тысячу раз.
 И всё, что меня окружает, угрозы
 В себе никогда не таит. Но сейчас
 Наедине со Вселенной немного
 Жутко... Чуть зябко стало спине,
 Когда в однотасье, безмолвно и строго
 Лучистым лицом повернувшись ко мне,
 Громадная, тихая звёздная милость
 Накрыла собой с головой, и во мгле
 Душа, словно книга, так пышно раскрылась:
 Страницами - к небу, обложкой - к земле.

Листай же, листай за страницей
страницу!
Смотри же, как памятью
древних томов
Обильно вспоённый, во мне колосится
Посев предыдущих сердец и умов!
И, может быть, вся моя вера - оттуда,
Из той пустоты, где с великим терпением
Уж целую вечность, как встречного чуда
Вселенная ждёт моего откровенья.
И, может быть, вся моя сила - для этой
Земли, где восходы и дни так печальны,
Где миг лишь живу, но хоть
пригоршней света
Смогу обнадёжить и ближних, и дальних.

ДВА ЗЕРКАЛА

Одно - окно во мраке и тумане.
И так победно, так светло сияло,
Как будто бы истоки всех сияний
Оно в своих пределах заключало.
И множило ликующие блики,
Обитель дня, жилище солнц луцистых.
В его чудесном родниковом лице
Мир отражался радостно и чисто
И видел лучшие свои мечты....

Другое - тёмной пропастью зияло.
Но так же ярко краски и черты
Оно зеркальной бездной отражало.
То буйным пламенем гудел его провал,
То затухал, и в синеве глубокой
Дрожа, огонь опаловый мерцал,
Как вечной тьмы сторожевое око.
Полны какой-то сумрачной отрады
И дикой красоты его виденья,
И властно к ним притянутые взгляды
Томились тёмным,
жадным наслажденьем.

Два зеркала - одно перед другим.
Друг в друге самый малый луч ловили,
Дробя и множа, богатели им
И оба в бесконечность уводили,
Друг в друге бесконечно отражаясь.
И призванные к ним вступали в споры,
Пускаясь в путь и навсегда теряясь
В зеркальных многогранных коридорах.
В зеркальных лабиринтах прозревая,

Что от начал два зеркала едины:
Как грань и грань, они по оба края,
И всякая душа - посередине.

Не ведая своей текучей сущи
И чувствуя саму себя двояко,
Она собою меряет и судит
Реальный знак и отраженье знака,
Что явлен ей чужим и непривычным.
И, отражаясь в каждой половине
Всей сферы сущего, равняясь
с безграничным,
Она во всякий миг - посередине.

И вечность шла, и закипала ало,
И замирала в ледяной остыде...
И вечность целую душа решала,
В какое зеркало она смотреться будет.

* * *

Это века примета и времени признаки:
В череде хмурых дней и торжеств
невесёлых
Там и тут возникают чудесные
призраки
В одеяниях дивных, нимбах и ореолах.
Станут светом манить, скажут:
«Нам лишь дано вести
К благодати и милости, к чаши Грааля».
Да не будет кумира,
кроме собственной совести!
Кроме голоса Бога в дымящихся далях.
Там с неведомой тайной судьба
моя скрещена,
Там земля исчезает в тумане багровом,
Там ничто в безначалии мне
не обещано,

Кроме в сердце звучащего
властного зова.
Кроме толики малого света осеннего,
Лишь на чуть утолившего
сумрачный край,
Где ничто никогда мне
не станет спасением,
Кроме краткого над головой: «Уповай!»

А душа - самый хрупкий мост...

* * *

Вера
БАГРЕЦОВА

Вера Васильевна родилась в деревне Большая Синега Великоустюгского района Вологодской области. Окончила отделение прикладного искусства Московского текстильного института. Много лет работала заведующей просветительским центром «Светоч» Дома культуры и спорта города Красавино Великоустюгского района, сейчас - на заслуженном отдыхе. С 1976 года печаталась в районных и областных газетах, в коллективных литературных сборниках и краеведческом альманахе «Великий Устюг», в региональном альманахе «Звезда Поюжья», в областных журналах «Вологодский ЛАД» и «Автограф», в еженедельнике «Пять углов» (Санкт-Петербург). Автор нескольких книг, выпущенных в Великом Устюге и Красавине («Мое былое стало мигом», «Тайна бытия», «Цветы зимы» и др.). Участница областного литературного семинара в 2000 году.

В чёрном скрывшись одеянии
От вопросов и отчаянья,
Без эмоций отвечания
Я б дала обет молчания.
Я б дала обет монашеский,
Зная давнее, вчерашинее...
Лики ясные прописывать
Стала б темперой яичною,
Дни затворницы нанизывать
На судьбу свою на личную...
Я бы свечи Богу ставила
С дорогой молитвой верною,
Я бы всё своё оставила
За мирской стеной, наверное...
Времена былого смутные,
Как и ныне - безрассудные...
Не вернуться во вчерашинее -
Правит жизнью настоящей!

* * *

Печали твои не со мною,
Их осень уносит с дождём,
Я в лучшее верю с зимою,
С январским разбуженным днём.
Когда вся, до крыши утопая
И пряча былую красу,
Моя сторона голубая
Завьюженна в синем лесу...
Захочется в белых березах
Увидеть бревенчатый дом
И северным утром морозным
С печным просыпаться дымком...

* * *

От горячих красок лес устал...
Влажно-горькая уходит осень
С ароматом трав, грибов и сосен
И с огнём последнего листа.
От горячих красок лес устал...
Но взгляни-ка: там ещё светлей,

Где шиповник красный догорает,
Будто кровь, по капельке теряя
Ягоды меж розовых ветвей.
Улетает мой последний лист.
Он сорвался, как звезда ночная,
На зимы холодное начало -
На резной узорчатый карниз.
Улетает мой последний лист...
Я не знаю, что со мной теперь.
Музыкой качётся многострунной
Паутиной над дорогой лунной -
И закроет осень свою дверь.
Я не знаю, что со мной теперь...

* * *

Уйти под сумрак дождевой
Хотя б на миг - ещё не поздно:
Увидеть, как в траве густой
На тонких стеблях мокнут звёзды.
Пройти по лунным облакам -
Мгновенье - можно ли короче?
А сон и тишина - обман?
Иль перевоплощенье ночи?
Забудется, не позовёт
Ночей немое ожиданье,
Ни красных ягод терпкий мёд,
Ни губ мелькнувшее прощанье.
Не позовёт! И мне в ночи,
Где даль раскачивает ветер,
Разбуженнойной собой кричит
Вспоминание о лете.

* * *

Вот и осень ушла.
Красный зонтик скучает
по листьям,
По настойчивым утренним
ливням,
И в чехле его скрыта душа...
Вот и осень ушла...
И ушло то, чему не вернуться,
Меж стволов ветви синие
гнутся...
Ночью ветер шептал чуть дыша:
«Вот и осень ушла!»

Опрокинулись в озеро дали,
Тени осени в лес убегали.
И покоя хотела душа...
Вот и осень ушла...

* * *

Уже апрель! Смятены наши души,
И в наши судьбы прочно вплетены
Былые вёсны и былые сны.
И этой связи, знаю, не разрушить!
Уже апрель!
Бежать-бежать с весной
По облакам, по радуге, по полю...
Дышать, и видеть глубоко и полно,
И жить весной - загадочной, лесной!
Уже апрель! Победный марш дождей!
А значит,
вновь на каждом перекрестке
Весенних звуков слышать отголоски
И вместе с ними
властвовать и петь...
Уже апрель!

* * *

Ещё я многое могла -
Молчать, и плакать, и смеяться...
Я не любила притворяться
И чьи-то тайны берегла...
Ещё я оставалась той -
Вчерашиней, не меняя русло...
Но для кого моё искусство
Остаться до конца собой?
Ещё я понимать могла
И жизнь оценивать невольно,
Смотреть на этот мир спокойно,
Не тратя попусту слова.
Ещё ответов я ждала
От этой жизни неумелой,
Любила петь, была несмелой
И сил живых была полна.
Ещё я много отдала
Немых ночей достойным книгам.
Моё былое стало мигом...
Была ли я? Когда была?

Новые стихи

Сергей
ПАХОМОВ

Сергей Пахомов родился в Ленинграде в 1964 году. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького (семинар Ларисы Васильевой), публиковался в журналах «Новый мир», «Нева», «Север», «День и ночь», «Арион», «Литературная учеба», «Лепта», «Волга», «Вологодский ЛАД». Член Союза российских писателей. В 2014 году вышел двухтомник поэта «По обе стороны». Живет в Устюжене.

ЭПОС. НОЧЬ НА РЕКЕ

Ольге Кузнецовой

Не удалённость берегов,
а их пологость и покатость...
Семейка наглая бобров,
та, что живёт у переката,
Опять пытается пугать -
паденьем на воду, как с вышки -
Мне рыбу. Белая шуга...
«Падёнка», - подсказал Всевышний.
Ухватом ветер прихватил
тайгу за бороду седую.
Тайга - как крыша без стропил...
Метёт пурга напроталую.
Не звёзды смотрят на юдоль,
а мотыльки (белее снега),
И опадает гоноболь
дождя с безлистенного неба.
Дождь прибивает мотыльков
к реке, чуть вспенивая воду,
И табунами без подков,
воронами по огороду -
Жириует рыба.
Я гляжу на это действие отрешенно,
Мотор у лодки отвожу
и сети поднимаю сонно.
Лещи - хоругвями, плотва -
сплошной серебряной гирляндой.
Лещам - ольховые дрова,
плотву развешу на веранду -
Пусть вялится... Потороплюсь:
дождь и настойчивей, и злее.
Он прижимает каждый куст,
как проливная портупея
Мне плечи - тяжело грести,
осела лодка от добычи,
Созвездья, выпав из горсти,
за борт посыпались, как спички.
Сакральный месяц прозвенел
осиной о речиную косу...
И краснотал стал красно-бел
и зайцем выскочил к откосу.

АВТОЭПИТАФИЯ

Здесь жил... Чеканным, по граниту -
Холодным, золотым письмом -
Посланье родины - пишу:
Здесь жил... и умер за углом.

МОНЕТНЫЙ ДВОР

И вербы, как арба, и месяц, как двуколка,
чей простыняет след, как видно,
неспроста.
От гроба до горба - леса, как кофемолка,
просыпали зерно осеннего листа.
Стал дуб мой мускулист,
едва опала крона;
стал родословным мир,
раздевшись донага.
Земля - монетный двор.
Мне подвернулась крона,
какая ни на есть, а всё-таки деньга.
Ретировался снег,
как шведы под Полтавой,
образовался дым - котельщики не спят.
В гербарий - соверен, кленовый и лукавый;
копейки - в туесок (затёртые) маслят.
Я сказанно богат! Проклятые медяшки
пришли и соглят - попробуй оторвать!
А флюгер-петушок указывает тяжко,
как гибнет у реки вербованная рать.

ТРЁХПЕРСТИЕ

Радуница

Шелестит Елабуга. Лабухи-сверчки
Прославляют радугу, пагоду реки...
Непогода радует, прядает ветла,
Растопил я задолго печку добела.
Стадо колокольчиков - на воды и вброд,
По дороге кольчатой - пыль за поворот...
Радуницу празднуем: распекаем блин,
Ряженые, красные, разные... Аминь.

Троица

К озеру торопится торная тропа.
Лес, чересполосица... Брага, скорлупа...
Крест, как переносица... Проблески берёз.
Ветром переносится покаянье рос.
Просека раскосая... Слёзы на лице.
Распустила косы я: помню об отце.

«Вологодский ЛАД»

Гром. Святая Троица... Горбится ухват,
Крошево торосится на приступке.
Свят.

Спас

Сыплется соломою постоялый двор.
Запрягу соловую, затворю запор...
Не смолой сосновою - словом и перстом,
Пόлою половою переполнен дом.
Остывают яблони, ниспадает сон,
Стали ночи явными: звезды из окон.
Из огня да в полымя... Осень, осени!
Господи, помилуй мя, спаси и сохрани!

КАПИТОЛИНА

«Везут в Германию
нас эшелонами,
Везут в Германию
нас помирать...»

Яр бел: покров зимы суровой...
Не с той ноги встают дома,
Спускаясь к речке Васнецова
С капитолийского холма.

Капитолина ставит брашино.
Прияв навалочных гостей,
Поёт о прожитом так страшно,
Что пробирает до костей.

Я много слышал страшных песен,
Капитолининых - нигде...
Торчит застрявший в тучах месяц,
Как плуг - по горло - в борозде.

ОТЕЦ

Опесили леса, как только пересмешник
попутал пару нот, а пугало в саду,
От вешнего тепла сияя как подсвечник,
упало, проскользнув по склону,

как по льду...

Под банкою - ростки (аквариум растений),
чтоб утренний мороз не сглазил семена.
Чем проще разговор - тем очевидней гений,
чем шире огород -
тем сгорбленней жена.
Усохших сорняков, сучков дымящий
жупел
очистит от жуков и слизней зелень,

И первые цветы, проросшие на клумбе,
сиреневым дождём обрадуют меня.
...Когда больной отец (он был парализован)
просил его снести на белое крыльце,
Где был горячий луч,
как гильза развалцована,
в уставшее его, землистое лицо...
Так всякую весну, но в эту отчего-то
на мой вопрос (снести?)
он мне ответил: «Нет.
Я больше не могу... Нет сил, и неохота
глядеть моим слезам
на бесполезный свет».

ВОСКРЕСЕНИЕ

Мой пруд разделан под орех
приходом оттепели ранней.
И солнце в небе - из прорех,
и лес, оттаявший с окраин,
И перезвон, и перестук пернатых -
кончились зимовье -
И на окне проросший лук,
и небо волглое, воловье...
Вот на скамейки у ворот
садятся люди пожилые
И притворяют горстью рот,
как будто видятся впервые.
Как талые снеговики,
они ждут праздника святого,
И лёд разбухнувшей реки трещит,
как старая обнова.
Я вижу слёзы в их глазах,
я вижу слёзы ночью в небе,
На вербах и на образах,
на свежесыпеченном хлебе.

НАРОД

Дымятся вербы у реки,
частят скворцы на талой пашне...
Дробятся длинные звонки в дверь,
что закрыта нараспашку.
Час расстояния настал.
Жильцы уютной коммуналки
Не провожают на вокзал,
но дарят, что кому не жалко.
Дал дядя Ося монпансье,
Иваныч - перочинный ножик...
И завертелась карусель
отъезда к бабушке Серёжи.

Москва-Бутырская - чуть свет,
мой долг на станции конечной -
Бежать и вынудить билет,
пока отец дотащит вещи.
Стародворянской, что давно
мостили пленные французы,
Автобус (кадрами кино)
ползёт, кряхтя от перегруза.
Два с половиной часа -
шестнадцать с гаком километров.
Но светом солнечным (в глаза)
душа наполнена и ветром.
Ром-бабы плюшевых старух
(в авоськах - хлебная мякина),
Чьи руки, чья усталость рук -
печей потрескенная глина.
Деды - окладами бород,
фуражки сдвинуты на темя...
Мы были вера и народ,
теперь - неверие и племя.
Вновь пересадка. Мы стоим,
висим, лежим селёдкой в банке.
Часовня. Едковатый дым.
И бабушка на полустанке.

СЕМЬ

Семь раз отмерь...
Портниха-смерть седая,
пословицу не чтя, примерит, а затем -
Березовый венец. Как я предполагаю,
искусственный венок - на крестик,
как тотем.
Осенние дожди, ловушка-паутина:
вдруг кто-нибудь зайдёт случайно
помянуть.
Один косил траву,
другой писал сектыны,
по океану плыл, крестясь
на Млечный путь.
Семь вёрст не отмахать,
нигде не отдохнать.
Семь радужных цветов -
как в черно-белом сне...
Мой цветик, лепесток седьмой
не обрываю,
как в детстве оборвал гардину на окне.
Я буду без сеи одиннадцать, не поздно?
Как женщине,
тебе не следует спешить...

А я перекурю и погляжу на звёзды,
которые горят и говорят в тиши.

СНЕГ И ПУСТЕЛЬГА

Я знаю, снег и пустельга
доводят лес до белой скуки,
Как неподвижная река -
до поворотливой излучки,
До церкви - Бог, до слепоты - душа,
она же - до погоста.
Следы, проталины воды,
слегка притяганные сосны...
Теплом вольфрамовых ночей
согреты грозди красных ягод,
Точит нечаянный ручей,
как черви сердцевину яблок,
Сугробы... Снег и пустельга.
Среди привычных замешательств -
Разбухла вербная река,
и, убоявшись помешать ей,
До сущи тащат рыбаки,
по шею мокрые, с плотвою
Одуловатые мешки...
Душа прощается с зимою.
И всё же... Снег и пустельга.
Тьма надоевшая - на убыль.
Моя холодная рука -
твои презрительные губы.
Автобусом - за поворот...
(Он почему-то с красной крышей).
Я слышу сердца ледоход.
И больше ничего не слышу.

ВОЙНА МИРОВ

Мне сорок бочек арестантов
наговорил вечерний плётс,
Кукушка - бой ку-ку-курантов
и эхо уходящих гроз.
Сущил ветвями спелый ветер,
настырно щёлкали сучки...
Дуб в фиолетовом берете
присел ручью на облучки.

Как человечен желудь в шляпке!
Осталось спички повтыкать,
Чтоб получился голый, зябкий
солдат, способный воевать.
Пух (звать соседского мальчишку),
он дядю Сашу упросил
В песочнице построить вышку
из старых брусьев и стропил.
Соорудил окопы, пушки,
упрятал знамя в лебеду.
Ему немецкие игрушки
не снились в святочном бреду.
На ГДРовской танкетке
я выезжаю, как герой...
Пух растерялся (выстрел меткий):
«Серега, можно мне с тобой?»

ОДОЛЕНЦЫ

Неотступное чувство Китая -
муравейник в сосновом лесу...
Первый снег оседает, не тая,
как следы реактивного «Су».
Перелесок разлапистым гризли,
любопытствуя, встал на дыбы,
Исчезают неясные мысли,
словно вбитые гвозди в гробы.
Как взъерошенный чубчик ребёнка,
вдоль дороги - сухая трава,
На воде - полимерная плёнка,
освещаема солнцем, нова.
Стог, покрывшись навязчивым снегом,
неожиданно лопнул по швам...
Хорошо, открестившись от века,
прижимать невесомость к губам!
Сколочу (а зачем?) табуретку,
почитаю, от скуки, Ли Бо...
Приобщая еловую ветку
и, в одном экземпляре, прибор
Для молитвы минувшему году
(как не вовремя умер сосед!).
Неотступное чувство исхода?
Или чувство, что выхода нет?

Подарившие нам жизнь

ПИСЬМА ВНУКАМ О ВОЙНЕ

Маршала Георгия Константиновича Жукова как-то спросили: «Что является главной причиной нашей победы в войне?» Он долго думал. Наконец сказал: «Потому что мы вырастили очень хорошее поколение молодых людей перед войной». Это относится ко многим вологодским сельским парням. После Гражданской войны наши деревни оживились: семьи вновь стали многодетными, голода не было, все начали жить, свободно трудясь, в достатке. При новой власти открылись многие жизненные пути для простых людей. Сословия отменили; вузы, университеты, рабфаки распахнули двери перед талантливой русской молодежью.

Моя родня не была исключением. В мае 1941 года мой отец Михаил Алексеевич Кумзёров прибыл в Ленинград после окончания занятий в морском учебном отряде на Соловках. И года не прошло после призыва парня из лесной вологодской деревни Токарёво в Морфлот. Предстояло еще служить пять лет, а всего с войной - восемь лет.

За прошедшие месяцы он, парнишка с начальным образованием, уже получил специальность судового механика. Впереди его ждала тяжёлая, но почётная и, главное, полезная для него и для всей страны жизнь - военная служба на новейшем крейсере «Петропавловск». И он на нём матрос! Можно себе представить, как отец тогда этим гордился. Служить в самом Ленинграде! На Балтийском флоте! Наверное, не меньше был горд за него и отец, Алексей Никанорович, и мать, Анна Александровна, его братья и сёстры, их в семье кроме него было восемь. Михаил - старший из братьев. Гордилась и многочисленная родня, односельчане, жившие тогда одними заботами и радостями. Но мирной жизни всем оставалось чуть больше месяца.

Необходимо подробнее сказать о «Петропавловске», о нем потом часто вспоминал мой отец. Это был немецкий тяжёлый крейсер «Лютцов», купленный СССР недостроенным в 1940 году. Когда сегодня говорят, что «фашистский меч ковался в СССР» (была даже издана книга с таким

названием в перестройку, кстати, будущим ельцинским министром печати Борисом Мироновым), то это - ложь. Между европейскими странами в 30-е годы шла активная торговля, мы спешили, готовясь к войне, проходя целые экономические этапы за годы пятилеток. Валюты на покупку новейшего оборудования за границей у нас было мало, расплачивались природными ресурсами. Так и с покупкой «Лютцова». В Ленинград на его достройку приехали десятки немецких специалистов, среди которых были и разведчики абвера, изучавшие оборонные возможности города революции. Работы немцами специально затягивались: запаздывали поставки комплектующих и механизмов, чертежи одних систем не совпадали с другими и т.д. Перед самой войной, поэтапно, немецких специалистов отзывали на родину. В боевом отношении крейсер был подготовлен на 70 процентов.

«Петропавловск» стал плавучей морской батареей. В первом периоде войны за десять дней боёв пушки главного калибра десятки раз открывали огонь по немецким войскам, выпустив сотни снарядов. Уничтожались составы с немецкими войсками, срывались атаки противника. В один из дней в канале ствола пушки главного калибра взорвался снаряд. Причиной был дефект - раковина на стволе, тщательно замаскированная немецкими изготовителями.

Война продолжалась. 13 августа 1943 года отцу была вручена первая боевая награда - медаль «За оборону Ленинграда», № Ц 05495. К 1945 году этими медалями наградят около 600 тысяч человек, а к 1985 году - 1 миллион 470 тысяч, из них 15 тысяч блокадных детей и подростков. Даже в трудные военные годы некоторые воинские подразделения находили возможность вместе с медалью вручить воину не просто лист-удостоверение, а удостоверение-книжечку, изготовленную в полковой типографии. На внутренней стороне обложки помещали стихотворение Бориса Лихарева «За оборону Ленинграда»:

Твой дальний внук с благоговеньем
Медаль геройскую возьмёт.
Из поколенья в поколенье
Она к потомкам перейдёт.
В ней всё, чем жил ты, неустанен,
К единой цели устремлён,
Ты сам в метали её вчеканен,
Ты сам на ней изображён.
И строй бойцов, и блеск штыка,
Адмиралтейская громада,
«За оборону Ленинграда» -
Такая надпись на века!..

После Ленинграда отец в составе морской пехоты освобождал Прибалтику. С морским десантом высаживался на остров Эзель, обеспечивая плацдарм для дальнейшего наступления. Как и многих из моряков-десантников, его представили за эту операцию к государственной награде. Не случилось. Там же, в Прибалтике, он, уже старшина второй статьи, встретил Победу.

Кроме отца, в Великой Отечественной войне принимали участие наши родственники: брат мамы - Борис Аркадьевич Калинин, погибший под Сталинградом, сестра мамы - Александра, добровольцем ушедшая на фронт. Были в семье и не боевые потери - от тифа скончалась моя бабушка, Александра Ивановна Калинина.

Боевал с немцами и японцами и мой

Михаил Алексеевич и Антонина Аркадьевна Кумзеровы.
9 мая 2005 года, д. Березник

тестя Александр Фёдорович Кирюшин, 1926 года рождения. Это был, можно с уверенностью сказать, как и многие наши русские мужики, потомственный воин. Его дед, Степан Кириллович, воевал в Болгарии с турками, отец, Фёдор Степанович, был призван на Первую мировую войну, провел в германском плену четыре года. Старший брат А. Ф. Кирюшина Василий воевал в Великую Отечественную. Александр Фёдорович подсчитал, что сражался с немцами шесть месяцев до присяги, 360 дней после присяги и с японцами 24 дня. Прослужил в армии тоже 8 лет.

У них, наших отцов и дедов, много общего. Крестьянские парни, закалённые трудом и житейским опытом, они и представляли то поколение, о котором с гордостью сказал маршал Жуков как о решающем факторе общей Победы. Они знали, что за ними дом, там, в лесах Вологодчины, живут родные люди, земляки, работают, себя не жалея. Мой отец и мой тестя служили в морской пехоте и в десанте в специфических подразделениях - наблюдения и связи, что опять же могло

**Память - удивительная вещь,
ей нельзя приказать!
Начнёшь писать, и всё
встаёт перед глазами.**

*Прощайте, скалистые горы,
На подвиг Отчизна зовёт.
Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход.
А волны и стонут, и плачут,
И плещут на борт корабля.
Растаял в далёком тумане Рыбачий -
Родимая наша земля...*

быть доверено не каждому. Оба стали членами Коммунистической партии Советского Союза, той её части, которая не только победила в войне, но и совершила с народом следующий подвиг, равный самой Победе, - они восстановили страну, они вырастили себе смену, которой передали трудовую эстафету. И, наконец, они всю жизнь чувствовали себя русскими православными людьми, такими были у них корни. Мать Александра Фёдоровича, Дафья Фёдоровна, не расставалась с иконкой. Русские матери молились за своих сыновей и дочерей, ушедших на фронт. Моя родная тетя Шура, например, получив родительское благословение, добровольцем ушла в действующую армию с рукописной молитвой и крестиком, зашитыми в подкладку шинели. Рассказывала, что даже летом, как только начинался обстрел, бежала за ней, накидывала шинель на себя.

Да, вера в Христа и вера в коммунизм у наших отцов, у нашей деревенской родни уживались. Не так-то они далеки друг от друга, как и общие понятия совести, чести, справедливости. В нашей семье, вместе с отцом, четверо были коммунистами, но у нас, в деревенском доме, никогда не убиралась из красного угла икона Вседержителя. Мы не были воинствующими безбожниками, считались с правдой мамы, Антонины Аркадьевны, которая повторяла: «Вы как хотите, а икона должна быть в доме». Только сама мама знает, о ком и о чём она молилась перед нею. Отец же все последние двадцать пять лет своей жизни не снимал нательный крестик, соборовался.

Любили они и Родину, большую и малую, гордились ею. Пели объединявшую их песню:

Они выполняли завет своих погибших товарищей. И не важно, знали ли они о последнем моряке-десантнике, защитнике Петергофского плацдарма, успевшем написать две записки и вложившем их во фляжку: «Люди! Русская земля! Любимый Балтфлот! Умираем, но не сдаёмся». И во второй: «Живые, пойте о нас!».

И они, фронтовики, пели! Собирались за стол по случаю праздников, православных и революционных, и, особенно, в день Великой Победы, пели под гармошку и без неё, пели со слезами на глазах!

...Приближалось 40-летие Победы - 1985 год. Я тогда уже четвёртый год служил в Таджикистане. Со мной была моя семья: супруга Полина Александровна, дети Светлана, Дима и почти двухгодовалая Женя - уже душанбинка. Удалённость от родных людей и мест, как известно, обостряет чувства, не хватает всего того, чего не замечаешь, живя на родине. Отцу полетело письмо: напиши о том, как служил на войне, внуки ждут. Через несколько месяцев пришёл ответ в посылке. Отец закончил его писать 21 апреля 1985 года. Для нас это был самый главный подарок ко Дню Победы. Прочитали рассказ отца несколько раз. Потом распечатали письмо на машинке и отправили братьям и сёстрам. У них тоже росли дети. Теперь уже и у детей дети - наши внуки. Попросили рассказать о военных днях и Александра Федоровича Кирюшина.

И, наверное, не ошибусь, что каждый из них прочитал письма дедов, запомнил их на всю жизнь. Оставляю эти письма как есть, они - документы героической эпохи.

Юрий КУМЗЕРОВ

Михаил Алексеевич КУМЗЕРОВ

Фронтовая Балтика

Здравствуйте, дорогие наши Юра, Полина, Света, Дима и Женя! Живём по-старому. Всё нормально, все здоровы, пришла весна. Но не красна, весь апрель стоит холодный: ветер, снег. Многое не стаяло снега, речка сямская только ещё потекла. Кажется, не будет и тепла. Получили от Светы и Димы письма. Спасибо вам, внуки! Очень хорошо Света пишет, всё подробно описала. Дима тоже моло-дец, такого нарисовал богатыря! Если это действительно нарисовал он, тогда обязательно будет художником. Одна Женя у вас бездельница, ничего не пишет и ничего не делает. Думаем мы с бабушкой, как бы увидеть вас летом? Но не знаем, как залучить. Может, что-нибудь да изменится и приедете летом. Бабушка вставила новые зубы. Ездила в Вологду семь раз, купила плащ. Мне, наверное, добавят пенсию 12 рублей. Возил документы в райсобес. И будут другие льготы участникам войны.

Сейчас идёт торговля по талонам для участников войны (Валя на мой талон купила джинсы за 100 руб.), а также продажа дефицитных продовольственных товаров. Поют песни по радио, фотографировали на стенд - в общем, шуму много. Обещают наградить орденом и юбилейной медалью «40 лет победы над Германией».

За неделю до Пасхи был Валерий, доколол дрова, выкидывали навоз. А Лиза с Ниной за всю зиму были один раз. По субботам Нина работает. Лиза часто болела. От Саши письма давно нет, с тех пор как был у них Валерий. Аня ездит часто, почти на каждый выходной. Привет Свете от Наташи и Иры Серовых. Черепаха жива.

Поздравляем вас с праздником 1 Мая и праздником Великой Победы! Всего вам доброго, счастья, радости, а главное - здоровья! Карандаши - Диме, пусть рисует.

До свидания, пишите, ответ ждём. С приветом бабушка, дедушка и Валя.

На память родителям от сына Михаила. 23.12.45 г.

Прежде чем начать писать о блокаде Ленинграда, вспомню начало службы. Призвали меня во флот в сентябре 1940 года. Срок службы 5 лет. Для того, чтобы служить на корабле, надо иметь специальность, ибо без специальности на корабле нет ни одного человека. Для приобретения таковой был направлен в Учебный отряд Северного флота на остров Соловки, который находится в Белом море. Там проучились чуть больше шести месяцев. После окончания все были расписаны по флотам и кораблям. Я попал на Балтийский Краснознамённый флот - на крейсер «Петропавловск». Прибыл в начале мая 1941 года. Крейсер находился в Ленинграде, стоял на Неве у Балтийского завода. Он был ещё не полностью введен в

строй, заканчивались последние работы. Личный состав был уже сформирован.

Так началась моя служба. Крейсер современный, мощный, две электростанции, которые могли бы осветить весь Ленинград того времени. Артиллерия главного калибра: четыре башни, две носовые, две кормовые, 12 орудий; 203-мм снаряды; дальность боя до 40 километров. Вес каждого снаряда - 122 кг. Кроме того, бортовая и зенитная артиллерия. Длина корабля 225 метров, ширина 30 метров. Имелся ангар для самолётов. Всё описывать - много, да и нет, наверно, интереса.

Имелось всё для быта и службы матросов. Не совсем ещё успели ознакомиться, только один раз удалось побывать в Ленинграде, как началась война.

21 июня, в субботу, вечером матросы, свободные от вахты, готовились в увольнение на берег, а те, которые уже послужили и думали в скором времени демобилизоваться, мечтали уехать в родные края. Но не тут-то было.

В воскресенье утром 22 июня горнист проиграл «Большой сбор». Это значило, что все свободные от вахты должны собраться на верхней палубе и встать в строй. Вначале подняли флаг. Затем командир корабля капитан 2-го ранга Ванифатьев объявил печальную новость: началась война, Германия вероломно напала на нашу страну, и поставил задачу, чтобы в короткий срок корабль был приведён в боевую готовность.

Вечером того же дня был митинг. Многие матросы из старослужащих изъявили желание драться с врагом на сухопутье. Через несколько дней вышли из Невы в Финский залив Балтийского моря. Так покинули Ленинград, но ненадолго.

Враг, без объявления войны напав на нашу Родину, имел преимущество в технике и превосходил во много раз во всём: на воде и в подводном флоте, в воздухе, теснил наши войска и продвигался на восток, рвался к Москве и Ленинграду, оккупировал Прибалтику. Наши корабли, отступая из г. Таллина, сразились с кораблями противника и оказались в очень

СЛОВАРЬ МОРСКИХ ТЕРМИНОВ:

Кнект - чугунная тумба для крепления швартовых.

Кранец - приспособление для прокладки между бортом и кораблём.

Камбуз - кухня.

Кок - повар.

Штурм-трап - верёвочная лестница с узлом.

Гальюн - туалет.

трудном положении - блокированы. В неравном бою погибло 50 кораблей, многие получили повреждения. Крейсеру «Киров» оторвало нос. Один из эсминцев из боевого охранения, кажется «Стремительный», подставил свой борт под вражескую торпеду и затонул, разломившись пополам, скрылся под водой вместе с командой. Вскоре начала тонуть самоходная баржа. Там находились люди: жёны и дети офицеров, эвакуированные из Таллина. Корабли тонули один за другим, трудно понять, отчего. С воздуха сыпались бомбы, торпедировали подлодки, впереди идущие подрывались на вражеских минах. Трудно описать, как это всё было, а было. Не встречал об этих неудачах ни строчки. В неравном бою всё-таки основные силы - большие корабли - остались невредимы: линкоры «Марат» и «Октябрьина», крейсера «Максим Горький» и наш «Петропавловск». «Киров» вернулся в Кронштадт без носа, дошли и многие другие миноносцы и эсминцы, которые впоследствии защищали мощью своих орудий город Ленинград, нанося врагу большой урон.

Армия на суше с боями отступала. Вот тогда и было списано с кораблей Балтфлота много моряков на сушу. Из них было сформировано 4 бригады, много батальонов и отдельных рот на помощь сухопутной армии.

Крейсер «Петропавловск» находился в Финском заливе, защищая Ленинград. По

приближавшемуся врагу вели почти беспрерывный огонь из орудий главного калибра: по батареям и танкам противника. Так как дальность боя немецких орудий в начале боевых действий не позволяла фашистам достать нас, это их бесило.

16 августа 1941 года гаубицы фашистов с Вороньей Горы начали обстрел района, где находились мы. По кораблю было несколько попаданий. Ранило несколько матросов. А главная потеря: был ранен командир - капитан 2-го ранга Ванифтьев и отправлен в госпиталь. Командование принял его заместитель - капитан 3-го ранга Павловский. Очень высокого роста, около 2 метров, плечистый, неповоротливый, хмурый, строгий.

17 августа немецкое командование предприняло новое генеральное наступление на корабли Балтийского флота. Появилась немецкая авиация - бомбардировщики, охраняемые истребителями. Кидали бомбы на все корабли, которые находились в Финском заливе. Самолётов было много, как стая ворон: чёрные, страшные, с немецкой свастикой на хвостах, сыпали бомбы, которые издавали жуткий свист и, падая, оглушительно взрывались, поднимая фонтаны воды на большую высоту.

Тут же начался обстрел из тяжёлых и бронебойных орудий. Авиация уже заходила на вторую атаку. Самолётов становилось всё больше. Наших самолётов не было видно. Зенитная артиллерия не в силах была отбиться от самолётов противника. Корабли снимались с якорей, маневрируя, уходили в разные стороны, отбиваясь из орудий главных калибров. Это были линкор «Марат», крейсер «Максим Горький» и другие.

В наш «Петропавловск» одна за другой попали две бомбы. Одна в нос корабля - в полубак, пробила верхнюю батарейную палубу и взорвалась в трюме, другая - в корму, взорвалась в румпельном управлении. От взрыва бомб вышла из строя электростанция, погас свет, начался пожар. Не успели опомниться от взрыва бомб, от которых получился толчок и содрогание,

как раздался оглушительный треск, как будто на нас упало всё небо и мы вместе с землёй проваливаемся куда-то в бездну от взрыва и пожара. В тесных стенах корабля стало душно и жарко. Артиллерия врага пристрелялась и уже точнее била по нам. Снаряды взрывались то в носу, то в корме, корёжа железо и даже броню на бортах. В такой суматохе началась паника. Боясь взрыва пороховых погребов в трюмах, открыли кингстоны. Корабль медленно стал тонуть. Команда покидала корабль, матросы выбегали на верхнюю палубу. Помню, я выбежал наверх, какой-то командир пытался построить матросов по левому борту, со стороны, защищённой от попадания снарядов. Кто-то кричал, но голоса его не было слышно из-за шума моторов вражеских самолётов, разрыва бомб и снарядов.

Я видел, как один самолёт зашёл с носа корабля по левому борту и с бреющего полёта полоснул из крупнокалиберного пулемёта по матросам, стоявшим в строю. Свиста пуль не было слышно. Они, как град, ударяясь о металл корабля, рикошетили, с искрами и краской разлетались во все стороны. Строя матросов, в который их пытались поставить, как не бывало. Остались лежать на том месте убитые и раненые, раздались крики и стоны. А остальные уже были за бортом корабля. Что-то обожгло мне ногу выше колена. На ходу дёрнул брезентовую штанину, вижу, осколок снаряда упал на палубу. Я тоже прыгнул за борт.

Холодная вода привела в чувство. Стал соображать, что делать. Кругом плавали матросы, некоторые уже подплывали к катерам, пришедшим для спасения плавающих и доставки на ленинградский берег. Многие матросы плыли к пирсу - это берег, он всё-таки ближе, и там была наша вторая линия обороны.

Я подплыл к катеру, успел ухватиться за кранец, который висел на борту катера, и с помощью Гурия Милавина забрался на катер, на котором было уже много матросов. Гурий Милавин был моим другом с начала службы, земляк из деревни

Красный Бор Сокольского района. После войны я был у его родителей в гостях, они жили там же.

На катере перевязали ногу разорванной тельняшкой. Ранение оказалось лёгким - дней десять полежал в санчасти в Ленинграде.

Это было позже, а сейчас хочу вернуться ещё к тем минутам. Когда оказался на катере, посмотрел вокруг. Вспоминаю сейчас - мне представилась жуткая картина. Наш корабль-дом тонул, уходил под воду. Был высоко над водой, а теперь двухэтажные иллюминаторы (окна), которые давали свет, находились уже в пучине. Только верхняя палуба, надстройки, рубки, башни с поднятыми пушками, были над водой. Вражеские самолёты безнаказанно поливают из пулемётов по плавающим безоружным матросам, обстреливает и артиллерию. Раскалённый, стонущий от пальбы и бомб воздух, крики о помощи, кровь и смерть. Вода, кажется, была красная. Только плавали и не спешили одни бескозырки. Им было не страшно и всё равно куда плыть, хозяева уже не найдутся. Трудно представить страшней картину.

Немцы хотели с ходу взять Ленинград. Отдельным частям немецкой армии удалось прорваться к городу, некоторые мотоциклисты вечером того дня были на кольце, где заканчивается трамвайная линия.

17 сентября, вечером, - собрание личного состава корабля в четвёртой казарме. Нам коротко объяснили обстановку под Ленинградом, зачитали список тех матросов, которые уходили на сухопутный фронт. Их обмундировали в армейскую форму, выдали винтовки, патроны и гранаты. Мы простились.

Я попал в команду по спасению нашего корабля. Прибыли на катерах, поднялись на верхнюю палубу. Множество пробоин, вмятин. Надстройки на верхней палубе искорежены, сигнальный мостик наполовину вмят в носовую башню. Не знаю, велик ли, мал ли, но попал прямым попаданием снаряд. Броня только опалилась,

обожглась, но не поддалась даже снаряду - только вмятина.

Немцы заметили людей на корабле, снова начался артобстрел. Так продолжалось почти каждый день. Работали ночами, отыхали днём вместе с солдатами в землянках. А в трудные моменты, когда немец шёл в атаку, помогали отбивать атаки.

Немцам во что бы то ни стало надо было быстро взять Ленинград. С рассветом самолёты прилетали бомбить город, начинался артобстрел. Немец не проявился, а даже на некоторых участках был оттеснён. В 1941 году была секретная директива Гитлера, он приказывал стереть г. Петербург с лица земли, мол, после поражения России нет никакого интереса в существовании этого большого населенного пункта. Было решено блокировать город путём обстрела из орудий всех калибров и беспрерывной бомбёжки с воздуха, чтобы сравнять его с землей. Ждали, что Ленинград сам поднимет руки или помрет голодной смертью.

Итак, Ленинград оказался в кольце. 900 дней находился в блокаде город Ленина. Страшные это были дни. Ленинградцы испытывали жесточайшие муки. От мала до велика сражались за свой город и не допустили в него врага.

Наша команда продолжала выполнять поставленные задачи. Помпами откачивали воду, подводили пластиры под пробоины, водолазы опускались в трюмы, отыскивали там и поднимали более ценное оборудование, документы, продовольствие. А главная задача - поднять быстрее и привести в боевую готовность корабль. Доводилось очень трудно. Приходили на другой день, а вода снова на прежнем уровне. Потом, в одну из ночей, добавили аварийных судов с мощными насосами. Корабль оказался на плаву. Тремя буксирами увезли корабль в Ленинград на ремонт, к Балтийскому заводу. Стоял наш корабль в доке, весь израненный. Более 90 пробоин! И от двух попавших бомб сильно пострадали борта, переборки и механизмы. Надо было в короткий срок сделать ремонт. Работали

день и ночь, чтобы привести в боевую готовность корабль и выйти на защиту Ленинграда - враг у ворот, рвётся в город, бомбит военные предприятия, промышленные объекты. Вражеская артиллерия бьет куда попало: по жилым домам, по улицам, где идут трамваи, по больницам и детским учреждениям - лишь бы уничтожить людей, принести разрушения.

Поздней осенью 1941 года вывели наш корабль в торговый порт Финского залива - в Угольную гавань, маскируясь за высокими подъёмными кранами. Наши пушки стали бросать снаряды на головы фашистов. Ленинград был уже в двойном кольце.

Когда-то первая морская норма питания славилась, а стала неслыханно голодной: хлеба 300 г. В день! И хлеб с примесью отрубей и ещё чего-то. По 100 граммов на завтрак, обед и ужин, кусочки размером со спичечный коробок. Приварок: на первое и второе было единогорячёная вода с мукой, жидкий кулеш. Так прозвали это блюдо. Пообедаешь, ещё больше есть хочется, а есть нечего. С горьким разочарованием, одни воспоминания, что раньше ели с самых малых лет. Всё восстановлялось в памяти. Хотя наши детские годы жизнь не баловала, в редких случаях приходилось кушать белый хлеб, а тем более прянички или печенье. Но как сожалели, что иногда где-то бросали или оставляли хлеб! Эх, думали, сейчас бы этот кусочек, слизнули бы за милую душу. Но нет, кусать нечего, кругом железо.

Мне часто вспоминался такой случай. Я ещё был маленьkim. Наверное, мне было лет восемь. В какой-то праздник я лежал на печке, ел белый пирог. Наевшись, оголодал его и забросил на полати. И вот в самый голодный период блокады всё время себя казнил, зачем я это тогда сделал. До сих пор очень жалею разбросанный хлеб. Кто не бережёт его или расходует не по назначению, того осуждаю и считаю, что не испытывал он голода.

Наступает следующий день, а норма та же. Прежде чем плеснуть в миску кулеш, кладёшь горчицы, перец. Думаешь, всё

будет посытней, не так будет сосать под ложечкой, хоть бы ненадолго забыть про еду. Но нет, съел ужин, ещё больше есть хочется, нет терпения, берёшь миску, идёшь в пике, так прозвали идущих за добавком к повару на камбуз. Подымаешься по трапу на верхнюю палубу. Там, у камбуза, уже стоит очередь матросов. Каждый старается пролезть вперёд, погуще получить баланды-кулеша, суют через окно раздачи миски, ласково кричат коку: «Петя, дорогой копрёш, будь другом, плесни немножко». Петя Иванов, так звали кока, плеснёт чумигушку мутной водицы, тут же ее выпьешь через край. И никакого не чувствуешь унижения, а как бы встать в очередь еще раз.

Сменившись с вахты в ночное время, ищешь, где бы поспать. Но не спится. Не успел заснуть - надо вставать, бежать в галюн. Слабость, не держится в желудке кулеш. Выйдешь из кубрика в проход, там, как люди на Невском, всю ночь идут и бегут туда и обратно матросы, гремят коваными каблуками о железную палубу. Идут, чтобы отлить кулеш и воду, выпить за день.

Всё труднее и труднее становится подниматься по трапу, бегом уже не бегаем по боевой тревоге, не страшны стали обстрелы и бомбёжки. Страшен голод, побеждающий страх. При малейшем напряжении кружится голова, в глазах мураски, дёсны кровоточат, несмотря на то, что стали давать хвойный отвар - по стакану перед едой. Суровая зима 1941-1942 года способствовала блокаде, но она же и помогала Ленинграду. Открылась Дорога жизни. Так прозвали ленинградцы дорогу через Ладожское озеро - единственную связь с Большой землёй.

Смотришь с корабля со стороны Финского залива: гигантский город стоит тихий и суровый, как будто замер от беспрерывных воздушных налётов и артиллерийских обстрелов. Но нет, Ленинград жив, люди не сломлены. При первых появлениях немецких самолётов тут же сверкают тысячи прожекторов, стараясь высветить их, чтобы зенитчики взяли цель и сбили её.

Да, Ленинград был жив и стоял на смерть. Мир такого подлинного массового героизма ещё никогда не видел. Ленинградцы сделали невозможное. В условиях, когда свирепствовали голод, цинга, была прекращена подача света, вышли из строя водопровод, отопление и канализация, перестал работать городской транспорт, они под обстрелами и бомбёжками дежурили на крышах, гасили зажигательные бомбы, охраняли военные и промышленные объекты, отражали атаки, трудились в цехах. Ленинградцы оставались в строю и умирали у станков. Страшное пережили: горевшие дома, длинные очереди за мизерной пайкой хлеба.

В Ленинграде было разрушено более десяти тысяч домов, погибло 800 тысяч человек, не считая умерших в пути при эвакуации в тыл. В конце 1944 года в городе оказалось всего 620 тысяч человек. А до войны в Ленинграде было около 3 миллионов жителей.

Зимой 1941-1942 гг. мне в Ленинграде приходилось изредка бывать. И вот вспоминается страшная картина: света нет, трамваи стоят разбитые на рельсах, дома разбитые, некоторые горят, люди лежат мёртвые во дворах и под арками, просто так, замёрзшие, а некоторые уложены в поленницы, как дрова. Вначале их вывозили на кладбища. Завернут в одеяло и на санках везут, а потом уже не стало сил прибирать тела, да и некому. Живым надо было бороться - шли, боролись и выстояли.

Блокированному Ленинграду помочь оказывала вся страна. Эта помощь шла Дорогой жизни через Ладожское озеро. Шли машины с продовольствием, одеждой, разными материалами - беспрерывным потоком. Обратным рейсом вывозили больных, раненых и покойников в Вологду и другие места захоронения.

Утром 18 января 1943 года личный состав нашего корабля был построен на палубе. Полковой комиссар, позднее - капитан 2-го ранга, заместитель командира корабля по политчасти тов. Кущенков объявил, что войска Волховского и Ленинградского фронтов соединились, и блокада города прорвана. Радости и ликованию не было конца! Полностью же блокада снята была только 20 января 1944 года. Гитлер под Ленинградом держал 30 процентов всех войск Германии, что облегчало борьбу нашим солдатам на других фронтах.

Теперь надо было освобождать морские базы и острова в Балтийском море. Снова организуются морские бригады. В одну из них был направлен и я. Это был отдельный морской батальон под командованием капитана 3-го ранга Вострикова. Уходить с корабля, с одной стороны, было жалко - расставались с друзьями-матросами, с кем пришлось прожить самые трудные три года в моей жизни. Корабль - второй дом моряка. А с другой стороны, уйти на берег, увидеть природу, походить по земле - это тоже влекло. За эти годы всего несколько раз пришлось быть на берегу, бывать в Ленинграде.

В июне 1943 года покинули город. Началась служба в морской пехоте. Подробно ее описывать не буду, остановлюсь на некоторых моментах. Освобождали город Гдов на берегу Чудского озера, а затем высаживались десантом, форсировали Чудское озеро на катерах с лёгкими пушками и пулемётами и заняли эстонский берег, выбив немцев на большом плацдарме и удерживая его до подхода пехоты. Пехота шла дальше, а наш взвод остался переправлять через озеро пушки, лошадей, людей, машины, кухни и военную технику 2-й Ударной армии, которая шла освобождать г. Таллин. Их грузили на тендера - два катера, сколоченные брёвнами и с настилом из досок.

Мы тоже приняли участие в освобождении Таллина, только с моря. Дальше освобождали остров Эзель, ныне Сааремаа, в Балтийском море. Надо было занять берег и отрезать немцам путь отступления к своим кораблям, с которых их прикрывала мощная артиллерия.

Была осень, конец сентября. Вода была уже холодная. Катера близко к берегу подойти не могли из-за отлогого

берега. Мы прыгали в воду, шли по пояс. Вода обжигала, с берега строчил пулемёт. Главное - зацепиться за берег под прикрытием морской артиллерии. Она помогла, выбили немцев из окопов. Многих товарищей мы потеряли, похоронили на побережье. Потом к нам на помощь пришёл эстонский корпус. На острове, кроме немцев, было подразделение из так называемых власовцев. Когда ночью шли в наступление, мы кричали «полундра» и «гады фашисты», а они кричали «ура» по-русски и нас вводили в заблуждение. Мы думали, что наши солдаты уже опередили нас, оказались впереди. Но нас подпускали ближе и открывали огонь из пулемётов и забрасывали гранатами. Много тогда взяли пленных немцев, не успевших эвакуироваться с острова, а власовцев немцы вообще не собирались брать с собой. Им уже было не до них. И вот, после освобождения острова, возвращались мы в город Куресари (это центр острова). Не доходя до города узнали, что предатели-власовцы находятся в сарае недалеко от дороги. Сарай очень большой, метров 50 в длину. В нём крестьяне складывали хлеб в снопах, а посредине широкое гумно (утрамбованный земляной пол). На него крестьяне заезжали на лошадях с повозками, обмолачивали снопы. Вот в этом сарае власовцев было как сельдей в бочке: обросшие, оборванные, головы повесили, на нас не смотрят. Мы всё-таки спросили их: «Что, вас заставили воевать против своих же?» Отвечают, дескать, нас заставили силой, немцы гнали под ружьём.

Нашиими ребятами им было высказано много неласковых слов. Мы были не прочь и пострелять предателей, отомстить за наших погибших друзей. Но этого нельзя было делать, они были уже безоружны, под охраной. Все они получили своё по закону.

Мы возвратились в город Куресари. Жили в каком-то кулацком доме. Сад превратили в кухню и столовую. Раздобыли где-то большой котёл, прикатили бочку американского сала. Варили картошку, поспать бы еще в тепле. Но спать не давали вши. Жуть их сколько было! Тряхнёшь

фуфайку на улице - на снегу черно. Так мы и жили, пока оформляли документы, хотели нас представить к награждению.

Потом мы уехали в Ленинград, в Балтийский полуэкипаж. А там, наконец, баня, парилка! Все с себя шмотки сняли, помылись. Нам выдали новое обмундирование, уже морскую форму. Расписали по морским частям. Море тогда освободилось от немцев. Моряков не хватало. Нас с капитаном Витязевым направили в одну часть. Прибыли в Таллинский порт, а затем в штаб флота, искали свою часть «в/ч 865 СНиС». Капитан вышел из штаба и говорит: «Вот что, старшина! Вся наша часть - ты да я. Едем в порт, будем заново всё организовывать. Личный состав скоро будет прибывать, а нам надо готовиться».

Оказалось, что наша часть - служба наблюдения и связи, сокращённо «СНиС», только ещё формируется. Сформировались быстро. Около 200 человек. Была у нас и своя техника: автомашины «студебекеры», «шевроле». Часто передвигались на машинах из Таллина в Вирцу, затем в Пярну. Тут и закончилась война. Из Пярну мы перебрались в Ригу.

В Риге закончилась моя служба. Но демобилизовался я в мае 1947 года. Вернулся на родину. Здесь и живу до сих пор.

Дорогое потомство!

Как видите, писателя из меня не получится. Хотел переписать, ничего не получается. Новые эпизоды лезут в голову, всё путается. Да и не удивительно - 64 года. Образование - начальное. Так что можно сделать скидку. Но вот память - удивительная вещь, ей нельзя приказать! Начнёшь писать, и всё встаёт перед глазами. Всех людей помню, представляю, какие были в то время, всех бы узнал. Помню фамилии многих командиров и матросов, где они жили, в каких отсеках. Прошло 40 лет, а как будто было совсем недавно. Материал ещё есть, большая бы написалась книга, да нет способностей.

21 апреля 1985 года

Александр Федорович КИРЮШИН

Из моей жизни

Когда мне исполнилось семь лет, умер отец, Фёдор Степанович. Ему было всего 54 года. Случилось это в 1933 году. У матери, Дарьи Фёдоровны (в девичестве - Маничевой), кроме меня осталось двое детей: брат Василий, 1923 года рождения, и сестра Анна, 1924 года рождения. Жили бедно, впроголодь. С тем, чтобы прожить, Василий пошёл в пастухи, а сестра - в няньки. В 1938 году пришлось и мне двенадцатилетним парнем пойти пасти частных коров из деревень Красный Двор и Аристово. Пас до Покрова дня (14 октября), т.е. до первого снега. За это получил при расчёте 160 рублей деньгами, 12 пудов картошки и 5 фунтов овечьей шерсти на валенки. В это время пшеница стоила 12 рублей за пуд. В 1940 году подрядился пасти телят в деревне Ларькино Елегонского сельсовета в колхозе «Красная Горка», за трудодни. С 1941 года пас коней по ночам в своём родном колхозе «Красный коммунар» Нефёдовского сельсовета. В школу ходили нерегулярно, уроков пропускал много осенью. А в четвёртый класс ходил с осени один месяц и весной 17 дней. Приходилось работать в колхозе, ездил с братом за осокой и дровами. В посевную боронил. Экзамены по четырём предметам сдал на «хорошо».

22 июня 1941 года, начало Великой Отечественной войны, застало меня на пастьбе лошадей у озера Кубенского. Тем летом с этого дня работал посыльным-верховым. Дежурил в сельсовете деревни Матвеевское, развозил по деревням повестки мужикам (самая «интересная» работа: слушать вой женщин и разухабистые песни своих сограждан).

До зимы, до заносов, приходилось делать то, что прикажут. А снега зимой 1941/42 года были обильные, приходилось почти ежедневно выходить на дорогу. Деревня наша Отеклеево, 14 дворов,

должна один километр дороги держать в чистоте. Работали под охраной. Карабули и выгоняли на работу нас солдат Петя. В полушибке, добротных валенках и с карабином в руках. В ясные, погожие дни занимались задержанием снега. Мы, ребята, возили из Колышкинского болота елки, а женщины втыкали их вместо щитов по обочине дороги.

Насчёт пищи. В колхозе, из амбаров, нам давали авансом по 5 килограмм фуража на неделю на двоих с матерью. Чтобы набить желудок, приходилось толочь головки льна, макушки от клевера, выбирать крахмал из гнилой картошки в колхозной яме-хранилище. В 1942 году, когда миновала необходимость работы на дороге, прекратили давать аванс. Стало совсем голодно. В марте месяце заболела тифом моя мать. Следом за ней и я - потерял сознание, неся ведро воды с колодца, у себя на крыльце. Тётка, Кирюшина Александра Степановна, унесла меня на себе в Нефёдовскую больницу. Мать поправилась дома. Тифозников в ту весну было много, и больница не могла всех вместить. Я после болезни шёл домой в деревню Отеклеево как пьяный, даже несколько раз падал. Дома встретила наголо остриженная мать со слезами - нечего есть. Нашлись в глиняной крынке пшеничные колоски, собранные весной из-под снега, - белые, как рис. Ошелушили их, провеяли и сварили кашу без масла, жиры, даже без соли. Но каша была очень вкусная, и очень жаль, что было её мало. Как быть? Жрать очень хочется! Взял я тогда мешок и пошёл в контору в деревню Рословское к председателю Поросёнкову И.И. просить заветные пять килограммов отходов. На мою просьбу Хрен Иванович ответил так: «Молодой человек, где ты зимой работал, у того хлеба и проси, а у меня здесь не богадельня».

И пришлось мне идти по миру. Но «Христа ради» я кусок не просил. Кому валенки подошью, кому дровишек нарублю и привезу. Солдаток с детьми и вдов было предостаточно к тому времени. И так дошёл я до посёлка Сизьма Кирилловского района, а может и Череповецкого, не знаю. Там за 600 граммов работали люди. Ставили бетонные колпаки, копали землю, жгли хворост в лесу возле дорог. Выполнил норму - получи 600 граммов хлеба, нет - значит, меньше. Поработал по сожжению сучьев, норму не мог ни разу выполнить, погода сырья была. А спали в бараке на голых топчанах, где кишмя-кишели клопы. И решил я уйти домой. Что будет, того не миновать.

Шел проселочными дорогами напрямик. От Шексны до Нефёдова 60 километров. Дошёл до Талиц, там мне добрые люди сказали, что в Петровском сельсовете в деревне Бардуха требуется пастух, пасти овец в частном секторе. Деревня большая и стадо немалое. Подрядился за 12 пудов хлеба и за кормёжку.

Итак, я снова пастух. Узнав о моём местонахождении, мать Дарья Фёдоровна стала меня навещать. Как придёт, я собираю у более зажиточных килограммов на 10-15 узелок. Ей хорошо, и я сыт. К концу моей работы, в сентябре месяце, собрал и я за свой труд подать. Купил себе яловые сапоги, полупальто из «чёртовой кожи», шапку. Малость прибирахлился, но домой везти нечего. Как быть? На моё счастье или несчастье, объявили всеобщую мобилизацию молодёжи от 14 до 16 лет в школу ФЗО. Дали разнарядку каждому колхозу, почти поголовно, но у председателя колхоза сына Петьку обошли. На колхозном собрании женщины, у которых стали отнимать сыновей и дочек, стали требовать, чтобы и Петька на равных шёл туда же. Я был наблюдателем на том собрании. Видя всё это и сознавая своё положение, сказал: «Я пойду за Петьку».

И пошёл. Мать и отец Петьки проводили меня как сына. Напекли пирогов, насыпали сухарей, зарезали барана, сунули в мешок гороховой муки. Так что

Александр Федорович Кирюшин. 1945 г.

по торбе я оказался богаче всех своих товарищей. Котомки наши везли на подводах, а мы шли пешком через Кириллов до Череповца. В Череповце нас посадили в теплушки-телятники, повезли на Вологду, а уж из Вологды наш состав был длиной в 102 вагона. Привезли нас 9 октября 1942 года в город Чусовой Пермской области. Там нас раскидали по всему Уралу в разные города: Березники, Лысьва, Нижний Тагил, Калино и т.д. Я остался в городе Чусовой. Определили меня в Особую строительно-монтажную часть № 63 (ОСМЧ-63). Состояла часть в основном из стройбата, вольнонаёмных и нас - ФЗО № 46. Учили нас ускоренно - 3 месяца. Освоишь свою специальность на 4 разряд - будешь работать по специальности. А если нет - ждёт тебя кирка-мотыга, кувалда с клином, лопата с ломом. В группе плотников, где я учился, мастером был

военнослужащий Дунаев. Нас у него было 33 человека. Экзамены на четвёртый разряд сдали только три человека: я, то есть Кирюшин А.Ф., Гаврилов Петро и Шигарев Василий. Остальных ждала земляная работа, в лучшем случае - опалубка.

Работал я на жилье: строили дома и бараки, так как с запада шли вагоны с эвакуированными. Мы жили отдельно от стройбата, в бараках со стенами из тёса, в которых засыпаны опилки и шлак. Спали на трёхъярусных нарах. Наверху было душно, внизу - холодно, а на средних вроде нормально. Спали на соломенных тюфяках и подушках, одеяла - байковые, грубые. Обувь была парусиновая, на деревянной подошве. Зимой выдавали шубные носки, сшитые из лоскутков и обрезков. За хорошую работу, при выполнении задания на 200%, в виде поощрения выдавали со склада пол-литра водки за наличные 63 рубля, осьмушку гродненского лёгкого табака и стахановский талон на порцию второго блюда, дополнительно к норме.

За провинность, опоздание на работу более 15 минут судили. Самое «гуманное» наказание - в течение 6 месяцев вычет из зарплаты 25 процентов и уменьшение пайки хлеба на 200 грамм. 700 грамм минус 200 равно 500 грамм. Работали восемь часов, нередко устраивали субботники, после основной работы ходили на строительство доменной печи БИЗ-1 - таскали на «коze» кирпич. Были и другие работы. Всё для фронта, всё для Победы!

В начале сентября 1943 года со мной случился несчастный случай. С подъёмной площадки, с высоты шести метров соскользнуло бревно. Отбегая в сторону, я запнулся и упал, в это время стукнуло в позвоночник. Пролежал в больнице три недели. После выписки мне дали временную инвалидность второй группы и поставили на лёгкую работу. Сидел в кабинете, топил печь-буржуйку и от нечего делать всё думал, думал и надумал бежать домой. Нашёл себе напарника - Жёлтикова Леонида Васильевича из деревни Страхово Кирилловского района, и в один из выходных дней мы ушли на вокзал, зарылись

в уголь. Дорогой друг друга потеряли. Я пересаживался от холода в другие вагоны несколько раз. Не доезжая станции Зуевка, что в Кировской области, пересел в вагон-пульман, в котором не продувало до костей. В Зуевке наша доблестная милиция меня вытащила за шкирку. Ночь под столом продержали. Получил прозвище «шпан» и несколько ударов сапогом. Дали за хищение сахарного песка и за проезд в товарном вагоне семь лет! Сидел я там, где сейчас находится завод КамАЗ.

После Сталинградской битвы, в 1943 году, «зеков» опрашивали: «Кто желает искупить свою вину на фронте добровольно?»

Таким манером набралось нас больше 60 человек разного возраста, но в основном колхозники, кто зерна в голенище принёс, кто мешковины на портняки взял. Судили без разбора. Я был из всей братии самым молодым по возрасту - 17 лет, рост - один метр 49 сантиметров и очень тощий. Так что меня из строя вывели, считая для войны непригодным. Но, по настоянию друзей по несчастью и милосердию двух женщин врачей, мне всё же разрешили встать в строй. Сводили нас 60 человек в баню, прожарили наши жёлтые фуфайки и всю одежду, что была на нас, загнали в пульман-вагон, оборудованный лотком-туалетом. Повезли - куда? Кто говорит, что на Второй Белорусский, к Рокоссовскому. Кто - еще куда. А привезли нас в Мурманск. Подкатили к вагону три крытых брезентом «студебекера», распихали по 20 человек, не считая встречавших военных. Вывезли нас на окраину Мурманска, в скалы. Прибыли спецавтомашины, нам устроили на лоне природы баню без веников. Наше вшивое обмундирование всё сняли. Одели по-военному, всё защитное, кроме ботинок. Они были жёлтого цвета - американские, кожа искусственная, да звёздочки из консервных банок. Одним словом, стали похожи на солдат-новобранцев.

Посадили в те же «студебекеры», в те же теплушки и повезли в обратную сторону - в город Кандалакшу. Со станции пешим строем пришли в военный городок.

Ознакомили с оружием, поучили ползать по-пластунски, немного походили в строю, чтобы при надобности не наступать на пятки впереди шагающего. Проверили, как мы ходим на лыжах, определили, кто куда подходит. Мне, поскольку я оказался малоросток, определили специальность «разведчик-связист» и определили в Воздушную наземную оповестительную службу (ВНОС). Построили побатальонно. Колонна в четыре человека оказалась внушительной - длиной более полкилометра. Впереди - духовой оркестр. Под музыку и песню «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...» прошли городом. За городом пошли в сторону посёлка Валакуртая по извилистой фронтовой дороге. На второй день уже слышали глухие удары грома в зимнее время. На Лысой горе шла артиллерийская дуэль.

Работа моя заключалась в том, чтобы ночью или в сумерках, не выдавая себя и маскируясь, протащить кабель на наблюдательный пункт (НП), замаскировать его. При разрыве - исправить повреждение. В то же время в мою обязанность входило наблюдение за передним краем обороны противника, а также за воздухом, чтобы оповещать Пункт передачи данных разведки (ППДР). Всё приходилось делать по обстоятельствам, по обстановке. Сначала было не по себе, часто кланялся от разрывов и пуль, но однажды, заметив моё опасение, старшина довоенного призыва Шепелев сказал мне: «Саша, не кланяйся, это не твоя, свою не почувствуешь».

Постепенно смылся. Смотря на пожилых солдат, думал: « У меня не семеро по лавкам». И приобрёл, в какой-то мере, бесшабашность.

В марте 1944 года при миномётном обстреле меня ранило в левый пах, сломало ключицу и легко контузило. Вывезли в полевой госпиталь на 23 километр у Кандалакши. В тыл не отправили, не сочли нужным, и до мая месяца находился в этом лесном госпитале. Перед выпиской уже помогал повару на пищеблоке, поправился, стал немного покруглее и почувствовал себя в норме. Хотя ворот

и рукава ещё приходилось подшивать: ворот ужимать, рукава укорачивать. 5 мая меня выписали и отправили на Кольский полуостров. Привезли в посёлок Мурмаша недалеко от Мурманска. Там 7 июня 1944 года я принял присягу.

Служил разведчиком в зенитно-артиллерийском полку. Служил немногого. Получился у меня срыв - младшему сержанту Монычеву Жоре, участнику Сталинградской битвы, родом из города Тулы, «мордочку почистил» за девчонку Соню Блинову. Наказать не наказали, но запомнил меня командир батареи Гай Мань Моисеевич. При первом же случае он избавился от меня, боясь, как бы чего не вышло.

В августе месяце перед «10-м Стalinским ударом» стали комплектовать ударную группу морских пехотинцев, и потребовалось выделить из каждого подразделения по 2-3 человека в распоряжение штаба. Туда меня и отправили.

Оказались мы на левом берегу Кольского залива, в посёлке Кола. Затем на «морских охотниках» (МО) перекинулись на полуостров Рыбачий. Стали осваивать премудрости новой службы. А с 25 на 26 октября нас на тех же МО доставили к берегам северной Норвегии, правее города Киркенес, где мы совершили десантную высадку. На 27 октября, в мой 18-й год рождения, город взяли. Из Норвегии выходили уже по суще, на станцию Кола. Там нас погрузили в вагоны и повезли. Куда, опять не знаем. Остановились в Кандалакше, жили там до апреля 1945 года. Ходили в наряды, повышали свой, так сказать, политический уровень. Назубок учили присягу, гимн Советского Союза и, конечно, личное оружие. Наше имущество и матчасть находились на погружочной площадке возле вокзала, куда мы ходили в наряд.

Перед первомайским праздником подняли по тревоге и ускоренным маршем направили на погружочную площадку. Там уже стоял состав из телятников - теплушек и платформ. Быстро погрузились. Провожало начальство - от капитана до

полковника. Полковник Плаксидский сказал: «Ребятки, вы едете брать Берлин, как зайдете город, будете патрулями, а командир ваш будет комендантом города Берлина!»

Первого мая тронулись в путь. Проехаем город Вологду, потом станцию Буй, всё ближе к Уралу... Победу над Германией нам салютовали не в Берлине, а на станции Кунгур посреди уральских гор. Дальше - Сибирь, Забайкалье... 20 мая ночью прибыли на станцию Отпор у границы Северного Китая (Маньчжурия). Отвели нас в нужное место, заставили окопаться, рыть землянки, ходы сообщения. Копать очень трудно: 15 сантиметров растительного грунта, а дальше камень, щебёнка, гравий. Ни лопатой, ни кайлом, ни ломом. Руки в кровавых мозолях, а рыть нужно. Только и отдыхали, когда политподготовка. Напоминали нам 1905 год, Хасан, Халхин-Гол и другие вылазки самураев. Политически за два месяца нас подготовили крепко. И за всё, что нам было сказано, самураям нужно заплатить, а нам не жалеть ни крови, ни самой жизни. Одним словом: нас вырастил Сталин на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил...

Так мы жили до 8 августа. На вечерней поверке нам зачитали приказ о начале наступления; выдали патроны, гранаты, всё, что будет надо. Утро началось с «катюш». Первым нашим городом стал Мукден, вторым - Харбин. А 24 августа всё кончилось. В Харбине нас держали долго. Только в конце октября наш 102-й отдельный артиллерийский дивизион своим ходом отправили в Монголию, в город Чойбалсан, на станцию Баян-Тумен.

Жили и служили в Монголии до 16 апреля 1946 года. Служили хорошо, «стариков» старше 1923 года рождения домой проводили. А четыре возраста - 1923, 1924, 1925 и 1926 года рождения - отдыхали, вшей копили, баранов у монголов угоняли, водку-спирт пили. А вот гулять было негде - степь да степь кругом... и ни одной юрты. Но пришло время, и нас рас-

формировали. Личный состав пошёл на пополнение Дальневосточного военного округа - снова в эшелоны. Сначала привезли в Забайкалье на станцию Оловянная. Выдали нам наши рубли, по несколько сотен за полгода, за Монголию давали по 9 тугриков. Ходили на реку Онон купаться, загорать. Не жизнь - малина, если бы не вши, привезённые из Монголии. На дворе лето, солнце печёт, а нас забыли одеть в летнюю форму. И так напихали нас большой эшелон вшивых безоружных солдат, в основном фронтовиков. Повезли дальше. Что ни станция, ни одной души из слабого пола не видно. При нашем подъезде все разбегаются и прячутся. Остановились в городе Свободный, выгрузили нужное количество живой силы, поехали дальше. Комсомольск-на-Амуре. Ещё солдат поубавилось. Остановились в Николаевске, стали ждать пароход. Загнали нас на окраину города, куда по дальше. Но кое-кто из солдат всё же ушел посмотреть «достопримечательности» города. Вернулись с синяками и «фонарями» - значит, плохо приняла их Амурская флотилия. На другой день всё наше стойбище ринулось в городской сад имени Калинина. Были жертвы - шесть человек убитых в саду, комендатура города разогнана. После этого разбоя нас выгнали из города за 25 километров. Палаток не было, стали строить шалаши, таскать сено из стогов. А кое-кто и коров отдавал в подсобном хозяйстве, копал картошку. Прямо за хвост ловили горбушу в заповеднике, где она метала икру. 20 августа пришёл морской пароход «Бурятия». Нас загнали в трюмы на мешки с мукой, и поплыли мы по Татарскому проливу к порту Моксальво, что на Сахалине. Высадились, до города Оха от порта 35 километров. На железной дороге крушение состава. Пошли пешком по трубе, по которой качается нефть с острова в Комсомольск-на-Амуре. К утру голова колонны пришла в Оху, а хвост ещё в порту.

29 августа началась служба в в/ч 16957 - зенитном артиллерийском полку. За пять лет был там заведующим скла-

дом боеприпасов и складом ГСМ, наводчиком 85-мм пушки, старшим писарем полковой школы, химическим мастером, техником-смотрителем зданий артполка. За отличную службу и выполнение задания по строительству в 1950 году дали отпуск на два месяца. Приехав в отпуск к матери в город Иваново, женился на Вохмяниной Тамаре Степановне. 4 октя-

бря 1950 года увёз жену на Сахалин, в посёлок Эхабы.

Демобилизовался 14 сентября 1951 года, жил и работал в городе Иваново, затем в посёлке Петровский Ивановской области. В 1957 году уехал на Украину, в г. Кривой Рог. В 1963 году с семьёй вернулся в деревню Мальгино Нефёдовского сельсовета.

ПРИМЕЧАНИЕ Ю. М. КУМЗЕРОВА

Александр Фёдорович помнил всех ушедших на войну из своей маленькой вологодской деревни Отеклеево. Всего-то 14 дворов, а ушло на фронт 22 мужчины. Из них погибли 12:

Кирюшин В. Павл.
Кирюшин Мих. Серг.
Кирюшин Никол. Павл.
Кирюшин Павел Павл.
Кирюшин Алекс. Степан.
Кирюшин Анат. Павл.
Силашин Алекс. Мих.
Силашин Иван Мих.
Маркелов Алекс. Мих.
Сиверьяков Влад. Иван.
Зуев Павел Павлов.
Кирюшин Алексей Леонт.

Вернулись с Победой 10 человек:

Кирюшин Алексей Петр.
Кирюшин Николай Леон.
Кирюшин Николай Степ.
Кирюшин Василий Павл.
Кирюшин Василий Фёдор.
Кирюшин Александр Фёдор.
Сиверьяков Андрей Иванович
Маркелов Виталий Павл.
Силашин Николай Михайл.
Зуев Николай Павлов.

Из них осталось в живых на 50 лет Победы трое: Силашин Николай Михайлович, Кирюшин Василий Павлович и Кирюшин Александр Фёдорович.

Бечная память вам, простые русские мужики - вологодские крестьяне! Слава вам, русские воины! Ценой своих жизней вы подарили нам жизнь.

Еще с незапамятных времен принято считать, что самое непредвзятое мнение о книге - у тех, кто над ней работает: набирает, верстает, вычитывает... Логика здесь понятна: критик чаще всего полностью объективным быть просто не может, он связан различными обязательствами - дружескими, корпоративными, земляческими (не говоря уж об обязательствах финансовых...). А кому обязан наборщик? Ему и Пушкина набирать, и Пушкина - работа есть работа, как пелось в давней песне. И вот когда наборщики рыдали от смеха над гоголевскими «Вечерами», все поняли - это настоящее! И никому в то время не известный выходец из Малороссии стал знаменит сразу же, как вышел «Современник» с его повестями. Вслед за наборщиками над прозой Николая Васильевича Гоголя плакала и веселилась вся читающая Россия.

Об этом случае я вспомнил, когда спросил нашего корректора - Наталью Владимировну Жукову, как понравился роман Ермакова.

- Знаете, - говорит Наталья Владимировна, - утром сегодня встала - настроение замечательное. Так бывает, когда посмотрю какую-нибудь хорошую советскую кинокартину... Да нет, думаю, никакого фильма не видела вчера, что же так на душе-то хорошо? И вспомнила - я же «Тайный остров» прочитала! Корректоры, как и наборщики, ошибаются редко.

Несколько слов о писателе. Дмитрий Анатольевич Ермаков родился в 1969 году в Вологде, где и живет сейчас. Член Союза писателей России. Публиковался в газетах и журналах по всей России - от Вологды и Москвы до Барнаула и Владивостока. Лауреат Всероссийского конкурса им. Шукшина «Светлые души» (2006), лауреат премии журнала «Наш современник» (2007), дважды дипломант Международного конкурса детской и юношеской литературы имени Алексея Толстого. Лауреат Международной литературной премии «Югра» (2013). В прошлом году в Вологде вышла его новая книга «Дела земные», писатель стал победителем православного международного литературного конкурса «Благословение». С 2008 года работает в газете Вологодского района «Маяк», является редактором литературного приложения «Литературный маяк».

Дмитрий Анатольевич много и плодотворно работает, часто публикуется в нашем журнале. Планов немало - и в литературе («Тайный остров» может стать первой частью трилогии, хотя, конечно, это вполне самостоятельное произведение), и в публицистике (продолжается, например, цикл путевых очерков «По старой Кирилловской» - первую часть наш журнал публиковал в № 2 за 2014 год). Будем ждать!

ТАЙНЫЙ ОСТРОВ

Роман

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Семигорье - главное село округи - раскинулось вблизи синего Сухтинского озера, чуть в стороне от главной дороги, на долгом пологом склоне холма. Церковь в окружении тихих могил стоит на вершине, три изогнутые улички - избы с палисадами, сараи, бани, огороды - сбегают в сторону озера... Но до озера улицы не добегают - будто растворяются в травах и кустах водополья...

С холма видны: в одну сторону - воды Сухтинского озера, изгиб впадающей в него речки в травяных берегах, серая дорога вдоль воды (пересекая речку, большая дорога сворачивает от озера, огибает холм и село и потом снова приближается к озерной глади); в три другие стороны - невысокие длинные холмы (из Семигорья видны шесть холмов - отсюда, наверное, название и всей волости, и села, ведь оно стоит на седьмом холме). По склонам - поля, крыши деревень, леса, ленты дорог, русла ручьёв и речушек, обозначенные зелёным кружевом береговых кустов...

К 1941-му году Семигорье - центр Семигорского сельсовета, центральная усадьба колхоза «Сталинский ударник» (в нём ещё пять окрестных деревень). Тут же и контора кружевной артели: ведь почти все женщины в округе - от пятилетней девчонки до столетней старухи - кружевницы...

В бывшей Покровской церкви теперь «пожарка»: колокольня - готовая пожарная каланча, а внизу, в самом помещении храма, нелепые в огромном пространстве - телега с бочкой и шлангом, кой-какой пожарный инструмент - вёдра, лопаты, топоры, багры, в отдельной выгородке - сено для мерина. Сам же мерин Соколик, исключенный по старости из колхоза, тихо живёт в отдельном сарайчике рядом с церковью, летом гуляет на длинной привязи там, где определит ему конюх.

Постоянных пожарных двое - однорукий дед Попов, которому предписано наблюдение с колокольни-каланчи за окружной и немедленная подача сигнала в случае замеченного пожара, и Оська-поляк - пожарный-конюх.

Такие строгие противопожарные меры приняты совместным решением колхоза и сельсовета после прошлогоднего пожара. Осенью, во время сушки зерна, загорелся овин. Огонь едва на крайние бани не перекинулся, тогда бы уж и селу несдобровать.

Село-то отстояли, а вот несколько тонн зерна - в снопах и уже вымолоченном - напрочь сгорело.

Злого умысла в том, конечно, не было - караульщик, Васька Косой, поддерживавший огонь, просто-напросто уснул, ладно хоть сам не сгорел.

Бригадир, отвечавший за сушку, Степан Бугаев, первым к горящему овину прибежал. Васька, ошалевший от страха, сидел, обхватив голову, под дымящейся стеной. Степан за ворот его схватил, оттащил, пинка под зад дал... Прибежали ещё люди. Пытались тушить... Не спасли зерно.

Когда из района следователь приехал, Степан вдруг и скажи, что это он в ту ночь дежурил. «А вот председатель говорит, что дежурил Василий Ляпин...» - следователь ему. «Нет. Я его подменил. Ваське надо было картошку копать, он же один у матери-то, вот я и подменил». Так ведь и взял вину на себя - отчаянная голова. Пять лет дали. «Ты зачем это сделал-то?» - его спрашивали. А он: «А чего мне? Васька - он убогий, инвалид... Куда ему... А я хоть мир погляжу», - небрежно вроде бы говорил Степан.

Отправляясь в городскую тюрьму, оставлял он одних престарелых родителей. Сестра Мария - замужем в городе...

Вот после того пожара и «пожарку» устроили...

Сейчас на звоннице колокольни и сидят Николай Иванович Попов - старый моряк, участник Цусимы (вместо левой руки у него культа до локтя); Осип Поляков, внук ссыльного поляка - длинный, худой, с вытянутым унылым лицом кадыкастый парень (пора бы уже и мужиком быть, да все жениться не может); и присоединившийся к ним любитель умной беседы и коллективного газетного чтения очкастый ветеринар Глотов. Он умеет строить смешные рожи или же напускать на себя важность, так что, бывает, и не поймёшь, всерьёз он что-то говорит или шутит. Однако же - человек уважаемый, в городе учёный.

Читают, кажется, «Известия»...

- Да не части ты, Сано! - ругнулся дед Попов ветеринара. - Помедленнее, да внятно читай, а то шамкаешь... Как...

- Сам ты, Николай Иванович, шамкаешь, - огрызнулся Глотов, но читать стал медленнее. Попов довольно кивнул и стал особо внимательно слушать «про япошек»...

- Севернее Самшуя, - (Глотов успел тут вставить «ух ты!» и подмигнуть Полякову), - продолжаются бои около Лубао. В этих боях японцы потеряли двести человек. К юго-востоку от Кантона японский отряд в четыреста человек атаковал китайские позиции в окрестностях Шэньчуня, - (и опять «ух ты» вставил и подмигнул, Оська усмехнулся в ответ, а старик ничего не заметил). - После боя, длившегося всю ночь, атакующие вынуждены были отступить...

- Ишь ты, огрызаются китайцы-то... А нам дак наваляли япошки... - заговорил снова Попов. - Обидно - мы по ним палим, не достаём, а они каждый раз - точное попаданье...

- Ну, завёл опять... - Глотов прекратил чтение. - Скажи ещё, что рис не-вкусный.

Николай Иванович Попов, два года после Цусимского сражения пробывший в японском плену, часто вспоминал то время, ругал «морское командование» и «японскую крупу», то есть рис...

- А тебя бы два года той крупой кормили! - ругнулся он на Глотова. - Оська, там не пора ли склянки-ти бить? - Полякова спросил. (Это председатель колхоза Коновалов ввёл - в шесть утра, потом в девять, в полдень и далее через три часа до девяти вечера «бить часы», чтобы «дисциплинировать тружеников колхоза»).

Осип достал из кармана штанов часы с откидной крышкой (говорят, что часы ещё его дедом из Польши привезены), неторопливо нажал рычажок сбоку; не сразу, будто подчиняясь неторопливости владельца, часы откинули крышку...

- Нет, не пора, пятнадцать минут ещё...

И продолжилась политическая беседа:

- Вот мы с немцами договорились, мировую подписали, а японцы с китайцами - никак. Не хотят мира япошки! - говорит старик Попов, щёлкая при этом пальцем по газете.

- Гитлер - хитрый лис, обведёт Сталина... - говорит многозначительно Глотов, будто знает что-то такое, чего не знают другие.

- Ты это брось... - недовольно бросает Попов. - Хитёр Гитлер, да ведь и Сталин не глуп!

- Дай-ка, Александр Петрович, твоих-то покурить, - смущенно просит Оська Поляков у ветеринара, который вчера вернулся из города с районного совещания и привёз «Казбек»...

- Тут дак и Александр Петрович, а то дак всё - Сано, Сано... - недовольно бормочет Глотов, напуская на себя смешную обиженност, перебирая губами, будто бормоча что-то ещё. Достаёт портсигар, неторопливо раскрывает.

Оська двумя плоскими пальцами, с жёлтыми от курева ногтями, достаёт папиросу, прикуривает, опять смотрит время, берётся за верёвку, привязанную к языку маленького колокола.

- Только что говорил - пятнадцать минут... - удивляется Глотов.

Оська только отмахивается, не выпуская папиросу изо рта, дёргает верёвку. Дребезжащий звук скачет по селу, по ближним полям, будто вязнет в кустах у леса и у озера.

- Вот кто велел большой-то колокол скидывать? Мешал он им... - недовольно кряхтит дед Попов. - Это ж недоразумение, будто чугунок треснутый брякает, - говорит ещё о звоне маленького колокола. И, отмахиваясь от табачного дыма: - Нашли место дымить! Церковь ведь тут...

- Нету больше церкви, - твёрдо и даже, вроде бы, зло ответил Глотов. - Пожарка тут у нас, - с видимой даже издёвкой добавил.

Разорённая церковь - боль старика Попова, да тут и он не волен что-то сделать... Хоть алтарь запер, хоть иконы по добрым рукам раздал...

А большой колокол скинули сельсоветчики и комсомольцы ещё лет десять назад - в тот же год закрыли церковь, был арестован и выслан, как говорили, куда-то «на Печору», священник отец Анатолий и образован колхоз... На колоколе была медаль с изображением императора Александра - тем, видно, и не угодил. При падении колокол раскололся. Осколки и мелкие колокола-подголоски куда-то увезли... (Говорили, что из колокольного металла делают тракторы, но никто до сей поры в Семигорье тракторов не видывал). Оставили вот этот один маленький колокол - «для сигнализации»...

Шесть дребезжаще-звенящих ударов. Шесть часов вечера.

Все трое смотрят на округу... Озеро всё в золотистых солнечных чешуйках. Безветрие. Ласточки высоко стригут воздух острыми крыльшками. Возвращаются с работ колхозники. Одна бригада припозднилась - домётывает стог за «косминским» лесом. Без понукания тянется от дальней выгороды по прогону колхозное стадо, и пастух Кукушкин во всепогодном плаще дремлет, покачиваясь на вислобрюхой лошадке. Из-за ближнего леска мальчишка-пастушок гонит овец и коз. В палисадах и у могилок вокруг церкви цветёт сирень, сладкий дух её к вечеру становится ещё ощутимее...

- Пойду стадо принимать, - говорит ветеринар.

- Пойду мерина заставать, - говорит Оська-поляк.

И оба уходят. Николай Иванович Попов остаётся. Он вспоминает годы, когда, как и все мальчишки, за счастье считал побывать на этой колокольне, дернуть за верёвку, привязанную к языку большого колокола, оглохнуть от праздничного перезвона... Да, другая жизнь, совсем другая пришла. Будто и не было детства, молодости, будто уже и не он служил на военном корабле, был в далёкой Японии, видел, возвращаясь из плена, Китай, Сибирь, Урал, Москву...

Вечер сегодня тихий. Завтра, в воскресенье, «на обещанный» - шумно будет, вся округа соберётся.

Престольный-то у них Покрова. А «обещанный» - Всех Святых праздник.

(В каждой деревне или селе издавна «по обещанию» справляют какой-либо церковный праздник)...

«Церкви нет, а праздник остался? Вот как! - удивился в себе старик. - А без церкви дак чего - фулиганство одно!..»

Дед Попов ещё долго сидел на колокольне один... Смотрел и ничего не видел - вспоминал, думал...

Это теперь лучше не упоминать, а раньше не скрывали - все знали (да и сегодня помнят) - в семье Поповых в каждом поколении монахи были. Или кто-либо из братьев, или дочь в монастырь уйдёт. Были и иеромонахи среди них (от того, может, и фамилия - Поповы - пошла). И у него брат был монахом - умер уже. Вот и сам он - не монах, а всё же, как инвалидом в Семигорье вернулся, - всё при церкви. Раньше сторожем, теперь вот так получилось... Да что же делать-то? Его и батюшка-страдалец отец Анатолий, перед тем как забрали его и церковь закрыли, благословил, просил, чтобы он при церкви оставался, по возможности хранил от осквернения алтарь. И дед Попов никого в алтарь не пустил, запер на замок, да и всё - кладовка, мол, там. Иконы, какие смог, тоже прибрал, многие из них разобрали по домам бывшие прихожане...

Старик отбил девятичасовые «склянки», постоял ещё, посмотрел на розовеющее в закатном солнце озеро, на зарождающийся туман, тонкие пряди которого начинали свиваться над водой, на всю эту округу, поля которой исходил он с косой и плутом ещё до призыва на морскую службу, тропки которой в детстве уминал босыми пятками...

Спустился с колокольни, привычно управляясь одной рукой, запер низкую деревянную дверь большим навесным замком. Пошёл вокруг церкви, мимо и между могил.

В кустах - возня и смех. Ясно: парни сирень рвут. Николай Иванович особо не ругался, лишь бы не баловали, могилы не трогали. Но сейчас увидел на прилегающей скамейке парня и девушку. Как положено - его пиджак у неё на плечах, и рука его тоже на её плечах, и что-то шепчет ей в ухо, а она его веточкой сиреневой по губам...

Услышав шаги старика, девушка сорвалась с места.

- Да подожди, - парень её удерживал за руку. - Чего тебе, дед? - к старику обернулся.

- Да мне-то ничего... Это вы другого места не нашли... Ты вроде не наш... С Космова, что ли?

- Не твоё дело, дед. - огрызнулся парень и побежал за вырвавшейся всё-таки девушкой.

- Я вот тебе дам - не твоё дело! Вот парням-то скажу - наваляют. Ишь ты... - недовольно бурчал старик, короткими шажками подвигаясь по тропке между могил.

«А девка-то - Валька, что ли, Костромина? Похоже, что Валька... Ох, быстро растут - давно ли соплюшка тоже была. С дедом-то её, с Андреем, смеялись, что вот бы Ванька-то взял бы Вальку - породнились бы... А она вон, с каким-то уж жмётся. Да это вроде Митька - бухгалтер кружевной артели... А Ванька так о девках и не думает, а ведь... Сколько же ему получается-то?.. Иван, отец его, в конце семнадцатого приходил. Значит, этот-то Ванька - с восемнадцатого. Сколько это получается-то?.. Пора. Пора уж жениться-то ему... Да ведь и я такой же был. Все мы, Поповы, такие... Да...»

Вот и могила дружка его, Андрея Костромина, с деревянным тёмным крестом. Пятнадцать лет как в могиле Андрей, одногодок его... «А я вот зажился... А и хочется пожить-то. Помирать пора, а хочется...»

«А вот и Александра Харитоновна моя... Вот и ты...» - к могиле жены подошёл, постоял, прошептал что-то, кивнул. Дальше пошёл...

Озеро нынче спокойное. А бывает - подует дольник-ветер вдоль озера (оно вытянуто, как щука, с юга на север), разгонит волну - страшно...

Иван Попов спускается по заогородной тропке к озеру. Вечереет. И долго ещё и после зорьки будет витать миражный, забелённый туманом, свет. Потом на краткий миг стемнеет - и снова заря, уже утренняя...

Роста Иван небольшого, но плечистый, ладный, волосы светло-русые, глаза серые - летом до голубизны выгорают... Мать его, Катерина, бывает, глянет нечаянно, ахнет - отец же вылитый! На деда своего - Николая Ивановича - тоже похож.

Семилетку Иван не кончил (семилетняя школа помещается в том же доме не-подалёку от храма, где раньше была церковноприходская). Из-за ерунды вроде и получилось-то, а - наотрез: не пойду больше, и всё тут!

Учился Иван не очень хорошо, но школу любил, старался. В одном с ним классе учился Митька Дойников. Тот вроде и не старался, а отличник был, на лету всё схватывал. В любых делах - Митька заводила. А насмешник такой, что не дай бог на язык ему попасться. Ванька попался.

В пятый класс он пошёл в пиджаке, перешитом матерью из старого отцовского. Радовался - настоящий пиджак, как у взрослого!.. И чего Митька смешного нашёл - давай смеяться, пальцем тыкать: «Батькин пиджак, батькин пиджак!» (А Ваньке особенно обидно от того, что отца-то своего он в глаза не видывал). Смеётся Дойников да ещё такие рожи корчит, что и весь класс - впокатушку. Ванька и сорвался, убежал. И с тех пор в школу - ни ногой. Хоть мать и силком заставить пыталась и со слезами: «Не позорь меня перед людьми. Скажут - без-отцовщина, дак и не выучился...» Даже директор школы Антон Сергеевич приходил, и с матерью и с ним разговаривал... Нет, не стал больше Ванька учиться. В колхоз работать пошёл. С тех пор - все работы прошёл. Сначала отправили его со «старшим» огород пахать (на колхозном огороде сажали картошку, морковь, огурцы, капусту). Гряду пахать - это не как поле под жито, надо лошадь левее плуга держать. Вот он, Ванька, и направлял её, а старшой плуг вёл...

Потом уже Иван сам и боронил, и поле пахал. Приметил председатель его тягу к механизмам - на конную молотилку поставил. Тут уже двое парнишек лошадей подгоняют, а он за старшего - снопы на барабан подкладывает, когда нужно, механизм смазывает, настраивает... Так вот уже несколько лет у него и идёт работа в колхозе - весной пашет, летом косит траву на конной косилке, потом зерновые (ячмень, рожь, овёс) косит, потом, осенью, он же и молотит на конной молотилке (часть зерна в колхозе сушили и молотили по старинке - в овинах, цепами), зимой - вывозил в поле навоз, возил сено, дрова... Всё у него хорошо получалось, всё ему нравилось в этой работе, и не жалел Иван, что из школы ушёл.

С девушками он, и правда, не гулял. Как в школе ещё в Вальку Костромину влюбился - так ведь на других и не смотрел, а и ей-то сказать не мог. Не то что сказать - выдать себя хоть чем-то боялся... А она в последнее время с Митькой Дойниковым гуляет...

Года два назад, весной, Ванька (да и все, кто не поленился) хорошо рыбы взял. Сети прямо на водополье (заливаемом в половодье луге) ставили, рыба в считанные минуты сети забивала, успевай освобождать и снова забрасывать.

И поехали удачливые рыбаки-семигоры в город, на базар, рыбу продавать. Иван в том числе. Хорошо заработал. Там, в городе, и купил гармошку. Почти что все деньги на неё и извлёл.

Мать узнала - только руки развела, хотела хлестнуть его мокрой тряпкой, да махнула, отвернулась, ушла... Отец-то его, муж её - тоже играл, продала она гармонь, когда одна с дочерью и сыном осталась...

Иван быстро на гармони играть выучился. Может, для того больше и выучился, чтоб с пляской не приставали - не умел он плясать, стеснялся...

Но что бы причиной ни было - а играть любит. Ах, как гармошка ему нравится! Розовые меха, перламутровые кнопки, кожаные ремни, податливый его пальцам

голос... Всю душу его гармошка выпить может. И ведь никто не учил. Сам, на слух, любую мелодию (не только под пляску, но и песни) подобрать может...

Тропа петляет среди ивовых кустов и зарослей осоки. Взлетел из травы голенастый, с длинным кривым клювом, кулик. Слышны пронзительные крики чаек впереди, на озере. Стрекозы перелетают со стебля на стебель, зависают в воздухе, их так много, что, кажется, это они своими слюдяными, синеватыми, взблескивающими на солнце крыльшками и делают лёгкий ветерок...

Иван вышел на берег, столкнулся на воду лежавшую в траве плоскодонку, влез, вставил вёсла в уключины, погрёб.

И ещё долго шуршали вёсла и борта о хвощи и осоку, пока лодка не вышла на чистую воду.

Солнце садится в заозёрный лес. Вода - лазоревая, розовая, сиреневая...

Сеть поставлена от прибрежной мелкоты (от того места, где заканчивалась озёрная трава) вглубь озера, к середине, натянута между двумя крепко вбитыми в глинистое дно батогами. По верхнему краю сетки - берестяные поплавки, по нижнему - грузила (две тяжелые ржавые гайки от какого-то механизма и стаинные - из обожжённой глины, с камнем внутри).

Сетку Иван не снимал - только проверял, склонившись, поднимал кусок сети, вынимал рыбу. Всё больше лещ, но вот и щука, вот и хищные горбатые окунь, вот и царь-рыба - нельма.

...Так бывает на озере - туман стущается вдруг, внезапно, такой, что не видишь пальцев собственной вытянутой руки.

Да где же берег-то? Уж какой бы ни был туман, а в своём-то озере не заблудится ведь семигор...

Но не шуршат вёсла осокой - будто не к берегу, а дальше в озеро плывёт Иван.

И вдруг лодка упёрлась в берег. Он потыкал веслом, раздвигая туман, вылез, поддёрнул лодку за носовую цепь. Звуки будто вязли в набухшем воздухе - не слышен ни плеск воды, ни звон цепи.

Еле виднелись вблизи кусты, деревья... Иван не узнавал место.

И тишина. Тишина такая - будто мхом уши заложило.

Но что это?.. Звук - сперва далёкий, потом ближе, ближе. Голоса... Поют, что ли? Молятся?.. Церковь. Ворота в ней открыты, а там огоньки свечей и негромкое, торжественное пение. Да что же это за церковь-то? Такой и не видывал. Иван поднялся от воды, приблизился к храму, но дальше, за порог, не может и шага сделать. И к нему вышел монах, старый, весь в чёрном, и кресты белые на одежде, а за ним ещё шестеро в монашеской одежде стоят, опустив очи долу...

- Опять враг на Русь пришёл. Будем молиться. А ты иди и не бойся. Иди! Бог с тобой, Иван... Вернёшься - вместе помолимся, - молвил старец.

И снова всё стало расплыватьться, глохнуть, исчезать, затягиваться туманом.

...Говорят сказки, мол, был остров посередь озера - с монастырём на нём. Пришли в смутные времена воровские люди в их места - деревни, сёла, храмы Божьи грабили, узнали и про монастырь на острове. Решили, что уж там-то, в защищённом водами озера монастыре, богатства несметные хранятся. Собрали все лодки в прибрежных деревнях, поплыли к острову.

И узнали монахи о приближающихся врагах. А было монахов тех семеро вместе с игуменом. И молились они. И когда вступили враги на остров, вдруг не стало ни острова, ни монастыря, ни монахов, ни воровских тех людей... И лишь на великие церковные праздники или же перед великой бедой открывается тот остров чистому душой человеку...

Иван вернулся к лодке, столкнулся на воду, поплыл. Туман расступился. Да вон и берег, вон и село!

Вернулся домой. А всё как бы не в себе был, всё понять не мог - виделось ли ему или же на самом деле всё было...

- Где ж ты столько времени был-то? - мать заругалась. - Я уж хотела мужиков поднимать.

Иван на часы-ходики глянул - было пять минут пятого уже нового дня - 22 июня 1941 года.

- На озере, сеть проверял...

- Да где же рыба-то? - мать всё успокоиться не могла. - Где ты был-то, Ванька?..

- На озере, - повторил он. - Рыбу-то я оставил в лодке. Я сейчас!

- Да сиди уж...

Но он уже выскочил из избы.

3

На рассвете 22 июня, в день Всех Святых, в земле Российской просиявших, армии Германии и её союзников перешли границу СССР. Авиация немцев бомбила советские города... Что толкнуло Гитлера и его окружение на этот шаг? Почему не остановил их печальный опыт прошлых нашествий?..

О глубинных причинах такого решения (германский комплекс империализма; вековая борьба Запада - «Ветхого Рима» с «византийским» Востоком, выразившаяся в немецком же устойчивом выражении «дранг нах оsten», или даже особенности характера Адольфа Гитлера, или всё это вместе) - можем только догадываться.

Но ещё в «Майн кампф», надиктованной в начале двадцатых годов и опубликованной в 1926 году, Гитлер говорил: «Только с Англией в качестве союзника, с прикрытой спиной, можно начать новое германское вторжение в Россию». Значит, и думал уже о неизбежности войны с Россией, и даже размышлял о том, при каких условиях можно эту войну начинать. В двадцатые годы...

И, прия к власти, этих планов, конечно же, не оставил. «Мирный договор» 1939 года и для Гитлера, и для Сталина был лишь паузой перед неизбежным столкновением. Но не мог Гитлер напасть на Россию, имея за спиной Великобританию как активного (именно активного) противника. Значит, нужно было заручиться гарантией в том, что британцы не станут вести активные боевые действия против Германии (о «союзничестве» с Британией речи уже не было).

И Гитлер такую гарантию получил. («Второй фронт» был открыт лишь в 1944-м, когда разгром Германии был неизбежен). Британцы, как и накануне Первой мировой (тогда правительство Великобритании заверило немцев, что Британия останется нейтральной), продемонстрировали мастерство двойной игры: гарантировав Германии относительно спокойный тыл, они подтолкнули Гитлера на Восток.

Из различных, в том числе и весьма достоверных, источников советская разведка знала о достигнутой между Германией и Великобританией договоренности.

К концу 1940 года руководство Германии завершило стратегическое планирование войны против СССР. Замысел предстоящей войны и общие указания по порядку действий были изложены в директиве № 21 от 18 декабря 1940 г., получившей наименование «Барбаросса».

Тогда же, в конце 1940-го, Сталин читал эту переведённую на русский и отпечатанную в двух экземплярах директиву.

«...Главному командованию опираться на следующие соображения.

I. Общий замысел.

Главные силы русских сухопутных войск в Западной России необходимо уничтожить смелыми действиями проникающих далеко на вражескую территорию танковых клиньев, не допуская отвода боеспособных войск противника вглубь страны. Посредством быстрого продвижения наших войск нужно выйти на линию, из-за которой русские ВВС не смогут осуществлять налеты на объекты на

территории Германского рейха. (Именно поэтому столь важно было уже в 1941 году, в дни, когда многим казалось, что план «Барбаросса» успешно выполняется, нанести бомбовые удары по Берлину, что и сделали советские лётчики. - Д. Е.). Конечная цель операции - создание щита, разделяющего азиатскую и европейскую части России на главной линии Волга - Архангельск. В этом случае объекты последнего промышленного региона, который останется в распоряжении русских, Урала, могут быть в случае необходимости уничтожены люфтваффе. В ходе этой операции русский Балтийский флот будет быстро лишен своих баз и соответственно не сможет далее принимать участия в боевых действиях. Эффективное вмешательство русских ВВС должно быть предотвращено с самого начала операции путем мощных атак против них.

II. Предполагаемые союзники и их задачи.

На флангах нашего оперативного пространства мы можем рассчитывать на взаимодействие и на участие в войне с Советской Россией Румынии и Финляндии. Определить, каким именно образом вооруженные силы этих двух стран будут действовать под немецким командованием и когда они вступят в войну, является задачей Верховного командования вермахта, которую ему надлежит выполнить в разумные сроки и доложить об этом.

Задача Румынии будет состоять в том, чтобы связывать действия вражеских войск на ее участке и оказывать помощь в тыловых районах.

Финляндия будет прикрывать передвижения северной немецкой группы войск, которая выступит с территории Норвегии (части 21-й группы), а затем будет действовать во взаимодействии с этими войсками. Уничтожение противника на полуострове Ханко также станет обязанностью Финляндии. (Именно северной группе германских войск не удалось выполнить задачу, поставленную планом «Барбаросса». А вот финны сыграли гораздо большую роль, чем отводил им Гитлер. - Д. Е.).

Следует предполагать возможность использования шведских железных и автомобильных дорог для переброски войск северной немецкой группы самое позднее к моменту начала операции.

III. Проведение операций.

В районе предстоящих боевых действий, разделенном Припятскими болотами на южный и северный участки, основной упор должен быть сделан на северный участок. Здесь должны будут действовать две группы армий. Южной из этих групп - в центре общего фронта - ставится задача прорыва наиболее мощными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и к северу от нее на территорию Белоруссии и уничтожения дислоцированных там сил противника. Так сильным подвижным частям должны быть созданы условия для поворота на север. Здесь в тесном взаимодействии с северной группой армий, наступающей с территории Восточной Пруссии на Ленинградском направлении, немецким войскам предстоит уничтожить силы противника в Прибалтийском регионе. Только после достижения вышеизложенных целей, за которыми предстоит захват Ленинграда и Кронштадта, следует продолжить наступательные операции по овладению важнейшими линиями коммуникаций и ключевыми оборонительными узлами на пути к Москве. (Не в этом ли тоже причина столь упорной обороны Ленинграда? В конце концов, овладея немцы Ленинградом - победа всё равно была бы за нами... - Д. Е.). Только неожиданно быстрое крушение сопротивления русских может послужить оправданием попытки достигнуть двух главных целей одновременно. Наиважнейшая задача 21-й группы в ходе операций на Востоке заключается в защите Норвегии. Имеющиеся сверх этого силы (горный корпус) следуют использовать в первую очередь для прикрытия района Петсамо и его рудников вместе с Арктической трассой, а затем во взаимодействии с финскими войсками они будут продвигаться к Мурманской железной дороге и

перережут пути поступления снабжения в район Мурманска. Возможность использования для такого рода операции более крупных немецких сил (от двух до трех дивизий), выступающих из района Рованиеми и южнее, зависит от готовности Швеции предоставить для таковой переброски шведские железные дороги. (К вопросу о нейтралитете Швеции: осенью 1941 года король Швеции Густав V Адольф направил Гитлеру письмо, в котором пожелал «дорогому рейхсканцлеру дальнейших успехов в борьбе с большевизмом»; нейтральная Швеция уже и свой немалый вклад внесла в эту борьбу: в первые же дни войны через территорию Швеции была пропущена германская дивизия для действий в Северной Финляндии. И хотя, действительно, немецкие войска (во всяком случае - открыто) больше не передвигались через территорию нейтральной Швеции - через её территорию развернулся транзит немецких военных материалов в Финляндию; немецкие транспортные суда перевозили в Финляндию войска, укрываясь в территориальных водах Швеции, причем до зимы 1942-43 г. их сопровождал конвой шведских военно-морских сил. Торговля Швеции с нацистской Германией достигала 90 процентов всей шведской внешней торговли. С 1940 по 1944 год шведы продали фашистам более 45 млн. тонн железной руды. Уже в 1944 году, когда исход войны ни у кого не вызывал сомнений, немцы получили из Швеции 7,5 млн. тонн железной руды. - Д. Е.). Основная масса финской армии будет иметь задачей, в соответствии с продвижением, достигнутым северным крылом немецкой армии, связать максимальное количество русских войск наступлением к западу - или с двух сторон - от Ладожского озера. Финны также захватят Ханко. Группа армий, развернутая к югу от Припятских болот и действующая из района Люблина, должна будет сконцентрировать главные усилия на продвижении к Киеву, чтобы ее сильные танковые соединения вышли во фланг и в тыл русским войскам, смяв их и окружив до отхода к Днепру. Немецко-румынская группа на правом фланге будет иметь следующую задачу: защита румынской территории и, таким образом, прикрытие южного фланга всей операции; связывание сил противника на данном участке фронта во взаимодействии с северными частями южной группы армий; затем, по мере развития ситуации, осуществление второго броска и таким образом - во взаимодействии с BBC - недопущение отступления противника в порядке за реку Днестр. После того как будет сломлено сопротивление противника к северу и к югу от Припятских болот, в ходе преследования неприятеля предстоит обеспечить выполнение следующих задач: на юге необходимо как можно скорее овладеть Донбассом, являющимся важнейшим районом с точки зрения военной экономики; на севере нужно быстро захватить Москву.

BBC.

Задачей BBC станет нанесение, насколько это будет возможно, наименее значительного ущерба русским BBC и сведение на нет их способности к эффективному противодействию, а также поддержка операций сухопутных сил на главных участках и направлениях - на участке центральной группы армий и там, где южная группа армий будет предпринимать основные усилия. Русские железные дороги должны либо уничтожаться, либо - в случае наличия наиболее важных объектов в пределах досягаемости (т.е. железнодорожных мостов) - захватываться смелыми действиями парашютных и посадочно-десантных войск.

BMC.

Во время войны с Советской Россией задача BMC будет заключаться в обороне немецкого побережья и в предотвращении прорыва каких бы то ни было морских сил противника с Балтики. Поскольку, когда мы достигнем Ленинграда, советский Балтийский флот лишится последней базы и окажется, таким образом, в безнадежном положении; прежде этого следует избегать крупных морских операций. После уничтожения советского флота обязанностью BMC станет сделать Балтийское море в полной мере пригодным к судоходству, в том

числе и для осуществления снабжения по морю северного крыла армии. (Траншеи минных полей!)

IV. Очень важно, чтобы все командующие и командиры разъяснили подчиненным, что необходимые меры в соответствии с этой директивой принимаются как превентивные для предотвращения возможности того, что русские займут по отношению к нам позицию иную, чем это обстоит сейчас. Количество офицеров, задействованных в подготовке на ранней стадии планирования, должно быть максимально ограниченным, и каждый офицер должен получать лишь ту информацию, которая необходима для выполнения поставленных перед ним задач. В противном случае возникает возможность того, что о наших приготовлениях станет известно тогда, когда еще не всё будет готово для проведения предполагаемой операции. Это повлечет за собой для нас тяжелейшие политические и военные последствия. (Так, в итоге, и случилось. Руководство СССР было в достаточной мере информировано о военных приготовлениях и планах Германии. При этом было сделано всё, возможно, даже в ущерб явной ближайшей пользе, чтобы исключить обвинения СССР в агрессии. - Д. Е.).

V. Я предполагаю дальнейшие совещания с командующими в отношении намерений, обрисованных в этой директиве. Доклады о проведении предполагаемых приготовлений всеми родами войск вооруженных сил будут направляться ко мне через Верховное командование вермахта.

А. Гитлер».

После разгрома СССР планировался захват Афганистана, Ирана, Ирака, Египта, района Суэцкого канала, Индии, Гибралтара, лишение Англии сырьевых источников, осада и прямая интервенция на Британские острова.

После решения «английской проблемы» гитлеровцы в союзе с Японией намеревались путём высадки крупных морских десантов захватить США и Канаду.

Но прежде нужно было в кратчайшие сроки решить и навсегда закрыть «русскую проблему».

Что мог сделать в этой ситуации Сталин?..

Готовиться к войне и стараться оттянуть её начало - что он и делал.

И, конечно же, даже понимая опасность пропустить первый удар, Сталин делал всё, чтобы защитить СССР от обвинения в агрессии. Отсюда и якобы неготовность (знали, готовились) к войне, и приказы «не поддаваться на провокацию», как следствие - поражения первых месяцев войны.

Да, Сталин понимал, что, скорее всего, первая линия обороны станет жертвой якобы нерешительности (лично его, Сталина, нерешительности) в первые часы и даже дни войны. Он сознательно шёл на эту жертву (сознавая и все обвинения, которые, рано или поздно, тайно или явно, падут именно на него)...

21 июня, когда немецкие войска уже были развернуты для наступления, в войска западных округов СССР поступил следующий документ:

«1. В течение 22 - 23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение немцев может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск - не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) В течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) Перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) Все части привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов.

Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко.

Жуков».

* * *

Над озером, над заозёрным глухим лесом, над Семигорьем, над миром вставало солнце, разгоняло ошмётки тумана.

Иван спустился по росяной тропке к воде. Всмотрелся в озёрную даль, хоть и знал, что не увидит там ничего особенного: зелёный шёлк осоки, вода, чайки и утки на лёгких волнах, тёмная полоса дальнего берега...

Взял мешок с рыбой. Пошёл домой. Но по пути свернул к церкви, к деду Николаю.

Дед в сторожке при церкви и кладбище живёт. Толстые липы и берёзы над могилами затеняют кладбище, сирень опьяняет запахом...

Иван не хотел будить деда, положил две рыбины на крыльцо и пошёл прочь. Но сообразил, что рыб могут утащить вороны, которые во множестве сидят на макушках старых деревьев, или вон та чёрная с рыжими подпалинами собака, неизвестно чья и откуда тут взявшаяся...

Он вернулся к сторожке, дёрнул дверь. Она подалась, сразу пропуская в единственную комнату: окошко напротив двери, под ним топчан с раскинутым старым тулулом, стол сбоку. В углу над столом икона. Дед на коленях. Молится.

Поднялся тяжело.

- Чего ты? - Глянул на ходики, подумал сразу - не пропустил ли время для первых «склянок». Не пропустил.

- Вот, дед. Рыба... - И, помолчав, добавил: - Дед, а я ведь, кажись, на острове был сегодня.

- На каком? Зачем?

(В озере было несколько небольших пустынных островков, на которых разве только захваченные непогодой рыбаки иногда ждали спокойной воды).

- На том... На тайном...

Старик посмотрел на него, недоуменно сперва. Потом нахмурился, потом бороду почесал.

- И чего же видел там?

- Святых видел. Сказали, война будет.

- Ну, не знаю... Давай рыбу-то, спасибо... Много взял, молодец, - похвалил, кивнув на мешок.

А когда ушёл внук, пал на колени, зашептал молитву истово - ведь и сын Иван этих монахов видел. Перед тем, как ушёл из дома насовсем...

Сын его, тоже Иван, отец Ивана, ушёл ещё на «германскую» (только по весне женился, а в августе забрали), жена дочку первую уж без него, но в положенный срок родила. В семнадцатом Иван вернулся. На две недели только и приехал. На гармошке поиграл, дочь на руках подержал, посенокосить успел и снова ушёл. Когда уж прощались, тоже сказал тихонько вдруг: «Батя, я на острове был... Молятся там...» И ушёл. Через полгода письмо. «Погиб за рабоче-крестьянскую власть». А ещё через три месяца родила Катерина сына, которого тоже Иваном назвали...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Красное солнце встало над миром.

С колокольни разнеслись, будто подскакивая, раскатились по округе шесть ударов в колокол. Иван запряг жеребца в косилку. Поехал на указанный бригадиром лужок. Хоть и воскресный день - да ведь трава-то не ждёт. Перестоит - силу потеряет...

От бессонной ночи и монотонной тряски на косилке разморило его. К речке сбежал, умылся. А когда поднимался - снова услышал дребезжащий звон от села, с колокольни... Нет - не часы дед отбивает. Пожар, что ли? Иван заоглядывался тревожно. Не видно дыма нигде.

Поехал в село...

У сельсовета уже толпа.

На крыльце - председатель сельсовета Ячин, щуплый пожилой человек в пиджаке поверх старой гимнастёрки, в фуражке без кокарды; председатель колхоза Коновалов, высокий, худой, сутуловатый (пиджак на нём висит, будто с чужого плеча), со щёtkой усов и зачёсанными назад волосами; представитель райкома партии, выходец из Семигорья, потому всем известный Круглов - круглый и белесый, с неизменным портфелем под мышкой; незнакомый молодой человек в военной форме.

- Это-то что за офецер? Баской-ти?.. - старуха, видно, ещё не понявшая, о чём речь, у товарки спрашивает.

- С района, говорят, приехал...

- Тихо вы, тарахтелки! - ругается стоящий рядом ветеринар Глотов, но сам ещё добавляет поучительным тоном: - Офицеры-то при царе были - теперь командиры...

С крыльца доносятся фразы, по мере их понимания мрачнеют лица людей:

- ...Товарищи, фашисты напали на нашу Родину!.. Дадим отпор фашистам...

Слава нашей советской Родине, слава партии большевиков, слава товарищу Сталину!.. Все как один...!

- Да что случилось-то?

- Война, немцы напали. Говорят, Молотов по радио выступал.

- Ну, дадим немчуре...

- Как бы тебе не дали...

- Что за разговоры!

- Тихо там!

- Товарищи, теснее сплотимся вокруг нашей партии!..

«Опять враг на Русь пришёл. Будем молиться. А ты иди и не бойся. Иди! Бог с тобой...» - снова прозвучали внутри Ивана Попова слова монаха...

К вечеру стали собираться на праздник.

Война войной, а праздник - он всегда был...

Те, кто из дальних-то деревенек шли, ещё и не знали ничего. Так что, как новая партия парней и девок в село заходила, начиналось:

- Слыхали?

- Чего?

- Война!

- Какая ещё война?!

- С немцами! Молотов, говорят, выступал!..

Начальство: Ячин, Коновалов, Круглов, лейтенант Ершов - сидели в сельсовете у раскрытоого окна, курили.

- Надо ещё собрание сделать. Люди подходят. Надо выступить, разъяснить ситуацию. А гулянка бы сегодня и вовсе ни к чему... - представитель райкома Круглов сказал.

- Нет. Это, Савелий Ферапонтович, никак нельзя. Гулянку не остановить. Пусть... - председатель колхоза Коновалов своё мнение высказал. Ершов с председателем согласился. И Ячин поддакнул:

- Пусть гуляют. Приказа ведь о мобилизации ещё нет...

- Ещё нет, - подтвердил Ершов. Он знал, что завтра приказ будет, потому он и здесь. Завтра, после того как по телефону вот сюда, в сельсовет, передадут приказ, он и начнёт работу по мобилизации...

А гулянка зачиналась без спросу и разрешения...

Пиликает гармонь, по улице парни идут.

Как в деревенку заходим -

Телеграмму подаём:

«Убираите, бабы, девок,

Нет, так замуж уведём!»

- Это косминские, что ли? - райкомовец спросил.

- Нет... Это, кажется, бариновские, - председатель сельсовета сказал с усмешкой.

А с улицы неслось:

По деревенке пройдём

Да девяносто один раз.

Все окошечки завешены -

Не видно, девки, вас.

Тут и девки откликнулись:

Мы, девчата боевые,

В девках не останемся.

Ох, и горе же тому,

Которому достанемся.

- Да, девки у нас боевые! Точно - не засидятся, - снова председатель сельсовета Ячин сказал и улыбнулся.

- Да женихов-то сколько уйдёт... Вернулись бы... - покачал головой председатель колхоза.

Словно в подтверждение его слов кто-то выдал (наверное, поколение за поколением семигорских парней сочиняли по новой эту частушку):

Завтра в армию забреют,

Завтра в армию возьмут!

Завтра слёзоньки у девушек

Из глазок потекут!

- Ну, дадут фашисту по зубам и вернутся! - бодро Круглов сказал.

- Не говори «гоп»... Коновалов начал, да сам себя и оборвал.

Стали по домам расходиться. Круглов - к старикам родителям, которые уж заждались его, первым, пожав всем руки, ушёл, будто укатился, плотно зажимая под мышкой свой портфель. Коновалов гостеприимно пригласил лейтенанта переночевать у него (правда, жил-то в неражной бобыльской избушке, родительский его дом одряхлел без присмотра и давно уже разобран на дрова). Ячин тоже позвал. Но Ершов попросился ночевать в сельсовете.

- Ну, так и ладно, кабинет-то я запру, а вот тут на диванчике - пожалуйста. А-то - ко мне всё-таки? - Полуэкт Сергеевич Ячин приговаривал, запирая дверь в кабинет.

- Нет... Я, знаете, поздно ложусь... - лейтенант Ершов говорил, посматривая

на стоявшие тут старые напольные часы, тикавшие громко и как-то вразнобой.
- Прогуляться ещё хочется... - И вдруг спросил: - А это откуда тут такие? - кивнул на часы...

- А это-то... Часы-то... - Ячин замешкался, а Коновалов сказал:

- Это от старого хозяина, поповский дом-то, выслали его...

Ершов кивнул.

- Ну, ваше дело молодое... - Ячин сказал, протянул руку лейтенанту.

Ершов, оставшись один, закурил снова. Запоздало подумал, что надо было хотя бы поужинать у председателя. Вынул из планшетки (кожа её тёмно-коричневая без единой ещё царапины) кусок пирога, завёрнутый в газету, налил в стакан стоялой воды из графина... Гармонная игра, частушки, голоса долетали с улицы, беспокоили, звали...

Хулиган мальчишка ходит

По песчаному крыльцу.

Слезы катятся у девушки

По белому лицу.

В чистом поле я родился,

Воспитали у чужих.

Хулиганству научился

У товарищей своих.

А вот девушки поют:

Раз гармошка заиграла,

Значит, надо выходить,

И самой повеселиться,

Да и всех повеселить.

Говорят, что боевая -

Просто бойковатая.

Вся семейка боевая,

Я не виноватая!

Говорят, что некрасива -

Что же я поделаю?

За красотой не за цветами -

В полюшко не сбегаю.

Хорошо гармонь играет,

Хорошо и слушать-то.

Задушевная подруга,

Игроки и сушат-то.

Олег Ершов - городской. Закончил десять классов и военное училище. Причём выпустили их из училища досрочно (и доучиться-то месяц оставалось) - 14 мая. Направили, практически всех, на западную границу. В такой ситуации о скорой войне догадался бы и полный дурак. Так что о том, что очень скоро (не через год-два, а в ближайшие месяцы) придётся вступить в бой с фашистами - все военные, от наркома обороны до курсанта-первокурсника, знали.

Угораздило же его, Ершова, накануне выпуска, 13 мая, в госпиталь попасть с воспалением лёгких. Через месяц дали недельный отпуск, а затем - в распоряжение райвоенкомата, направлявшего когда-то в училище. Что ж - теперь

он точно знал, что в тылу не засидится, скоро на фронт, может, вот с теми, кто сейчас гуляют на улице...

Ершов курил, стряхивая пепел за окно. На столе лежала пачка газет. Взял для интереса верхнюю, прочитал: «Колхозное знамя». Орган райкома ВКП(б). На первой же странице - сводка показателей работы колхозов и совхозов района. И по всем показателям «Сталинский ударник» впереди. «Ну, ещё бы! Отстающему колхозу такое бы название не дали», - подумал Олег. И заглянул в конец сводки - последним по всем показателям был колхоз под названием «Смычка»...

Пробежал и заметку под мутной фотографией: натужно улыбающаяся (от ретуши похожая на пожилую цыганку) женщина в платке и халате держала в обеих руках по поросёнку...

«Не по дням, а по часам.

Работая свинаркой на ферме колхоза «Вожатый», Августа Мефодиевна Дробова во время опороса в течение трех недель проводила дни и ночи на ферме, там и спала... Ни одного случая падежа!

Под ее внимательным уходом поросыта росли не по дням, а по часам. В недельном возрасте они весили пять-шесть килограммов и прибавляли от 600 до 1000 граммов в сутки.

Всем бы свинаркам перенять опыт Августы Дробовой! И подпись: «Колкор Корин».

«Это кто ж такой - «колкор»? - Ершов озадачился. - А, наверное, «колхозный корреспондент». И еще подумал - этому бы Корину на ферме поспать, как той свинарке...

Ещё одну заметку прочитал, уже только потому, что тем же Кориным подписана была.

«Беда рекордистки Вероники.

Доярка колхоза им. Кирова Нина Петровна Зубова обнаружила, что у коровы-рекордистки Вероники болит сосок. Нина Петровна всполошилась, побежала в контору колхоза, из глаз ее текли слезы.

Через некоторое время о больном соске Вероники узнали в колхозе все. Партийно-кооперативный бюро колхоза ставит этот вопрос на своем срочном заседании. Секретарь партийной организации тов. Позгалец на этом заседании с тревогой говорит: «Представляете ли вы, товарищи, что значит сосок Вероники? Это честь нашего колхоза. Это мировой рекорд от коров остфризской породы. В капиталистических странах больше 10 тысяч литров молока от таких коров не получали, мы хотим взять от Вероники 11 тысяч литров. Надо сейчас же принять самые решительные меры к тому, чтобы сосок Вероники был в ближайшее время вылечен! За работу, товарищи!»

Олег представил, как прочитал бы про «сосок Вероники» в своей группе в училище... Губы в улыбку потянулись... И тут же понял, вспомнил, что большинство ребят из его группы уже воюет. Но... аккуратно вырвал лист с заметкой о рекордистке Веронике, свернул, сунул во внутренний карман гимнастёрки.

Он будто специально себя всё сдерживал, не бежал на голос гармошки и девичий смех... Но вот, неторопливо, будто ещё накапливая солидность в себе, поправил портупею, одёрнул гимнастёрку, вышел на крыльце сельсовета, за-пер, как наказал председатель, дверь, ключ под порог сунул. Вышел на улицу...

Играли Ванька Попов и гармонист из Космина, ближайшей деревни. Они как будто соревновались, а может, наоборот, передых друг другу давали, играли по очереди. Плясали тоже вперемежку - семигорские девчата, косминские парни, и из других деревень...

- О! Товарищ командир, к нам давайте! - первой увидела Ершова невысокая

крепкая девушка в платье, по-городскому спитом, в блестящих даже сейчас, в сумерках, ботиночках...

Ершов подошёл. Опять портупею поправил, достал пачку «Казбека». Самый бойкий, видно, из местных стрельнул тут же у него папироску.

- Как думаете - долго воевать будем? - парень спросил, прикурив от спички, тоже протянутой Ершовым. Был это Митька Дойников.

- Не думаю, что очень долго, но и лёгкой эта война не будет. Всерьёз будем воевать, товарищи...

- Ишь, какой сурьёзный! - опять та девушка голос подала (подружки её захищали). И не глядя на Ершова, будто и нет тут его, выскоцила в круг, гармонисту махнула, выдала:

*Полюбила лейтенанта -
И ремень через плечо.
Получает тыщу двести
И целует горячо!*

- Ну, Верка даёт! - сказал кто-то. И осуждение, и зависть в голосе.

Ершов папиросу замял, вышел в круг тоже. Частушек он не знал, да и плясал не очень. Но тут пошёл, пошёл - топнет, ладонью по голенищу хлопнет...

Иван Попов играет на гармошке. Две девчоночки обмахивают гармониста веточками, комаров отгоняют.

Ершов старательно пляшет, каблуками крепко землю мнёт...

- Сноп бы под ноги - вымоловил бы, - кто-то из парней говорит со смешком. А Митька Дойников Валю Костромину на глазах у всех лапает...

- Да отстань ты! - она на него ругается и ближе к Ивану отходит.

- Что отстань-то! Война же, заберут вот завтра! - тянет её за руку от круга Митька.

- Вань, ну скажи ты ему! - Валя просит.

- Отстань от неё.

- Чего?!

Гармошка замолчала. Все на них смотрят, видят, что дело нешуточное.

- Чего отстань-то? - это уже Ивану Митька говорит. - Я вот тебе отстану, - в плечо толкнул. Иван ремень гармони с правого плеча уже скинул...

Если бы Ершов, добром бы не кончилось.

- Нам завтра, ребята, может, в бой идти вместе. А вы! Думайте хоть! Всё, шутки кончились. Война! - и будто самого себя убедил, сурьёзный стал, в пляску уж не пошёл больше. А пошагал, да так твёрдо, уверенно - будто и по делу какому, будто и знал куда... Остановился, развернулся, к сельсовету пошёл.

- Товарищ военный, - женский голос позвал. «Вот оно, - внутри заныло сладко.

- Вот оно...» Две девушки у соседнего дома стояли. Одна - та, что частушку про лейтенанта пела. - А вы бы нас не проводили? Вот надо ей в соседнюю деревню, а поздновато уж, темно.

- Провожу, конечно...

Туда втроём шли по ночному просёлку, девушки запевали частушки, смеялись, спрашивали о чём-то лейтенанта, и тот отвечал... На окопице одна из подружек простилась, к своему дому побежала.

Шли обратно... Всё дышало кругом... «Дёргал» в поле дергач; соловьи, будто парни-гармонисты, сменяли друг друга в любовном свисте; казалось, кто-то перешёптывался и вздыхал в кустах; туман, живой, шевелился над озером. Пахло травой, влагой, землёй, жизнью...

И вела, влекла лейтенанта Верка Сапрунова, отчаянная девка, к стожку за леском, вчера смётанному...

А в Семигорье ещё догуливают...

- Смотри-ка, директор-то... Ничего себе, пьяный же в доску... - один парень другого локтем в бок тычет, на директора школы Антона Сергеевича Сняткова, ведомого женой, кивает.

- Эх вы, дурачки, он же жалеет вас, не на праздник же вам идти-то, - говорит жена, рукой обхватившая мужа, плечо подставившая, тащившая его на себе домой...

А парни-то и не смеялись - поражены были, впервые директора школы в таком состоянии видели.

2

В Семигорье собирались партии мобилизованных из ближних и дальних деревень. С мужиками и парнями шли матери, сёстры, жёны, дети.

Ночевать устраивались в здании сельсовета, в конторе колхоза, у родни.

Из дальней деревни Степановки пришли трое подлежащих мобилизации. Среди них Егор Другов. Его провожала жена Настя - дочь Катерины Поповой, Ванькина родная сестра, внучка деда Николая. Пришли и две их девчоночки, пяти да четырех лет, - Даша и Глаша.

- Бабушка, а ты нас научишь кружево плести? - девочки к бабушке Кате ластятся.

- Да мама-то вас разве ж не учит?

- Не учит! - хором и радостно кричат сестрёнки.

- Есть мне когда учить-то... Скажете же... - смущается, краснеет даже Настя.

- Ну, давайте, - соглашается бабушка. Подвигает пяльцы с подушкой для кружева. Втыкает булавки. Помогает им заплести «косички» из ниток, объясняет... Да вдруг и забудет говорить-то, и пальцы - сухие и твёрдые, похожие на коклюшки - замрут.

- Бабушка, а дальше?

А у бабушки слёзы по щекам бегут.

Мужики за столом, бутылочка на столе. Выпили по стопке. Дед Николай Иванович, пытаясь бравость свою показать, на Катерину с Анастасией прикрикнул:

- Нечего слёзы лить! Вернутся скоро! Победят Гитлер!..

- Да молчи уж, дед... - Настя, рукой махнула, и, не скрываясь, к Егору своему прижалась, за руку его двумя руками ухватилась...

- Ладно, пойду я на дежурство - никто не отменял, - сказал дед и, натянув картуз с мятым матерчатым козырьком, ушёл в свою сторожку.

Иван всё работой себя старался занять - на дворе что-то потюкал топориком, за водой сходил...

У колодца встретился с Валей Костроминой. Что-то сказал ей, что-то ответила она...

В этот вечер - 24-го июня - уже никаких гулянок и пьянок не допустили. В магазине запретили продажу водки. Всё же пьяные были. Двоих даже Ершов «арестовал» с помошь председателя сельсовета Ячина. Заперли на ночь в какой-то кладовке.

Днём почтальон привёз газеты от 23 июня. Одну из них («Правду» или «Известия») ветеринар Глотов прихватил в конторе и сейчас спешил на излюбленное место чтения - колокольню...

Между прочим, случилась сегодня история - Оська-поляк не явился на призывной пункт, устроенный в сельсовете. Сперва думали - ну, мало ли, припозднился, придёт. Не приходил. На рабочем месте, в пожарке, Оськи не было. Домой к нему парнишку отправили. Мать его, глухая старуха Марья Полякова, сказала, что ушёл ещё рано утром...

«Может, уже объявился Оська», - думал Глотов подходя к «пожарке»-церкви.

Сам Глотов призыву на военную службу не подлежал, чему и были подтверждением его очки с толстыми стёклами и металлическими дужками. Но и он уже задание и даже приказ получил. Круглову позвонили из райкома партии, а он, переговорив с Ячином и Коноваловым, вызвал Глотова, назначил ответственным по Семигорскому сельсовету за мобилизацию лошадей. Должность не маленькая - не только ведь в своем колхозе, во всей округе лошадей осмотреть, годных для войны, отобрать... Завтра вот он уже в дальний колхоз поедет (в своём-то колхозе от жеребёнка, вчера родившегося, до пожарного мерина - всех знал). Ветеринар полнился значимостью, но и побаивался ответственности. Чаще обычного поправлял очки на носу...

Нет, Оська-поляк не объявился... Но был другой приятель деда Попова - пожилой колхозник Авдей Бугаев, отец осуждённого за прошлогодний пожар бригадира.

- Ну, давай, читай, Сано, - попросил Попов ветеринара, когда тот газету из-за пазухи достал.

Глотов, поправив очки, торжественно начал:

- Выступление по радио заместителя председателя Совета Народных Комиссаров Союза эсэсэр и народного комиссара иностранных дел Молотова. Двадцать второе июня тысяча девятьсот сорок первого года...

- Это ещё позавчера, значит, он по радиу говорил? - перебил Попов.

- Да, - недовольно ответил ветеринар и продолжил, но уже не так торжественно, как начал: - «Граждане и гражданки Советского Союза, Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление: сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города - Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причём убито и ранено более двухсот человек. Налёты вражеских самолётов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорий...»

Старики слушали, затаив дыхание, только сейчас, может, начиная понимать, какая беда разразилась, куда уже завтра уйдут их дети, внуки...

- «Это неслыханное нападение на нашу страну, - продолжал чтение Глотов, и голос его снова окреп, посупровел, - является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено несмотря на то, что между СССР и Германией заключён договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено несмотря на то, что за всё время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей. Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шулленбург в пять часов тридцать минут утра сделал мне, как народному комиссару иностранных дел, заявление от имени своего правительства о том, что германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы. В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству, что Германия совершила нападение на СССР несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной. По поручению правительства Советского Союза я должен также заявить,

что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы и поэтому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчёт несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта».

- Вот как! Сами напали да теперь на нас и сваливают! - не выдержал дед Попов. Бугаев молча покивал.

Глотов ничего не сказал, только строго недовольно глянул на старика. Продолжал:

- «Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ - отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины. Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигентией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы. Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы советской авиации с честью выполнят долг перед Родиной, перед советским народом и нанесут сокрушительный удар агрессору. Не в первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришёл к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу. Правительство Советского Союза выражает твёрдую уверенность в том, что всё население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигентия, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочён и един как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом. Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, ещё теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

- Вот как, значит... Так, значит... - снова первым подал голос Николай Иванович Попов.

- В конце-то как там? - спросил Авдей Бугаев, - «Наше дело правое...»

- Враг будет разбит, победа будет за нами, - Глотов ещё раз прочитал.

- Дай Бог, дай Бог, - негромко сказал дед Попов.

А Авдей вдруг спросил, неизвестно и кого:

- Так почто не Сталин-то, а Молотов выступает?

- Ну... Сталин... - не нашёлся что сказать Глотов.

- У Сталина делов щас... - Николай Иванович Попов добавил.

Прочитал Глотов и Указ о мобилизации, по которому призывались военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 год включительно. И сводку за 22 июня...

«Сводка Главного командования Красной Армии за 22.VI.1941 года.

С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря и в течение первой половины дня сдерживались ими. Со второй половины дня германские войска встретились с передовыми частями полевых войск Красной

Армии. После ожесточенных боев противник был отбит с большими потерями. Только на Гродненском и Крашанопольском направлениях противнику удалось достичь незначительных тактических успехов и занять местечки Кальвария, Стоянув и Цехановец, первые два в 15 км и последнее в 10 км от границы. Авиация противника атаковала ряд наших аэродромов и населенных пунктов, но всюду встречала решительный отпор наших истребителей и зенитной артиллерии, на-носивших большие потери противнику. Нами сбито 65 самолетов противника».

3

Поутру 25-го застучали двери, заскрипели калитки... С котомками за плечами выходили мобилизованные. Лейтенант Ершов, с глазами узкими и красными от бессонных ночей (как из райвоенкомата сюда выехал, почти и не спал), но под-тянутый и бодрый, ждёт на крыльце сельсовета...

Вера тут же стоит, неподалёку, в своём городском платье, платочек в руке мнёт. Лейтенант строго поглядывает на неё, но пока молчит.

Подходят мужики: на руках младший ребёнок, жена ухватилась за локоть, ребяташки постарше к ногам жмутся. Парней матери и сёстры провожают...

Прошли по главной улице, вышли к большаку, к мосту через речку. Дальше никогда провожать не ходили. Прощаться стали. Бабы завыли. Тут Верка больше не сдерживалась, к лейтенанту бросилась. Ершов коротко, сильно прижал её и отстранил, отвернулся, платочек, что она в руку вложила, в карман галифе сунул.

...Поначалу невесело шагали, потом Ванька Попов гармошку развернул, ещё кто-то. Все заговорили, запокуривали на ходу...

Шли по старой Сухтинской дороге вдоль озера в райцентр (озеро узкое, но почти на сто вёрст вытянутое).

На дороге местами ещё булыжное мощение осталось, по большей же части уже обычный просёлок, умятый телегами - машин и тракторов тут ещё и не видывали...

Сколько веков этой дороге?.. Шли по ней когда-то кандалыники под охраной конвоя; тянулись купеческие обозы на городские ярмарки; проезжали по ней великие князья и цари - на молебны в северные обители; уходили из века в век рекруты; ковыляли калики перехожие; а по большей части - тряслись на тележонках да уминали лаптями крестьяне, жители сел да деревень, что, как бусы на нитку, на эту старинную дорогу нанизаны...

К вечеру партия мобилизованных из Семигорского сельсовета в количестве пятидесяти человек, пройдя за день около сорока километров, остановилась в стенах бывшего монастыря, в селе Крутицы. И монастырь назывался Богородице-Рождественский Крутицкий... Впрочем, и тут уже не монастырь, а то, что осталось от него. В сестринском корпусе - закрытая по летнему времени школа. Какие-то розовые развалины в зарослях иван-чая... В Богородицком храме был теперь клуб, и в тот вечер показывали фильм.

Почти все пошли на фильм - до их краёв кино редко доезжало. Смотрели на незнакомую шахтёрскую жизнь. Переживали, когда вредители устроили обвал в шахте, смеялись шуткам героя фильма Вани Курского... А уже после фильма устраивались на ночлег - прямо во дворе, на траве, ночь была тёплая... Кто-то напевал песню из фильма: «Спят курганы тёмные, солнцем опалённые...» Тут же на гармошке пытались подбирать мелодию, слова вспоминали...

У костров, домашними запасами подкрепляясь, негромко переговаривались...

- Тут монашки жили, я ещё помню, - рассказывал немолодой серьёзный мужик (весь день он молчал, а тут, видно от воспоминаний, расчувствовался). - С мамкой ходили сюда, у ней тут сестра была, тётка моя, значит, божатка. Добрая была тётка-то. Да и остальные-то монашки - добрые. Говорят, среди них и дворянки

были, так у тех в кельях и сахарок водился. Вот и даст, бывает, какая, сахарку-то...

- А правда, что господ из города за деньги принимали? - спросил, нагло ухмыляясь, дюжий парняга, развалившийся у костра, ковырявший травинкой в зубах.

До мужика не сразу дошел смысл, а когда понял - аж побелел от обиды:

- Чего мелешь-то? Дурак! - прикрикнул.

- А чего им - ни семьи, ничего... - тот же парень сквозь зубы цедил.

- Да разве ж для того люди в монастыри уходили?! В миру-то грешить сподручнее. А здесь - молились да работали...

- Ты пропаганду-то религиозную не разводи, дядя, - парень уже явно издевался над мужиком, приятели его - трое парнишек, ради выпендрёжа перед которыми он и старался - хихикали.

Прекратил это кураженье - неожиданно - Митька Дойников.

- Замолчи-ка ты, дружок! С тобой, видать, девки-то не гуляли - беспокойный такой на это дело...

- Чего? - верзила поднялся.

Дойников тоже не мал ростом, но на голову этого ниже. Да тот и в плечах широк. Только это Митьку, одного из лучших кулачных бойцов Семигорской округи, не смутило - без замаха, снизу, локоть под дых здоровяку воткнул. Тот и согнулся сразу...

- Ну-ка, ну-ка... Хватит там! Разошлись!..

Обоих под руки друзья-земляки прихватили, развели.

- Ты молодец, - сказал Иван Попов Дмитрию Дойникову и руку протянул, тот небрежно ладонь сунул, но рукопожатие было крепкое. Оба ведь и свою недавнюю стычку помнили.

- Ничего, ерунда всё... Надо таких на место ставить, - сказал Митька.

- Он вон какой здоровый, а ты его сразу... - уважительно Иван сказал.

- Да ну... - отмахнулся Митька. - Большие шкафы громко падают, - весело добавил.

Оба присели у костерка.

И тут две неожиданные фигуры в монастырских воротах показались... Странники по этой дороге (да и по другим - от деревни к деревне, от монастыря к монастырю) и раньше ходили, и нынче ходят... А эти, как не сразу поняли мобилизованные, - один слепой, другой глухонемой. Слепой - довольно высокий, с седой клочастой бородой - одной рукой опирался на посох, другой - на плечо своего поводыря. Поводырь - ростиком пониже, костью пошире, лицо круглое и бородка округлая. Сам показал руками, мол, - не говорю, не слышу... Одеты были оба чисто, опрятно, да уж больно как-то, даже для тех кто из дальних деревень, необычно - так, может, лет тридцать назад одевались, а может, и сто... В армяках, кушаками подпоясанных, в войлочных круглых шапках, в портках, в лаптях с онучами. Лапотки, однако, новые, беленые, беленые...

- О, давайте к нам, божьи люди, - сразу к костру их позвали, зная, что странники либо сказку расскажут, либо песню споют. Дали им место на брёвнышке у костра, дали и котелок на двоих, и хлеба... Не торопили, ждали, пока странники поедят, а и они терпения не испытывали - быстро управились.

- Благодарствую, служивые, - слепой сказал, котелок с ложками отдавая.

- А ты откуда знаешь, что мы служивые-то, а? Да мы ещё и не служивые... Это тебе немой, что ли, нашептал? - опять тот здоровый парень засекаться начал, он сейчас тасовал колоду карт, раскидывал на себя и своих приятелей...

- Все мы служивые, - слепец ответил.

А немой, закончив жевать, перекрестился и достал вдруг из котомки лыко, крючок-кочедык, да и принял лапоть плести...

- Ишь, как ловко-то у глухого-то получается. Ну, а ты-то что умеешь? - слепого спросили.

- Да какие наши умения...

- Расскажи-ка, дедушка, сказку, - кто-то попросил.

- Сказку... Ну, что ж... Сказку - можно! Про солдата и расскажу... - с достоинством ответил странник. Сидел он прямо и глядел мутными слепыми глазами прямо - чуть мимо костра, в сгущающиеся сумерки. Тут потеснее к ним садиться стали, кто-то толкнул кого-то, ругнулись, кто-то закурил, другому прикуриить дал. Странник дождался, когда все успокоятся, и начал:

- Чур, мою сказку не перебивать, а кто её перебьёт, тот трех дней не переживёт... - заговорил мягким, одновременно и пугающим, и насмешливым вроде голосом. - Вот, вышел один солдат со службы, идёт и думает: служил я царю двадцать пять лет, а не выслужил и двадцать пяти реп, и никакой на рукаве нашивки нет! Видит - идёт ему навстречу старик. Поравнялись, старик и спрашивает: «О чём, служивый, думаешь?» - «Думаю, говорит, - о том, что служил царю двадцать пять лет, а не выслужил и двадцать пяти реп, и никакой на рукаве нашивке нет!»

- «Так чего же тебе надо?» - старик спрашивает. «А хоть бы научиться в карты всех обыгрывать, да никто бы меня не обидел». - (Призывники-картёжники при этих словах переглянулись, заусмехались). - «Хорошо, я дам тебе карты и сумочку: тебя никто не обыграет и не обидит». Взял солдат от старика карты и сумочку и пошёл. Приходит он в деревню и просится ночевать. Ему и говорят: «Здесь у нас тесно, а вон в том новом дому, если не побоишься - ночуй». - «Чего же мне бояться?» - «Да так...» Купил солдат свечку да полуштоф водки, пошёл в тот дом и усёлся. Сидит, карты перебирает; рюмочку выпьет и карточку положит. В самую полночь вдруг двери отворились, и бесёнок за бесёнком полезли в комнату; набралось их пропасть и стали плясать. Солдат смотрит и дивится. Но вот один бесёнок подскочил к солдату и хлестнул его хвостом по щеке. Встал солдат и спрашивает: «Ты что это - в шутку или вправду?» - «Какая шутки!» - отвечает бесёнок. Тогда солдат и крикнул: «В сумку!» - как его встречный дед научил. И все черти полезли в сумку, ни одного не осталось.

Наутро солдат видит: хозяева дома несут гроб. Вшли в комнату, хозяин и говорит: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа!» - «Аминь!» - ответил солдат. «Да ты разве жив?» - спрашивают его. «Как видите!»

Солдат так полюбился хозяевам, что они оставили его у себя пожить и женили на своей дочери. И зажил солдат богато и с женой согласно. Через год родилась у него дочь. Надо ребёнка крестить, а матери крестной нет - никто к солдату не идёт. Вышел он на большую дорогу и думает: какая женщина встретится первая, та пусть и будет крестной матерью. Только что успел он это подумать, видит, идёт старая старуха - худая-прехудая, кости да кожа, и коса на плече. Солдат и говорит ей: «Бабушка, у меня дочь родилась, а крестить никто не идёт». «Так что же, - отвечает - я окрещу, идите в церковь, я сейчас приду».

Принёс солдат младенца в церковь, и кума пришла, сняла с плеча косу и положила у порога, а когда окрестили ребёнка, взяла опять косу и пошла. Солдат и говорит ей: «Кума, зайди поздравить крестницу!» - «Хорошо, - та говорит, - вы идите и приготовляйтесь, а я сейчас приду».

Пришёл солдат домой, приготовил всё, скоро пришла и кума. Опять сняла с плеча косу, положила у порога и села за стол. Когда отпировали, она встала и говорит: «Кум, проводи меня!» Солдат оделся и пошёл провожать куму. Вышли они в сени, она и говорит: «Кум, хочешь ли научиться ворожить?» - «Как бы не хотеть!» - «А ты знаешь ли, кто я? Я ведь Смерть. Если тебя позовут к больному и ты увидишь, что я стою у него в головах, не берись лечить, а когда буду стоять в ногах, то берись; спрысни больного раз холодной водой, он и выздоровеет. Прощай!»

В этот год в той деревне сделалось столько больных разными болезнями, что солдат едва успевал переходить из одной избы в другую. И всех вылечивал - в ногах кума-то стояла.

Случилось, что заболел царь, а слух о солдате, что он хорошо лечит, разнёсся уже по всему государству. Вот его и призывают к царю. Входит солдат к царю, поглядел и видит: его кума стоит в головах. Плохо дело - солдат думает. Однако велел принести скамейку и положил на неё царя. Когда это сделали, солдат и давай вертеть скамейку с царём, кума же его стала бегать кругом, стараясь быть в головах у царя, и до того добегала, что устала и остановилась. Тогда солдат повернулся к ней царя ногами, вспрыснул его водой, и царь сделался здоров.

«Ох, кум, кум! Я тебе сказала, что когда стою в головах, то не берись лечить, а ты по-своему делаешь, ну, я тебе за это припомню!» - Смерть говорит. «Ты это, кума, в шутку или вправду говоришь?» - «Какая тут шутки!» - «Так в сумку!» - крикнул солдат, и Смерть залезла в сумку. Пришёл солдат домой и бросил сумку на полати.

Через год времени приходит к солдату Микола милостивый и говорит: «Служивый, отпусти Смерть! Народу старого на земле много, он просит смерти, а смерти нет». «Пусть пролежит ещё два года, тогда и отпушу», - сказал солдат.

Прошло два года. Солдат выпустил Смерть из сумки и говорит: «Каково, кума, в сумке?» - «Ну, кум, будешь ты просить смерти, я не приду к тебе». - «Обо мне, кума, не беспокойся, я и сам на тот свет приду!»

Тут слушатели заулыбались, задвигались. Но это ещё не был конец сказки. Слепец продолжал (напарник его всё так же невозмутимо орудовал кочедыком, уже заплетая головку лаптя):

- Вот солдат живёт да поживает; в карточки играет да водочку попивает; жена и дочь у него уж умерли, а он всё жив. Однажды играл в одном доме в карты, да и услышал, что скоро придёт антихрист и станет людей мучить. Солдат испугался и отправился на тот свет. Шёл, шёл, шёл, наконец, приходит к лестнице, которая тянулась до неба и сел отдохнуть; потом, собравшись с силами, полез по лестнице. Лез, лез, лез и прилез к самому раю. А у дверей рая стоят апостолы Пётр и Павел. Солдат и говорит им: «Святые апостолы Пётр и Павел, пустите меня в рай!» - «А ты кто такой?» - спрашивают его. «Я солдат». - «Нет, тебя не пустим, иди туда, вон тебе рай!» И указали ему на ад. Солдат пошел к аду, у ад стоят два бесёнка. Солдат и говорит: «Святые апостолы Пётр и Павел в рай меня не пускают; пустите ли вы меня в ад?» «Иди», - говорят ему бесёнки и пропустили его в ад.

Приходит солдат в ад; отвели ему там особую комнату. Он и лёг отдохнуть. Отдохнувши, насбирал толстых палок и понаделал из них ружей, наловил чертей, составил их в роту и начал их обучать военному искусству. Если который из чертей заленится, то ему и палкой надаёт. И всех чертей в ад замучил.

Узнал сатана, что солдат, который должен быть в раю, живёт у него в ад, и захотел его душою завладеть. Приходит к солдату и говорит: давай играть в карты! Только с таким условием: если я тебя обыграю, то ты будешь мой, а если ты меня, то я тебе отдам грешную душу. Солдат согласился, и они уселись играть. Играют, играют, и всё солдат выигрывает. Нет, говорит сатана, больше играть с тобой не буду, ты, пожалуй, у меня все души выиграешь.

Узнали и бесы, что это тот самый солдат, у которого они сидели в сумке, и решились его выгнать из ад. Наговорили на него сатане, что он мучит чертей и никому спокою не даёт своим солдатским ученьем, и сатана дал приказание по аду, чтобы выгнали тотчас же солдата. Окружили черти солдата и объявили ему приказ сатаны. Делать нечего - взял солдат свою амуницию и две выигранные им у сатаны души (жены и дочери) и пошёл. Только вышел он из своей комнаты, видит, все черти выстроились в ряд, заиграла музыка, и запалили из ружей. «Э, чертовское отродье! Обрадовались, что я пошёл!..» И всех их выругал.

Приходит он опять к раю и говорит: «Святые апостолы Пётр и Павел, пустите меня в рай!» - «Да ведь ты отказался от рая, - говорят ему, - ступай в ад». - «Да я там был!» - «Так ещё сходи». - «Да пропустите вот хоть эти две грешные души».

- «Ну, пусть оне идут», - сказали апостолы и отворили ворота. Солдат поставил впереди душу жены, сам встал за нею, а позади себя поставил душу дочери. Так все трое и вошли в рай. И до сих пор живут они да поживают в раю, ни нужды, ни горя не знают.

Вот какие нечаянные случаи встречаются на пути жизни! А всё Бог и Его святое провидение правят делами и намерениями нашими...

Кто посмеялся, кто сказал:

- Вот бы нашу смерть кто-нибудь в сумку спрятал...

Кто-то уже спал, кто-то стал укладываться после сказки... Странники куда-то в темноту ушли, тоже легли вроде... И Дмитрий Дойников и Иван Попов растянулись, положив под головы котомки.

...Млечный путь лежал над ними дорогой из вечности в вечность...

Не спал в эту ночь Николай Иванович Попов - молился за внука. Не спала Катерина - молилась за сына и зятя. Не спала её дочь Анастасия - утирала слёзы, думая о муже, вспоминала молитву, да не вспомнила - как могла Бога и Мать Его за мужа и брата просила...

В каждом доме села, в каждой избе близких и дальних деревенек шептались молитвы, проливались и утирались слёзы...

И восстал из вод озера монастырь. И горели свечи в храме Спаса Всемилостивого, и молились иноки, и подпевали молившимся за Россию инокам монахини в Богородицком храме Крутицкого монастыря, и сливались их голоса с ангельскими гласами ...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

К вечеру следующего дня мобилизованные семигоры пришли в город.

Шли по мощёной бульжником улице. По бокам её - фонари, тротуары - деревянные мостки, пружинящие под ногами редких прохожих. (И хочется парням, да и мужикам, по этим мосткам пройтись).

Вдоль дороги двухэтажные деревянные, на несколько квартир, дома, обнесённые дощатыми заборами, за которыми просматривались дворы с сараями, с верёвками с бельём, с поленницами дров, огородиками...

Видно, как колышутся занавески на окнах. Жёлтый жилой свет там - в квартирах...

В канаве стоит коза, будто задумалась, перестала даже жевать, наверно, от шума, производимого пятьюдесятью парами топающих, шаркающих, стучащих по мостовой ног.

Но вот ступили на центральную улицу - чёрную, гладкую:

- Асфальт! - сказал кто-то.

Тут уже и каменные дома были, хотя деревянные всё же преобладали.

Вышли на центральную площадь с высоко поставленным памятником Ленину посередине и чахлыми кустиками акаций вокруг него. Подошли к двухэтажному каменному дому, выкрашенному серой и белой краской, обнесённому решётчатым забором. Табличка со звездой и золотыми буквами подтверждала, что это и есть райвоенкомат.

Ершов скомандовал устало-равнодушно:

- Становись! Смирно! Вольно. - Его команды уже привыкли выполнять и построились по росту быстро и вопросов не задавали. - Подождите тут, - просто сказал лейтенант и шагнул на крыльцо. Но перед высокой дверью короткими

привычными движениями поправил портупею и согнал назад складки гимнастёрки под ремнём. Из двери ему навстречу сунулась голова в фуражке:

- О, здравия желаю!..

- Привет!

И дверь за лейтенантом захлопнулась.

Строй, конечно, сразу нарушился, кто на скамейку присел, кто к забору прислонился, закурили некоторые...

Минут через пять на крыльце вышел не Ершов, к которому уже привыкли, которого уже «наш лейтенант» называли, другой командир - также тую перетянутый портупеей, в сапогах с гладкими блестящими голенищами...

Вышел он на крыльце, постоял, поглядел на вольницу. Да как рявкнет:

- Становись!

И когда не все и сразу выполнили команду, крикнул:

- Разойдись! - и через секунду: - Становись! Равняйся! Смирно!

- Вот это дак начальник, сразу видать!

- Кончилась вольница...

- А лейтенант-то наш - всё, видно, сдал нас с рук на руки...

- Меня зовут майор Сухотин! Поступаете под мою команду! Выходи со двора!

В колонну под два становись!

И уже к ночи прибыли в казарму, размещавшуюся, как говорили знающие, бывавшие в городе мужики, на «льнострое» - незаконченной стройке комбината по переработке льна.

Здесь уже по-армейски, из полевой кухни накормили. Спать, правда, на голых, грубо сколоченных нарах пришлось.

Весь следующий день для мобилизованных в суете прошёл: Сухотин и его помощник старшина Козлов делили команду новобранцев на отделения, назначали командиров этих отделений, назначали дневальных, объясняли обязанности дневальных. Суета...

- Долго нас тут держать-то будут? - спросил Дойников у старшины. Тот - ростом под два метра, левая сторона лица шрамом пропахана. Усмехнулся:

- А ты торопишься? Я вот на финской бывал, - и он вдруг резко наклонил голову, и на лопатистую ладонь левый глаз выкатился. Стеклянный.

Кто рядом стояли - сначала не по себе тем стало, потом засмеялись. А потом Козлов рявкнул: «Отставить смех!» И глаз на место вставил.

На другой день строевые занятия начались, сборка-разборка винтовки - проводили их «старики»-срочники из гарнизона. Появился и лейтенант-политрук.

Появились в казарме газеты. Вечером политрук читку организовал.

«Сообщение Советского Информбюро.

24 июня 1941 года.

В течение 24 июня противник продолжал развивать наступление на Шауляйском, Каунасском, Гродненско-Волковысском, Кобринском, Владимир-Волынском и Бродском направлениях, встречая упорное сопротивление войск Красной Армии.

Все атаки противника на Шауляйском направлении были отбиты с большими для него потерями. Контрударами наших механизированных соединений на этом направлении разгромлены танковые части противника и полностью уничтожен мотополк.

На Гродненско-Волковысском и Брестско-Пинском направлениях идут ожесточённые бои за Гродно, Кобрин, Вильно, Каунас.

На Бродском направлении продолжаются упорные бои крупных танковых соединений, в ходе которых противнику нанесено тяжёлое поражение.

Наша авиация, успешно содействуя наземным войскам на поле боя, нанесла

ряд сокрушительных ударов по аэродромам и важным военным объектам противника. В боях в воздухе нашей авиацией сбито 34 самолёта.

В Финском заливе кораблями Военно-Морского Флота потоплена одна подводная лодка противника.

В ответ на двукратный налёт на Севастополь немецких бомбардировщиков с территории Румынии советские бомбардировщики трижды бомбардировали Констанцу и Сулин. Констанца горит. В ответ на двукратный налёт немецких бомбардировщиков на Киев, Минск, Либаву и Ригу советские бомбардировщики трижды бомбардировали Данциг, Кенигсберг, Люблин, Варшаву и произвели большие разрушения военных объектов. Нефтебазы в Варшаве горят.

За 22-е, 23-е и 24-е июня советская авиация потеряла 374 самолёта, подбитых, главным образом, на аэродромах. За тот же период советская авиация в боях в воздухе сбила 161 немецкий самолёт. Кроме того, по приблизительным данным, на аэродромах противника уничтожено не менее 220 самолетов.

* * *

Финляндия предоставила свою территорию в распоряжение германских войск и германской авиации. Вот уже 10 дней происходит сосредоточение германских войск и германской авиации в районах, прилегающих к границам СССР. 23 июня 6 германских самолётов, вылетевших с финской территории, пытались бомбардировать район Кронштадта. Самолёты были отогнаны. Один самолёт сбит, и четыре немецких офицера взяты в плен.

24 июня 4 немецких самолёта пытались бомбардировать район Кандалакши, а в районе Куолаярви пытались перейти границу некоторые части германских войск. Самолёты отогнаны. Части германских войск отбиты. Есть пленные немецкие солдаты.

* * *

Румыния предоставила свою территорию полностью в распоряжение германских войск. С румынской территории совершаются не только налёты немецкой авиации на советские города и войска, но и выступления немецких и румынских войск, действующих совместно против советских войск. Неоднократные попытки румыно-немецких войск овладеть Черновицами и восточным берегом Прута кончились неудачей. Захвачены немецкие и румынские пленные.

* * *

25 июня подвижные части противника развивали наступление на Вильненском и Барановичском направлениях.

Крупные соединения советской авиации в течение дня вели успешную борьбу с танками противника на этих направлениях. В ходе боя отдельным танковым группам удалось прорваться в район Вильно - Ошмяны.

Упорным сопротивлением и активными действиями наших наземных войск пехотные соединения противника на этих направлениях отсечены от его танковых частей.

Попытки противника прорваться на Бродском и Львовском направлениях встречают сильное противодействие контратакующих войск Красной Армии, поддержанных мощными ударами нашей авиации. В результате боёв механизированные соединения противника несут большие потери. Бой продолжается.

* * *

Наша авиация нанесла ряд сокрушительных ударов по аэродромам немцев в Финляндии, а также бомбардировала Мемель, корабли противника севернее Либавы и нефтегородок порта Констанца.

В воздушных боях и огнём зенитной артиллерии за 25 июня сбито 76 самолётов противника; 17 наших самолётов не вернулись на свои базы.

* * *

Немецкий лётчик, взятый в плен после того, как его самолёт был сбит нашей авиацией на советско-финской границе, заявил: «С русскими воевать не хотим, дерёмся по принуждению. Война надоела; за что дерёмся, не знаем».

* * *

На одном из участков фронта немецкие войска шли в бой пьяными и несли большие потери убитыми и ранеными. Пленные немецкие солдаты заявили: «Перед самым боем нам дают водку».

* * *

Наши лётчики Н-ской авиационной части в воздушных боях сбили 10 самолётов противника. Командир полка, Герой Советского Союза майор Коробков сбил два бомбардировщика противника; радист-стрелок Шишкович во время исполнения боевой задачи сбил два самолёта противника системы «Мессершмитт». Командир Сорокин при выполнении боевой задачи девяткой самолётов был атакован 15-ю самолётами противника, в бою сбил 6 самолётов и потерял четыре. Майор Ячменёв, будучи ранен в обе ноги, отказался ехать в госпиталь и продолжал выполнять боевые задачи.

* * *

Красноармеец Н-ского стрелкового полка Романов, подкравшись к вражескому разведчику-мотоциклиstu, уничтожил его. Командир подразделения этого же полка младший лейтенант Мезуев, будучи трижды ранен, не ушёл с поля боя и продолжал вести бой.

* * *

Шофер строительного батальона Н-ского воинского соединения задержал четырёх немецких лётчиков, которые выбросились с подбитого самолёта и пытались скрыться.

* * *

Командир одной из пулемётных рот, находясь в окружении более 8 часов и непрерывно ведя бой с противником, удержал позицию до прихода подкрепления.

* * *

Младший сержант Трофимов, командир орудия, в обстановке, когда орудие находилось в окружении противника, а боевой расчёт орудия был выведен из строя, увлёк в укрытие трёх раненых бойцов своего орудия, а затем сам хладнокровно расстреливал противника прямой наводкой. Когда сопротивление стало бесполезным (танки противника были почти на огневой позиции), Трофимов взорвал орудие, а сам умело вышел из окружения врагов».

- Товарищ старшина, - опять у Козлова спрашивали, - а финны, они как солдаты как?..

- Ничего, воевать умеют, - сразу понял невнятный вроде бы вопрос старшина. Глаз стеклянный больше не показывал.

В той же газете на задней странице было помещено объявление: «Цирк «Союз», дрессированные животные, клоуны, акробаты...»

Уже больше недели находились семигоры и мобилизованные из других районов на сборном пункте «льнострой»...

Неожиданно к Ивану тот здоровяк, с которым Митька Дойников в монастыре сталкивался, подошёл: «Слушай, земляк, Иван, да, тебя зовут-то?..» Иван знал его отдаленно, где-то раньше видывал - из их сельсовета, но из другого колхоза парень. Да уже по дороге и в казарме немножко познакомились. Парень-то добродушный на самом деле...

- Ну, Иван.

- А меня Фёдор, ну, Федька...

- Да я знаю уже...

- Слушай, а пошли в цирк!

- Чего? В какой цирк...

- Ну, вот, - Федька сунул в руки ему газету. - Пошли, а?.. Хочется. Никогда не были ведь, а и будем ли, если не сходим. Эти уперлись, боятся, - кивнул на свою компанию в углу казармы...

- Так как, когда...

Федька услышал колебание в его голосе, прилип, как репей.

- А вот с десяти утра. Мы на утренней поверке скажемся, позавтракаем и смотримся... Да чего ты - в самоходы вон ходят...

- В какие ещё самоходы?

- Да на рынок вон бегали наши, без спроса... На рынок можно, а в цирк нет?.. Дойников, войдя в казарму, глянул в их сторону подозрительно:

- Вы чего там?

- Да нет, ничего... - Иван знал, что Митьку сейчас звать бесполезно, командиром отделения его назначили, дак он вдруг такой весь правильный стал, серьёзный. А в цирк Ваньке захотелось, очень захотелось. - Ну, давай! - Федьке шепнулся.

Как решили, так и сделали. На утреннее представление пошли.

Шатёр цирковой неподалёку от рынка и стоял. Будто и нет войны никакой - идут дети. И взрослые идут. Билеты в кабинке кассы покупают. На яркой афише у входа - черноволосая красавица в платье с широким, но коротким подолом, с какой-то вичкой в руке, а перед ней на тумбочке на задних лапках собачка кудреватая, похожая на овцу...

- Слушай, Федька, денег-то нет у меня...

- Так и у меня нет...

Стали бродить близ шатра. С одной стороны там за шатром временный забор стоял, автомобили с ярко раскрашенными фургонами... Кого-то ругали там, женский голос кричал:

- Опять напился? Я буду таскать мешки? Артисты будут таскать? Всё - будем ставить вопрос об увольнении...

Прижались к забору парни, одна доска сдвинулась... Пьяный мужичонка в чёрном рабочем халате стоял, болтаясь из стороны в сторону, перед высокой строгой женщиной. Стоял тут же автомобиль с фургоном, задняя дверь приоткрыта и видны мешки.

- А давайте мы поможем, - вмиг оценил ситуацию Федька.

Женщина на него обернулась:

- Сколько вас? - раздражённо спросила.

- Двое!

- Давайте, ребята - вот эти мешки, вон туда перетащить, - уже радостно заговорила женщина. - В другие фургоны не суйтесь, - предупредила, - там животные. Места на представление нужны? - спросила просто.

- Да, - одновременно выдохнули парни.

- Ну, я вас посажу... Так, полчаса до начала. Успеете?..

Иван и Фёдор даже раньше, чем за полчаса, разгрузили машину. В мешках, как поняли они, - корм животным, зерно... Слышно было, как за закрытыми дверями фургонов кто-то мягко, по-кошачьи, ходит, рычит; собаки взлаивают...

- Всё, ребята, заканчиваем, заканчиваем, пойдёмте - я проведу вас, - появилась та женщина. И по какому-то тёмному закулисью она вывела их в зал, посадила в первом ряду.

Грянула музыка, прожекторы осветили арену, и вышел красавец с пышными усами, в сверкающей одежде. Набрав в выпяченную грудь воздуха, он крикнул: «Представление начинается!»

Они оказались в сказке... По команде дрессировщицы Иссидоры Быстрицкой собачки бегали на задних лапах, медведь танцевал, а тигр прыгал в огненный обруч. Воздушные гимнасты летали под куполом. Куплетисты распевали, наяривая на крошечных гармошках (Иван удивлялся - как они на кнопки-то попадают?): «Будем бить фашистов стаю мы и в хвост и в гриву!..» Рыжий клоун падал, поднимался и снова падал, и слёзы из его глаз вдруг брызгали параллельными земле струйками. А потом клоун обметал метёлочкой пыль с ушей зрителей. От счастья, от волнения Иван Попов забыл себя, забыл, где он, когда клоун и его своей волшебной метёлочкой коснулся...

Когда из цирка шли, сначала молчали, так поражены были представлением. Потом Фёдор сказал:

- Вот. Теперь и на войну можно... - И добавил раздумчиво: - А я бы, наверно, на этой Иссидоре женился...

- Она б тебя быстро надрессировала, - сразу ответил Иван и сам засмеялся своей такой удачной шутке...

А на площади с памятником Ленину посередине под репродуктором стояла толпа, и спокойный простой голос Сталина говорил...

«...Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты? Конечно, нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск, и наконец была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала ещё серьёзного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьёзное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия также может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма. Что касается того, что часть нашей территории оказалась всё же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. Дело в том, что войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было ещё отмобилизоваться и придвинуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в тысяча девятьсот тридцать девятом году между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет

признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства. Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в тридцать девятом году. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии - если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом. Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора лет и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определённый выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии. Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьёзным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией. Вот почему вся наша доблестная Армия, весь наш доблестный Военно-Морской Флот, все наши летчики-соколы, все народы нашей страны, все лучшие люди Европы, Америки и Азии, наконец, все лучшие люди Германии клеймят вероломные действия германских фашистов и сочувственно относятся к Советскому правительству, одобряют поведение Советского правительства и видят, что наше дело правое, что враг будет разбит, что мы должны победить.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом - германским фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией. Красная Армия и Красный Флот, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьются за каждую пядь советской земли. В бой вступают главные силы Красной Армии, вооруженные тысячами танков и самолётов. Храбрость воинов Красной Армии - беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растёт. Вместе с Красной Армией на защиту Родины подымается весь советский народ.

Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага? Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных

народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том, быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу. Необходимо, далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникёрам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. Великий Ленин, создавший наше государство, говорил, что основным качеством советских людей должна быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза. Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, всё подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага. Народы Советского Союза видят теперь, что германский фашизм неукротим в своей бешеной злобе и ненависти к нашей Родине, обеспечившей всем трудящимся свободный труд и благосостояние. Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей земли против врага. Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу. Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение её рядов, обеспечить её снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым. Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулемётов, орудий, патронов, снарядов, самолётов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону. Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всём этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитёр, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать всё это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникёровством и трусостью мешают делу обороны, невзирая на лица. При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Всё ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться. В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия. Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск.

Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помочь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабощенного гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего Отечества сольётся с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании господина Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помочь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, являются вполне понятными и показательными.

Товарищи! Наши силы неисчислимые. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину - в нашей Отечественной войне с германским фашизмом. В целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР, для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, - создан Государственный Комитет Обороны, в руках которого теперь сосредоточена вся полнота власти в государстве. Государственный Комитет Обороны приступил к своей работе и призывает весь народ сплотиться вокруг партии Ленина - Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы. Все наши силы - на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота! Все силы народа - на разгром врага! Вперёд, за нашу победу!»

И грянула песня: «Вставай, страна огромная!», от которой, казалось, зашевелились волосы, сердце похолодело, а потом будто вспыхнуло, и захотелось тут же идти и бить врага, и если нужно - умереть за то, о чём говорил Сталин.

3

На следующий день уходила уже на фронт первая партия из их призывной команды. Пятнадцать человек, среди них и Митька Дойников. За эти дни Иван сдружился с ним... Странно - учились вместе, всё детство, хоть Митька из Космина был, рядом прошло - не было дружбы. А потом и вовсе - из-за него же, из-за Митьки, Иван и из школы-то ушёл. Да ещё и к Валентине Митька подкатывал... А вот же, сдружились за эти десять дней так, будто братьями они стали. А даже с родственником, мужем сестры Насти, Егором Друговым, особой дружбы не сложилось...

- Ну, Иван, не поминай лихом, прощай, пиши. Я свой адрес, как известен будет, тебе через дом перешлю. За Вальку зла не держи. Ничего не было у нас. А тебе если глянется - не теряйся. Она вон как бросилась: «Ваня, скажи ему», - припомнил Дойников последнюю гулянку в Семигорье, усмехнулся.

- Да ну... - Ванька почувствовал, как щёки и уши краской залились. Никто не видел, а ведь вечером-то, перед отправкой, когда он за водой на колодец ходил - повстречались. И он, понимая, что сейчас должен сказать, пересилил себя, сказал: «Валя, ты дождись...» - «Зачем?» - «Вернусь - посватаюсь». - «Вернись». А провожать не вышла. Ни ему, ни Митьке, ни кому другому платочек не подарила...

Поезд увозил Дмитрия Дойникова и его товарищев в учебную часть. Это уже на другой день пути им сказали, когда уже и сами по названиям станций поняли, что везут их в противоположную от всех фронтов сторону. Вагоны были товарные, со сколоченными внутри нарами. Митька лежал, подложив руки под голову. Поспать бы - не спалось, вспоминался дом в деревне Космино, родные, друзья...

Три сестры у него - две старшие и младшая. Братик ещё был младший - умер младенцем. Отец, когда Митьке десять лет было, в двадцать восьмом, с другими мужиками в Ленинград на заработки уехал. Вековой отхожий промысел у косминских мужиков был - в Питер, плотниками. И город-то вроде каменный, а по плотницкой части хватало работы... К севу мужики, как обычно, вернулись домой, а Алфей Дойников, отец Митькин, там остался. Мать сперва мужиков пытала, потом отстала, сказали ей точно, что не вернётся... Сам Митька, когда постарше стал, из неясных разговоров старших сестёр, да и других деревенских, понял, что у отца там, в Ленинграде-то, семья другая заимелась. И никак он понять не мог (и до сих пор не понял, хотя вроде как умом, не душой, принял) - как же смог отец от жены и детей уйти? Мать молчала. Как отрезало - ни слова не говорила об отце. В тридцатом она первой в Космине в колхоз вступила. «Безмужней - в коллектив прямая дорожка», - в шутку или всерьёз - не поймёшь - сказала. Так в колхозе с утра до ночи и работала, отдохну не зная, а по ночам кружева плела. К кружевам-то и всех дочерей приучила. Плели, в контору кружевной артели сдавали. Да ведь и Митьку после школы-то (семь классов он закончил) в артель эту пристроила, к старичку бухгалтеру в помощники, а уже от артели его и в город отправили на бухгалтерские курсы. А после курсов уже сам бухгалтером стал. Работа, конечно, почётная, но и ответственная - почти пятьсот кружевниц в Семигорской округе... Работу каждой обсчитай да рассчитай... Мать-то больно уж гордится им. Да как не гордиться-то - одна поднимала. Старших сестёр уже замуж выдала в соседние деревни, младшая ещё с ней живёт...

Стучат колёса, в приоткрытую дверь вагона видно, как проносится там стена леса... И уже кажется, что вагон стоит, а это лес, поле, река, лес, деревенька и снова лес - несутся, улетают куда-то, подхваченные ветром...

На второй день поезд прибыл в тихий старинный городок со множеством двухэтажных (первый этаж кирпичный, второй - деревянный) купеческих домов, с деревянными мостовыми... И здесь в бывший (Крестовоздвиженский) монастырь поместили. Пехотное училище...

...И будто колокольный гул разливался над Крестовоздвиженским монастырём: над кельями, превратившимися в казармы и учебные классы, над пустым собором и бесколоколенной звонницей. И с гулом колоколов сливалось стройное молитвенное пение. И в небе всё сливалось в единую вневременную молитву...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

1

Только первую партию проводили, Козлов в казарму вошёл, несколько фамилий выкрикнул (Ивана тоже):

- ...На выход!

Тревожно, и радостно, и тягостно стало на душе. «Вот и наша очередь пришла. На фронт!»

А во дворе ждал их майор Сухотин:

- Сегодня же отправляетесь в свои колхозы, - коротко и будто бы брезгливо сказал он. Козырнул непонятно кому и скрылся опять в своей «канцелярии».

- Это что же такое? Почему? - недоуменные голоса послышались.

- Указ вышел: тем, кто на уборочной задействован - отсрочка. Так что быстро собираемся... - старшина Козлов поторопил. - За сухим пайком на кухню зайдите, - добавил. Эти последние его слова понравились парням. В первую очередь на кухню и пошли, сухари получили... Федька Самохвалов (тот, с которым Иван в цирк ходил), нагловато ухмыляясь, спросил у повара:

- А тушёнки-то хоть пару банок на всех?..

- А морда не треснет? - доброжелательно ответил румяный повар. - Вон отожрался-то на казённых харчах...

- Ладно, - добродушно махнул здоровяк Федька.

Наскоро попрощались с друзьями-приятелями (Егор, муж сестры, успел письмечко Насте написать, так с Иваном и передал) и отправились семеро семигоров обратно в родные деревни.

Из самого Семигорья был один Иван Попов, ещё двое из других деревень колхоза «Сталинский ударник», четверо из соседнего колхоза.

Им повезло - до Крутиц попутный грузовик подкину.

Не доезжая монастыря, в котором ночевали по пути в город, увидели стоявших на обочине странников: слепца и его немого поводыря.

Когда проезжали мимо, Федька крикнул:

- Как дела, убогие?

Немой даже поклонился машине. И что-то ответил слепой и рукой махнул, будто перекрестил...

И когда уже проехали, видели, как пошли странники - поводырь впереди, а слепой сзади - одна рука на плече немого, во второй посох. Тоющие дорожные сумки на ремнях, перекинутых наискось, белые лапотки... Куда опять идут? Зачем?..

В селе с шофёром, молчаливым угрюмым мужиком, попрощались - дальше пешком двинулись, сорок вёрст предстояло опять пройти.

Вдоль оканавленной дороги - ива да ольха. По леву руку - поля и пастбища. Свежесмётанные стога. А вон там ещё косят, а там метают сено в стог...

Кучи камней, вывезенных с поля. А встречаются и отдельные огромные валуны у самой дороги. Покрыты они зелёным и жёлтым лишайем, похожи на древних животных. Из года в год, век за веком убирают местные крестьяне валуны с полей, складывают их в кучи вдоль дорог, мостят ими те же дороги, используют на фундаменты домов, кладут в печи-каменки бани... И нет конца этим камням, оставленным отступавшим ледником...

А справа от дороги, за неширокой полосой заболоченных лугов (сено там берут только уж в совсем неурожайные на траву годы - осока плохой корм скоту) - озеро, тоже след отступавшего ледника, будто умирающий Змей Горыныч когтем процарапал...

Видно, как над озером собирается чёрная туча, как закипает пеной вода. А в сотне метров, на дороге, по которой парни идут, никаких признаков грозы... Все местные знают, что озеро грозы притягивает.

Так и есть - разрывается молниями чёрная туча, и вода небесная рушится в воду озёрную.

После же грозы клочки тучи разнесутся ветром по берегам, и они истают лёгкими дождиками.

Совсем рядом с дорогой торопливо стогуют. На стогу ловко принимает и утаптывает сено немолодой колхозник в рубашке, на все пуговицы застёгнутой, и в кепке. Женщины и девушки подают...

Федька Самохвалов не выдержал, поддел частушкой:

Уж над озером собралось,
А и сено на валах!
Закрутился колхознички
На жиidenьких ногах!
- Так помогли бы!.. - одна девка крикнула
- Топай давай, сочинитель!.. - мужик со стога гаркнул, но не зло и не отвлекаясь от своего дела.

Помогать там уже нечего было, вершили стог. Да и хотелось уж, раз так вышло, домой поскорее попасть. Двинули парни дальше своей дорогой.

Вскоре над озером отгремело и отсверкало, и по берегу прошуршал быстрый и лёгкий, будто сквозь сито просеянный дождик, осадил дорожную пыль...

В Семигорье пришли ночью. Иван предлагал устроить ребят на ночлег, но все отказались - кому пять, кому десять километров до родного дома оставалось...

А Ванькин дом - вон в своём ряду стоит, не велик, да и не мал. Уже не новый, но ещё крепкий. Дед Николай его ставил, ещё когда при двух руках был, до морской службы.

Идёт Иван к дому - не знает, что и сказать, как объяснить возвращение своё. Даже стыдно ему, и кажется, что из каждого окна на него глядят, хотя окна все тёмные, спит деревня...

Мать сперва обняла, потом испугалась, потом обрадовалась и снова обняла - будто и правда с фронта сын пришёл.

- Письмеца-то даже не написал, - укоризненно сказала.

- Да, мама, чего писать-то было, никуда ещё не отправляли... - оправдывался Ванька, а самому неловко за то, что и правда за две почти недели не написал матери...

Пока он умывался с дороги, мать за дедом Николаем сбегала. Тот, переступив порог, сдержанно спросил:

- Значится, отсрочку дали?

- Да.

- Ну, там, - он указал твёрдым, похожим на сучок пальцем единственной руки вверх, - виднее...

Сели за стол. В печке с вечера чугунок с остатками шеи стоял, а хлеб Катерина день назад пекла. Иван, словно год домашнего не едал, - всё смёл. Все вместе уж и чаю попили.

Утром пошёл в контору колхоза. Над окнами по передней стене дома белыми буквами на кумаче: «Перестроим всю свою работу на новый, военный лад!» И. Сталин».

Вскоре всё Семигорье знало, что Иван Попов вернулся. Женщины без конца расспрашивали - «как там мой», будто бы Ванька действительно с войны пришёл... Но быстро эти расспросы и кончились...

Увидев Валю Костромину (он шёл из конторы домой, она со своей бригадой на сено - ещё дальние сенокосы не трогали), Иван рванулся к ней, сердце его бешено колотилось. Но она так посмотрела на него, так поздоровалась... Будто и не было между ними никаких слов. Но ведь были... Иван уж и не понимал - всерьёз ли слова-то говорились. Может, шутила она...

Сел Иван в тот же день на конную косилку, будто сам впрягся...

Когда закончился сенокос, стал рожь, ячмень убирать.

Работал на своём любимом Орлике, тот бойко лобогрейку таскал. «Лобогреем» с ним совсем парнишку поставили - лет тринадцати, Костю Рогозина. Посмотрел Иван: едва успевает парень жатку освобождать, не то что лоб, рубаха от пота сырья, а виду не показывает...

- Коська, попробуй-ка Орликом править, а я разомнусь хоть...

Поменялись. Орлик почувствовал не хозяйствскую руку, заёрзal. Но привык

постепенно. Так и стал Иван меняться с Костей mestами. А что делать... Вон - и двенадцатилетние работают...

Лобогрейка ездила по полю кругами, постепенно сужая их от краёв к середине. Семеро девушек - бригада, разделив круг на примерно равные участки, каждая на своём месте с охапкой «поясков» из ржаных стеблей - стоит, ждёт (пояски или вечером, или в обед делали). Иван с Костей проезжают, скашивают, девка бежит - сноп вяжет. На следующем отрезке - другая вяжет... Пока парни жеребца поят и кормят - девки снопы в суслоны складывают... Потом уже Костя один поил-кормил Орлика, а Иван ещё и девкам помогал. Тут и Валентина была. Иван работает, а уж как случайно её руки коснётся - в краску так и кидает его.

- Да ты что краснеешь-то? Али жарко? - она ещё подначивает.

- Жарко, - Иван ответил и бросил помочь, пошёл к пруду, где Костя Орлика поил...

Костя повёл жеребца в поле. Иван приотстал. Увидел идущую от села по дороге старую почтальонку: высокая худая фигура в тёмной одежде и пыльных сапогах, чёрная сумка на ремне через плечо, почтальонка прижимает сумку, чтоб не болтась, кажется, будто бережно, чуть ли не с почтением, придерживает её.

Почту привозят в Семигорье раз в неделю, а Серафима уж разносит по сельсовету. (Почему-то все, даже дети, называют её без отчества - «Серафима»).

Она тоже Ивана увидела, махнула ему рукой и с дороги свернула. И он в её сторону пошёл...

- Иван, Вань... Ты Настасье вашей отдай, не могу я...

Так пришла в Семигорскую округу первая похоронка...

И не верилось - ведь меньше месяца назад расстался с Егором Друговым, мужем сестры Насти, в городе на «льнострое».

...Закончилась уборочная. Та же почтальонка Серафима принесла Ивану повестку - явиться в райвоенкомат, в такое-то время... Последние денёчки дотуливал он.

Накануне девки и бабы упросили председателя отпустить их за груздями. Ерунду-то всякую - то, что сразу в похлебку можно, обабки да подосиновики - близ деревни ребята рвали. А за груздём после всех полевых работ на телегах с бочками и солью ездили, на веками известные места...

Подумал Коновалов, прикинул, да и отпустил. Пару телег выделил - на одной Авдей Бугаев (отец посаженного бригадира) за коновода, пожарного мерина Соколика ему выделили - старый одер, да ведь и не на скачки... Иван вызвался второй телегой править. Орлика запряг рано утром, вывел с колхозной конюшни.

На телеги в каждом дворе, из которого собирались в лес, бочонок, с вечера подготовленный, ставили, соль клали. Короба и корзины тоже на телеги... Так и двинулась партия человек в десять.

Стояли благодатные, будто выстекленные - до того воздух прозрачен, а небо сине - дни бабьего лета. Лес желтел берёзками, румянился осинками, только ёлки, как монашки, - в тёмных одеждах. Летучие паутинки просверкивали над лугом...

Ступили в лес.

Было видно, что и жеребец и мерин в хорошем настроении - не донимают их мухи да оводы. И людям хорошо - никаких-то комаров нет.

Примерно через час пути по лесной дороге остановились на лужайке - кругом лес еловый, дремучий, но места-то знакомые - каждый год сюда ездили...

А грибов!.. В две руки бери - все не оберёшь. И только груздя брали, на другие то и не смотрели... Корзину наломал, к телеге вернулся - в свою бочку высыпал, солью пересыпал... А пока потом ехать будут, грибы-то в бочке уже сок дадут, солиться начнут. Когда такой способ засолки в их местах сложился - уж и не помнили. Всегда так было.

Иван с полной корзиной вышел к телеге... А там Валентина, тоже грибы из корзины в бочку ссыпает. И никого больше...

- Вань, да не молчи ты, не бойся меня. Всё я помню...

- Я и не молчу, - глупо Иван сказал. Корзину поставил и сам стоял, опустив руки...

И она взяла его за правую руку и повела с полянки, и пошёл сперва, как телёнок на верёвочке... Потом вдруг встал, взял обеими руками за предплечья её, приподнял и губами в лицо ей сунулся. Она уж сама губы подставила, за шею обвила... Потом отстранилась, в грудь руками ему упёрлась:

- Ну, ты и... Медведко...

- Да я... Ты... Мне повестка пришла, завтра ухожу. Ждать будешь?

- Ой, идёт ровно кто-то... - не успела ответить.

К телегам выходили бабы и девки.

- Гли-ко, сколь гриба-то нынче, хошь косой коси!

- Хватит уж, накосились!

- Ну, тогда граблями греби! - все смеются. Но кто-то оборвал смех, сказал со вздохом:

- А для кого и запасы-ти делаем! Ушли мужички-то наши!..

Обратно шли - вечерело уже. Но разглядели на мягкой дороге след сапога в сторону деревни. Сапоги-то на всех тут. И не заметили бы этот след, если бы он в сторону болота был, а тут к деревне.

- Это кто же? А? Кто тут ходил-то?.. - удивлялись.

След то появлялся, то пропадал. У Ивана сразу мысль мелькнула - не Оська ли поляк? А когда у села (бабы и девки не заметили) следы свернули в сторону, за огороды, к баням, он был уже почти уверен.

В селе развезли бочки по дворам. Орлика с телегой к колхозной конюшне Иван повёл.

Навстречу председатель. Иван и высказал ему свои предположения...

- Ну, что ж, пошли, проверим, - согласился Григорий Петрович Коновалов.

Хотел Иван к Валькиному дому бежать, как-то бы её вызвать, а пришлось с председателем к поляковской избе идти. С краю одного из рядов она стояла, избёнка-то. Неражая - хозяин давно уж умер, мать - старуха, а Оська так хозяином и не стал...

- Пойдём-ка сразу к бане, - Коновалов сказал.

И не ошибся. Там и были они - мать на приступке сидела, а Оська на лавке. Сидел, пирог за обе щеки уплетал.

- Ну, здрасьте! - Коновалов сказал. - Пошли, Оська, в контору, хватит бегать.

- Ты, что ли, выследил, попёнок? - Марья, мать Оськина, на Ивана бросилась.

- Успокойся, Петровна. Иван всё верно сделал, - остановил её председатель.

Оська молча поднялся, шагнул к двери. Мать его взвыла, в ноги Коновалову повалилась.

- Ты это брось. Приходи тоже в контору, поговорим, - жёстко председатель сказал. - Иван, ты тоже давай со мной - свидетелем будешь...

- Да мне бы...

- Знаю, что последний денёк дома, скоро отпущу...

Мать Оськина будто без чувств в бане осталось, а они пошли.

Пришли в контору колхоза (сельсовет - напротив). Это просторный, высокий, но уже чуть осевший на правый передний угол дом, с раскатанным давно на брёвна двором, тоже после раскулачивания освободившийся. Бывший хозяин - Матвей Кулаков (повезло с фамилией!) с семьёй был переселён в какую-то лачугу в дальнюю лесную деревеньку...

Уже темно было, и никто вроде бы их и не видел. Коновалов подумал, да и отправил ещё Ивана за Полуэктом Сергеевичем Ячином, председателем сельсовета... В таком деле свидетель не лишним будет. (Он ещё сам не решил, как быть с Оськой, да и, в конце-то концов, он всего лишь председатель колхоза, а Ячин - «советская власть», как он сам себя называл, а за ним уже все остальные).

Ячин быстро вместе с Иваном явился (жил он неподалёку от сельсовета и колхозной конторы), как Оську увидел, будто бы и обрадовался:

- О! Ты откуда же у нас? Чудо лесное... От советской власти не скроешься!

Иван молчком сидел в углу комнаты-кабинета...

А тут и мать Оськина влетела. И опять в ноги обоим председателям - колхоза и сельсовета - кинулась.

- Не погубите, не погубите!..

Оська сидит на скамейке у печки, которая одним боком в председательский кабинет выходит. Губы кривит, на мать глядя...

- Да что ж мы можем-то?.. Встань, Петровна... Посмотри, паразит, до чего мать довёл, - Коновалов даже замахнулся на Осипа.

А Ячин встал, шагнул к парню и пощёчину отвесил.

Тот только головой мотнул, глаза в пол опустил, зубами скрипнул...

- Не бей! - мать крикнула.

- Прекрати! - Коновалов твёрдо сказал.

Ячин сел, и мать замолчала... Про Ваньку будто забыли все...

- Вот что... Не явился-то ведь он потому, что болел, - сказал вдруг председатель колхоза.

- Подожди-ка, подожди, Григорий Петрович, - поняв, куда колхозный председатель клонит, перебил его Ячин. - Пошли-ка, выйдем.

Коновалов посмотрел на Ячина холодно, хотел, видно, что-то сказать, но смолчал, встал, кивнул. Они вышли из кабинета...

- Ты что делаешь, Григорий? - Ячин на него кинулся. - Ты дезертира выграживаешь...

- Я, Полуэкт, солдата нашей армии возвращаю. И ты - не мешай...

- Ты забыл, что я тут советскую власть устанавливал в восемнадцатом?..

- А я в том же восемнадцатом советскую власть защищал... Если человек оступился - надо ему дать возможность выправиться. Свой же он - с детства у нас перед глазами, ну, непутёвый...

- Ладно. Не хочу и слушать тебя... - И, не сказав больше ничего, Ячин вышел из конторы.

А Коновалов вернулся в кабинет, продолжил, как ни в чем не бывало:

- Болел ты, Осип, теперь выздоровел, и справка о том у тебя есть. Завтра с Иваном, - кивнул на Попова, - с утра пораньше в город поедете. Сперва лошадей сдадите на станции, потом - в военкомат. Напишешь, Осип, заявление в военкомате, что, мол, добровольцем... Понял?

Тот кивнул, а мать его стояла рядом с сыном, обхватив ладошками маленькое морщинистое лицо...

...Неизвестно, что говорил Коновалов местной фельдшерице (врача у них не было), но справку Оське она написала.

2

Иван наконец-то из конторы вырвался, домой побежал.

- Да ты где есть-то, Ваня? - мать вскинулась.

А Ванька опять из избы, к дому Костроминых - лётом. И вышла Валентина к нему (ждала у окна). Что уж она матери сказала - их дело.

Только на рассвете Иван домой пришёл. Вскоре же у своей калитки с родными простился, на Орлике верхом за деревню поехал. У выезда на большак неожиданно председатель Коновалов из-за старого ничейного амбара вышел.

- Здравствуйте, Григорий Петрович, - растерянно Иван сказал, натягивая поводья, придерживая Орлика.

- Здорово, Ваня, здорово... И до свидания... Я вот помню, с отцом твоим уходил на граждансскую... Да... Он вот такой же и был, как ты сейчас, и я... - и оборвал неуместные сейчас воспоминания.

Иван только сейчас понял, что надо бы спешиться, невежливо так-то. Но Коновалов остановил его:

- Всё-всё, давайте, с Богом. И ты, Орлик, прощай, - хлопнул несильно жеребца.

- До свидания, - ещё раз Ванька сказал, отъезжая.

- Оська-поляк у моста ждёт, - вслед ещё председатель сказал.

У моста, в прикрытии придорожных кустов, откуда-то сбоку выехал и Оська на лошади, работавшей до недавнего времени в поле...

Не только людей, но и лошадей прибирала война, наматывала, как снопы на барабан молотилки...

Орлик другом для Ивана стал. Будто он, конь, понимал не только слово, жест, но и мысль своего хозяина... Они и работали заодно, вместе, так будто бы Орлик хотел, как и Иван, быть хорошим работником. Выпахивали на подъёме зяби до гектара пятнадцати соток за день... А в реку вместе войти, плыть, держась за гриву, сливаясь в единое будто существо, общими мышцами раздвигая воду, а потом, когда из воды выйдут - рассекая воздух, хватая всей грудью ветер, лететь...

И вот надо было расставаться с Орликом...

С Оськой-поляком почти не разговаривали по дороге. В тот же день к вечеру были в городе. Лошадей принимали на площадке перед товарной станцией. Вся эта площадь была запружена лошадьми. Перед станцией уже военные принимали документы - отмечали откуда, заводили лошадей по сходням в вагоны...

Оська сразу свою кобылу передал Ивану, ждал в сторонке. Иван сперва растерялся в этой толкотне людей и животных.

- Вон к тому капитану иди, - сказал кто-то, увидев растерянность парня...

Капитан взял у Ивана бумагу, просмотрел, кивнул, что-то отметил в своей тетрадке...

Лошади по сходням не идут, их тащат, бьют. Лошади ржут, люди орут...

Иван кобылу кому-то отдал, а Орлика сам повёл. Конь доверчиво шёл за ним даже в этом бедламе, по шатким сходням...

В вагоне же какой-то краснорожий старшина выхватил уздечку из рук Ивана. Орлик голову вскинул, заржал... А старшина ловко-привычно - кулаком ему в живот, ногой... У Ивана в глазах потемнело, и он уже думал что бьёт этого старшину, уже летел кулак в красную рожу... Откуда-то Осип взялся, обхватил, прижал руки к туловищу...

- Уведи его! - рявкнул старшина. - Следующий!.. - орал кому-то, уже не глядя на Ивана и толкавшего его на сходни длинного Осипа...

Пришли они в военкомат. И тут в коридоре, где и ещё несколько призывников время до утра коротали, Ивана знакомый голос окликнул:

- Ванька, Попов! Давай сюда! - Иван увидел Федьку Самохвалова. Разместился в уголке.

- Вы из дома, так харчишками-то поделитесь, - попросту просил Федька Ивана и Осипа.

- Сам-то давно ли из дома... - недовольно Осип буркнул, но пироги-подорожники, как и Иван на газетку развернутую выложил...

- А вторые сутки здесь, - весело Федька отвечает. - Говорят, завтра. Может, вместе попадём. А где гармошка-то, Вань?

- Да... - отмахнулся Иван. - Оставил...

- Жаль.

Гармошку Иван напарнику по уборочной, Косте Рогозину, отдал. «Учись, Коська, девок весели», - сказал.

- Жаль, не взял гармошку-то, - повторил Федька. - Мы бы щас дали!.. «Будем бить фашистов стаю мы и в хвост и в грибу!» - вспомнил песенку цирковых куплетистов.

- Потише там! - прикрикнул на призывников дежурный по военкомату, дремавший за столом у входной двери.

Устраивались спать кто на скамьях, кто на полу...

- Подъём! - утром команда подняла.

Заняли очередь к военкому...

Когда Осип от военкома выходил, к нему вдруг подскочил какой-то чернявый юркий человек:

- Вы доброволец? Можно вас на минутку. Для газеты... - оттащил куда-то в сторону, что-то спрашивал...

...Вскоре уже увозил Ивана и Фёдора (в одну команду попали) эшелон. Оська с другой группой на другой поезд ушёл.

...Приблизилась и к ним вплотную война, никаких отсрочек больше не давала...

В эшелоне - снова зазвучала песня из фильма, который смотрели ещё в июне по пути в город, в стенах монастыря... Но слова уже были другие:

*На границе западной за страну советскую
С людоедом Гитлером грянул бой большой.
И из шахты угольной, через степь донецкую,
Вышел в бой за Родину парень молодой.*

*Как-то ночью темною немцы парня встретили,
На бойца-разведчика налетели псы.
И свинцовой пулею наш боец ответил им.
Так вступил в неравный бой парень молодой.*

*От зари до полночи была битва жаркая,
Кровь лилась горячая на курган крутой.
Пусть в степи над трупами черный ворон каркает,
Будет немцам памятен парень молодой.*

*Их двенадцать срезал он пулей молодецкою,
А с тремя последними штык покончил бой...
Так за степь донецкую, за страну советскую
Кровь пролил горячую парень молодой.*

Не знали Иван Попов и Фёдор Самохвалов, не знали все новобранцы в этом эшелоне, что в ночь накануне решилась их судьба - отправили их на север, под Архангельск, в запасной пехотный полк для подготовки... А сначала-то планировалось - под Москву...

А Осип Поляков вскоре, тоже в учебной части, только в Саратовской области, читал заметку в газете, которую вложила в письмо его мать (председатель Коновалов ей газету подал и велел сыну отправить).

«Доброволец».

Заявление с просьбой отправить его на фронт подал в районный военкомат комсомолец из колхоза «Сталинский ударник» Семигорского сельсовета Осип Поляков. Товарищ Поляков сказал: «У меня нет слов, чтобы выразить свой гнев и свою ненависть к людоеду Гитлеру и его банде кровожадных убийц. Вот почему я обратился к военкому с просьбой направить меня на фронт в качестве добровольца. Даю клятву, что не щадя своих сил, до последней капли крови буду защищать нашу страну. Оружие, которое мне вручит Родина, я использую для того, чтобы уничтожить врага».

Ни тени печали и уныния. Сознание долга, мужество, решимость на лице тов. Полякова». И смазанное фото растерянного человека, похожего на Осипа. И подпись: «И. Корин».

3

Спустя несколько дней после отъезда Ивана и Оськи-поляка по набухшей от дождей дороге от Крутиц к Семигорью едет телега, влекомая неторопливым мерином.

В телеге сидят двое - местный милиционер, единственный представитель «органов» на всю округу, Куделин. Он часто спрыгивает с телеги, шагает рядом - невысокий, кривоногий, в старой, ставшей уже почему-то коричневой шинелке, в туго натянутой на бугристую голову фуражке. Куделин такой же старый, неторопливый и знающий своё дело, как и его мерин.

Второй - плотно, не слезая, сидящий в телеге - следователь районного управления НКВД Яковлев, тот самый, что когда-то арестовал Степана Бугаева. Поверх шинели он накрыт брезентовым плащом, сапоги блестят чистотой.

Моросит дождик. Природа вокруг унылая, дорога тяжёлая...

- Что это за Осип Поляков? - спрашивает Яковлев Куделина.
- Ну... Пожарный наш... Тихий парень...
- Он что, правда болел во время работы призывной комиссии? - уже раздражённо (ему не понравился нечёткий ответ милиционера) спрашивает Яковлев.

- Я не врач, - спокойно, заметив, но не обратив внимания на раздражение следователя, ответил Куделин, присаживаясь на передок.

Телега выехала на мощёный бульжником участок дороги, заподпрыгивала, но поехала легче. Впрочем, мерин не пошёл от этого быстрее, а хозяин его не подгонял.

- Ну, а председатель колхоза? - не отстаёт Яковлев.
- Что председатель?.. Председатель толковый, колхоз передовой по всем статьям...

Две фигуры двигались впереди них по краю дороги: первым - низенький, коренастый, за ним, положив руку на плечо проводника, высокий слепец. Оба с заплечными мешками, дорожными посохами.

Вскоре телега нагнала их. Путники остановились, повернувшись к дороге, поклонились даже...

- Кто такие? - Яковлев спросил.
- Люди, как и ты, мил человек, - слепец ответил, а его поводырь привычно пояснил руками, что не слышит и не говорит.
- Документы! - потребовал следователь.
- Да какие у нас документы... - старик говорить начал.
- Странники они, блаженные, - перебивая слепого, сказал Куделин.
- Больные, что ли? - Яковлев пальцем у виска покрутил.
- Ох, не накликай бы ты беды, - сказал вдруг слепой, глядя мутными незря-

чими глазами прямо на Яковлева, хлопнул по плечу своего проводника, и они, опять поклонившись, снова двинулись вдоль дороги.

Милиционер тронул вожжи, и мерин будто нехотя шагнул, дёрнул телегу... И в тот же миг переднее колесо её провалилось в вымоину - здесь заканчивалась булыжная мостовая...

Куделин спрыгнул, глянул вниз и присвистнул.

- Ну, чего там?! Ты хоть смотришь?.. - Яковлев выматерился, слезая тоже в дорожную грязь.

Пришлось вырубать в придорожных кустах длинные шесты, вываживать телегу.

Оба промокли. Яковлев посмотрел на свои сапоги и опять выругался.

- Для сугреву, товарищ следователь, - милиционер добродушно протянул, выудив откуда-то со дна телеги, из-под сена, бутылку Яковлеву. Ещё и сухарик не промокший нашёлся.

- Ну, давай, а то простыну ещё тут...

- Приедем, баньку можно организовать, - принимая от следователя бутылку и тоже прикладываясь, Куделин сказал.

- Работать надо, а не по банькам!.. Развёл тут - «блаженные», «больные»...

В Семигорье уже к ночи приехали.

Яковлев и в прошлый раз, в сороковом году (когда приезжал с пожаром разбираться) у председателя сельсовета Ячина останавливался, и сейчас Куделин его сразу к большому ячинскому дому подвёз, ворота стукнул...

Сам Куделин ни в какую у Ячина ночевать не остался, попросился в сельсовет «на диван».

А следователь был заботливо принят у Ячина принят...

- Знатьё бы, дак баньку-то бы сегодня сделали, - самолично сливая из рукомойника, говорил председатель сельсовета. - Ну, да уж с утречка. А сейчас поужинаем...

Яковлев молча смеялся яишину, наскоро приготовленную женой Ячина. Потом, когда на столе бутылка и стаканы появились, на закусь - картошка, капуста, грибы... Когда жена ушла из избы куда-то, и Ячин сел тоже за стол, приговаривая: «Рыбки-то, рыбки, грибочки попробуйте...», тогда уж следователь сказал:

- Не суетись. Выпей.

Ячин выпил и торопливо закусил.

- А теперь, чтобы только никто особо так не видел - приведи мне этого ветеринара...

Ячин понятливо кивнул и сказал:

- Его нет сегодня, в «Смычке», - назвал дальний колхоз, - молочное стадо там осматривает. Ну, и лошадей, наверное... К завтрему обещался...

- А!.. - Яковлев махнул. - Ну, давай, - сдвинули стаканы, выпили. - Ты мне сразу его, как появится. Потом эту, фельдшерицу. Понял?.. Душу вытрясу! - сжал сухой кулак... - Ну, давай... И мать этого тоже... Ну, давай... Жаль, что не успели этого поляка вашего прихватить... Давай...

Яковлев быстро и тяжело пьянел. Ячин испуганно молчал, только кивал всё время.

Куделин, взяв ключ, пошёл (мерина распягли и оставили на ячинском дворе) ночевать в сельсовет. Но по пути не мог же не зайти к своему приятелю - председателю колхоза Коновалову.

Они курили в сумерках, сидя под козырьком крыши коноваловской избы (отсюда виден был свет в доме Ячиных), говорили негромко:

- Нет, вряд ли сам Ячин накатал бумагу, - раздумчиво Коновалов сказал. -

Да какая разница... Тот самый, говоришь, что Степана арестовал?.. - Куделин кивнул. - Степана-то ведь выпустили, на фронте он, отец его говорил, письмо получил, даже говорят, к сестре в городе забегал по пути на фронт... - поделился новостью, о бывшем бригадире Коновалов. Куделин молча вздохнул, затянулся, встал...

- Пойду.

- Может, у меня всё-таки?..

- Нет, пойду, - настоял милиционер и под непрекращающимся дождиком пошёл ночевать в сельсовет. Председатель колхоза не удерживал его. Он думал, предупреждённый своим приятелем, думал. И не знал, что придумать. Ну, предупредит сейчас фельдшерицу, мать Оськи... Но ведь то, что не было Полякова в селе три месяца с самого начала войны - все знали, и кто-нибудь, да проговорится... «Кто же написал-то? Ячин, что ли?.. Я ж сам его и велел позвать!..» - досадливо сморщился Коновалов и хлопнул себя по колену. «Ну, а что было делать-то?.. Да нет, не Полуэт это... Не настолько уж он...»

...Письмо в «органы» написал ответственный по Семигорскому сельсовету за поставку в армию лошадей, а также и главный ветеринарный врач теперь уже не только в колхозе «Сталинский ударник», но и всех колхозов и совхозов на территории сельсовета - Глотов.

Осведомителем он ещё до войны стал, во время поездок в город на совещания обязательно в районное управление НКВД захаживал с отчетом...

Как ни старался Коновалов Оську-поляка втихаря в армию спровадить, а - мать Оськи знала, Иван Попов тоже своим проговорился - кто-то видел... В общем, уже на следующий день всему селу было известно, что Оська нашёлся и в армию вместе с Иваном Поповым ушёл.

Сейчас ветеринар Глотов спал в кабинете колхоза «Смычка», в деревне Старая Горка, досадливо ворочался с боку на бок на деревянном диване. Думалось-то, что переспит мягко в постели начальницы здешней фермы Веры Ивановны, так уж улыбалась она ему днём, так уж угодить старалась, когда он ферму и стадо осматривал... А вечером пришёл к ней, а она и дверь не открыла. Поскрёбся, попотпался на крыльце - да и ушёл опять в кабинет, не будешь же шуметь... «Ну, я ей ещё устрою проверку!.. Проверю так, что надолго запомни!».

Утром верхом на выбракованном для армии, но вполне годном для его разъездов коне ехал в Семигорье, дождь всё накрапывал, и старый брезентовый плащ уже промок, и очки запотели... Глотов, удерживая узелочку левой рукой, правой снял очки, попытался протереть стёкла об одежду... Конь что-то дёрнулся: «Пру-у!.. А! Чёрт!..» Он спрыгнул, стал искать очки в грязной жиже размытой дождём дороги. Сам же и наступил на них...

В Семигорье почти слепым приехал. А его уж у крыльца посыльный от Ячина, непутёвый Васька-косой, ждёт...

...- Ты, значит, тут за всех, да?.. - непонятно и зло спрашивал у трясущегося от страха полуслепого Глотова следователь. - Ты тут себя богом возомнил, да?! Написал бумажку - и нет человека!? Пей! - налил в стакан Глотову.

- Я не пью...

- А-а, ты не пьёшь... Ты пишешь... Пиши!.. Ячин, бумагу сюда и чернила...

Следователь Яковлев не смог утром остановиться на опохмелке, выпил лишка и уже опять был абсолютно пьян.

- Пиши!

- Я не вижу ничего... - дрожащим голосом ветеринар оправдывался.

- Что?! Расстреляю! - Яковлев вдруг и правда выхватил из кобуры пистолет (портупея с кобурой висели на спинке стула), и сразу же грохнул выстрел.

Всех как вымело из дома - Глотова, Ячина, его жену и взрослую незамужнюю дочь...

- Стоять! Расстреляю! - опять выстрелы раздались.

Куделин как раз шёл от сельсовета к дому Ячиных, когда стрельба началась. У него револьвер старенький тоже имелся, но всего два патрона в барабане (да и осечки часто давал этот револьвер). Он увидел, как выскочили со двора и бегут вдоль забора люди. Босой, в галифе и белой рубахе, выскочил на крыльце, вчера лишь такой аккуратный, следователь, в воздух пальнул...

Выглядывали боязливо из окон, из-за калиток...

Куделин сразу побежал к нему и успел вцепиться в правую руку обеими своими, когда Яковлев со двора на улицу вываливался...

- Что? Назад!.. - Ещё в воздух выстрелил. Но тут уже подбежал обратно и Ячин, обхватил за туловище, и председатель Коновалов уже был тут, кисть перехватил и выкрутил из руки наган.

Подбежал старший Бугаев, подросток Костя Рогозин тут же сунулся, бабы и девки столпились, бочкообразная жена Ячина принесла какие-то старые вожжи. Стали вязать разбушевавшегося энкаведешника...

- Допился!

- А ещё в форме!

- Наши мужики на фронте, а этот жрёт до умопомрачения!

- Спокойно, товарищи, не толпимся, расходимся, - уже привычно командовал Полуэкт Сергеевич Ячин...

В тот же день позвонили в район. На ночь заперли следователя в чулане сельсовета, а следующим утром, на той же телеге, связанного Яковлева везли из Семигорья обратно. В сопровождающие милиционеру Куделину дали ещё и старика Бугаева с охотниччьим ружьём.

- Да развязжите вы меня, черти! - ругался протрезвевший Яковлев.

- Молчи да лежи смирно, - коротко отвечал Куделин и не торопил мерина.

Не доехая Крутиц, встретили на дороге странников. Те опять с поклоном посторонились, а когда Яковлев на них зло глянул - немой вроде бы усмехнулся в бороду, а слепец (как узнал?) - укоризненно покачал головой...

...Ходили слухи, что Яковлев был разжалован, осужден и отправлен на фронт в штрафную роту.

От Оиспа Полякова приходили с фронта бравые письма с приветами и поклонами односельчанам.

Ветеринар Глотов - притих, жил с оглядкой. Все в округе знали, что донос написал он.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Бывший бригадир колхоза «Сталинский ударник» Степан Бугаев отбывал наказание в одном из лагерей Калининской области. На торфозаготовке работал. Как толкового мужика, его отправили на краткосрочные шоферские курсы. Так что, отбыв год своего наказания, стал он водителем грузовичка - с карьера на станцию торф возил...

Он соответствовал внешне своей фамилии - голова большая, бугристая, нос толстый, рот плотно сжат всегда, до желваков на скулах; ростом не велик, но и

не мал, плечи буграми из-под любой одёжи - по всему сразу видно, что мужик крепкий и суровый...

Примерно через месяц после начала войны, когда всем уже было ясно, что никакого быстрого разгрома врага не предвидится (а даже вовсе наоборот), заключенным было предложено «кровью искупить вину перед Родиной», то есть на фронт пойти. Не видел Степан, кто ещё, а он шагнул и вскоре ехал в эшелоне.

Думали, что сразу на фронт их и бросят. Нет. Совсем в другую сторону везли.

Где-то за Москвой, в шумном от прибывающих составов с войсками городке, их «переформировали». И больше Степан никогда не встречал никого из солдатников.

И опять эшелон.

По названию станций понимал, что едут в сторону дома...

Ну, дом не дом, а город, в котором бывал не раз; сестра там у него, Мария, замужем за железнодорожником. Возле вокзала и живут-то...

Прибыли на станцию ранним прозрачным утром. Командир взвода первым из вагона выпрыгнул. Ещё некоторые вышли ноги размять, большинство продолжали спать...

- Гражданин начальник... Товарищ лейтенант, - обратился Бугаев к командиру взвода... - Сестра у меня тут... Вот - и дом-то видно...

Лейтенант тоскливо как-то поглядел на него... Посмотрел вперёд, на головной вагон состава, где был штаб, на дом, который было видно за стоявшим перед ними другим составом... Степан уж думал, что не разрешит...

- Десять минут тебе... Через двенадцать минут не будешь тут - станешь дезертиром. - И отвернулся, будто бы равнодушно.

Степан не стал больше ничего говорить, отошёл назад вдоль состава, чтобы не видели ребята из его вагона, и нырнул под соседний состав...

Вот и дом их - барак многоквартирный, двухэтажный, деревянный, крашеный охристой краской.

Степан шёл вдоль длинного, пахнущего кухней и уборной коридора и думал, как бы дверь-то узнать. А сестра Маша сама и вышла... Сперва испугалась в по-тёмках. Потом руками всплеснула, в комнатёнку потащила...

- Леонид на станции, теперь сутками там дежурят. Бронь у него... - рассказывала. - А ты-то?.. Выпустили? Куда теперь?

Обсказал быстро свои дела и поднялся:

- Старики-то будешь писать или вдруг кто наши деревенские тут будут - пусть передадут - жив-здоров я. Из лагеря вышел. На фронте, как все...

- Так сам-то напиши им, Стёпа...

- Напишу. Но и ты передай, Маша.

Мария кивала согласно. Что-то хотела съестное брату в руки сунуть...

- Ну что ты, нас же кормят...

Племянников двоих, что спали за занавесочкой, даже и не увидел... Побежал к эшелону.

- Успел, - кивнув, сказал лейтенант, откинул пустую гильзу выкуренной папиросы, поправил портупею, фуражку и пошёл к штабному вагону.

...Полк сразу же в наступление кинули. Они, солдаты, не очень-то и понимали, где они находятся - знали только, что в Карелии, и что против них - финны... Что за оборону прорывали, куда - не знали, но прорвали. И оказались вскоре в окружении.

Неделю в болоте, в грязи, в холода, под миномётным обстрелом были... На твёрдый берег, к лесу, рыпнутся - из автоматов и пулемётов их финны встречают. Плотно обложили. Когда всё-таки вырвались (в помощь окружённым снаружи вражеского кольца ударили, как говорили - партизаны, а точнее - наш диверси-

онный отряд), от полка человек сто оставалось, от роты - с десяток, из штрафников - вроде бы двое. Но вину свою кровью Степан искупил (и этим был доволен) - ранение было не серьёзное - по левому крутому плечу осколок чиркнул. Хуже было с ногами - распухли в болотной жиже. Сапоги спарывать с ног пришлось...

Но через две недели был Степан здоров. После переформирования попал в новый полк, в автомобильную роту. Пригодилась лагерная шоферская наука...

2

Волховский фронт, 8-я армия...

Лейтенант Дойников прибыл в расположение полка, в сгоревшую наполовину деревеньку. И если стоять посреди улицы и не видеть ещё при этом дорогу с вытоптаным до мёрзлой земли снегом, с клочками сена, красную от крови и жёлтую от мочи... если не видеть всё это, а глянуть налево - следы страшного пожара, головни и чёрные оставы печей; глянуть направо - благополучная деревня с крепкими избами и дворами, будто и нет здесь войны.

В одном из домов, самом большом и крепком, - штаб полка.

- Товарищ полковник, лейтенант Дойников явился в ваше распоряжение! - браво доложил, когда адъютант разрешил пройти из прихожей в комнату.

Полковник, с выбритой наголо головой и аккуратной щёткой усов, кивнул и снова над картой склонился. Ещё несколько офицеров взглянули на новичка и тоже склонились к карте.

Обсуждали, видимо, расположение подразделений после недавнего боя.

Только один, старший лейтенант, внимательно посмотрел на Дойникова, улыбнулся вдруг и кивнул, но, конечно, ничего не сказал.

Дойников сразу узнал Ершова и тоже обрадовался старому, пусть и недолгому знакомцу; и дом родной вспомнился, хоть Ершов и не земляк даже...

А когда командир полка выпрямился и сказал: «По местам, товарищи офицеры», - старший лейтенант Ершов подошёл к Дойникову, руку протянул:

- Здорово...

- Вы, я гляжу, знакомы? - полковник сказал. - Вот и давай, лейтенант, к Ершову в роту, у него там командира взвода убило... Ты как, Ершов, берёшь?

- Так точно, товарищ полковник!

- Свободны...

У крыльца их поджидали сани, бравый солдатик, с автоматом через плечо, с выпущенным из-под лиху заломленной шапки вихром, подскочил, сдвинулся в передок, давая место командирам.

Дмитрий Дойников не сразу в сани сел. Как увидел лошадь, почуял дух её - совсем захлестнуло душу тёплым воспоминанием о доме, о купании колхозных лошадей, о поездках на праздниках в санях... Обошёл спереди лошадку, упряжь тронул...

- Всё там на месте, товарищ лейтенант, - добродушно улыбнувшись, показав при этом два ряда крепких зубов, сказал солдат, сразу почувствовав в лейтенанте своего, деревенского.

Дойников согласно кивнул и тоже улыбнулся.

Когда лейтенанты уселись, солдат тронул вожжи, и лошадка споро повлекла санки за деревню, через поле, к лесочку.

- Видишь, у меня бойцы какие бравые, отборные ребята - рота автоматчиков! - с гордостью Ершов сказал. И тут же спросил негромко, чтобы солдат не слышал: - Ты с автоматом-то как?..

- Ну, держал раз в руках, - Дойников ответил.

- Ничего, быстро освоишь. - Ершов сказал. И добавил с улыбкой: - Вот же, великий мир, война большая - а довелось встретиться. Да ещё ты вон и лейтенант

уже, быстро вас теперь готовят... - тут уже некоторые и обида и пренебрежение почувствовались в голосе.

- Ну, нас не спрашивают - дело военное, ты вон тоже уже «старший», - добродушно Митька ответил. И добавил: - А мир, хоть и велик, а тесен. - И напрямую спросил: - Ты Верке-то пишешь?

- Пишу, - просто Ершов ответил. - И она пишет.

- Ну, это хорошо, - кивнул Дойников.

- Чего-то ты всё нукаешь, лейтенант? - шутливо-строго Олег Ершов спросил.

- Ты это бросай, если в учебке вас не отучили. Тут, брат, не колхоз, тут армия...

- Ну, пошевеливайся! - прикрикнул в этот момент боец, шевельнув вожжи. А лейтенанты засмеялись.

Вскоре приехали в расположение роты: солдаты рыли окопы и землянки, отогревая землю кострами.

- Ты иди к старшине, валенки получи, - сказал Ершов, поглядев на сапоги Дойникова. - Полушубок у него тоже найдётся. Потом сюда вернёшься, буду со зводом знакомить. - И окликнул ближайшего бойца, того самого, что вёз их, курившего на краю свежевырытой траншеи. - Иванов, проводи товарища лейтенанта к старшине.

- Есть! - ответил румяный Иванов, окурок не выбросил - аккуратно твёрдым пальцем затушил, за отворот шапки сунул. - Пойдёмте, товарищ лейтенант, - кивнул Дойникову.

Они шли вдоль оврага, прикрыты кустами, туда, где тоже рыли землянки и траншеи, другой звод, видно, там работал...

Тут шипение, свист: «Ложись!» - Иванов Дойникову крикнул, а Дойников Иванову, и оба упали, в землю вжались. Мина хлопнулась в нескольких метрах от них... И ещё, и ещё, а из оврага вдруг показались серо-зелёные фигуры.

- Немцы! - солдат, не поднимаясь, перетянул автомат из-за спины и, когда первая фигура видна стала в полный рост, выстрелил...

- Без оружия... - Дойников досадливо сказал.

- Чево? - Иванов, не поворачивая головы, спросил.

- Оружия нет у меня!

Иванов уже не отвечал, стрелял снова. И по ним стреляли. Но уже с двух сторон, оттуда, где рыли траншеи, к ним бежала подмога.

Немцы, увидев это, стали, отстреливаясь, отходить в овраг.

Дмитрий Дойников не выдержал, рванулся вперёд, с перекатом к убитому немцу приблизился, кое-как вытащил из-под него автомат (неожиданно это оказался не немецкий «шмайссер», а советский ППД) и тоже открыл огонь.

Немецкая разведка боем была отбита.

Лейтенант Дмитрий Дойников получил под команду звод (вместо убитого командира звода) двадцать бравых автоматчиков... С людьми он и вообще-то легко сходился, а тут, в первый же день показав себя смелым воякой, сразу в коллектив влился.

...В тот же вечер, сначала офицеры, а потом и бойцы узнали о том, что под Москвой началось контрнаступление. Что немцы остановлены и отброшены от столицы. А вскоре в роту пришла дивизионная газета «Знамя Родины». Политрук читал в землянке свободному от наряда зводу:

«Славная победа в боях за Москву.

В тот момент, когда глупый и наглый враг уже тешил себя мыслью о близости московских окраин, ковался грозный советский меч, в нужный момент ударивший по врагу.

Еще 6 ноября товарищ Сталин говорил: «Оборона Ленинграда и Москвы, где наши дивизии истребили десятка три дивизий немцев, показывает, что в огне

Отечественной войны куются и уже выковались новые советские бойцы и командиры, летчики, артиллеристы, минометчики, танкисты, пехотинцы, моряки, которые завтра превратятся в грозу для немецких армий».

Так говорил товарищ Сталин чуть больше месяца назад. И вот это «завтра» настало. Гроза над фашистскими войсками грянула под Москвой, под Ростовом, под Тихвином, где сорвана попытка немцев и их финских прихвостней замкнуть второе кольцо блокады вокруг города Ленина.

Родина гордится своими сынами - бойцами Красной Армии. Смерть немецким оккупантам!»

Подпись под этой статьёй: «Из передовой «Правды».

Фронт на их участке стабилизировался. Первая попытка прорыва блокады Ленинграда не удалась. Началась окопная война, - с перестрелками и вылазками разведчиков с той и с другой стороны.

С момента прихода Дойникова в роту миновало недели две... Он отыхал в своей землянке, на лежанке, вырытой сбоку в стене, застланной еловым лапником и старой шинелью (дырка с левой стороны свидетельствовала о том, как стала эта шинель «ничейной»), накрывшись своей шинелью... Не спал, а думал (мечтал) о том, как, прорвав блокаду, они войдут в Ленинград и там он найдёт отца. Знал, слышал где-то, что есть в городах такие «справочные», где по имени могут назвать адрес человека. И вот он найдёт отца, и они... Дальше он не мог представить, что бы они сделали, что бы он сказал отцу...

Дмитрий посмотрел на часы, поднялся, стараясь не шуметь и не разбудить своего заместителя, спавшего у противоположной стены, надел шинель, портупею и пошёл проверять посты на участке своего взвода.

Мороз покусывает щёки, за окопом белое, в чёрной осибе воронок поле, голые чёрные кусты, овраг, за которым уже немцы. Небо усыпано колкими звездами... И тут дыхание перехватило, и руки сначала прижали, потом крутить за спину начали, потянули наверх... Всё-таки успел Дойников вскрикнуть... И с двух сторон, от блиндажа, где отыхала свободная смена караула и от ближайшего поста - ударили автоматные очереди. И, вскрикнув, немец отпустил Дмитрия. Ещё одного Митька сам оттолкнул и упал, в тот же миг над ним автоматная очередь прошла. И кто-то, уже не живой, упал на него, ещё один, чуть в стороне, что-то прохрипел и затих, стал похож на сугроб в белом своём маскахалате.

- Ребята, я здесь, это я, - крикнул Дойников, сталкивая с себя мёртвое тело.

Потом уже, во взводном блиндаже, куда и командир роты Ершов пришёл, обсуждали случившееся.

- Ведь как отвело от вас, товарищ лейтенант, - говорил рядовой Иванов, стоявший на ближнем к месту нападения посту и первым открывший огонь. - Ведь фрицев - троих наповал, а на вас ни царапины...

- Да, Дойников, в рубашке родился, - Ершов сказал.

- А ведь они знают, где наши посты, специально на переходе ждали, когда офицер пойдет, - Дойников вывод сделал. И досадливо добавил: - И, главное, ловко как у них получилось-то. Я и рукой шевельнуть не успел, а я драться-то умею.

Ершов кивнул, вспомнив между прочим, как ещё по пути в военкомат, на почёвке в каком-то монастыре, Митька одним тычком здорового парня успокоил. Всё это - село Семигорье, дорога вдоль озера, новобранцы, идущие толпой, летняя ночь и древние монастырские стены - в один миг вспомнилось ему, и показалось, что всё это было когда-то бесконечно давно, а и прошло-то несколько месяцев. Сказал:

- А посему - приказываю: на проверку постов по одному неходить - один впереди, второй метрах в пятнадцати сзади. - И уже только к Дойникову обращаясь:

- Пойдём-ка, товарищ лейтенант, ко мне в землянку - сюрприз для тебя есть.

Когда лейтенанты уходили (уже светало), Иванов ещё Дойникову сказал:

- Это, товарищ лейтенант, кто-то крепко молится о вас.
 Дмитрий кивнул, подумал: «Мать!» И уже торопливо спрашивал у Ершова:
 - Какой ещё сюрприз, Олег? - Тот молчал. - Ну, Олег, ну...
 - Опять занукал... Да вон он, сюрприз твой! - недовольно сказал вдруг Ершов, кивнув вперёд.

Им навстречу двигалась по траншею несуразная фигура. В сбившейся набок шапке с распущенными ушами, в длинной шинели, в испачканных глиной сапогах... За ним автоматчик шёл.

- Ну, куда вы, товарищ корреспондент? Я же говорил вам - ждать в землянке... Знакомьтесь: лейтенант Дойников, родом из Семигорья, лейтенант Корин - корреспондент дивизионной газеты, а в недавнем прошлом - районной газеты «Колхозное знамя»!

Дойников всё ещё не понимал, в чём сюрприз...

- Да про сосок Вероники-то помнишь?! - хлопнул его по плечу Ершов. Помнишь, показывал я тебе статью-то?..

- Ты! - ткнул пальцем в корреспондента Дойников. - Ты, Корин? Ты в нашей газете писал? Ты - про Веронику?..

Корин всё кивал растерянно... А Митька Дойников вспомнил ещё, как в соседнем колхозе, том самом, где рекордистка Вероника и её хозяйка (которая потом на люди долго показаться стыдилась) трудились, в клубе читали эту газету парни и девчата - ругались, смеялись, обещали при случае корреспонденту навалить... Доярку-то Верой звали (а после той статьи стали и Вероникой дразнить).

- Ну, брат, попадись ты мне не здесь... - строго Дойников говорит, а у самого губы до ушей растягиваются, и ладонь на плечо Корину опустил, так что того на один бок и перекосило...

Разговор в землянке у Ершова продолжили, ещё политрук Емельяненко присоединился. Весь день Корин в расположении специальной роты автоматчиков пробыл, и с солдатами поговорил, и с офицерами, и с коммунистами, и с комсомольцами, и с беспартийными...

- Смотри, мы теперь за твоим творчеством следить будем, - напутствовал Корина Ершов.

- Иметь своего читателя - это очень важно! - серьёзно ответил корреспондент, садясь в прибывшую за ним редакционную машину...

Через неделю получили дивизионную газету: на самой первой странице, рядом с большой статьёй, перепечатанной из «Правды», - статья про автоматчиков и фотография со знакомыми лицами.

«Выращиваем советских автоматчиков.

В ожесточенных боях против немецких поработителей наша доблестная Красная Армия приобрела огромный боевой опыт эффективного использования отечественного оружия. Наглым табунам вражеских автоматчиков мы противопоставляем несокрушимую стойкость, упорство и отвагу. Тактике немецкой гитлеровской армии мы противопоставляем свою - русскую, сталинскую тактику.

Во многих местах сейчас основной маневренной и ударной силой врага являются автоматчики. Им мы противопоставим своих советских автоматчиков, вооруженных чудесными автоматами ППД и ППШ.

Всесиестребительный огонь наших автоматчиков должен господствовать на полях битв. Родина снабдила своих воинов быстродействующим оружием для того, чтобы как можно быстрее уложить на русскую землю проклятых фашистов. Как это сделали недавно лейтенант Дойников и рядовой Иванов, отбив атаку немецких автоматчиков и уложив на поле боя три десятка фашистов.

Товарищи автоматчики! Народ ждет от вас подвигов во имя Родины! Беспрощально бейте врагов из своих автоматов, истребляйте бандитскую свору!

Вперед и только вперед! Смерть немецким оккупантам!»

И знакомая подпись: «И. Корин».

А на фото Дмитрий Дойников и Алексей Иванов - хорошо вышли.

Ершов, когда эту статейку прочитал - только затылок почесал, однако же листок вырвал, в карман планшетки, туда, где всё еще и заметка про рекордистку Веронику хранилась, сунул.

А Дойникова при встрече по плечу хлопнул:

- Силён, брат! Без году неделя в роте, а уже пресса о тебе пишет...

- Чего пишет? - не понял Дмитрий Дойников.

- В газете пишут.

- А, ну, дак чего, ну... Две недели-то! - вскинулся и широко улыбнулся лейтенант Дойников.

* * *

Старший лейтенант Олег Ершов писал Вере Сапруновой: «Дорогая Вера, как и обещал - пишу.

Я уже еду на фронт, бить фашистских гадов. Назначен командиром взвода. А как твои дела, Вера?

Я вспоминаю те наши минуты, мало их у нас было, но всё ещё впереди. Только ты жди, и я приду к тебе. Всё время о тебе думаю.

Олег».

Вера отвечала ему... Она знала, что все знают об их отношениях - и не скрывала их. Пусть думают, что хотят...

«Дорогой мой, бесценный друг! Где ты сейчас и что с тобой - жив ли, здоров? Я надеюсь, и, как и говорила - буду надеяться и ждать тебя долго, долго, пока ты не приедешь. Не может быть, чтобы мы расстались уже навсегда. Я не плачу по тебе и не тоскую - я жду и дождусь.

И ты - желай жить, не забывай в бою, что нужно быть осторожным и смелым. Ранен будешь - выживай обязательно, если страстно хотеть жить, то от ран не умрешь.

За меня не переживай.

Твоя Вера.

Пиши почаше, хотя бы просто, что жив - и всё.

Обнимаю и целую тебя. В.».

«Милая моя! У меня всё по-прежнему. Мы уже на фронте. И уже были в бою. Настроение у всех самое бодрое и хорошее. Вооружены мы отлично - лучшая рота в полку. Будем и дальше стойко защищать свою страну, своих близких, родных и знакомых.

Как дела в Семигорье? Передавай от меня привет вашему председателю, он хороший человек. Что слышно о тех ребятах, которых я уводил в военкомат? Я никого из них с тех пор не видел...

Береги себя. Олег».

«Мой дорогой друг. Милый Олег. Не сразу решилась, но сейчас хочу тебе сказать, чтобы ты знал - у нас будет ребёнок. Твой ребёнок. Наш...

Береги же себя ради нашего счастья. В.».

«Родная моя, если бы ты знала, как я счастлив. И хотя жизнь моя сейчас трудна и не всегда приходится ночевать в тепле - согревает меня твоя любовь и наше общее счастье. Ты береги себя... А я - солдат, мне беречь себя - значит смелым быть, примером для бойцов. Но, как ты знаешь - смелого пуля боится, смелого

штык не берёт. Меня назначили командиром роты. Теперь у меня ещё больше ответственности, от меня зависит жизнь уже многих людей...

Да - вот же удивительно, в наш полк прибыл твой земляк, парень из соседней деревни, лейтенант, между прочим, - Дмитрий Дойников. Я его к себе взял. Парень бравый, сразу хорошо себя показал...

Поклон от меня твоей маме, моей дорогой (уверен в этом) будущей тёще.

Береги же себя, Верочка. Ты теперь не одна.

Твой Олег».

И ещё он писал:

«Мой чудный, нежный друг.

Письма, полученные мною, перечитываю вновь и вновь.

О себе, моя милая, скажу: кому и зачем нужна жизнь, если мы не победим фашизма? Но мы его, хотя и дорогой ценой, победим.

Как ваши дела? Уже скоро? Родная моя, может, когда это письмо дойдёт до тебя... Нет, говорят, что нельзя раньше времени... Но ты мне сразу напиши.

А я буду очень хорошо воевать и постараюсь заслужить отпуск. Вот бы это было здорово!

У нас сейчас всё стабилизировалось, но это затишье перед бурей. Каждую секунду мы - командиры и бойцы - чувствуем, как ждут нас в Ленинграде. Мы должны прорвать эту блокаду.

Ты, милая, в своих чудных письмах прекрасно выражашь свои чувства.

На некоторых из писем сохранились следы твоих слез. Верочка, не надо слёз. Держись. Олег».

«Как я и говорил - начинается. Без умолку бьёт артиллерия, своя и немецкая. В блиндажах от сотрясения тухнет свет, а я в это время читаю стихи и думаю о тебе, моя милая. Ведь не будешь же думать: «Ах, как бы меня не убило, ах, не попала бы в меня мина». Если думать так, какая же это жизнь. Завтра в бой.

Береги себя и сына.

Олег.

Да, ещё перепишу тебе стихотворение нашего армейского поэта. Хорошее стихотворение:

Скажи, письмо, ей ласковое слово,

Пусть грусти тень сойдет с её лица.

Скажи, что скоро встретимся мы снова

У старого заветного крыльца.

В суровые, томительные ночи

Я много слов хороших накоплю,

Приду с войны, взгляну любимой в очи

И расскажу, как я её люблю.

А если же от пули немца злого

Останусь я лежать среди полей,

Найди для жизни друга ты другого,

Чтоб был достоин памяти моей».

Это было последнее письмо Вере Сапруновой от Олега Ершова.

«Олежек мой дорогой! Что-то нет от тебя писем. И сердце полно тревогой. То в один, то в другой дом приходят горестные известия, и мне всё кажется, что очередь моя. Грех о живом так думать, но что делать, если так страстно хочется быть с тобой.

Олежек, а ты не обижашься ли на меня за что-либо? Не думал ли ты плохо обо мне? Да - я с первого взгляда полюбила тебя. И не могла отпустить тебя на фронт, не став тебе женой.

Но если я что-то сделала плохо - я наказана разлукой, тревогой, тоской...
И счастлива нашим сыночком. Пусть он будет, Олег, - как ты!
Будь живым, родной мой.
И мама целует тебя.
Твои: Вера и Олежка».

3

Авторота, в которой служил Степан Бугаев, располагалась на одном из участков Карельского фронта...

Пришла зима. Возили по льду озера (озёр тут очень много) к передовой боеприпасы, продукты... Авиация-то ещё ничего - к озеру редко вражьи бомбардировщики прорывались, да и на сушу - отбомбили и улетели. А вот артиллерия... До озера снаряды не дотягивали, но и от озера ещё до передовой ехать да ехать по лесным дорогам. А у финнов каждая полянка пристреляна...

Уже и не раз, понимал это Степан, смерть от него в нескольких метрах была - чуть быстрее бы или медленнее ехал - и попал бы снаряд в его машину...

Зимой ещё метели - незнакомое белое пространство озера, вешки вдоль дороги заносит, если с пути собьешься, то уж дома не бывать. А вспоминалось невольно и родное Сухтинское озеро, в котором не заблудился бы он ни зимой, ни летом даже с завязанными глазами...

Едет по накатанной дороге, сквозь метелицу фарами путь высвечивает. Что это там?.. Фигура. Человек. Притормаживать стал и винтовку за ремень подтягивать.

Ездят они, шофёры, с винтовками в кабинах, с которыми быстро-то и не развернёшься. Из-за этого Степан уже было чуть не погиб: человек пять на лыжах, с автоматами на его дорогу вышли. Заметить-то заметил их, но винтовка, как назло, застряла. А финны уж совсем рядом были, но не стреляли - может, в плен взять хотели. Хорошо, сзади машина шла, да не с продуктами, а взвод автоматчиков-смершевцев в кузове сидел. Вряд ли кто из финнов тогда ушёл...

Помня тот случай, Степан остановился метрах в пятидесяти от странной фигуры, винтовку прихватил поудобнее, приготовился вывалиться из машины и стрелять, если что, из-за колёс... Фигура не двигалась в жёлтом, забелённом снегопадом, свете фар. Сперва Степан подумал, что это кто-то (наш или финн) с автоматом на шее стоит. Но одежда чёрная, не белый масхалат... Да и нет, не автомат перед собой в руках держит... «Баба, что ли? С ребёнком, что ли?..»

Подъехал ближе, встал.

- Возьмите, пожалуйста... - только и сказала, укутанные по брови платком, в каком-то чёрном, с торчащими клочками ваты пальто, женщина с младенцем, тоже укутанным в шерстяной платок, на руках.

- Да вы откуда ж такие? Залазь быстро! - дверь приоткрыла. Женщина влезла, и дальше машину погнал Степан Бугаев. Нет-нет да на женщину посмотрит. Она молчит, только склоняется к ребёночку своему. А тот совсем молчит.

Степану жутковато стало - живой ли ребёнок-то?..

Закряхтел, засопел... Живой!

- Парень? - спросил Степан.

- Мальчик, - ответила женщина и, наконец-то, платок с головы на плечи сдвинула...

Степан опять взглянул - вроде бы молодая, а седая прядь в волосах...

Ребёнок уж заплакал. Чувствует Бугаев, что женщина что-то сказать хочет, да боится или стесняется.

- Ну, чего ты? - грубо спросил.

- Мне покормить его надо...

- Ну, так корми. Я глядеть не буду, - чуть ли не зло Бугаев ответил.

...Ольга сначала с огромным трудом слова из себя выталкивала. А потом уже и торопливо, будто спешила, говорила. А потом - спокойно и подробно, как бы для себя самой, чтобы не забыть ничего, рассказывала.

Степан, напряжённо в снеговую мглу вглядываясь, крепко баранку держал, слушал.

- Муж мой, Василий, командир был, старший лейтенант. Участвовал в финской. Их полк потом на новой границе и оставили, только севернее перевели. Разрешили и нам, жёнам, приехать. Городок был финский, чистый такой, аккуратный... Они, говорят, когда отступали - всё сжигали за собой, а тут - нет, всё целое - домики такие, тротуары, газоны, сосны... И так мы хорошо жили там, все семьи командирские. Дружили, все праздники вместе. Самодеятельный театр у нас был... В начале июня сорок первого они, мужья наши, с солдатами в учебные лагеря выехали. Потом, в середине июня, их уже к самой границе перевели. Девятнадцатого июня я родила. Вася приезжал к нам, но сразу опять уехал... От городка до границы пятнадцать километров было.

Когда война началась - у нас ещё всё тихо было. Говорили даже, что Финляндия в войну не вступит. Никуда нас не увозили...

А ночью двадцать пятого - загрохотало там, всё небо осветилось. Мы сразу поняли, что началось. А потом оттуда первая машина, грузовик с ранеными, приехала. Страшно было смотреть. Нам сказали, чтобы уходили скорее. До станции километров двадцать. Мы, жёны, кто что взять успел, детей в охапку - на улицу. Пошли к станции. А над нами самолёты летят и уже станцию, слышно, бомбят. А от границы, обгоняя нас, машины с солдатами. Многие ранены были, в крови все, в лохмотьях, голые почти - от взрывов, наверное. Нас догнало какое-то подразделение - пешком, но очень быстро шли... Я политрука Васиной роты узнала. Он ко мне подбежал. Погиб, сказал, у него на глазах... Закричал ещё на нас, что мы медленно идём. Они, говорит, на танках и машинах наступают, там уже никто их не держит... На станцию пришли, а станции нет... И тут опять самолёты и по нам стреляют и бомбят. И женщины и дети падают и умирают... Я Коленьку держу на руках и бегу, бегу, всё кажется, что это вот сейчас прямо на нас самолёт пикирует... Три дня ещё мы уж одни шли... Коленька закашлял у меня... Я понимаю, что если не остановлюсь, не приведу себя и его в порядок - умрём. И попросилась в дом в деревне. Карелы там жили. Пустили. Обогрелись мы хоть там, в бане помылись. Скоро финны пришли. Ничего, не выдали меня, но всё-таки потом уходить велели. Мы ушли. В русской деревне приютили нас. Потом стали русских выселять, в лагерь какой-то, мы опять уйти успели... Шли долго. Люди помогали. Вот так и идём...

Дорога по озеру кончилась, утихла и метель, заснеженный чёрно-белый лес по сторонам тянулся, но вскоре уже въезжали в городок, где Степанова часть стояла. Рассвело уже. Степан тормознул у вокзала.

- Ты вот что, Ольга. Тут на вокзале можно вам, наверное, обогреться. А потом - в комендатуру, ты же офицера жена...

- Вдова, - она поправила.

- Ну, вот... Документы его у тебя при себе? - Она кивнула почему-то. - Там помогут вам... А потом уезжайте. У тебя родня-то где есть?

Она покачала головой:

- Нету.

- Как же так-то?

- Вот так, детдомовка я...

Степан ненадолго задумался. Достал из кармана химический карандаш, обрывок газеты. Написал номер своей части, своё имя, фамилию... Подумал и написал ещё...

- Вот, поезжай до этой станции, там вот по этому адресу, рядом с вокзалом - сестра моя, Мария, живёт, от неё - в деревню добирайся, сестра подскажет. Я своим туда напишу, примут. Там хоть ребёнка выкормишь. Не дадут пропасть. И школа у нас там есть - пойдёшь учительницей... Ольга кивнула. Сказала:

- Спасибо, Степан...

Ребёнок захныкал, и она торопливо вылезла из машины и пошла в здание железнодорожного вокзала. Степан видел, как к ней сразу подошёл военный патруль, но уже не стал вмешиваться, погнал в часть - и так опаздывал...

* * *

Ольга в комендатуру не пошла, не было у неё никаких мужских документов. Политрук, что видел его мёртвым, должен был бы документы взять, да не до того, видно, было.

Стала она на проходящие поезда проситься. Никаких эшелонов с эвакуируемыми тут не было - только военные и санитарные. И ответ везде один: «Не положено».

Зашла опять в вокзал. Патрульные разрешили ей в уголку у печки кормить ребёнка, но уже недовольно посматривали. Последняя сухая пеленка... Ольга, не обращая внимания ни на кого, распеленала Коленёку на скамейке у печки, перепеленала. Отвернувшись к стене, дала грудь...

Видно, что готовится к отправке санитарный эшелон, суета на перроне - ходячие раненые залезают в вагоны, санитары несут носилки...

Ольга выбежала, прижимая ребёнка к груди, на перрон.

- Товарищ военврач, - возьмите меня, санитаркой возьмите, - сунулась к высокому, в шинели, а не в полушибке майору. Тот глянул на неё зло:

- С ума сошла!

Побежал к головному вагону...

Ольга шла вдоль состава. Вот по команде румянощёкого старшины грузят в вагон какие-то мешки. Ольга к нему...

- Не положено, - привычно ответил.

- Я знаю, что не положено, - твёрдо она сказала...

- Ну, так чего... - то ли ей, то ли замешкавшемуся с мешком на плече солдату рявкнул.

Ребёнок заревел.

- Уйди отсюда, - опять старшина ей.

- Не уйду...

- Всё, закрывай! - крикнул старшина, и двери вагона захлопнули. Сам старшина в соседний вагон полез...

Загудел паровоз, зашипел пар под колёсами.

Ухватила старшину за полу белого полушибка...

Тот вроде бы и не глянул на золотые серёжки, но её вперёд себя в вагон заткнул, а в вагоне - сразу в боковое купе и дверь запер снаружи...

Вагон, в который грузили мешки, был склад на колёсах. Соседний - вагон взвода хозяйственной обслуги, командиром которого тот старшина и был. Ольгу он и чаем с хлебом напоил, и какую-то простыню на пелёнки ребёнку дал.

- Виктор Геннадьевич меня зовут, - сказал зачем-то.

Ночью он снова сунулся в купе к Ольге. Коленёка спал на нижней полке, и она наконец-то прилегла рядом с ним...

- Виктор Геннадьевич, ложись и спи, - кивнула она на полку напротив. - Меня тронешь - начальнику эшелона скажу, под трибунал пойдёшь, - сказала ему просто и зло. Он отстал. Вышел.

Утром она спросила, когда будет город, где жила сестра того водителя. Оказалось, что скоро...

- Выходи, - буркнул ей старшина, открывая дверь вагона, и она с ребёнком на руках ступила на перрон незнакомого города.

Дом, где жила Мария, Ольга не сразу нашла. Почему-то никто не мог подсказать, где этот Паровозный тупик... А и дом-то совсем рядом был. В конце концов какой-то пожилой железнодорожник показал ей дом.

Нашла комнату Марии, подала записку от Степана.

Ольга торопилась дальше, в деревню (а куда ей ещё-то). Но Мария придержала:

- Подожди, отдохнуть вам надо, в себя приди...

Коленёшку оставили ненадолго со старшими детьми (было воскресенье, и они не учились), и Мария повела Ольгу в баню.

- Тут недалеко, быстро сходим.

Ольга боялась оставлять ребёнка, но и вымыться было нужно.

- Мы посидим! - бойко сказала девочка лет семи, Маринка.

- Присмотрим, - серьёзно сказал мальчик, десятилетний Генка.

Муж Марии, Леонид, и в воскресенье работал в депо.

А вечером и Коленёшку в тазу искупали.

Леонид пришёл почти ночью, немногословно познакомился с неожиданными гостями.

А утром Ольга уже и не могла подняться - горела вся в болезни, будто до этого месяцы лишений и борьбы за жизнь ребёнка не давали понимать свою болезнь. А тут - тесёмочки развязались...

Её в тот же день увезли в больницу.

Мария зла не держала на нежданную гостью, но боялась, конечно - не заразно ли. За детей, прежде всего, боялась. Врач успокоил - не заразно.

Ребёнка Мария у себя оставила на время Ольгиной болезни.

- Где двое - там и трое! - мужу сказала.

Тот, молчаливый и, кажется, абсолютно невозмутимый мужик, кивнул. И даже сказал:

- А как же. Мы уж теперь в ответе за него, - и подмигнул стоявшему на четвереньках на кровати и любопытно глядящему на него мальшу.

Мария и Степану, брату, написала обо всём, что, мол, Ольга с ребёнком у неё, что заболела Ольга-то...

Тот редко писал, но тут скоро письмом откликнулся: «Помогите ей. Жив буду - за всё отплачю».

«Жена она ему, что ли?» - думала, прочитав такое, Мария, на Кольку, который уже вовсю ползал по комнате смотрела - нет, не похож на Степана... А может, и похож... «Вот же Стёпка - на войне бабу нашёл. А в Семигорье-то сколько девок сохло по нему...» «Вот приедет - родителям такая радость, - думала про своих стариков и усмехалась: - Ничего, будет им с внуком веселее... Только бы Ольга-то поправилась...»

А Ольга долго поправлялась, только через месяц выписали её. И вскоре на попутной машине Мария отправляла Ольгу с Колькой в Семигорье...

- Так кто ты хоть Степану-то? - спросила всё же.

- А ещё и не знаю... Спасибо вам, - Ольга ответила и обняла Марию, смущённо отворачивавшегося Генку, веснушчатую Маринку. - Спасибо вам, родные!

Машина довезла лишь до Крутиц. Дальше - на попутных санях с добродушным немногословным заросшим бородой возницей...

И когда ехали вдоль озера, Ольга вдруг увидела в ледяной ещё глади остров, а на нём... Белый храм и колокольня. И звон колокольный плывёт над озером, над берегом, наполняет душу радостью. И сынок её, Коленёшка, на руках у неё заулыбался...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Что толкнуло в эту войну Финляндию? Желание вернуть утраченные в результате «зимней войны» 1939 - 1940 годов территории? Это было бы понятно, если бы и остановились на довоенных (имеется в виду всё та же «зимняя» война) границах. Но ведь пошли дальше, и не только на Карельском перешейке, всю Карелию захватили, о «великой Финляндии» заговорили. Ещё можно как-то немцев понять, но финны-то?.. Значит, такова вера была в совместную (с Германией) мощь.

Или мелочное желание карлика - урвать что-то от беспомощного великана? Комплекс провинции (а Финляндия - тысячелетняя провинция то Швеции, то России)?

Но ведь именно Российская империя дала княжеству Финляндскому автономию, его населению - демократические свободы, которые и не снились остальному населению России. А Советская Россия - дала уже полную государственную независимость. Большевики даже не воспользовались (а ведь это было бы естественно) ситуацией гражданской войны в Финляндии в 20-х годах, не поддержали тамошних «красных», сохранили нейтралитет... На свою голову.

Обоснованность претензий СССР, из-за которых и совершилась «зимняя» война, пусть и не официально, признавалась всеми здравомыслящими политиками Европы и США...

Если же говорить о Маннергейме, фактическом руководителе Финляндии в те годы, остаётся только удивляться - человек, получивший от России буквально всё: образование, возможность службы в элитных войсках царской России, возможность путешествовать и т.д. (его жизнь - сама по себе увлекательный роман - частично и сдержанно описана им в мемуарах), этот человек, возглавив армию и государство, принёс неисчислимые беды и скорби как своему, финскому, народу, так и родственным карелам и вепсам, уж не говоря о русских - именно на территории оккупированной Карелии были созданы концлагеря по национальному признаку - для русских...

Неужели и он, Маннергейм, человек, безусловно, выдающихся ума, образования, информированности, неужели и он был настолько ослеплён финским национализмом?

Как безусловно незаурядный военный стратег, он не мог не понимать, что Финляндия не сможет противостоять СССР (что и показала «зимняя» война: потери Советского Союза были очень велики, финские войска успешно противостояли на отдельных участках, смело контратаковали, умело вели партизанскую войну - и всё же понесли сокрушительное поражение) в случае неудач немцев, что только нейтралитет по образцу Швеции мог гарантировать мир и, относительное во время войны, спокойствие народу.

Как бы то ни было - 22 июня с территории Финляндии поднималась немецкая авиация для нанесения ударов по объектам на территории СССР, а 25 июня - уже и финская армия (на некоторых участках были и немецкие части) вступила на советскую территорию. Финляндия ввязалась в полномасштабную войну.

Впрочем, уже в 1940 году, вскоре после подписания мирного договора между СССР и Финляндией, по которому Советскому Союзу отходил Выборг и некоторые другие территории, Маннергейм получил послание рейхсмаршала Геринга, в котором предлагалось в обмен на разрешение перевозок германских войск через Финляндию в Северную Норвегию возобновить поставки германского вооружения, прерванные «зимней» войной. Руководство Финляндии охотно согласилось на это.

А в октябре 1940 года в Финляндии была разрешена вербовка добровольцев в войска СС. Всего завербовались две тысячи человек. Они отправились в Германию, где из них отобрали наиболее подготовленных солдат и офицеров, прошедших школу «зимней» войны, более четырехсот человек, и зачислили в дивизию СС «Викинг». Остальные финские добровольцы прошли курс обучения, и в июне 1941 года из них сформировали финский батальон СС. В январе 1942 года этот батальон был включен в дивизию «Викинг», находившуюся на территории южной Украины.

То есть уже в 1940 году было очевидно, что в случае войны финны выступят на стороне Германии, не случайно же и в гитлеровском плане «Барбаросса» им отводилась определённая серьёзная роль.

Минимум, на который рассчитывали финны, - возвращение Выборга и других территорий по границе 1939 года. Максимум... Поговаривали о Великой Финляндии до Урала... Хотя претензии немцев на Кольский полуостров с его залежами полезных ископаемых были заявлены сразу и однозначно, Карелию финны видели своей территорией, рассчитывали и на выход к Белому морю. Ещё в мае 1941 года (!) началось формирование администрации Восточной Карелии.

18 июня 1941 года в Финляндии началась мобилизация.

21 июня финская армия и флот начали операцию «Регата» - вторжение на стратегически важные Аландские острова в Балтийском море, объявленные демилитаризованной зоной ещё в 1921 году. За одну ночь с материка на архипелаг на кораблях были переброшены пять тысяч солдат с боевой техникой. Персонал советского консульства на Аландских островах был арестован и вывезен в Турку.

Вечером того же 21 июня (всё это ещё до начала войны!) немецкие заградители начали ставить минные заграждения поперек Финского залива, чтобы запереть в нём Балтийский флот. Одновременно три финские подводные лодки поставили минные банки у эстонского побережья, причём их командиры получили приказ атаковать советские корабли, «если попадутся достойные цели».

22 июня с озера Оулуярви стартовали два гидросамолёта. Через три часа они приводнились на Конь-озере, в нескольких километрах к востоку от Беломорско-Балтийского канала. С самолётов высадились два десятка финских диверсантов, одетых в немецкую форму. Они попытались прорваться к каналу и взорвать шлюзы, но были отбиты. 22-24 июня финские самолёты неоднократно вели разведку над территорией СССР. Один из них был сбит в районе Таллина.

23 июня в Москве Молотов вызвал к себе финского поверенного в делах Хюнинена и потребовал чёткого определения позиции - выступает ли Финляндия на стороне Германии либо придерживается нейтралитета. Ответа не было.

Утром 25 июня по приказу Ставки ВВС Северного фронта совместно с авиацией Балтийского флота нанесли массированный удар по аэродромам Финляндии и Северной Норвегии, где базировались немецкие и финские самолёты. В этом налёте участвовали 236 бомбардировщиков и 224 истребителя. По советским данным, в ходе первого налёта на земле был уничтожен 41 самолёт противника. Финны утверждали, что сбили 23 советских самолёта.

В тот же день 25 июня собрался парламент Финляндии. Премьер-министр Рангель заявил депутатам: «Состоявшиеся воздушные налёты против нашей страны, бомбардировки незащищённых городов, убийство мирных жителей - всё это яснее, чем какие-либо дипломатические оценки, показали, каково отношение Советского Союза к Финляндии. Это война. Советский Союз повторил то нападение, с помощью которого он пытался сломить сопротивление финского народа в войне 1939 - 1940 годов. Как и тогда, мы встанем на защиту нашей страны».

Депутаты поддержали его. Прозвучали слова: «Наступил великий исторический момент, встаёт вопрос о пересмотре границ, пришло время Великой Финляндии!» - встремленные аплодисментами.

Парламент Финляндии проголосовал за войну с СССР. При этом подчёркивалось, что Германия - союзник в этой войне, но у Финляндии свои цели.

24-28 июня 1941 года на финско-карельской границе происходили незначительные столкновения. Утром 29 июня финны заняли город Энсо и расположенный там крупнейший в СССР бумажный комбинат. Продолжая наступление в Карелии, уже 3 октября финские войска вошли в Петрозаводск.

Вокруг Петрозаводска финны построили шесть концентрационных лагерей, куда заключали не только военнопленных и партизан, но и просто этнических русских.

Даже опасность войны с Британией не останавливало финских вояк в их стремлении к захвату Карелии и других территорий СССР. В ноябре 1941 года Маннергейм получил секретную телеграмму Уинстона Черчилля. В ней предлагалось, не объявляя об этом официально, прекратить все военные действия против СССР под предлогом, например, суворой зимы, и таким образом фактически выйти из войны.

«Для многих друзей Вашей страны было бы досадно, если бы Финляндия оказалась на одной скамье вместе с обвиняемыми и побеждёнными нацистами», - говорилось в телеграмме. В ответной телеграмме от 2 декабря Маннергейм вежливо отказался от предложения Черчилля.

Продолжая наступление, финским войскам удалось форсировать реку Свирь и закрепиться на значительном плацдарме (до 100 км в длину и 20 км в глубину) на южном берегу Свирь. Финнам оставалось пройти чуть более ста километров до Тихвина, взятого немцами 8 ноября. В этом случае замкнулось бы второе кольцо вокруг Ленинграда, и всякая связь с ним, кроме воздушной, была бы потеряна.

Что бы ни говорил уже после войны Маннергейм о том, что финны, мол, сознательно не стремились к соединению с немцами - остановлены они были советскими войсками. Не мог Маннергейм не понимать, что это был его исторический шанс оказать реальное влияние на ход великой войны, и он бы такой шанс не упустил... Не случилось.

В день независимости Финляндии, 6 декабря 1941 года, финский парламент торжественно объявил о присоединении к Финляндии «освобожденных территорий». В тот же день финны узнали, что Англия объявила им войну. В тот же день Красная Армия перешла в контрнаступление под Москвой. А на следующий день атака японцев на Перл-Харбор втянула в войну США.

* * *

Иван Попов и Фёдор Самохвалов в феврале 1942 года оказались на фронте, в одном полку, в одной роте, в одном взводе даже. Пехотинцы.

Располагался их взвод на острове в Ладожском озере. Островок маленький, но со стратегической точки зрения очень важный. Расположена на нём зенитная батарея, отгоняющая вражеские самолёты от дороги на Ленинград. Да остров и является пунктом на этой дороге.

В тот вечер, когда их неожиданно атаковали, был сильный снегопад.

Все в белом, диверсанты-лыжники двигались стремительно. Часовые увидели их уже совсем близко, всё же успели открыть огонь, но были тут же убиты...

Цель финского нападения - взорвать батарею и склад, уничтожить пункт обогрева и дозаправки автомашин.

Телефонная связь была нарушена. Бой уже у складов шёл. Иван стрелял из-за поленницы, слева Фёдор, справа другой солдат... Капитан Семёнов, под командой которого здесь находились и зенитчики и пехотинцы, был убит одним из первых. Общего командования не было. Финнам удалось разделить гарнизон.

Зенитчики и часть пехотинцев были окружены у батареи и склада боеприпасов. Другая группа (в ней и Иван с Фёдором) - у продовольственного склада. Третья группа - у казармы и столовой...

Финнов было много, оборонявшимся солдатам казалось, что их просто бесконечно много. А весь и гарнизон-то острова - сорок три человека.

Финны безостановочно поливали из автоматов, приближаясь на достаточное расстояние - бросали гранаты.

На острове раньше монастырёк какой-то был. Склад, который Иван с Фёдором обороны - церковь; казарма и столовая - в братском корпусе и трапезной располагались. Батарея - на насыпном каменном волнорезе...

- Да сколько же их! - Фёдор выстрелил. Ещё выстрелил. Передвинулся за поленницей, потому что туда, откуда стрелял, рой вражеских пуль полетел.

И всё так же стреляли, передёргивали затворы и снова стреляли, меняли позицию и снова стреляли, будто делали серьёзную, очень нужную работу.

Фёдор удивлялся сам себе - ничего не боялся он. Делал то, чему учили - передёргивал затвор, брал на мушку, нажимал на спусковой крючок, менял позицию, снова выисматривал белую скользящую тень или стрелял по вспышке из автоматного ствола. Некогда бояться... А как там Ванька-то?.. Чего не стреляет? «Иван! Ванька!..»

Иван выстрелил, и тут же остро ударило в плечо...

Ивану казалось, что он продолжает стрелять, что он стреляет метко, каждым выстрелом поражает врага...

Раненых переносили в склад-церковь, там, в глубине храма, клали на ворох какого-то старого тряпья... Старик-санитар (откуда взялся?) - перевязывал раны, давал воду...

Остров и разорённый монастырь на нём в мирное время служили пристанищем рыбаков, а этот старик, последний монах, жил тут в избушке при храме, был оформлен в рыболовной артели смотрителем маяка. И правда, в туманы зажигал на колокольне фонарь и бил в колокол.

Иван слышит гул - или это пение, или стоны?.. Кто это так поёт?.. И видит он храм с открытыми воротами, и свечи в нём, и пение дивное. И стоит Иван на пороге, а дальше не идёт. И выходит к нему старец в чёрной одежде с белыми крестами, тот самый, что уже являлся однажды ему на Сухтинском озере. И говорит старец: «Не бойся Иван, молись, и мы будем молиться. Вместе одолеем врага!»

Звон, колокола монотонный и величественный, разливался над островом, над ледяным озером, заполнял собой небо... Последний монах качал тяжёлый язык большого колокола. И колокольный голос разгонял мрак и снег...

На рассвете финны отошли, не добившись своей цели. Из сорока трёх человек защитников острова в живых остались двадцать два, десять из них - раненые... По дороге в Ленинград ехала первая в то утро машина...

Иван очнулся, нашупал рукой что-то, подтянул... Посмотрел - старинная какая-то книга, буквы крупные, но непонятные, хотя вроде и русские...

- Это, милый, ты ведь Евангелие нашёл, ну бери с Богом, так и быть, значит, есть у меня ещё... Как звать-то тебя, сынок? - Голос старика, мягкий и добрый, и борода у него - добрая, белая...

- Иван...

- Вот и слава Богу, Иван.

Фёдор Самохвалов подошёл к нему:

- Вот тебя как, Иван... Жив. Хорошо. В госпиталь теперь. А меня не задело даже...

Иван улыбнулся, ничего Федьке не ответил.

Вскоре раненых увезли с острова.

Два месяца лежал Иван Попов в госпитале.

А Евангелие он сохранил. В книге ещё лежала бумажка, будто бы из школьной тетрадки, и на ней чернилами, очень чётким красивым почерком, было написано:

*Ищите Бога,
Ищите слёзно,
Ищите, люди,
Пока не поздно.
Ищите всюду,
Ищите каждого,
И вы найдёте
Его однажды.
И будет радость
Превыше неба,
Но так ищите,
Как нищий хлеба.
Аминь.*

Иван с первого раза запомнил это стихотворение. Евангелие держал при себе, никому не показывал. Но иногда, когда все спали в палате, доставал и в свете уличного фонаря, достававшего через неплотно задёрнутое окно изголовья кровати, пробовал читать и уже что-то понимал...

2

Хоть война - а ко всему люди привыкают. Налаживалась и военная жизнь в Семигорье, как и во всей стране. Младшие ребяташки в школу бегали. Все, кто старше, - работать в колхоз...

Стали похоронки приходить - то в одном конце села, то в другом баба заголосит... Во всей округе, в деревнях больших и малых - ожидание и страх по избам жили. Ждали письма с фронта, боялись похоронки...

Районная, областная и прочие газеты полнились призывами к колхозникам, наподобие:

*«Будь в колхозе, как в строю,
Борись за Родину свою».
«Колхозница! Братьев на фронт провожая,
Их замени на фронтах урожая!»*

Так и трудились, помня, что отцам, сыновьям, братьям на фронте ещё труднее...

Был март...

- Вот что, Авдей Иванович, - сказал как-то утром старику Бугаеву председатель колхоза Коновалов. - Бери Зорьку, розвальни и с Васькой Косым поезжайте-ка на дальние лужки, пора там сено брать.

Старик кивнул, переспросил недовольно:
- С Васькой?

Григорий Коновалов только сейчас и сообразил, что Авдею Бугаеву не больно-то с Васькой дело иметь хочется - из-за него же Степана-то посадили... Ну, да уже сказал дак... Да и кого ещё-то отправить?..

Запрягли нераженную лошадёнку Зорьку, кинули в розвальни вилы, верёвку, топор... У каждого в кармане по куску хлеба - к вечеру только вернутся-то... Поехали в сторону от озера, по лесной дороге на самые дальние сенокосы колхоза «Сталинский ударник».

Старик держал вожжи, изредка понукал лошадь, с Васькой не разговаривал. Тот сам заговорил:

- Ты, Авдей Иванович, не сердись на меня, чего ты... Ну, уснул я тогда... Я ж вину не отрицал... А Степан, как не знаю чего, упёрся, мол, он виноват, и всё тут...

- Да замолчи ты! Сам же знаю всё! - ответил зло старик и не к месту подхлестнул вожжёй Зорьку. Лошадь удивлённо-обиженно крутнула головой и не прибавила шагу. И Васька обиженно замолчал. Старики оглянулся на него. Васька сидел боком к нему, но будто бы и смотрел на старика, не поймёшь, глаза-то вразбежку...

По дороге этой не часто, но ездят - из дальних деревень в Семигорье и дальше по Сухтинской дороге... Так что - путь накатан.

Чёрно-белые ёлки стоят, отяжелелые снегом... Видны в лесу в дугу согнутые молодые деревья. Много снега в этом году...

Уже чувствуется дыхание весны. Днём присекает. Синица тинькает на кусту...

Самый дальний стог почали. Пока снег с него скинули да накидали сено на розвальни, прижали жердинами, связали верёвкой... Солнышко к вечеру покатилось.

Ехали обратно, жевали свои куски хлеба... Васька правил.

На белом снегу хорошо видны синие вмятишки следов: вон заячьи - две лапы широко расставлены, две почти вместе; лисья строчка... А вон там - собачьи, что ли? Волчьи? Не по себе Ваське, боязно. Оглядывается на Авдея. Тот сидит на хохлившиесь, мохнатая шапка и борода в одно сливаются - всё волосы, глаз не видно... «Не поеду больше с Авдеем, пусть председатель чего хочет делает!» - думает Васька. «Не поеду больше с Косым, пусть Коновалов делает чего хочет», - думает Авдей Бугаев. Думает он ещё о сыне и о странной женщине Ольге, которая пришла к ним с месяцем назад, о которой и Степан писал в письме. Баба она ничего, хорошая, учёная, в школе теперь работает, и парнишка хороший у неё. Только - кто она Стёпке-то? Ничего не поймёшь... Ну, пускай живут...

- Авдей Иванович, чего это? - вдруг Васька голос подал. И Зорька всхрапнула и аж задрожала, побежала шибче без понуканий.

- Чего?

- Волки же!..

А Бугаев уже и сам их увидел.

- Гони! - Ваське крикнул, а сам встал в санях, широко расставив ноги, вилы в руки взял. - Гони, Васька!

Васька гнал, Зорька бежала. Скоро уж лес-то кончится, а там поле, село видно уже будет...

Пять их или шесть - не разберёшь, то один, то другой вперёд выскочит. Вот справа - здоровый, серый, большеголовый, круглоглазый сани обходит, под брюхом лошади целит. Бугаев не ткнул, а как лопатой огrel его вилами по хребтине. И волк, щёлкнув пастью, отвалился в сторону... Но уже слева обходит другой... Авдей ткнул в него, но промахнулся, потерял равновесие, упал на колени, но тут же поднялся и успел - как острогу вонзил вилы в зверя, уже готового прыгнуть на лошадь... Волк, кровеня снег, закрутился, пытаясь зубами вырвать впившуюся в него смерть. И вся стая будто споткнулась об него, закрутилась...

Запалённая Зорька шибко бежала, Васька не сдерживал её, старики Авдей Бугаев стоял на коленях в задке саней, держа в руках топор...

Так и выехали в поле. Темнело уже, видны были огоньки в окнах кое-где, вон у Сапруновых баба какая-то бежит к бане, ещё кто-то там...

- Авдей Иванович! - уже успокоившийся Васька окликнул. - Глянь-ка, чего там у Сапруновых-то... Верку ведь в баню ведут. Рожает ведь, точно рожает!

Но старики не отзывался.

- Авдей Иванович, - Васька обернулся, бросил вожжи оббежал гружёные сеном розвальни и увидел старика, тот сидел, откинувшись на сено, топор был зажат в левой руке, а правая сунута за полу тулуна, к сердцу...

И в те же минуты, когда умирало старое сердце Авдея Бугаева, новая жизнь заявляла о себе громким криком. Вера Сапрунова родила, на удивление фельдшерицы и помогавшей ей бабки Ильиничны (хотя ещё кто кому помогал), быстро. А мать Верина, Анфиса, сказала с гордостью за дочь:

- А и я Верку так же родила! Только выскочила!

* * *

Перезимовал колхоз первую военную зиму. Лошадей совсем почти не осталось, а надо ведь было пахать, боронить, сеять. Мерин пожарный ещё кое-как бродил, ещё пара лошадёнок - кривая да хромая - в колхозе имелась... Ну, начали и на быков да коров сбрую ладить, а что делать...

Раньше Костя Рогозин лишь боронил, пахать ещё не доводилось. И он очень волновался этой весной - справится ли, не опозорится ли?..

Коновалов волнение парнишки понимал. Старался помочь, чем возможно - поле помягче выбрал, плуг наладил...

Костя пахал за речкой у Косминского леса. На соседнем от Кости поле, за овражком, пахал Васька Косой, какой-никакой, а мужик. Хотя и он раньше-то не много пахивал.

До поля вместе дошлёпали. Васька помог плуг опустить, подхлестнул старую лошадёнку Зорьку:

- Сами пойдёт, только плуг придерживай, - Костя сказал и своего быка на соседнее поле погнал...

Костя взялся за ручки плуга. Сердце его стучало быстро, сильно... Лошадь дёрнулась, плуг чуть приподнялся, и лошадёнка пошла быстрее, легче. «Не балуй!» - ломким баском прикрикнул Костя, всем весом налёт на рукояти и опустил плуг на нужную глубину. И уже не давал лошади почувствовать слабину. А чувствовал он, как затвердели пальцы на рукоятях плуга, напряглись руки, плечи раздвинулись необычайно широко, будто вздулись грудь и спина... Разваливается под плугом земля, пьяня живым, призывающим запахом... И восторженное чувство молодой силы захватило его... «Это же я теперь мужиком стал!» - по-детски радостно думал Костя...

Сразу же на свежую пашню, с неприятным скрипящим криком, опускаются белые озёрные чайки...

Григорий Петрович Коновалов обходил поля.

Дорога, по которой он шёл, была скрыта кустами, и Костя не мог увидеть его. А Коновалов видел мальчишескую фигурку чуть выше плуга, видел, с каким усилием Костя вёл плуг, будто сам тянул тяжеленный воз...

Председатель спустился с дороги в поле, не торопился, проверил глубину вспашки - не везде ровная была, но ничего, неплохо...

- Костя, - окликнул парня.

Тот оглянулся, опустил плуг, лошадь покорно встала.

- Постой, - Коновалов пошёл к нему.

Костя видел (он будто почувствовал и оглянулся, когда председатель с дороги в поле свернул), как мерил глубину Коновалов, и ему почему-то показалось, что председатель недоволен, и он ждал и боялся не ругани, но упрёка.

- Нормально, нормально, - заранее успокаивая его, говорил, подходя, Коновалов. - Ну, молодец, мужик, - и руку по-взрослому протянул.

Костя плоско, дощечкой, протянул ладошку...

- Хорошо, хорошо, - Коновалов неторопливо обошёл плуг, похлопал по крупу лошадь... - А дай-ка я спробую! Вспомню хоть... - и, не ожидая ответа, встал за плуг. - Н-но, Зорька!

Дважды из конца в конец поля провёл плуг председатель.

- Вот спасибо, брат. Хоть косточки размял. А то стал забывать, как и пашут-то...

Костя не знал, что ответить...

- На обед-то в деревню побежишь или с собой мамка дала? - спросил Коновалов.

- С собой.

- Это правильно... Вишь, земелька-то здесь хорошая, унавоженная... - он обопрал себя, не сказал, что когда-то это поле их семье и принадлежало, он ещё с дедом, отцом ежегодно сюда и вывозил навоз со своего двора, здесь и сам когда-то впервые за плуг встал...

- Ты, Костя, люби её, земельку-то, и она тебе тем же ответит, - сказал и сам смутился вроде бы, за кисетом в карман полез. - Батька-то пишет? - спросил.

- Пишет.

- Ну, слава Богу... Продолжай. Скоро обед, отдохните с Василем...

И пошёл на соседнее поле к Ваське Косому, а ещё надо было дойти и туда, где бабы пашут, и им помочь, и коров, что на первую травку пастись выгнаны, поглядеть... Много забот у председателя. Да забот-то он не боится. От другого душа болит, мается - мужики на фронте, а он тут...

3

Шёл июль 1942 года. Планы германского командования на летнюю кампанию были связаны, прежде всего, с наступлением на Юге, с выходом к Волге и в Закавказье, к бакинской нефти. И наступление шло успешно.

Понимая всю опасность немецкого наступления на Юге, советское командование не оставляло планов деблокирования Ленинграда...

Прибыв из штаба полка, командир роты автоматчиков капитан Ершов вызвал в штабной блиндаж командиров взводов.

- Получена команда выдвинуться вот в этот район, - указал на карте, - выходим через час, готовьте людей. К вечеру должны быть на месте, там получим следующую команду.

- Так средь бела дня и пойдём, товарищ капитан? - спросил своего друга Ершова старший лейтенант Дойников.

- Ну, погода нелётная, - поняв его, Ершов кивнул, - потом, дорога просёлочная, в основном вдоль леса или через лес, так что в случае чего - укрыться есть где. Вот здесь только, - Ершов ткнул пальцем в карту, - открытая местность километра полтора. Левее тут у нас железная дорога, в полукилометре от нашей дороги, - тут он запнулся, будто задумался, но продолжил, - а правее - лес, тоже метров пятьсот от нас.

- Может, лесом этот участок пройдём, - командир первого взвода, основательный в поступках и мыслях, а вследствие этого и внешне, лейтенант Волобуев сказал.

- Что там за лес - неизвестно. Скорость движения упадёт, а у нас каждая минута на счету, - капитан Ершов ответил.

И - редкий случай - политрук вмешался:

- Товарищи, время и маршрут передвижения утверждены командиром дивизии.

- Всё, ребята, - вдруг неофициально Ершов сказал, - расходимся по своим подразделениям. Выход, - он посмотрел на часы, и продолжил уже строгим командирским голосом, - через сорок пять минут.

В назначенное время рота начала движение.

...И в это же время сдвинулись со своих мест все другие подразделения полка и другие полки дивизии, и все выдвигались на позиции, определённые командиром

дивизии, согласованные с командующим армией и утверждённые Генеральным штабом... И всё это двигалось и замирало, атаковало и умирало по воле одного, имеющего высшую власть человека - и здесь, под Ленинградом, и на всех других фронтах великой войны, где люди сражались и умирали, исполняя волю своих земных властителей, которые, в свою очередь,вольно или невольно подчинялись (или же должны были подчиняться воле своих народов) - и высшей воле... Но рядовые и офицеры, и даже генералы и маршалы, отдельно взятые люди, редко задумываются о столь высоких материях, они выполняют (или не выполняют) свой долг в определённый момент в определённом месте, но тем (своей столь незначительной отдельной судьбой) влияют на ход мировых событий...

Рота автоматчиков просто выдвигалась на своё, определённое планом предстоящей операции, место.

Шли по дороге между незасеянных полей, некошеных лугов, то и дело дорога ныряла в перелески. Погода была пасмурная, но без дождя...

Вдруг видят - корректировщик немецкий над ними. За мотор, будто мычаций во время полёта, называют такие самолёты «корова».

- Все в лес! - скомандовал капитан Ершов, и его команду повторили командиры четырёх взводов, и через несколько секунд вся рота была скрыта деревьями.

«Корова» ещё «помычала» над лесом, над дорогой и скрылась в низких серых облаках.

Рота вышла на открытый участок, разнотравный луг, весь бело-зелёный от зонтичных цветков морковника. Виднелась слева железная дорога, справа - лес...

Вдруг что-то зашумело позади и слева. И не сразу обратили внимание на проходивший состав. А состав короткий - всего из трёх вагонов, остановился и вдруг воздух наполнился шипением, свистом...

- Ложись!

Снаряды, выпускаемые орудиями немецкого бронепоезда, рвались перед дорогой, на дорогу, за дорогой, встрихивая землю, вскидывая чёрные фонтаны...

Дорога тут была оканавлена. Да ещё ручей какой-то её пересекал, и под дорогой была проложена труба...

В канаву, в ручей и падали, вжимались в грязь...

Взрывы прекратились, поезд свистнул и, пятаясь, уехал...

...Тихо стало. И в этой тишине огромный коричневый муравей, с круглыми немигающими глазами, с острыми усами, страшными лапами ползёт прямо на него, Митьку Дойникова, и нужно что-то делать, спасаться...

- Старлей! Дойников! Трубу затыкай!

От этого крика он очнулся. И увидел травяной скат канавы, а прямо перед собой отверстие трубы, проложенной под дорогой. Кинулся к дыре и закрыл, ещё не понимая зачем. И тут же в него что-то упруго ударило, он схватил - мягкое, живое, дёргающееся...

Хохот и крики:

- Поймал!

- Заяц!

- В котёл его!

Тут и сам Дойников увидел - зайца поймал он. Как и люди, бедолага от взрывов спрятался...

Сжался, глаза зажмурил, уши прижал. Серая, в рыжих подпалинах, шерсть ключками на нём...

- Держи крепче! Щас вдарим! Прямо в нос надо, я знаю... - кричал Алёшка Иванов.

И пополнил бы русак не скучный, но однообразный армейский рацион... Но

дёрнулся заяц. Разжал руки Дойников. И заяц припустил через дорогу, по полю, в кусты. Свист, крики, смех вдогонку ему летели...

И вдруг, будто все одновременно это поняли...

- Капитан!

- Товарищ командир роты!

- Олег! Ершов!

Старший лейтенант Дмитрий Дойников первым оказался рядом с лежавшим в канаве, ничком, капитаном Ершовым.

- Олег, что? Олег... Санитара сюда!

Рыжеусый санитар с краснокрестой, вымазанной в земле сумкой на боку быстро подбежал. Гимнастёрку разорвали, а там и дырочка-то напротив сердца, как от иголки...

И тут опять шум от железной дороги...

- В лес бегом! - яростно крикнул Дойников, и все - солдаты и командиры трёх других взводов, и политрук - сразу и безоговорочно подчинились его команде. Был Дойников заместителем командира роты, стал командиром...

Ершова на плащ-палатке вчетвером несли... Успели до леса добежать. Немцы и стрелять не стали.

Долго шли лесом, потом снова на дорогу вышли...

- Здесь, - Дойников сказал. И, поглядев на часы, скомандовал: - Привал тридцать минут.

Сам рыл сапёрной лопаткой, и другие помогали.

Дойников взял документы капитана Ершова, пилотку его взял, а свою хотел надеть ему на голову, но... положил просто рядом со светловолосой его головой, посмотрел последний раз на друга и закинул полой плащ-палатки... Закапывать сам не стал, не смог, отошёл...

Вспомнилось Семигорье и бравый лейтенант, с которым шли потом на сборный пункт, все их разговоры... Верке надо писать... Сын ведь у них... Так и не успел увидеть...

Опустили, зарыли. Над холмиком поставили наспех сделанный крест... Неподалёку сгустилась деревенька, дорога через неё шла, и у ближнего дома Дойников свернул во двор, стукнул в окно. Кто-то торопливо выглянул, на крыльце вышла пожилая женщина в чёрном платке (видно, тоже горе):

- Мать, прошу тебя, вон там, за перелеском на бугре похоронен советский командир, вот его данные, - на листке карандашом написал фамилию, имя, отчество, даты рождения и смерти, - сделайте потом табличку хоть, за могилой присмотрите...

Женщина молча кивнула.

Дойников ещё Алёшку Иванова (тот был у него навроде ординарца) кликнул:

- Дай банку.

Сержант Иванов достал из вещмешка банку тушёнки.

- Вот, возьмите, - подал Дойников женщине. Та заколебалась сначала, но взяла. И вдруг свободной правой рукой перекрестила Дойникова, и Иванова, и всех проходивших мимо молодых (Ершов старался в роту только молодежь подбирать) солдат...

- Храни вас Господь, сынки...

К назначенному времени рота прибыла в полуразбитое село, где уже были и другие части, расположились на окраине. Тут же явился посыльный, передал приказ командиру роты явиться к командиру полка. Дойников пошёл.

Узнав о гибели капитана Ершова, полковник Палкин вскинулся... Но, махнув рукой, только сморщился, а потом крепко сжал зубы, поднялся.

- Пошли к комдиву, - сказал.

В тот день и штаб дивизии расположился в этом селе. Шло совещание. Роте

Дойникова предстояло захватить и ни в коем случае не сдавать без команды одну из высот...

Уже темнело, когда лейтенант-разведчик вёл через лес Дойникова и сержанта Иванова к высотке. Дождь начал накрапывать. Вон и высотку видно уже. Деревья вокруг с посечёнными стволами, с обломанными ветками... А на земле, между деревьями - разорванное тело... И ещё, ещё...

- Обнаружили себя, и их минами накрыли, - лейтенант сказал, увидев, как дрогнуло лицо Дойникова. - Ну, сейчас погода подходящая - не увидят вас, если шуметь не будете... Вон там уже их окопы. Пулемёт - вон там стоял и вон там... Дойников положил лист, на планшетку накидывал карандашом план местности. Иванов держал над ним растянутую на руках плащ-палатку, закрывая от дождя...

- Убрать-то не могли, что ли? - сказал всё же Дойников, опять наткнувшись взглядом на изорванный взрывом мины труп.

- Хоть раненых вынесли, - зло ответил лейтенант. - Как тут унесёшь? Днём они на всякое движение огонь открывают. А ночью... Мы, что ли, понесём сейчас...

Дойников уже не слушал его, он думал, то глядя на схему, то на высотку...

- Всё, пошли.

Перед выходом роты на штурм высоты явился командир полка. Приказал:

- Всем, всей роте сдать личные документы - красноармейские книжки, комсомольские и партийные билеты... Если что, немцы не должны, понять какая часть атакует их, - тихо только командиру роты и политруку пояснил. Политрук Емельяненко кивнул, первым достал партбилет. Дойников вынул и свои документы, и документы Ершова.

- Если я не смогу, сообщите его семье, здесь есть адреса, - сказал.

Полковник кивнул.

Через час рота подошли к высотке. Моросил дождь, тьма была непроглядной. Красная ракета взлетела и, неторопливо описав дугу, погасла, не достигнув земли. Справа и слева от высотки началась сильная стрельба. И лишь через пять минут, молча, в абсолютной вязкой тишине автоматчики стали приближаться к немецким позициям. Их заметили, когда до траншеи оставался один рывок. И они рванули. Через мгновение бой шёл в траншее, и уже рвались автоматчики дальше, к плоской вершине холма, где был штабной блиндаж. Короткая яростная атака закончилась минут через десять после начала. Немцы скатились с высотки. Но почти сразу же начались попытки отбить её... И странно, вскоре стало ясно, что стрельба, бой, охватывают высоту, что уже, кажется, в селе, из которого выходили они, пылает зарево...

Это была немецкая контратака. Дивизия отступала. И лишь их рота, выполняя приказ, захватила и не сдавала высоту...

Дмитрий Дойников, хоть видел, понимал, что что-то неладно, а всё же надеялся, что наступление советских войск будет успешным, что уже скоро блокада будет прорвана, а там - и с отцом встретится...

...И даже командир дивизии не знал, что атака на этом участке фронта - отвечающий манёвр, что основной удар - в другом месте, но и тот удар, вскоре стало ясно, не принёс ожидаемого результата. Попытка прорыва блокады не удалась...

Рассвело - стало видно, что всё серо-зелёное кругом от немецкой формы. Много их лежало и на вершине, и на склонах холма. Но и потери роты были значительными. Раненые тоже были. Санитар перевязывал, поил и снова перевязывал раненых, собранных в одной из землянок.

А немцы опять лезли, тоже автоматчики...

Захватили один из немецких пулемётов да свой был - с двух флангов как вдали... Немцы тогда из миномётов начали... Побросают мины, опять автоматчики

лезут... Силы русских на исходе. А и немцы, видно, устали от безуспешных атак. Три самолёта зависли над высоткой и, покрутив, по очереди стали высыпать свой груз...

Дойников, политрук Емельяненко, Иванов в штабном блиндаже были. Рванули первые бомбы, и на какое-то время всё стихло...

- Погляжу, - сказал Иванов, поддёрнулся на плече ремень автомата и полез вверх по земляным ступеням.

- Подожди, - окликнул его политрук, но Алёшка обернулся только, улыбнулся, показав крепкие желтоватые зубы, и полез выше, сдвинул наверху дверь... Опять рвануло... Изуродованное тело упало вниз. Чужое, будто бы, тело. Только улыбка его - Алёшки Иванова.

И тут страшно грохнуло, затрещало, взлетело и рухнуло - бомба попала прямо в блиндаж...

...Митька ничего не понимал, он только видел синее-синее небо. И понял, что умирает. И сам себе сказал: «Как же помирать-то легко...» А потом почувствовал дикую боль и услышал крики и стоны повсюду (взрывом его выбросило из блиндажа, и он лежал наверху).

«Мама, мама...» - плакал кто-то. «Помогите, братцы!..» «А-а-а!..»

...И крики эти, стоны и вздохания устремлялись в синее-синее небо и сливались с пением незримых небесных певчих, встречавших новопреставленные души...

После этого удара авиации человек пятнадцать ходячих раненых уносили на шинелях и плащ-палатках четверых тяжелораненых и среди них старшего лейтенанта Дойникова. Это были все, кто остались в живых от роты. Старшим по званию оказался лейтенант Волобуев. Он, поняв, что приказа об отступлении не будет, самостоятельно принял решение - отступать. Чудом им удалось спуститься с холма в лес и незамеченными уйти от того места. Через двое суток остатки роты вышли (опять же - чудом) в расположение частей Красной Армии.

Окончание следует.

Свет творчества

К 100-летию Нины Витальевны Железняк

В 2015 году исполняется 100 лет со дня рождения вологодской художницы Нины Витальевны Железняк (1915 - 1996). Молодое поколение почти не знакомо с творчеством Нины Витальевны, а в 1950 - 1960-е годы её рисунки часто появлялись на страницах вологодских изданий, она иллюстрировала книги мужа - писателя и искусствоведа Владимира Степановича Железняка-Белецкого (1904 - 1984). Н. В. Железняк активно участвовала в выставочной деятельности художников нашего города второй половины XX века и как живописец, и как график.

Непростая жизнь выпала на долю Нины Витальевны. Она родилась в Москве 18 марта 1915 года. По линии отца, Виталия Ивановича Боруцкого, прадедом художницы был граф Фридрик Скарбек, владелец имения Желязова Воля и автор «Истории Варшавского княжества». Среди ее предков по линии матери, Веры Михайловны, был герой Отечественной войны 1812 года генерал Егор Иванович Властов (1769 - 1837). Бабушка ее, владевшая имением в Ярославской губернии, была замужем за полковником Михаилом Дмитриевичем Ходневым. Отец Нины Витальевны, как писала она сама, «по недостатку средств в семье образования не получил», но был талантливым, необыкновенно деятельным и обаятельным человеком. Он был хорошим художником, хотя профессиональной подготовки не имел, от него, вероятно, унаследовала свое дарование и дочь.

В 1935 году Нина начала постигать азы изобразительного искусства в студии известного графика А. П. Алякринского, затем училась у П. Я. Павлинова на курсах повышения квалификации художников книги и графики при Московском институте изобразительных искусств. Всё оборвалось в страшном 1937 году, когда девушка была арестована, осуждена и через несколько месяцев тюремного заключения выслана на жительство в Вологодскую область. Нине было тогда 22 года. В Вологде она и пережила Великую Отечественную войну. Чтобы как-то выжить, брала заказы на рисование пор-

третов фронтовиков от жителей города и близлежащих деревень, работала в вологодском «Товариществе художников», куда поступила в 1942 году.

Вот как вспоминала об этом она сама: «В мастерских «Художника» мы работали в подвале на улице Пушкина. Туда я устроилась по рекомендации художника Ширякина, к которому ходила рисовать в студию... » (1). Именно там познакомилась с вологодскими художниками И. А. Тарабукиным, А. А. Никитиной и Е. П. Васильевой, выпускниками Вологодского художественного техникума, с землячкой, уроженкой Москвы А. И. Смоленцевой, прошедшей профессиональную подготовку в стенах знаменитого Вхутемаса-Вхутеина.

В студии Николая Михайловича Ширякина (1885 - 1952), ученика выдающихся живописцев К. А. Коровина, А. Е. Архипова и С. В. Малютина по Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества, Нина Витальевна занималась с 1942 по 1948 год. Здесь она получила бесценные уроки профессионального мастерства. «Ширякин с самого начала, еще до моего замужества, относился ко мне ласково, - писала в своих воспоминаниях Нина Витальевна, - он верил, что из меня выйдет художник, считал, что в моих тогдашних слабых этюдах есть «душа и чувство цвета» (2). Именно в эти годы, вероятно, были написаны Н. В. Железняк этюд к «Портрету Ф. П. Куропатникова» и «Автопортрет в зеленом берете» из собрания ВОКГ. Обе эти работы отличаются живописной свободой, свежестью и эмоциональностью

восприятия натуры. Ранние работы Нины Витальевны чаще всего не датированы, поэтому сегодня искусствоведам приходится уточнять и определять время их создания.

Так, концом 1940-х годов, например, следует датировать монументальный, редкий в творчестве Н. В. Железняк «Натюрморт с предметами народного творчества». Он написан словно «на одном дыхании», крепко скомпонован, приведен к общему серебристо-оливковому колориту с яркими, точно акцентированными вспышками красного и синего цвета. Подтверждают это предположение и воспоминания самой художницы. «Надо сказать, - пишет она, - что с 1944 года отпала необходимость в «задрайках» (так шутя называли художники таблички с правилами пользования походными кухнями, которые десятками писали они в первые годы войны), мне разрешили делать маслом на больших холстах картины сrepidукций. Это были главным образом натюрморты» (3). Видимо, по мотивам таких «заказных» работ и написан ею «Натюрморт с предметами народного творчества», поступивший в собрание картинной галереи в последнее десятилетие.

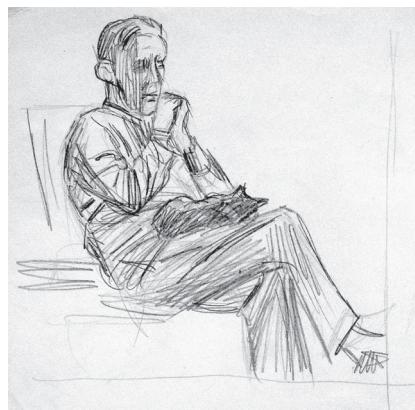
Интересны с точки зрения живописной пластики и образной характеристики портретные этюды художницы начала 1950-х годов. В них мы зримо наблюдаем

уроки Н. М. Ширякина, что прослеживается, прежде всего, в доверительной интонации трактовки натуры, в умении увидеть и использовать яркие детали. К этому периоду относится «Автопортрет» художницы 1958 года, привлекающий к себе зрителя смелым открытым взглядом молодой женщины, ее мягкой обаятельной улыбкой.

Жизнь начала меняться к лучшему, когда Нина Витальевна встретила Владимира Степановича Железняка и в 1944 году стала его женой. Именно В. С. Железняк-Белецкий ввел ее в круг вологодских писателей, помог определиться как художнику на самостоятельном творческом пути. Благодаря мужу, увлеченному историей Русского Севера и Вологды в частности, в творчестве Нины Витальевны появилась тема городского исторического пейзажа, портреты вологодских литераторов. Первой среди вологодских графиков она обратилась к технике монотипии, предпочитая в станковых пейзажных листах монохромный серебристо-черный колорит. Старая Вологда в «портретах» деревянных особнячков с колоннами портиками и уютными балкончиками, окруженных кустами и деревьями, смотрит на нас с работ Нины Витальевны 1960-х годов. Именно тогда появляются в ее творчестве и лирические живописные виды города, среди которых

Читающий В. С. Железняк.
Конец 1960-х. Б., кар.

В. С. Железняк с кошкой на коленях.
Конец 1960-х. Б., кар.

Портрет Владимира Железняка.
Около 1957. Б., кар.

Дом Соковикова. 1968. Б., монотипия

выделяются «Набережная» (1960) или «Красные крыши. Вологда в 1968 году». В них она близка той линии камерного вологодского пейзажа, которая нашла развитие в живописи К. А. Воробьева и С. А. Кулакова, О. А. Бороздина и М. А. Ларичева, художников, пришедших в вологодское искусство в первое послевоенное десятилетие. Для работ многих из них характерен стиль неторопливого «рассказа» о тихих уютных уголках родного города и его окрестностей или созерцательное любование ими.

Когда Владимир Степанович Железняк начал работать над очерками о вологодском кружевном промысле, Нина Витальевна обратилась к портретам кружевниц, среди которых были и молодые ученицы только что открывшейся кружевной школы, и легендарные для Вологды мастера - Капитолина Исакова и Эльза Хумала. Все они были частыми гостями Железняков, которые с 1945 по 1964 год жили на территории Вологодского кремля в здании бывшей Цифирной школы, принадлежавшей тогда областно-

му краеведческому музею. «В башне нас посещали хорошие люди», - вспоминала Нина Витальевна (4). Среди этих «хороших людей» были писатели и художники, журналисты и музейщики. «Навещала нас в башне Капитолина Васильевна Исакова - самая знаменитая художница по кружеву, директор кружевной школы и автор первого в стране учебника по кружевоплетению. Она иногда приводила с собой девушек-кружевниц, они становились нашими друзьями. Я рисовала некоторых девушек для молодежной газеты к статье В. С. о них, потом делала их портреты маслом» (5). Таким образом, натурные портретные зарисовки кружевниц, сделанные художницей карандашом и выполненные масляными красками, находящиеся сегодня в собрании картинной галереи, можно безоговорочно датировать 1957-1959 годами. В 1961 году написан художницей «Портрет К. В. Исаковой» - работа сдержанная по живописи, но полная внутренней энергии. Наверное, именно этим внутренним горением и материнской добротой по отношению к своим

молодым подопечным была близка Нине Витальевне сама К. В. Исакова.

На протяжении всех лет совместной жизни писала Нина Витальевна портреты мужа. В одном случае - работающего за письменным столом, в другом - отдыхающего у телевизора, в третьем - летним полднем перед домом в деревне Ивановской. Среди ее творческого наследия - около двух десятков карандашных и акварельных портретных зарисовок Железняка, сделанных непосредственно с натуры, быстрых, необычайно живых и метких. Вот он сидит с книгой в руке и кошкой на коленях, ласково поглаживая свою любимицу. В следующем рисунке художницы писатель изображен в профиль, он откинулся на спинку кресла, погруженный в творческие раздумья.

Теплоту отношений в семье Железняков, мне думается, ярко отражает удивительно теплый, камерный «Интерьер комнаты Железняков в Цифирной школе», написанный около 1960 года и находящийся в собрании картинной галереи. Годы спустя Нина Витальев-

на с любовью вспоминала об этом их первом отдельном жилище. «Комната на третьем этаже (первый этаж был полуподвальный), большая (28 метров) и светлая... Голландская печка с плитой в углу у двери, но никаких других удобств там, конечно, не было... Но комната была теплая, особенно когда мы поставили добавочно у окна, выходившего на парк ВПВРЗ, еще кирпичную печку, также с плиткой. А вид из окон был удивителен: одно выходило на Софийский собор и колокольню, два других - на Соборную горку и реку Вологду» (6). В этом интерьере удивительно точно отражен быт провинциальной послевоенной Вологды: с пестрыми деревенскими половиками, с этажерками вместо книжных шкафов и обязательными большими сундуками. В эти же годы появляются и камерные натюрморты художницы с дорогими для супругов предметами: статуэткой Венеры и бюстом Льва Толстого, фарфором и книгами, которые удивительно точно дополняли изображение «Интерьера комнаты Железняков» - в них присутствует

Книжный знак Железняков. 1965. Б., тушь.

Книжный знак Вл. Железняка. 1965. Б., тушь.

та же бесхитростная атмосфера быта вологодской интеллигенции 1950-х годов.

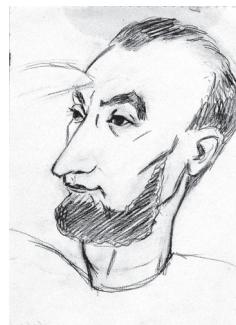
Разнообразны по характеру и задачам натюрмортные рисунки Нины Витальевны, которые, к сожалению, редко попадали в поле зрения предыдущих исследователей ее творчества. Есть среди них и меткие портретные зарисовки, и образные дружеские шаржи, обращенные к известным в городе личностям, среди которых вологодские писатели, художники и искусствоведы. В одной из юмористических композиций, названной автором «Три богатыря», в образах знаменитых васнецковских всадников мы узнаем тогдашних деятелей Вологодской культуры: директора Вологодской картинной галереи С. Г. Ивенского (справа) и председателя правления областной организации Союза художников В. Н. Корбакова (в центре).

Как и многие вологодские графики того периода, обратилась Нина Витальевна к искусству экслибриса. Она создала в 1960-х годах около десятка книжных знаков для себя и Владимира Степановича. Они, как правило, «биографичны» по сюжетам и выполнены в технике очеркового рисунка тушью. Здесь мы встречаем и изображение башни Цифирной школы, где в течение девятнадцати лет жила семья Железняков, и мотив кружевной салфетки рядом с раскрытой книгой, и, наконец, исторические литературные персонажи произведений Железняка-писателя.

Нельзя сказать, что творческий путь Нины Витальевны Железняк был прост и безоблачен. Ей часто приходилось ставить во главу угла интересы мужа-писателя, заниматься обустройством и организацией благоприятных условий для его работы, писать под его диктовку, править и разбирать его рукописи. Так обычно и бывает в семьях творческих людей - кому-то приходится жертвовать личными интересами ради другого. Как человек, преданный творчеству, она работала до последних лет жизни. Писала пейзажи и натюрморты, пытаясь внести новые черты в свою живописную мане-

Три богатыря. Шарж. 1960-е. Б., кар.

В. Н. Корбаков. Шарж. 1960-е. Б., кар.

В. В. Коротаев. Шарж. 1968 - 1969. Б., кар.

ру. Последние работы художницы были посвящены именно Владимиру Степановичу, эпизодам его жизни, героям его произведений...

100-летнему юбилею Нины Витальевны Железняк будет посвящена выставка работ художницы, которая готовится к открытию осенью нынешнего года в залах Вологодской областной картинной галереи. Надеемся, эта выставка сумеет еще раз напомнить всем о светлом творчестве художницы, связавшей свою жизнь с Вологодчиной.

**Любовь СОСНИНА,
искусствовед**

Примечания:

1. Книга памяти. Сильнее судьбы. Владимир Степанович Железняк-Белецкий. Вологда: ТОО «Полиграфист». - 1995. - С. 78.
2. Там же. С. 113.
3. Там же. С. 93.
4. Там же. С. 113.
5. Там же. С. 115-116.
6. Там же. С. 104.

Крестная история России на примере одного города

В научно-издательском центре «Древности Севера» нынешней весной вышла книга «История православных храмов и монастырей Вологды». Мы беседуем с одним из авторов и главным редактором книги - профессором, доктором исторических наук Александром Васильевичем Камкиным.

Александр Васильевич Камкин говорит о новой книге с воодушевлением. Фото Алексея Колосова

- Александр Васильевич, расскажите, пожалуйста, как появилась «История православных храмов и монастырей Вологды».

- Немало выходило в последнее время книг о храмах и монастырях на-

шего края, но такого полного издания не было. Здесь представлены все монастыри, соборы, приходские церкви, приписные, кладбищенские, домовые храмы, часовни, которые находятся в исторической части Вологды и окрестностей. Задумана она была давненько, но осуществить проект «История православных храмов и монастырей Вологды» стало возможным только при получении гранта Международного конкурса «Православная инициатива - 2014-2015». К финансированию книги подключилось Вологодское отделение Русского географического общества, участие в проекте приняла Вологодская митрополия. Авторов немного, это люди, которые давно занимаются церковной историей Вологды.

В книгу вошла информация обо всех церквях нашего города - и существующих сейчас, и разрушенных в советское время. В разделе, посвященном монастырям, дана информация о трех обителях и десяти монастырских храмах, о 70 храмах (соборных, приходских, домовых, кладбищенских) и 22 часовнях.

- В книге говорится и об утраченных святынях, и о существующих, и о тех, что начинают возрождаться?

- Для нас очень важным было проследить историю храмов в последние десятилетия XX века, показать начало возрож-

История православных храмов и монастырей Вологды / М. В. Васильева, Е. А. Виноградова, А. В. Камкин, Ф. Я. Коновалов, А. И. Меньшиков, И. В. Спасенкова, А. В. Суворов; гл. ред. А. В. Камкин. - Вологда : Древности Севера, 2014. - 208 с.: ил.

дения церковной жизни. Широко использованы в книге исторические фотографии и гравюры, планы и чертежи, иконы и произведения декоративно-прикладного искусства. Всего в книге около 250 иллюстраций, многие из которых публикуются впервые. Мы старались рассказать о каждом храме сопроводить фотографиями, показывающими, каким храм был в начале века, каким - в советское время и как он выглядит сейчас.

Немало храмов уничтожено. На Сенной площади, которая сейчас называется площадью Революции, раньше было четыре храма, а остался только один - на месте трех уничтоженных стоит памятник Ленину, участникам Гражданской войны и Поклонный крест... Многие храмы ушли.

А есть церкви, которые находятся в печальном полуразрушенном состоянии. Была замечательная церковь Святителя Николая «На горе», её ещё называли «Золотые кресты» - в книге представлено, в каком виде она была и как выглядит, увы, сейчас. Есть церковь Петра и Павла, которая находится в комплексе городской больницы: показывается, какой она была в оскверненном виде и как она сейчас возрождается. Знаком всем вологжанам кукольный театр «Теремок» - но это была церковь Зосимы и Савватия Соловецких. Смотрите, она была вот такой красивой, а в таком виде она существует сегодня. Разные судьбы у церквей. Сомневаюсь, что мы восстановим все уничтоженные храмы, хотя бы привести в порядок те, которые остались! Вот храм Рождества Пресвятой Богородицы на Нижнем Долу: какая разруха царила здесь до передачи его Церкви, которая состоялась в июне 2014 года! И как радует то, что происходит там сейчас - какие работы ведутся, чтобы привести Божий дом в «божеский вид», извините за каламбур.

- Когда рассматриваешь старые фотографии великолепных церквей, стоявших буквально на каждом шагу, и сравниваешь облик старого русского города с нынешней Вологдой - закаптанной в бетон и стекло, честно

Первые значительные изменения в приходской сети Вологды произошли в начале 1924 года и связаны с закрытием четырех храмов на Сенной площади: Спасо-Всеградского собора, Иоанно-Предтеченской Рощенской, Никольско-Сennоплощадской и Афанасиевской церквей - и Софийского собора на Соборной горке... Четыре указанные церкви оказались более всего приближены к новому административному и культурно-просветительскому центру города, а присутствие такого количества православных храмов на площади, где предполагалось установить памятник В. И. Ленину, противоречило представлениям новой власти о «светлом безрелигиозном будущем»...

**А. В. Камкин, И. В. Спасенкова,
«Православная топография Вологды»
(в книге «История православных храмов и монастырей Вологды»)**

говоря, может охватить глубокая печаль.

- Да, печаль чувствуется, когда эту книгу читаешь - победные марши в ней неуместны, да и не звучат они. Но и печаль - не подавляющее чувство: ноты оптимизма здесь слышны.

Я думаю, что вдумчивый читатель, который принимает всё это как свое родное, конечно, будет испытывать раз-

ные чувства - в том числе и страдание, наверное. А ещё - чувство некоторого непонимания: как наши деды, прадеды всё-таки допустили, что такая красота была разрушена, уничтожена?! Между прочим, если сравнивать крупные города Русского Севера, то Вологда лучше выглядит, чем Архангельск, например, или Петрозаводск - у нас несколько десятков храмов сохранились, у нас есть с чего начинать восстановление. В Архангельске остались три кладбищенских церкви на окраине города, и всё. Театр там стоит на месте собора - это как если бы в Вологде взорвали Софийский или Воскресенский собор, а на их месте поставили театр... Впрочем, гордиться нам особо нечем.

- Представим себе, что каким-то чудесным образом вдруг появляются все те храмы в городе и окрестностях, которые были уничтожены. Как вы считаете, в этом случае будут ли эти церкви полны? Это - о чувстве ответственности и печали за прошлые годы. Ведь тогда nominalno православная Россия разрушила огромное количество церквей... Нет ли такой мысли, что и новые храмы может ждать такая же печальная судьба, как и их древних предшественников?

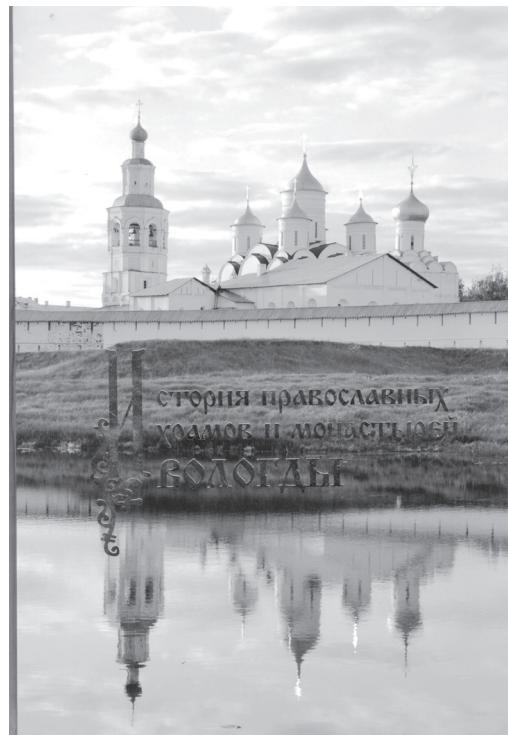
- В центре Вологды храмы нужно не столько строить, сколько восстанавливать. Необходимо, на мой взгляд, открывать храмы в новых микрорайонах, потому что, с одной стороны, в центре наблюдается «сгущение» храмов, а на окраинах церквей нет вообще - это очень неудобно.

Но и само восстановление церкви всегда оказывает благотворное влияние на сердце человека, который принимает участие в создании общины. Как будет развиваться жизнь прихода, зависит и от самой общины, и от того, сколько будет прихожан - проще говоря, будет ли храм востребован в определенном месте. Например, храм Петра и Павла, что на территории городской больницы, очень востребован: за короткий срок там уда-

лось проделать огромные работы - совсем недавно алтарь был огорожен простой ленточкой, а теперь там стоит иконостас. Там и настоятель очень деятельный, доброжелательный, всегда в храме находится, к нему люди идут. За год в городе количество приходских храмов удвоилось - время покажет, нужны ли они в центре Вологды. Видимо, нужны, - скажем с осторожностью и с надеждой.

- Ваша книга, Александр Васильевич, отличается от многих подобных тем, что это не просто каталог архитектурных деталей, как это нередко бывает. Здесь важное место отводится рассказу о различных сторонах церковной жизни.

- Нам очень важно было показать еще и святыни храма: чем духовно богат каждый храм, что было утрачено, что спасено и как спасено. Важно было рассказать о людях, которые здесь служили, молились. Среди вологодских священнослужителей есть праведники, исповедники и новому-

ченики. Это известный по всей России в свое время святой праведный Александр Баданин. Это священномученик Антоний (Быстров) - он был прославлен как епископ Архангельский, по месту последнего служения, но начинал владыка Антоний на Вологодчине, служил в нескольких храмах и обителях нашей епархии, был последним настоятелем Свято-Духова монастыря. Вспомним священномученика Николая (Караурова), епископа Вельского, священников Константина Богословского, Симеона Ведякина и других.

Исследуя систему храмов в городе и пригородах, мы пытались увидеть какую-то закономерность в размещениях церквей, в храмоименованиях. Очень много вологодских храмов освящено в честь

святых, в том числе вологодских, и это, пожалуй, часть общей системы.

Она, кстати, была довольно устойчива, и её разрушение шло поэтапно. Авторы книги выделили три уровня функционирования православных храмов: традиционный - церкви продолжали действовать, сумев адаптироваться к новым условиям; мемориальный - церкви были закрыты, разрушены до основания, но продолжали жить в сознании и памяти горожан; и трансформированный - храмы не разрушили, а здания использовались как мастерские, музеи, кинотеатры, то есть им были насильственно присвоены новые функции. Люди приходили к местам разрушенных храмов, молились там, анти-минсы из них переносили в действующие церкви, и вновь собирались община разрушенного храма.

В 50-е - 70-е годы, когда, казалось, церковная жизнь замерла, всё-таки в Вологде были какие-то признаки сохранения православной традиции. У нас начали работать научно-производственная реставрационная мастерская, где масштабно велась реставрация икон. Была проведена серьёзная реставрация Софийского собора. Огромную роль в оживлении внимания к церковному искусству сыграла Ирина Александровна Пятницкая - она создала в музее-заповеднике отдел древнерусского искусства, который весь построен на иконах. Таким образом, иконы были спасены: не выброшены, не сожжены, они не сгнили в запасниках, а все-таки вернулись к людям, пусть и в музее.

Это уважительное отношение к древнерусскому искусству было замечено и теми, кто руководил идеологией того времени. В центральной прессе появились критические статьи: «в советской Вологде-де чрезмерно увлеклись культовыми элементами» - это говорилось об изображениях храмах на обложках книг и рекламных афишах, в сувенирах. В журнале «Наука и религия» была гневная статья: «О чём рассказывают вологодские экскурсоводы». Мол, почему это у вас на сувенирных знач-

Церковь Николая Чудотворца на Сенной площади.
Фото сделано 23 апреля 1928 года: у основания шпиля - несколько человек, начинаяющих снос здания.
Фото из собрания ВГИАХМЗ (ВОКМ 17626-1)

Снимок из книги «История православных храмов и монастырей Вологды»

В связи с политикой сплошной коллективизации и последовавшей высылкой и транспортировкой через Вологду семей репрессированных «кулаков» (около 70 тысяч человек) в городе с населением 60 тысяч человек возникла проблема их размещения. Закрытие церквей и освобождение молитвенных зданий рассматривалось органами власти как эффективное средство решения проблемы нехватки жилых помещений. Вскоре во многих бывших храмах были сооружены многоярусные нары, и в условиях скученности, холода и антисанитарии разместились под охраной высланные. Тысячи людей заболевали и гибли...

А. В. Камкин, И. В. Спасенкова, «Православная топография Вологды» (в книге «История православных храмов и монастырей Вологды»)

ках Вологды и Кириллова изображаются эти церковные луковки?! Так что - часть и хвала нашим вологодским музеинным работникам и экскурсоводам!

- Получается, что за вполне академическим названием скрывается история не только храмов, но и общества нашего...

- Мы по годам описываем, как началось возвращение церквей. В это время Вологодской епархией управлял архиепископ Михаил (Мудьюгин), потом - архиепископ Максимилиан (Лазаренко). Два визита Святейшего Патриарха Алексия Второго в Вологду очень помогли возвращению храмов верующим. Владыка Михаил очень многое сделал для того, чтобы преодолеть стереотипы советских людей в отношении Церкви. Помню первое публичное празднование в честь 1000-летия Крещения Руси, владыка выступил перед научной общественностью с несколькими лекциями. Огромная аудитория была забита битком: преподаватели и студенты сидели в проходах, на ступеньках, на подоконниках. Само слово «архиерей» многих тогда озадачивало: думали, придет

какой-то замшелый старик, то ли шаман, то ли еще кто-то похожий, будет вештать что-то напыщенное, непонятное... А в аудитории повился настоящий русский интеллигент - питерский выговор, прекрасная речь. Владыка Михаил блестяще прочитал лекции, цитируя на память не только Священное Писание, но и философов. После первой лекции он около часа отвечал на вопросы. Все аплодировали. В то время было очень важно показать людям, что Церковь умеет разрушать глупые стереотипы.

Книга, на мой взгляд, выполнила свою задачу: она рассказывает о духовном богатстве древнего северного русского города. Вместе с тем, она предполагает и продолжение работы. Например, она предлагает поразмыслить о том, что такое приход, что такая современная приходская жизнь. Короче, горизонт, раскрытый книгой, широк - думаю, работы будет много.

Беседовал Петр ДАВЫДОВ

Продолжая творческий полёт

К 60-летию литературного объединения «Сокол»

Один из номеров областной газеты «Сталинская молодёжь» (позднее «Вологодский комсомолец») за 1955 год сыграл важную роль в литературной судьбе Сокола: целая страница была посвящена молодым авторам из города бумажников. С этих пор началось «летоисчисление» объединения «Сокол», которое стало центром сосредоточения местных творческих сил. С приятием литературному движению организованного характера авторы получили возможность обсуждения новых произведений, проведения различных встреч, конференций, семинаров, а также регулярного выхода к читателю со страниц газеты «Сокольская правда» - редакция взяла ЛитО под своё крыло.

Первыми членами литобъединения стали Александр Сушинов, Виктор Илларионов, Алфей Шабанов, Афанасий Расхожев и Пётр Серов. В 1966 году выпорхнула «первая ласточка» - книжка очерков Александра Сушинова «Деревенские окна». С тех пор сборники членов «Сокола» стали выходить постоянно, начали появляться публикации в «толстых» литературных журналах: «Наш современник», «Молодая гвардия», «Север» и других. «Глушица» Полины Рожновой, «Крылатый снег» и «Деревенский дневник» Александра Швецова, «Берёзовая слободка» Александра Сушинова - вот лишь часть выпущенных книг. Заметным явлением в литературной жизни стал выход в 1980 году романа Глеба Текотева «Серафима», посвящённого жизни северной деревни в период Великой Отечественной войны. Практически все произведения до появления в журналах были напечатаны в «Сокольской правде».

Большое внимание члены лит-

объединения придавали краеведческой работе. И это не случайно: литературные традиции сокольской земли связаны с именами поэта Василия Красова, фольклориста Николая Иваницкого, писателя-народника Павла Засодимского и многих других. Учитель Воробьёвской школы краевед Николай Паутов, например, основал в деревне Горка музей-усадьбу Засодимского, где собрана уникальная экспозиция. С начала проведения Ганинских чтений в Соколе члены ЛитО стали их активными участниками.

Крепкая дружба всегда связывала сокольских литераторов с Вологодской писательской организацией: Александр Романов, Василий Обутров, Александр Грязев, Юрий Леднев, Вячеслав Белков и многие другие помогали членам литературного объединения найти собственную дорогу в литературе. Сокольские авторы были постоянными участниками областных семинаров молодых литераторов. Полина Рожнова, Александр Швецов, Лидия Теплова, Николай Фокин и Николай Толстиков стали членами Союза писателей России. Не случайно Василий Белов в одном из своих выступлений назвал Сокол городом со сложившимися литературными традициями.

Два десятка лет литературным объединением руководил Алфей Шабанов - журналист, автор стихов и прозаических произведений, один «из тех даровитых людей, которые сноровисты в любом творческом деле» (А. Романов). Без участия Алфея Ивановича многие произведения начинающих авторов не увидели бы свет.

В судьбе литературного объединения были взлёты, были сложные периоды, особенно в 90-е годы. Но тем не менее зажигались новые «звездочки», и с их по-

явлением связывались новые надежды. Отрадно, что на протяжении шести десятилетий «Сокольская правда» была для десятков авторов и трибуны общественного признания, и кузницей мастерства. И сегодня это одна из немногих районных газет, которые так щедро печатают произведения земляков.

Сейчас костяк литературного объединения составляют полтора десятка человек, пробующих силы в поэзии, художе-

ственной прозе, краеведении и публицистике, критике. Несмотря на разный уровень творческих возможностей, все авторы объединены любовью к слову, к русской литературе. Юбилей - это повод оглянуться назад и наметить планы на будущее. Развивая традиции, «Сокол» продолжает свой творческий полёт.

**Артем КУЛЯБИН,
руководитель литературного
объединения «Сокол»**

Алексей АНТОНУШКИН

Алексей Анатольевич Антонушкин родился в 1975 году в Карелии. Окончил Вологодское железнодорожное училище № 7. С 2007 года проживает в Соколе. Печатался в газете «Коношские ведомости», коллективных сборниках «Бурые комья родной земли» и «Откровения». В настоящее время работает журналистом в газете «Сокольская правда». Живёт в Соколе.

Посвящается маме

*Я не прошу у жизни много -
Для матери чуть-чуть тепла.
Идёт ухабами дорога,
Всю жизнь по ней ты молча шла.*

*И я, подросток неказистый,
Бежал вприскоку за тобой.
Был воздух чистый, очень чистый,
Он был живой, как ты живой.*

*Ну а сегодня я потерян,
Бегу один среди толпы.*

*Куда? Не знаю, не уверен...
Кругом фонарные столбы*

*Слепят, ишу тебя, блуждая.
Ну где ты? Не могу узнать.
Не надо ада или рая,
Была бы рядом снова мать.*

*Была бы рядом... Разве много,
Прошу, жалея и любя?
Идёт ухабами дорога,
Стою на ней и жду тебя.*

Анатолий БАЛИЦКИЙ

Анатолий Брониславович Балицкий родился в 1958 году. Образование - высшее юридическое. Свыше 13 лет отслужил в органах внутренних войск на офицерских должностях. Более 20 лет работал в природоохранных органах. Стихи пишет с 12 лет. Печатался в периодических изданиях Казахстана, Ямало-Ненецкого автономного округа (г. Салехард), Москвы. В Соколе с 2008 года, регулярно печатается в газете «Сокольская правда».

МАЙСКАЯ НОЧКА

*На ветке дремлет ночка,
луной в окружу дышит.
Соединяю в строчки
слова свои и мысли.
Хоть середина мая,
но я в ночи упрямо
слова соединяю*

*то косо, а то прямо
в родных четверостишиях,
простых и неказистых.
Они с луною дышат
в тетрадь на листик чистый.
Черкаю строки часто,
то заменю какую,
а то луну со страстью
словами расцелую.*

Так полнится тетрадка
любовью до рассвета.
В ночи мне майской сладко
от лунного привета.

На ветке ночка дремлет.
Луна ушла куда-то.
Остановить бы время,
вернуть себя обратно!

БАБУШКИНЫ РУКИ

Я помню, бабушкины руки
Головку гладили мою.
Не проронив порой ни звука,
А мне казалось - я в раю.

Седая, маленьского роста,
Сияли добротой глаза.
И жизнь была намного проще,
Когда с ней рядом я была.

Любые беды и невзгоды,

Печали, горести свои
Я и сейчас бы через годы
Хотела к бабушке снести.

Я бы прижалась, села рядом,
Уткнулась в теплое плечо.
Была бы высшая награда
И всё бы было нипочём.

Я помню бабушкины руки -
Источник той любви, добра.
Сейчас сама люблю я внуков,
Как никого и никогда.

Валентина ГОРНЯКОВА

Валентина Григорьевна Горнякова родилась в 1944 году в Казахстане. В двадцать три года с мужем уехала на Крайний Север, в Эвенкийский национальный округ. В 1997 году переехала в Сокол. Писать прозу начала с 1998 года. Публиковалась в газетах «Красный Север», «Сокольская правда». Издала пять сборников рассказов: «Под таёжными звёздами», «Меня расстреляют сегодня», «Родом из детства», «Чужой сын», «Ко Христу - по жизненным ухабам».

РЫБАКИ

С раннего утра дед Корпей заснаряжался на рыбалку. Вообще-то при рождении его нарекли Карпом, но в сибирских поселках многие проживают жизнь не под именем, а под накрепко прилипшим прозвищем. Страстный рыбак, дед мог дневать и ночевать на реке. «Ну и ну, опять на речке корпят. Прямо не Карп, а Корпей», - говорили сельчане. Так и пошло: Корпей Иваныч или дед Корпей. Жену его Клавдию с возрастом переименовали в Кланю, а к старости прозвали бабой Клуней.

- Куда опеть? - повела строгой бровью баба Клуня, заметив сборы мужа.

- Говорят, будто щуки заходили, за мельчью гоняются. Охота удачу попытать.

- Едешь-то с кем? Наш-то «Ветерок», сам говорил, то чихает, то кашляет.

- С Десантухой еду. У него и такого моторишко нет, хоть, как придется, - на нашем.

- С Десантухой? Ты чего удумал? Не знаешь рази, каков он есть? С ним токо по рыбалкам и ездить. Наподдаёт этот хулиган тебе когда-нибудь, вот и нарыба-

лишься. И я должна переживать да думать о тебе, - не одобряя мужа и опасаясь за него, заворчала она.

Десантухой в поселке прозвывали Витьку Ломова. До армии был он обыкновенным пареньком и даже подавал большие надежды в спорте. Из-за этого, видно, и служить попал в десантники. А когда вернулся, всем бросилось в глаза, что изменился Витька: превратился в задибу и драчуну. Чуть что, кулаками машет налево и направо.

Поселковым парням теперь частенько от него перепадало. Ловок, силен да увертлив стал Десантуха после службы. Но приспособились парни и стали противостоять ему по двое-трое, и теперь уже вояка заходил то с зеленым глазом, то со вздутым орехом на лбу.

Несмотря на вспыльчивость, был Витька отходчив и беззлобен. Любил вспоминать о службе в армии и частенько говорил:

- А вот у нас в десантухе случай был...

Прозвище Десантуха пришло к нему скоро и навсегда. С этим-то драчуном и собирался дед Корпей на рыбалку.

К реке они подошли одновременно. Деловито уложили в дедову лодку нужные снасти, а также самодельную брезентовую торбу с обеденными пострияпушками, приготовленными заботливой бабой Клуней.

Оттолкнулись и на веслах пошли сквозь прибрежную мель. Когда вода из прозрачной превратилась в темно-коричневую, завели «Ветерок». После отдыха он заурчал ровненько, будто его только купили. Вожделенная щука баловалась на плесе, за десять километров вниз по реке. По местным меркам - рядом. Туда и устремились.

Приехали, пристали к берегу и, чтобы не унесло лодку, накрутили бечеву на крупный углластый камень. Закинули раз, зажинули два... Не клевало.

- Витёк, а не перекусить ли нам пирожками? А? Баба Клуня с утра настрияпала, расстаралась. Вкусные, - похвалил старик.

Ели молча, но Корпей Иваныч прервал тишину.

- Наблюдаю я за тобою, Виктор, но не совсем понимаю, - начал он. Витька оторвался от пирога и уставился на напарника.

- А что меня понимать? Я весь как на ладони.

- Нет, не весь. Так посмотришь на тебя, вроде хороший парень. А эдак глянешь - не очень-то. Драчун, неуступаха... Не обидишься, ежели кое-чего скажу тебе?

- Говори, раз из нутра просится. - Витька отвечал грубо, показывал, что дедову болтовню выслушает, но отнесется к ней, как посчитает нужным.

- А я ведь хорошо знал отца твоего. Хороший был человек, хороший. А рыбалку как любил! Не меньше меня. От него и к тебе, Витёк, перешла любовь к реке. Ежели бы тогда не прихватило сердчишко у отца твоего, так сидел бы ты сейчас с ним, а не со мной. Хороший мужик был, правильный. Гордись им, - глядя в Витькины глаза, сказал старый Корпей.

- Я и сам знаю, что хороший он был. Ты мне это и хотел сказать?

В голосе бывшего десантника сквозила насмешка.

- И это тоже. Никогда не лишил услышать добрые слова о родных, а о родителях и вовсе. Хочу тебя спросить: наметил ли ты себе линию? И какая она?

Старик не сводил испытующего взгляда с парня, который все больше терял самоуверенность и становился проще и доступнее.

- Линию? Какую такую линию? Ты, дед, пирогов, что ли, объелся, про какую-то линию плетешь.

- Нет, пирогов я не объелся, а линия у каждого должна быть. Возьми, к примеру, меня. Ты думаешь, что я так уж прост? Сидит, мол, дед Корпей сутками на берегу и в ус не дует, окромя как о рыбе, не думает ни о чем. Глупость это. Еще в молодости, когда с Клавой моей познакомился, я уже жизненную линию наметил. Было в тех наметках - жениться и родить трех деток. Всех выучить, да еще и дом

построить. Никогда никому не завидовать, а если жизнь у кого-то лучше идет, то порадоваться за него. Обиды в себе не возвращать и не лелеять, а то сам же захлебнешься и утонешь в них. И еще... Не отталкивать, кто душе твоей желанный.

Вот моя линия, парень. Простая, но крепкая. А на тебя гляну, и жаль берёт. Крепкий, сильный и красивый, а токо и заботы, что кулаками машешь, будто боец кулачный. Так и до тюрьмы домахататься можно. Долго ли кого искалечить или зашибить?

Отслужил, вернулся невредимым, работу нашел справную. Чего еще надо? Теперь наметь линию, по которой и пойдешь в своей жизни. Намечай не по-бедному, но без лишнего размаха и хвастовства, чтобы потом не разувериться в себе. Будут на пути и препоны, в жизни не всё гладко, а ты перешагивай, перелазь, карабкайся через них, но с линии не сходи. О потенрянном, особливо о деньгах, не жалей. Жалей о людях хороших, которых не пригрел, не приласкал.

Дед Корпей умолк и стал сворачивать полотенце-самобранку с остатками еды.

После перерыва клёв наладился. Часа через полтора у каждого было по крупной щучине и по нескольку окуньков. Дед Корпей устроился у воды на удобной, прогретой солнышком, коряге. А Витька, удалившись шагов на двадцать влево, угнездился на высоком плоском камне. Ловили проверенным методом - на блесну. Из любопытства время от времени косились в сторону друг друга. Обернувшись в очередной раз на деда, Десантуха одеревенел. Корпей Иваныч уже не сидел на коряге, а лежал около нее.

Парень кинулся к нему, а подбежав, и вовсе растерялся. Ноги старика, обутые в огромные резиновые сапоги, покоились на берегу, а голова омывалась ленивой прибрежной водицей.

- Дед, что с тобой? - испуганно заорал Витька. Корпей Иваныч молчал, глаза были закрыты. Десантуха, подхватив

старика под руки, оттащил на безопасное расстояние, опустился на колени и ощупал руки и голову деда. Под жидкими седенькими волосенками обнаружил шишку, торчащую дулей. Приложился ухом к бледной стариковской груди и вслушался. Сердце, хотя и не очень ровно, но билось.

«Фу, чёрт, порыбачили... Что делать-то? - лихорадочно соображал Витька. «Скорую» не вызовешь, дороги по берегу нет. Придется по реке, на лодочке».

В лодку деда Корпея парень втаскивал с предосторожностями, опасаясь навредить. Уложив его поудобнее на старенькое одеяло (хорошо, нашлось в лодке), кинулся заводить мотор. Но он был, видимо, лишь чуть моложе своего хозяина: взревел, выдал в воздух струю вонючего газа, простоянно чихнул и замолк.

Витька с досады выматерился, намотал шнур на маховик и вновь дернул. Моторишко не слушался. Парень беспомощно заозирался вокруг: может, чьянибудь лодка покажется? Но на реке тихо.

Мешкать некогда. Закатав штанины до колен, закинул через плечо длинный лодочный ремень и, будто бурлак, потянул посудину против течения, к поселку.

Идти старался быстрее, но мешали крупные камни, которыми был усеян берег. Пот лил градом, лицо облепила кусающе-жалившая мелюзга разного калибра.

С надеждой парень оглядывал изгилистую ленту реки, а сам из всех сил налегал на мокрую, отпотевшую бечеву. Отшагал, наверное, не меньше трети пути, как неожиданно наступил на стекло. Выдернул осколок, наскоро прополоскал ногу, но из-под пальца продолжала обильно сочиться кровь. Направился было к лодке, чтобы перевязать чем-нибудь ступню, но кинул взгляд на старого Корпея и увидел: лицо деда заметно посерело.

Перепугавшись, что не довезет старика, Витька забыл о пальце и поспешно налег на лямку. А вскоре услышал, как от речного поворота доноситсяibri-

рующий, пока едва улавливаемый, рокот
- лодка!

В поселковой больнице Корпей Иваныч быстро пришел в себя. Через пару дней старик позвал к себе Ломова. Десантуха явился без промедления.

- Ну, блин, ты и даёшь, дед! Напугал до смерти. Отчего с коряги-то сковырнулся, старина? - радостно басил на всю палату десантник.

- Ты, Витьяка,шибко-то не ори, голова у меня еще побаливает. Клевало в тот раз знатно. Когда дернуло у меня в очередной раз, давай я снастишку-то забирать по-малу, а зараза эта как опять дернет - да и сорвалась. Кинулся я за потерей, да на беду запнулся о камень... А ты-то как?

Десантуха рассказал, как тащил лодку и боялся одного - не успеть. Дед расчувствовался, закряхтел, глаза взмокли.

- Молодец, парень, не кинул старика. Сам-то, говорят, тоже поранился?

- Все нормально, заживет, как на собаке. Ладно, что ты оклемался, - раскрылся в широченной улыбке Ломов.

Дед Корпей прожил после этой истории не менее десяти годков. И много зорь, вечерних и утренних, они с Витькой встретили на реке.

Витьяка, кстати, остынился, совершиенно оставил драки и вскоре женился.

А на вопросы, что такое с ним случилось, отвечал:

- Произошло переосмысление жизни.

Ирина ГОРСКАЯ

Ирина Васильевна Горская родилась в 1950 году. Окончила Сокольское педагогическое училище, работала по основной специальности в детсадах Белозерска и Сокола.

Стихи и рассказы начала писать еще в юности, но не публиковалась. Первый очерк появился на страницах «Сокольской правды» в 2012 году. Живёт в Соколе.

ТОПОЛЯ

Умирают старые деревья,
Падают под ветром тополя.
Всё прозрачней улицы и скверы,
В городе сиротствует земля.

Тополиный полк хранит наш город,
Ветер, пыль, жара - всё как в бою,
Но деревьев век, как наш, недолг,
Каждый год потеря в их строю.

Свежий аромат весенней смолки,
А в шюле - снегом лёгкий пух,
Но не в моде это, как махорки
Со времён войны солдатский дух.

Ненарядны стали, непарадны...
Стойко, о пощаде не моля,
Как в боях минувших ветераны,
Держатся за землю тополя.

Ольга ГРИБКОВА

Ольга Сергеевна Грибкова родилась, живёт и работает в Соколе. Стихи пишет с детства. Публиковалась только в «Сокольской правде». В сентябре 2013 года в местной типографии вышел в свет сборник стихов «Чем пахнет клевер».

МОЕМУ ПАПЕ

Чем пахнет клевер на лугу?
Так вкусно пахнет.
Я надышаться не могу,
Вдыхая запах.

Такой знакомый и родной,
Такой природный.
Так пахнет скосенной травой
И сладким медом.
Так пахнет теплым молоком
И свежим хлебом.

В лесу журчащим ручейком
И чистым небом.
И летней радугой цветной -
Не наглядеться.
Чем пахнет клевер молодой?
Он пахнет детством.
И я задумаюсь на миг -
Мне скоро сорок.
А жизнь несется напрямик,
Как поезд скорый
Эх, если б можно заглянуть
Обратно в детство.
К плечу отцовскому прельнуть

И потеряться.
И память чуть поворошив,
Припомню лето.
Мы за черникою пошли,
Встлав до рассвета.
И было здорово вдвоем
Нам вместе с папой.
И плавал в воздухе кругом
Тот дивный запах.
Чем пахнет клевер на лугу?
Он пахнет детством...
Вдыхаю с нежностью, реву -
Не нареветься.

Валентина ЗУЕВА

Валентина Владимировна Зуева родилась в Соколе, закончила ЧГПИ, работала педагогом в детском саду. Публиковалась в газетах «Сокольская правда» и «Вперед». Увлекается живописью, спортом, музыкой. Живёт в Соколе.

УДИВЛЯЕТ КАЖДОЕ МГНОВЕНЬЕ

Удивляет каждое мгновенье:
Капелька росы в густой траве,
Соловья чарующее пенье,
Шепоток листвы в березняке.
Ящерка затихла на угоре,
Дятел дробь рассыпал по сосне.

Превратился луг в цветное море.
Жаворонок замер в вышине.
В водах речки скрыта
мудрость века,
Лилии сияют белизной.
На земле кругом такая нега!
Мир преобразился новизной.

Александр КЛИМОВ

Александр Иванович Климов родился в 1960 году. Начал заниматься литературным творчеством в конце 80-х годов. Публиковался в газетах «Сокольская правда», «Русский Север», «Вологодская молодёжь», журнале «Автограф», коллективных сборниках: «Соколом вдохновлённые», «От сердца - к сердцу», «Откровения». Живёт в Соколе.

Загрустило лето на крылечке,
Вспоминая теплые деньки.
И трещат дрова у старой печки,
Превращая время в угольки.

Барабанит дождик по карнизу.
Он порой ударник неплохой.
Где-то листья желтенькие вижу,
Значит, лету скоро на покой.

Солнца угасающее эхо
Затерялось в серых облаках,
В поцелуе, может, бессердечном
У калитки мокрой впопыхах.

Екатерина КОРОСТЕЛЕВА

Екатерина Александровна Коростелева родилась в 1958 году в Соколе. окончила Сокольское педагогическое училище. С 1976 года является членом литературного объединения «Сокол». Стихи Е. Коростелёвой публиковались в газетах «Вологодский комсомолец», «Северная магистраль», в коллективных сборниках стихов: «От сердца - к сердцу», «Откровения», «Смотрит желтеньким глазком белая ромашка», «Соколом вдохновленные», «Взмахните, ангелы, крылами». В 2013 году выпустила сборник стихов «Островок босоногого детства». Номинант премии «Филантроп» 2012 года. Живет в Соколе.

ПО ОСКОЛКАМ

Я бежала, спешила
По разбитому льду.
У судьбы не просила,
Повстречала беду.

Где пустою глазницей
В ночь взирает окно,
Где не спится, не снится
И не пишется, но...
В той ночи колобродит

Ветровей-снеговей,
Заметает-разводит
Судьбы разных людей.

И в чужое пространство
Проникает, вершит,
Где вода с постоянством
Лед весною крушит.

По осколкам - не больно.
Сквозь бессонные сны...
Спрячу счастье в ладонях,
Не спугни. Не спугни.

Людмила КУЗНЕЦОВА

Людмила Алексеевна Кузнецова родилась и живёт в Соколе, работала следователем в местном ГОВД, майор юстиции в отставке. Пишет стихи и прозу. Публиковалась в газете «Сокольская правда», поэтическом сборнике «Венок Некрасову» (г. Москва, Центральная библиотека имени Некрасова), журнале «Настроение» (г. Архангельск). Финалист нескольких литературных межрегиональных конкурсов. Живёт в Соколе.

День хмурым был. Тяжёлых туч
Давила тень на огороды.
Потерянный амбарный ключ
Ржавел на грядке. И погоде
Казалось, был не рад никто.
А над избой узорный дымник
Укутан в серое пальто
И длинный шарф, но он противник
Тяжёлых выдохов печных.
Соседний клён опёрся веткой

На крышу - так очередных
Осадков ждут. Они нередко
Теперь бывают. Всё равно
Холодный день и сумрак влажный
Нужны мне. Боже, как давно
Мой дом живёт. Мне видеть важно
Его и клён - как во хмель,
В дыму угарном - ствол и крону.
Взгляну на всё, шепну «люблю»,
И ржавый ключ тихонько трону...

Сергей ЛОПОТОВ

Сергей Владимирович Лопотов родился в Пермской области в 1951 году. Образование среднее. Служил в пограничных войсках, работал в бумажном цехе Сокольского ЦБК. Живёт в Соколе.

КОНЕЦ ФЕВРАЛЯ

*Раз, два, три. На пальцах подсчитываю:
До весны осталось десять дней.
Снег зимы подтаивает с краю,
Мальчик кормит хлебом голубей.
Вязкий снег, и лепятся комочки,
И швыряют школьники снежки.
По минуте убывают ночи,
Прибывают светлые дни.
Десять дней - всего одна декада,*

*Плачут во дворах снеговики,
Вышло время выюг и снегопада,
На душе - весенние стихи.
Солнце поднимается всё выше -
До вершин берёз и тополей.
Обросли сосульками все крыши -
Множество на улице детей.
Воробы воспрыяли и синички,
Чуют приближение тепла,
Запоют зимующие птички,
Зазвонят весны колокола.*

Александра МАКУРИНА

Александра Дмитриевна Макурина родилась в 1941 году. В 1971 году окончила факультет русского языка и литературы ВГПИ. Работала в школе, затем - в правоохранительных органах.

В 1992 году в звании капитана вышла на заслуженный отдых. Автор книги «Город моего детства». Публиковалась в газетах «Сокольская правда», «Уездные новости», коллективных сборниках «Соколом вдохновлённые», «Откровения», «Кадников поэтической строкой», «Кадников. 230 лет». Готовит к печати книгу «Под северным небом». Живёт в Соколе.

ЛЕЛЬКИНА КАША

У наших соседей вошло в привычку подкармливать остатками пищи кошек, собак, птиц. Во дворе есть канализационный колодец, в нем зимой тепло, и крышка всегда свободна от снега. На эту крышку выкладывают остатки. И сколько ни клади, она всегда чистая.

Однажды вижу: сидит на крышке белый кот Лелик. Он когда-то жил в нашем доме. Сейчас живет через дорогу, на соседней улице. Но ходит постоянно во двор к нашим кошкам, а то и в подъезд, к дверям старой квартиры.

Сидит на крышке Лелик, а перед ним горкой небольшая кучка каши. Вокруг него дюжина ворон и одна сорока. Скачут, суетятся. Со всех сторон прыг, прыг к крышке боком. Голову изогнут, клюв вытянут и пытаются дотянуться до каши, клюнуть, как-то подцепить хоть кручинку. Крутятся, крутятся таким хороводом птицы вокруг кота. И сорока от них не отстает, тут же трясет своим хвостом. А Лелик, как

Кошкой над златом, сидит невозмутимо, не реагируя на вороньи попытки украсть у него из-под носа кашу. Уставился в одну точку, сам не ест и им не дает. Сидит без движения. Распустил длинный, белый с дымчатыми пятнышками хвост. Только на хвосте у него пятнышки. Сам он весь белый. На белой его морде всегда видны следы былых сражений: болячки, шрамы, грязные пятна. Но что интересно: в холд хвост у него вытянут, а земли не касается и просто висит над нею.

Одна крупная и хитрая ворона решила кота отвлечь от каши. Подскочив к нему сзади, клюнула его в кончик хвоста раз, другой. Кот повернулся в ее сторону морду, но хвост не подобрал и с места не сдвинулся. Ворона опять нацелилась, скакет у хвоста, пытаясь его клюнуть. Лелик не выдержал такой наглости, поднялся на лапы, завертел хвостом. Пока он обращал внимание на ворону, остальные ее друзья и подруги стали хватать кручинки каши.

Коту это не понравилось. Он, подобрав хвост, решил сам есть кашу, приступил к трапезе. Поел немного, остановился в раздумье: нет, не та пища, не по вкусу она ему. Постоял, подумал и медленно пошел в сторону. Отшел на полметра. Что тут стало! Все пернатые накинулись на кучку. Начался пир. А ее же мало. Крик, шум! Кто скорее ухватит крупинки? Много за один раз не ухватишь, рассыпаются. Лелик повернулся на шум. Засмотрелся на своих противников, расправляющихся так бесцеремонно и быстро с его кашей. А хитрая ворона кашу клевать не стала, она решила преследовать Лелика. Подскочит

к нему и пытается клюнуть, ухватить его за кончик хвоста. Кот в растерянности: спереди пернатые скачут, уничтожая кашу, сзади ворона атакует.

Он и на ворон посмотрит, и от старой отмахивается. А она совсем обнаглела, скачет и хватает Лелькин хвост. Схватит за кончик и потянет его в свою сторону. И длилось это, пока каша не исчезла. Вороны и сорока, подобрав все до последней крошки, взмыли кто на дерево, кто на крышу сарая, стали чистить клювы, перебирать перышки. Улетела с ними и забияка. Лелик остался один.

Подумал-подумал и побрел в освояси.

Марта САМОХВАЛОВА

Марта Андреевна Самохвалова родилась в 1938 году в Киеве. Окончила машиностроительный техникум, в Сокол приехала по распределению, работала инженером-конструктором ремонтно-механического завода. Стихи пишет с детства. В «Сокольской правде» печатается с 2002 года.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Как подсолнух в солнышко влюблен,
Пусть и нет надежды на свиданье,
Так и люблю на расстоянии,
Хоть ты и не знаешь ни о чем.

Но подсолнух золотой головкой
За любимым целый день следит.
Если бы ты солнышком был, Вовка,
Я б подсолнухом хотела быть.

Татьяна ТРУБАКОВА

Татьяна Александровна Трубакова родилась в 1950 году. Окончила Вологодский строительный техникум, работала мастером, прорабом, старшим прорабом, главой города Кадникова. Стихи начала писать в 1974 году. Публиковалась в газете «Сокольская правда». Живёт в Кадниково.

ПАНАМКА (ШУРА)

Из детства вырвана страница;
Четыре года, как во сне...
И до сих пор мне голод снится
И я с панамкою в овсе...

Руками убирали поле
Солдатки, вдовы, молодежь
И пели песнь о женской доле,
О тех, кого уж не вернешь...

Мне только пять, но твердо знала,
Что голод - дома хлеба нет.
И я в панамку собирала
По зернышку себе обед...

Нам везёт на хороших людей!

О творческом конкурсном проекте
«Сочини мелодию» в Белозерске

Год литературы знаменателен не только изданием новых книг, встречами с писателями, читательскими конференциями... Традиционные формы включения людей в литературную жизнь требуют обновления, ведь книга сейчас занимает в нашей жизни катастрофически уменьшающееся место. Не стоит думать, что всё потеряно и дети уже не отзовутся на слово, - нет, они готовы понять красоту классической поэзии, только нужно ярко и убедительно показать им её. В этом смысле очень полезными были уроки, полученные преподавателями и учениками Белозерской детской школы искусств в ходе проведения творческого конкурсного проекта «Сочини мелодию». Организаторы предложили юным музыкантам написать песни на стихи поэтов-земляков: Сергея Орлова и Сергея Викулова, Николая Александрова и Валерия Судакова, Леонида Беляева и Ольги Фокиной. Конкурс длился четыре года и стал явлением в культурной жизни всего Белозерска, а не только школы искусств. Возможно, что и в Год литературы белозёры смогут услышать полюбившиеся им песни, созданные юными композиторами на стихи вологжан.

О том, как проходил конкурс «Сочини мелодию», рассказывает руководитель творческого проекта, преподаватель школы искусств Татьяна Владимировна Самсонова.

ЧЕЛОВЕКУ ХОЛОДНО БЕЗ ПЕСНИ

Для первого этапа нашего конкурса, который прошел в апреле 2011 года, мы выбрали творчество Сергея Орлова. Почему именно его? Хотелось сразу дать конкурсу верный тон, показать, что главная задача участников - воспеть красоту родного края.

*В незапамятном детстве раннем
Я увидел свой первый город -
Сказкою о царе Салтане
Он открылся мне с косогора.
Вал зелёный у вод блескучих,
Стены сахарные над валом,
Золотые луковки в тучах
Лента радуги обвивала.*

«Акрополь»

Эти волшебные строки запомнились мне с детства, стали для меня идеальным выражением любви к Белозерску - и, конечно, именно с них хотелось начать конкурс, каждый участник которого получил возможность признаваться в любви к родному

Татьяна Самсонова и её ученица Евгения Громова

городу. Повлияло на решение начать проект именно с поэзии Сергея Орлова и то, что в 2011 году Белозерск торжественно отметил 90-летие со дня его рождения.

Каждый тур конкурса имел своё название; первым девизом стала орловская афористичная строка: «Человеку холодно

СОЧИНИ МЕЛОДИЮ

Вологодские поэты, стихи которых положили на музыку юные белозёры

Николай Александров на городском валу в Белозерске

без песни». В жюри пригласили сотрудников музея Сергея Орлова Нину Анатольевну Колосову и Ирину Анатольевну Богомолову. Песни-лауреаты прозвучали на праздновании юбилея поэта и в Белозерске, и в Санкт-Петербурге (об этом рассказано в № 3 журнала «Вологодский ЛАД» за 2011 год). Участники юбилейных мероприятий тепло приняли и «Песенку»

Полины Поздыниной, и «Облако за месяц зацепилось» Натальи Есиной, и «Всплошную голубым узором» Ларисы Даниловой.

ЕСТЬ ВЕРА В ИСПОЛНЕНИЕ НАДЕЖД

Поэты, на стихи которых за эти три года написаны песни, - разные; их объединяют землячество и любовь - нежная, верная, огромная сыновняя любовь к малой родине. Мы выбирали не по степени известности, не по количеству наград; хотелось дать ребятам в качестве литературной основы их песен настоящую поэзию, проникнутую любовью к родному краю. Так, следом за знаменитым Сергеем Орловым, который, как и его друг Сергей Викулов, родился в селе Мегра, что стояло на берегу Белого озера, мы представили еще одного уроженца этого древнего села - Николая Алексеевича Александрова. Его поэзия стала основой для композиций учащихся ДШИ на втором

Песню на стихи Геннадия Веденеева «Белые плачут берёзы» исполняют Светлана Савина (автор музыки) и Евгений Веселов (аккомпанемент на гитаре)

этапе, который называли строкой: «Есть вера в исполнение надежд». Этот тур прошел 2 декабря 2011 года.

Очень высоко отзывался о стихах Николая Александрова наш земляк, народный артист РФ Юрий Иванович Каюров. По его мнению, Александров - настоящий поэт, только, к сожалению, мало кто его знает. Конечно, мне захотелось рассказать о таком поэте как можно шире - если и не всему миру, то хотя бы Белозерску. Уже много лет Н. А. Александров живет в Белоруссии, руководит независимой газетой «Брестский курьер». В 2010 году Николай Алексеевич, тридцать лет до того не бывавший на своей малой родине, посетил Белозерье и оставил землякам в подарок свою чудесную книгу «Долгий путь в Китеж». Запали в сердце размышления автора, названные «Время дня»:

...А у времечка норов бывал
беспринчно крутым,
Заволакивал очи слезами
отечества дым.

Отчего ж в проквожённой
ветрами времён тишине
Только светлая эта струна
отзывается мне?

И не помнится злого.
Садится на сруб стрекоза.
Словно с фрески Рублёва,
глядят в мою душу глаза,
Чтобы вынуть со дна,
осторожным ведёрцем звения,
В чуткой дрожи воды
отражение чистого дня.

Программа вечера получилась очень насыщенной. Стихи поэта в исполнении Наташи Есиной перемежались конкурсными песнями. Мы показали видеовыступление Николая Алексеевича, в котором он благодарил организаторов и участников конкурса за обращение к его стихам и пожелал творческих успехов. Интересно, что стихотворения «Где ночевала река?» и «В стоячей воде не отыщешь следа» вызвали интерес сразу у нескольких ребят,

и зрители могли сравнивать, чья музыка ярче отражает замысел автора. Лучшей песней на стихи Николая Александрова была признана песня Полины Поздыниной «Есть вера в исполнение надежд».

Добавлю, что песни на стихи Николая Александрова прозвучали в исполнении авторов музыки на встрече поэта с земляками в зале Белозерской детской школы искусств 23 августа 2012 года. Об этой встрече писал «Вологодский ЛАД» в № 1 за 2012 год.

СПАСИБО, ДИВНЫЙ ВЕЧЕР

Со стихами Валерия Судакова учащиеся и преподаватели школы искусств знакомы давно - еще в 2002 году мы принимали участие в презентации его сборника «Снега плавятся» в Белозерске. Результатом творческого содружества поэта и белозерского музыканта, выпускника нашей школы искусств Николая Грошикова стали два песенных альбома: «Не молчи, любовь» и «Спасибо, дивный вечер», в которых все песни были исполнены мною. Эти песни звучали на областном радио и на «Радио России»; они используются в качестве методической литературы в нашей школе. Мои ученики исполняли эти песни на разных концертных площадках Белозерска. Так что «судаковский» вечер для многих учащихся стал обращением к хорошо знакомому поэтическому материалу.

Мы назвали этот этап строкой из стихотворения Валерия Васильевича :«Спасибо, дивный вечер», состоялся он 13 апреля 2012 года. Лучшей песней этапа была признана песня Натальи Есиной «Благодарю»:

*Вы зажигаете зарю
Простым и мудрым: - В добрый час!
За тёплый свет от Ваших глаз,
За всё, за всё благодарю!
За самый верный Ваш совет,
За то, что я добро творю,
За то, что верю я в рассвет,
Благодарю, благодарю!..*

«Вологодский ЛАД»

Юные сочинители музыки на встрече с поэтом Николаем Александровым

Валерий Васильевич, светлая ему память, считал себя нашим земляком: его прапур сражался на Куликовом поле. Мы готовили творческий вечер В. В. Судакова - к сожалению, встреча не состоялась. Память о поэте хранят песни, сочинённые нашими детьми на его стихи.

ЕСТЬ ДУША У ЧЕЛОВЕКА

Первые три этапа конкурса проходили в концертном зале детской школы искусств. В августе 2012 года, в дни празднования солидного юбилея Белозерска, состоялось очень значительное для города событие - открылся Культурный центр имени Сергея Васильевича Викулова. Заслуги Сергея Викулова перед русской литературой велики: именно он создавал Вологодскую писательскую организацию, впоследствии много лет был главным редактором журнала «Наш современник», который поддерживал все патриотические литературные силы страны - и вологодских прозаиков и поэтов в том числе.

Лидия Сергеевна Беляева, вдова поэта: «Мы от всего сердца благодарны за память о Леониде Александровиче»

С открытием «Центра Викулова», как чаще всего белозёры называют новую культурную площадку, естественным было проведение «викуловского» этапа конкурса «Сочини мелодию». Он состоялся 29 ноября 2012 года и назывался «Есть душа у человека». Дочь поэта, Полина Сергеевна Викулова, позаботилась, чтобы юные композиторы могли исполнять свои произведения на современном цифровом фортепиано CELVIANO.

Песня Ларисы Даниловой «Журавли» заслуженно была признана лучшей. Она написана на стихотворение, посвященное Викуловым другу и земляку - поэту Валерию Дементьеву.

Дороги пали. Сходит снег с полей.
И с каждым днём в природе
больше синего...

О, как я понимаю журавлей,
Летящих в это время над Россиею!

«Курлы! Курлы!» -
разносится с утра
И в небесах,
и в талых водах плещется.
О, как оно похоже на «ура!»

Вернувшихся домой сынов
Отечества!

«Курлы! Курлы!» -
Но старший держит строй,
прокладывая путь
в обитель старую.
О, как хочу я вешнею порой
стать журавлём,
лететь домой со стаю!

Пускай покуда заморозки там
и лёд ещё стоит,
но мне не терпится,
как этим в небе ранним журавлям,
скорее с милой родиною
встретиться.

Тепло были встречены и другие песни на стихи Сергея Викулова: «Годы» Светланы Савиной, «Деревьям снятся листья» Евгении Громовой, «Черёмуха» Екатерины Строгалевой, «Деревенский рассвет» Максима Крупичатова, «Дождь» Савелия Смирнова... Этот этап конкурса превратился в литературно-музыкальный вечер. В нем участвовал весь город: и сотрудники Центра, и школьные преподаватели литературы, и музейные работники... Впервые выступали родители конкурсантов. Кто-то оценивал конкурсные работы, кто-то читал стихи - дел хватило всем, и все проявили увлечённость и умение.

Отмечая общую активность в проведении вечера, Полина Сергеевна подарила каждому участнику конкурса книгу своего отца «То плуг, то меч» - в память о поэзии Викулова и о конкурсе песен на его стихи.

ЖИЗНЬ ПО-ПРЕЖНЕМУ ХОРОША

Очень важное достоинство конкурса «Сочини мелодию» - культурная преемственность поколений. Она выражается не только в том, что юные композиторы встречаются с произведениями поэтов, которые гораздо старше их - и, соединенные общим творчеством, преодолевают временной разрыв. Преемственность сохраняется от одного этапа до другого. Мы помогаем молодым музыкантам

вслушиваться в прошлое, мы вовлекаем их в творческий процесс. Важнее всего - что мы предлагаем новому поколению белозёров распахнуть своё сердце в любви к родному городу. Так, как это делал один из любимых белозёровыми поэтов-земляков - Леонид Беляев. Представляем его стихотворение, которое точно отражает отношение этого замечательного человека к жизни и людям.

*Мне везёт на хороших людей,
Я на каждом шагу их встречаю:
Чуть замёрз -
приглашают к чаю,
Впал в раздумье -
подбрасывают идеи.*

*И светлеет ответно душа,
Горизонты мои яснеют.
Жизнь по-прежнему хороша,
Снова в близких друзьях я с нею.*

*Доброта наша, не скудей -
Соучаствуй, поддерживай, радуй...*

«Наши конкурсанты от этапа к этапу взрослели, набирались опыта, - вспоминает Татьяна Владимировна. - Всякий раз мы устраивали читку стихов, и меня поражал их выбор: ребята обращали внимание на философские стихи, на стихи, посвящённые дружбе, теме войны, теме памяти».

*Самой лучшей считаю наградой,
Что везёт на хороших людей.*

Поэт во всём стремился видеть хорошее - и находил его. И показывал своим читателям, зрителям - Леонид Александрович был журналистом, работал в белозерской районке, а с 1966 года - на област-

Преподаватель школы искусств Е. А. Акимова с участниками конкурса Ксенией Строгалевой и Савелием Смирновым

ном телевидении. Леонид Александрович с увлечением занимался краеведением, 30 лет возглавлял Череповецкое городское литературное объединение, многим начинающим поэтам дал путёвку в жизнь.

Белозёры чтут память своего выдающегося земляка: на доме родителей Леонида Беляева установлена памятная доска с барельефом поэта, в районной библиотеке собраны материалы о жизни и творчестве поэта, в литературном музее Сергея Орлова устраиваются экспозиции к юбилейным датам Леонида Беляева.

Конечно, наш конкурс не мог обойти творчества Леонида Александровича. Этап, посвященный его поэзии, состоялся 12 апреля 2013 года. Было очень приятно - но и очень ответственно - встречать вдову поэта, Лидию Сергеевну, приехавшую к нам с сыновьями. Участники конкурса были рады, что близкие белозерского поэта высоко оценили наши старания. Лидия Сергеевна поделилась своими впечатлениями: «Мы восхищены. Музыкальный конкурс выше всяких похвал. От всего сердца благодарны организаторам и участникам вечера за ту память, что они хранят о Леониде Александровиче. Дети удивили своей способностью чувствовать стихи, исполнять песни, сочинять музыку. Удивительно, что родители участвуют в таких мероприятиях: поют вместе с детьми, читают стихи, поддерживают их». Вдова поэта отметила, что проект «Сочини мелодию» позволяет «погрузиться в поэзию, создаёт условия для творческого общения, обмена опытом».

Особенностью этого этапа конкурса стало «углубление» семейного партнёрства: мамы участниц не только читали стихи, но и стали исполнителями песен своих дочерей. Нина Владимировна Поздынина («Открытие катка») и Елена Васильевна Громова («Вечером зимним») украсили наш вечер.

СОКРОВЕННАЯ ВЕРНОСТЬ

Когда я решила предложить участникам очередного этапа конкурса стихи Ольги Фокиной, долго не могла найти

Лариса Данилова стала лауреатом не только конкурса «Сочини мелодию», но и областного фестиваля «Перезвоны»

подходящую строку для названия вечера. Нашла в стихотворении «Вологодскому обкому комсомола»:

...Не верю, что вся современность -
В романтике сверхскоростей!
Храню сокровенную верность
Раздольности русских полей.

Так и назвали этап - «Сокровенная верность».

Поэзия Ольги Александровны необыкновенно плаstична и лирична, недаром на её стихи создано так много красивых песен. Для меня первое сильное впечатление от творчества Фокиной - стихотворение «Подснежники», которое я услышала в начале семидесятых годов прошлого века на школьном вечере. Плакала навзрыд не я одна...

Ёмко высказался о творчестве поэтессы Николай Александров: «Ольга Фокина - поэт природный, родниковый, от корней народных произросший на родных просторах. В ней неразрывна связь с северной песенностью, языком прежних

поколений. И чувства её - радость ли, боль - естественны, им веришь с ходу. Она творит без изысков словесных, но кажущаяся простота её таит глубину души. Это как вологодские кружева: вроде и неброско, как снежок нападавший, а ведь сколько кропотливого труда вложено, сколько разнообразия в этом плетении. Фокина была, есть и будет необходимейшей частью вологодского поэтического ландшафта».

*Лес да лес... А за лесом что?
Море ли? Горы ли?
Грусть да грусть... А за грустью - что?
Радость ли? Горе ли?*

*Верно, радость - ведь ты придёшь.
Пусть мы с тобой и спорили.
Дум беспокойных уймёшь галдёж -
Скоро ли? Скоро ли?*

*Милый, кого я в тебе найду?
Друга ли? Вора ли?
Встречи с тобою, как счастья, жду -
Скоро ли? Скоро ли?*

К сожалению, Ольга Александровна не смогла присутствовать на вечере, состоявшемся 22 ноября 2013 года. Позднее мы дали поэтессе возможность прослушать песни на её стихи, и она отозвалась о нашем проекте с благодарностью и те-

плотой. Умилили Ольгу Александровну песни дебютанток, среди них - «Ти-ши-на» Наташи Терешонок, написанная на стихотворение «На лесные тропки».

Песни участники конкурса представили разножанровые. Так, «Памяти матери и её ровесниц» Светы Савиной написана в жанре причета, а песня «Славно зимой» Евгении Громовой (на стихотворение «Злато и серебро сыплются с неба»), традиционно состоящая из нескольких куплетов, дополнена яркой кодой - своеобразным восклицательным знаком.

Удавшийся вечер позволил организаторам смело считать: проект состоялся, он развивается и уже создал определенные традиции, среди которых - участие и родителей наших учеников, и преподавателей школы искусств.

КАРАВАН МЕЛОДИЙ

Можно ли обять необъятное? Конечно, нет! Хорошо это понимая, в апреле 2014 года мы завершили проект этапом «Караван мелодий». Заключительный аккорд составили песни, родившиеся в соавторстве с поэтами, творчество которых уже использовалось на конкурсном пути. Проект привлек внимание и самодеятельных авторов, среди которых череповчанин, родившийся в Белозерске и окончивший здесь среднюю школу № 1, - Геннадий Николаевич Веденеев и преподаватель изобразительного искусства школы искусств Нина Герасимовна Клубкова.

Отмечу необыкновенно красивое, эмоциональное звучание песни Савелия Смирнова «Колокол на Руси» на стихи Сергея Викулова - действительно, словно набат раздавался в зале Центра Викулова. Исполнила эту песню мама Савелия - Светлана Юрьевна. Евгения Громова исполнила мою мечту: написала музыку к стихотворению Николая Александрова «Боже, сохрани мою любимую»; свою нежную и камерную песню Женя назвала «Молитва». Песня Ларисы Даниловой «Будем помнить» на стихи Валерия Судакова

Организаторы V областного фестиваля творчества самодеятельных композиторов «Перезвоны» вручили Татьяне Владимировне Самсоновой Благодарность областного научно-методического центра культуры «За плодотворную творческую деятельность, приобщение молодого поколения к искусству».

вновь обратила нас к теме памяти о Великой Победе в Великой Отечественной войне. «Кружевную» мелодию написала Светлана Савина к стихотворению Нины Клубковой «Метёт по городу метель».

ЯРКОЕ И ПОБЕДНОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Формально проект «Сочини мелодию» завершился «Караваном мелодий». Однако уже после этого этапа белозерский конкурс заявил о себе в Вологде, на V областном фестивале творчества само-деятельных композиторов «Перезвоны», которым завершился 2014 год - Год культуры.

Сочинения юных музыкантов Белозерска прозвучали на высоком уровне ярко и победно. Лауреатами в номинации «Композитор» стали Светлана Савина с песней «Памяти матери и её ровесниц» (стихи Ольги Фокиной), Лариса Данилова с песней «Будем помнить» (стихи Валерия Судакова) и Татьяна Самсонова со своими песнями «Счастье» на стихи Сергея Викулова и «За восемь часов до войны» (стихи Геннадия Веденеева).

Песни каждого этапа проекта собраны в альбомы, записи подарены в школы, детские сады, училища и техникумы. Можно сказать, что они не лежат без дела - их активно используют в повседневной работе с детьми. Всех, кто помогал стихам наших земляков обрести музыкальное звучание, перечислить невозможно, их очень много.

Но нельзя не поблагодарить коллег по Белозерской школе искусств: Г. В. Трофимову, И. С. Зaborскую, Т. В. Швецову, Е. А. Акимову. Неоценим вклад в наш общий проект заведующей Культурным центром имени Сергея Васильевича Викулова Л. В. Большаковой и сотрудника центра Е. Б. Апаренко. Спасибо за поддержку председателю клуба «Дети войны» Е. Я. Скобелевой, а также сотрудникам районной библиотеки.

Благодаря их поддержке и заботе все участники проекта «Сочини мелодию» вслед за Леонидом Беляевым могут смело сказать, что им везёт на хороших людей.

**Татьяна САМСОНОВА,
руководитель проекта
«Сочини мелодию»**

Преподаватель ДШИ Нина Герасимовна Клубкова и Светлана Савина - авторы песни «Метёт по городу метель»

С любовью о Двинице

Берегу родительский дом и собираю материал по истории своего поселка Двиницы (Междуреченский район, устье реки Двиницы). На карте района его уже не стало.

Более 10 лет собираю - и вот решилась предложить напечатать: вдруг еще кто откликнется - из бывших жителей Двиницы, их потомков.

Тысячи прошли через ее лесозаготовки и сплав: сезонники и кадровые рабочие, сосланные и добровольцы, направленные партией и комсомолом, «лишенцы», вербованные, «принудиловцы», беженцы и переселенцы-поляки, белорусы, украинцы, пленные немцы.

Заросшая быльем моя деревня, мой поселок лесников и кирпичников, сейчас прирастает новыми домами. Правда, пока только охотников-рыболовов. Особое спасибо тем, кто берег и укрепляет свои родительские дома.

Предлагаю редакции три сюжета из главы моей книги о родине «Былинки». Авторы - двинчане.

**Татьяна КОРОТКОВА,
дочь Георгия и Марии (Паныгиной).**

**Приглашаем всех!
Ежегодно собираемся - пока
не со всей России - в Двинице
на «Двиничный костер».
Летом 2015-го будем
устанавливать памятный
знак (Поклонный крест
и камень со словами: «Воинам
и труженикам поселка
Двиницы»). Приглашаем всех:
Шуйское, последняя суббота
июля, 14.00, пристань -
от нее до Двиницы 10 км.**

«ЗА СВОЙ ЩЁТ»

Сашка у нас в шесть лет с питиурчкой косиу, дак - в шесть лет! «Пойду косить, сделайте мне косу».

Сделали маленъкую косу, черенок маленький. Я спрашиваю: «Чево в садик-то не ходишь?» - «Я взяу отпуск за свой щёт...»

Л. С. Морокуева (Синицина).

Родители приехали в Двиницу из

д. Поплевик. Живёт в с. Шуйское

«ПО СОУНЫШКУ»

Каравашек* - перед Туровским болотом. Каравай - горушкой. Песочек, всё там сосны росли. Жар-то над болотцем, марево. Си-изо так, как бы переливается. И хилые берёзки, сосенки на болоте. Куда домой - не знаю.

Мама посмотрит-посмотрит кругом: «Деуки, вон туда». Точно выведет на Каравашек.

Нам дак сроду бы не выйти с болота, а она не блудилась никогда. И в город переехала, дак ей не надо объяснять: «...Я по соунышку...»

З. Н. Галкина (Евдокимова).

Родители перебрались

на Глебов остров из д. Петрищево

или Оброшино. Живет в Вологде

ГРУЗДИ

У нас ведь рядом грибы, дак и с ребятишкам (еще маленькими) ходили. На Канаву всё. Груздей там не было. А за груздям ходили по Двинице - за плотиной, от берега километра не будёт. Там ишчо Паня Кулёва косила, чишчэнъё есь.

Бот на это чишчэнъё мы как-то зашли - ну как груздей, дак бело! Мы наберём корзины - на лодку. Вывалили да опять пошли. Набрали много. Всяко теперь это место багулою заросло. Теперь-то уж худо грибам - все завалили да вырубили...

А. А. Якушева (Шувалова).

Семья прибыла из Озерён.

Живут в с. Шуйское

* Каравашек (Каравай) - местечко в лесу Сокольского района

...Над степью радуга ранена свинцом

Стихи и проза писателей Новороссии

Война, внезапная и страшная, пришла туда, где устали от боёв ещё отцы, деды и прадеды ныне живущих. Никто не хотел войны. Но она ворвалась в мирную жизнь, делая вчераших мальчишек или суворых, привычных к тяжкому труду шахтёров солдатами, а их матерей и жён - солдатками... Война пришла и в стихи и прозу. Очень хочется, чтобы в поэзию, в души, в дома наших сестёр и братьев наконец-то пришёл мир.

Владислав РУСАНОВ

Владислав Адольфович Рusanов родился 12 июня 1966 года в Донецке. Окончил Донецкий политехнический институт (1988 г.), кандидат технических наук, доцент. Прозаик, поэт, переводчик. Автор восемнадцати романов. Заместитель председателя правления Союза писателей Донецкой Народной Республики. Проживает в Донецке.

ВАЛЬС ОБРЕЧЁННЫХ

*Нас не язвите словами облыжными,
Жарко ли, холодно?
По обстоятельствам...
Кто-то повышенные обязательства
Взял и несёт, а мы всё-таки выживем.

Мальчики с улиц и девочки книжные...
Осень кружится
в кварталах расстрелянных.
Знают лишь ангелы срок,
нам отмеренный,
Только молчат, а мы всё-таки выживем.*

*Не голосите, холёно-престижные,
Будто мы сами во всём виноватые.
На небе облако белою ватою
Мчит в никуда, а мы всё-таки
выживем.*

*Не разобраться, что лучше,
что ближе нам?
«Шашки подвысь, и в намёт, благородие!»
Нам смерть на Родине,
вам же - без Родины.
Вот как-то так...
А мы всё-таки выживем!*

Майя КЛИМОВА

Майя Юрьевна Климова (Пирогова) родилась 20 мая 1965 года в Донецке. Училась в ДПИ, СГПИ. Публиковалась в журналах «Озарение», «Многоточие», «Семейка» и других. Лауреат международного литературного фестиваля имени Натальи Хаткиной «Камбала». Хозяйка литературного клуба «Тринадцать».

ЛИШЬ БЫ...

*Лишь бы мой личный ветер
не стал воронкой над городом
Лишь бы мой верный враг
не объявил меня мертвой
Лишь бы бирки на новом платье
не были грубо спороты
Лишь бы буквы моей любви
не оказались стерты*

*Фонари за моим окном
в сером тумане спрятаны
В моем доме гостям подают
отравленное вино
Никто от него не умрет,
только темными пятнами
Расплывается по белой скатерти тот,
с кем другим темно
Лишь бы только не видеть звезд
по небу ночному россыпью*

Лишиь бы мертвым закрыть глаза,
а живым продолжать дышать
Лето красное позади
и кровавые тени у осени
Лишиь бы только хватило сил,
когда страшно, не убежать
Фонарям за окном всё равно,
что в подвалах постели погостами
И что маленькою рукой
в полутьме нарисован танк
Бог не видит и Ангел спит,

когда тело укроют простынью
Когда доктор, закрыв глаза,
снова выпишет страшный бланк
Но туман за окном рассеется,
и однажды рассеются горести
Из клеток выпустят птиц,
и они улетят домой...
А пока крепко спит мой дом,
убаюканный чистой совестью.
Тихо спит нарисованный танк.
Мне подаренный. Мне. Живой.

ВОЙНА

Был удар выше кисти,
был медленный, медленный яд,
Сталь смертельная в пальцах
и след самолёта вдали,
Говорил, что не мистик
и «свой» не услышав снаряд,
А всё сказано раньше,
смотри на картинах безумца Дали.

Погребальным костром
догорает сегодня закат,
И не греет ни он,
ни последняя пачка «Пришук»,
Уходящие в ночь догорают в «коробках».
Покат
Склон, усеянный соснами
не на морском берегу.

Красно-жёлтые дни миновали,
и вновь воцарилась зима,
Есть земля и есть небо,
и многим захочется спать,
Если очень хочет, то не видно,
что где-то тюрьма да сумма
И что время течёт
и тихонечко движется вспять.

И, как прежде, на пламя слетается
чёрное племя ворон,
Где-то - в чат, а где сразу
в квартиры стучат,

Звёзды смотрят волками,
луна свет струит между крон,
Неподвижны, прищелы застыли
в её беспощадных лучах.

Города, как и в старь,
не в дорожной петле, а в петле из руин,
Перемен захотели сердца и глаза,
и в горячей пульсации вен -
Поскорее нажать на курок,
чтоб порядковый номер - один,
В ослепительных снах - «волчий крюк»
на шевроне. Амен.

Что же, каждому яблоку нынче
есть место, куда бы упасть.
Вор на воре ворует,
и глотки грызут волкам Псы,
Над убитой осколками дочкой
застыла убитая ужасом мать.
Те, кому умирать молодым,
смерть чужую кладут на весы.

Всякий может платить,
но не самой высокой ценой.
Нарисуй мне портреты погибших
на этом пути от начала начал...
Как-то раз ко мне в сон,
словно в бой, приходил Виктор Цой.
Был совсем как живой.
Почему-то молчал.

Глеб ГУСАКОВ

Глеб Владимирович Гусаков родился 23 октября 1966 года в Донецке. Писатель-фантаст, вместе с А. В. Христовым известен под псевдонимом Ярослав Веров. Автор восьми романов и нескольких десятков повестей и рассказов. Кроме того - реставратор, издатель, директор фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг» и литературного семинара «Партенит». Многократный лауреат различных фестивалей, обладатель премий «Интерпресскон», «Золотой Кадуцей», «Серебряная стрела», «Чаша Бастиона».

Михаил Афонин

Михаил Евгеньевич Афонин родился в 1974 году в Донецке, где и проживает по сегодняшний день. Окончил Донецкий национальный технический университет.

Предприниматель. Свои произведения публиковал в периодических изданиях.

Номинирован на Национальную литературную премию «Поэт года - 2015».

О ВОЙНЕ

Да гори оно всё синим пламенем!

Хоть со зданием,

Хоть со знаменем.

Там печаль умножается знанием,

И уже не согреться дыханием.

Пропадёт оно пусть скорей пропадом!

Вместе с доводом,

Вместе с поводом.

Там остались, кто выглядел молодо,

Не увидят ни солнца, ни холода.

Всё пройдёт. Это не исключение.

Будет мщение,

Будет прощение,

Восполнение и возрождение.

Так теперь принимают крещение...

Марина БЕРЕЖНЕВА

Марина Сергеевна Бережнева родилась в Донбассе. Окончила Новосибирский государственный педагогический университет. Рекламист, маркетолог. С 12 ноября 2014 года - и.о. министра информации ДНР. Стихотворения публиковались в сборнике «Многоцветье имен», газетах и журналах, в том числе в «Украинской литературной газете» (2014 г.).

*На линию фронта ходили трамваи,
За линию фронта маршрутки ходили.
Дончане тем летом так много узнали
О людях, о жизни, о Боге, о мире...*

*Военные будни - с учёбой, работой,
Но кто-то вернется с работы усталый,
А кто-то, в историю канувший кто-то,
Уже не придёт... Всё начнётся сначала -*

*Его фотографии - детям и внукам,
А может, чужим чьим-то
внукам и детям
Когда-то расскажут о боли, разлуках,
И то если кто-то их всё же заметит...*

*Их много - попавших промеж
жерновами,
Не звавших, не ищущих бури и «града»,*

*Их много - они просто не сознавали,
Что смерть и разруха -
так близко и рядом.*

*Так близко и рядом - безумье нацизма,
Его беснованье, зловонье дыханья -
Оно вдруг вошло в наши мирные жизни
Тенями на стенах сожжённого здания.*

*Вошло навсегда, как в сороковые,
Отметиной в судьбах родных и далёких
Раненья - осколочные и пулевые,
Последние письма, последние строки...*

*Всё это, из ранее павшего в Лету,
Внезапно вернулось сплетением
свастик.
Донбассу военные осень и лето
Цинично вручили нацистские власти...*

Иван РЕВЯКОВ

Иван Сергеевич Ревяков родился в 1979 году в Донецке. В 2003 г. окончил с отличием русское отделение филологического факультета Донецкого национального университета.

Публиковался в сборниках «Enter 2000/Книга донецкой прозы», «Антология странного рассказа», журнале «Крещатик», альманахе «Четыре сантиметра Луны».

*В Городе полночь неожиданно
молча начинает будить,
прорезаясь сквозь звезды
едва слышимым визгом.
Напряженность струны:
где-то поблизости - свист,
я листаю блокнот,
ища хотя бы пару чистых страниц,
чтоб зафиксировать момент
тишины и, возможно, распада...*

*В Городе - полночь... -
Но разве во времени дело? - А в чём же:
в искрящихся молча снарядах,
в шипящем надрывном потоке,
свистящем о смерти
исключительно мирного люда?*

*Или в чём-то ещё? -
Неизвестно, что будет потом...
Но вернёмся ли мы с тобою
обратно в довоенное время
с цветами, полями, походами,
сбором грибов и рыбалкой?..
Не знаю... Знает ли кто-то ещё, -
мне неизвестно...*

*А пока я ищу пару чистых страниц,
чтоб купировать
ностальгический приступ...
Где-то могильщики всем вырыли ямы...
Свист и шипенье, - всё рядом.
Мир завершается бредом
и классическим возгласом:
«Дайте мне яду»...*

Анна РЕВЯКИНА

Анна Николаевна Ревякина родилась в 1983 году в Донецке. Окончила Донецкий национальный университет. Кандидат экономических наук, заместитель декана экономического факультета Донецкого национального университета. Автор трёх поэтических сборников: «Сердце», «Untitled», «Хроники Города До. Безвременье» и пьесы «Зубная фея», основатель литературной студии «Кофе-кошка-Мандельштам».

* * *

*Опять ждём худшего,
в окне фанерный лист,
как символ безнадежного исхода,
играет на ветру. И водянист
угрюмый горизонт, у пешехода
никто не просит вечного огня.
Огонь остыл, а в отсыревших спичках
безумная погрешность бытия,
благоволящего слепцам и истеричкам.
Мир тесен, невозможен и кичлив,*

*как надпись на стеклянном небоскрёбе,
фальшивым светом полыхает мир
в отравленном войною кислороде.
А мы стоим, обнявшись, у воды, -
сошедшие с ума или с открытии.
В зияющем звучании войны
не слышно девочки,
играющей на скрипке.
Не слышно, как поёт младенцу мать,
не слышно, как в войну играют дети.
Хороший мой, нас будут убивать.
Нас будут убивать и те, и эти.*

Глеб Леонидович Бобров - участник боевых действий в ДРА, писатель и журналист, председатель Союза писателей ЛНР, главный редактор сервера военной прозы окорка.ru. Автор романа «Эпоха мертворождённых», в котором ещё несколько лет назад было предсказано происходящее ныне на Украине.

БИТВА ЗА ВЫСОТУ 307,9 ПОД САНЖАРОВКОЙ

Грузно осев прожженной, разодранной в клочья литой броней в грязный талый снег, некогда грозный Т-64 напоминает сейчас скорее развороченную братскую могилу, нежели боевую машину. Останков экипажа здесь уже нет, но с правой стороны люка оператора-наводчика выгоревшей башни заметны грязные, шелущающиеся под январским солнцем дымчато-черные потеки.

Это - жир. Сгоревший человеческий жир.

Его запах до конца жизни будет преследовать всех тех, кто выжил в Санжаровской мясорубке - битве за высоту 307,9 - одну из ключевых точек в создании «Дебальцевского котла».

Если попавшие в окружение части ВСУ и наемников разгромят, а к этому есть все предпосылки, то украинская армия потерпит поражение в зимней кампании, которая, скорее всего, станет поражением и в их войне против восставших республик Донбасса. А значит, были не напрасны жертвы бойцов и офицеров отдельного механизированного батальона Народной милиции Луганской Народной Республики.

Высота 307,9 находится на юго-западе от маленького села Санжаровка Артёмовского района Донецкой Народной Республики. Однако сражаются здесь луганчане - отдельный механизированный батальон Народной милиции. Сами они называют себя «Батальон имени Александра Невского». Также эту часть называют «Батальоном Плотницкого» (часть формировалась под его патронатом в бытность Игоря Венедиктовича министром обороны ЛНР). Или ещё короче - батальон «Август», в честь Августовской иконы Божией Матери - почитаемого образа Богородицы,

явившегося в 1914 году русским воинам перед Варшавско-Ивангородской операцией в годы Первой мировой войны.

Само село ополченцы взяли с ходу и практически без боя. Отступив от населённого пункта, украинские силовики нанесли по Санжаровке массированный удар из всех имевшихся у них в наличии артиллерийских систем.

Пострадали только мирные жители. Прямыми попаданиями 120-миллиметровой миномётной мины был разрушен дом, девочка-подросток получила тяжелую черепно-мозговую травму. Ребёнка удалось экстренно эвакуировать. А батальон стал готовиться к штурму господствующей высоты.

На стратегически важной высоте 307,9 вооруженные силы Украины создали настоящий укрепрайон. Украинские танки «Булат» (модернизированный советский Т-64) стояли в капонирах. Перед высотой на танкоопасных направлениях созданы накрытые сетями 3D танковые ловушки. На самой высоте - врытые в землю железнодорожные вагоны, перекрытые в два наката сверху железобетонными плитами и землей. Открыта сеть инженерных сооружений полного профиля. Сама оборона была значительно усиlena контингентом польских наёмников.

25 января 2015 года, в 6.30, началась артподготовка, которая, к сожалению, мало что дала - слишком серьёзно окопались. Наёмники восприняли обстрел буднично, за что впоследствии и поплатились. Первым, скрытно обойдя высоту, около 9.00 на позиции противника вылетел танк Михаила Савчина с позывными «Монгол». Один из вражеских экипажей в

это время беспечно курил на броне - ведь обстрел же «закончился»! За что и был расстрелян в упор.

Тем временем остальные танковые взводы с нескольких направлений пошли на штурм высоты. Непосредственно командовал наступлением на поле боя командир танковой роты Александр Карнаухов. Завязался встречный танковый бой. Потеряв несколько единиц бронетехники, противник откатил назад. Наши машины выскочили на высоту 307,9 и буквально стали закатывать под бетон деморализованных наёмников. Ранее отошедшие украинские танки пошли в контратаку. Ополченцы к тому времени практически полностью израсходовали боекомплект. Начали откат. Отход штурмовой группы координировали Александр Карнаухов и командир танкового взвода Дмитрий Роговский. Откатывались уступами, загораживая друг друга. По фронту их прикрывал танк «Монгола».

Есть такой закон войны: «Идёшь первым - отходишь последним». При этом в серьезном бою шансы выжить стремятся к нулю. Первая ракета ПТУРС (противотанковый управляемый ракетный снаряд) ударила танк Савчина в область башни. Спасла динамичная защита, но танк встал. Следом, в другую полусферу, ударили ещё один гранатометный выстрел. Танк загорелся. Комбат дал приказ покинуть горящую машину. Экипаж приказ не выполнил. Танк продолжал бой, раз за разом, словно тяжелые дюбели, вколачивая снаряды в наседавшую бронетехнику противника. По радио слышен был крик Михаила: «Прикрою, мужики! Отходите!» - и далее: «Это вам за Семёновку!» - и новый танковый выстрел. После третьего прямого попадания ПТУРС жирно чадящий Т-64 «Монгола» заполыхал вовсю, но сделал ещё как минимум два прицельных выстрела. Экипаж, сгорая заживо, вёл бой. Успевшие отойти бойцы батальона не могли сдержать слёз.

Сразу после отхода по батальону был нанесён массированный артудар - раненых прибавилось. На оставленной высоте

горели танки. Поле боя, словно траурной пеленой, покрылось чадом пожарища.

* * *

Потери противника: три танка «Булат» полностью сожжены, несколько танков ВСУ повреждены, однако степень поражения и их ремонтопригодность по понятным причинам установить пока невозможно. Также сожжены две БПМ-2 и два БТР-80. Противник, в основном наёмники, потерял порядка шестидесяти человек убитыми и ранеными.

Потери ополчения: два бойца погибли, пять бойцов ранены (в основном в результате артналёта после боя) и пять человек на сегодня числятся пропавшими без вести (экипажи двух танков). Два танка потеряли непосредственно на высоте (одному механику-водителю удалось вернуться). Два танка попали в замаскированные танковые ловушки, однако обошлось без серьёзных повреждений. Среди раненых - герой этого сражения, командовавший наступлением непосредственно на поле боя, - Александр Карнаухов. Тяжёлые ранения в обе ноги, угроза ампутации. Врачи не оставляют надежды.

Павший смертью храбрых «Монгол» - командир танкового взвода Михаил Евгеньевич Савчин. Сорокалетний уроженец Луганщины, родом из городка Зимогорье, видимо, в прошлом шахтёр - рассказывать о себе не любил, а теперь уж и не расскажет.

Тридцатилетний командир танковой роты Александр Карнаухов - шахтёр из Краснодона. Ещё один герой, командир танкового взвода Дмитрий Роговский, 50 лет, - шахтёр из Лисичанска. Комбат, пятидесятилетний Александр Костин, - в прошлом майор ракетных войск стратегического назначения Советской Армии, бывший шахтёр. Все офицеры, все жители Луганщины, все шахтёры - взрослые, состоявшиеся мужчины, вставшие на защиту своего края.

А с той стороны фронта? Обманутые

мальчишки с Волыни, Житомира и Львовщины. Отморозки из «Правого сектора», нацгвардии и фашистских территориальных батальонов, вобравших в свои ряды деклассированные элементы, криминали-

тет и новоявленных нацистов. Наёмники из Польши и Прибалтики.

Битва на высоте 307,9 показала, на чьей стороне будет победа. Ибо победа всегда на стороне правого.

Елена НАСТОЯЩАЯ

Елена Михайловна Настоящая родилась и выросла в Луганске. Поэтесса, прозаик. Член редколлегии луганского литературного альманаха «Крылья». Член Луганского клуба фантастики «Лугоземье». Член Союза писателей ЛНР.

БАЛЛАДА О ЛЕТНЕМ ГОРОДЕ

*Кто-то плачет, а кто-то молчит,
А кто-то так рад, кто-то так рад...*
Виктор Цой

1

Линия горизонта - это
было моим летом.
Присутствие света в отсутствии
света.

Золото. Синее небо. Дым.
Взрывы и раны на теле города.
Мы - не сдаемся!
Мы - сильные, смелые, гордые!
Мы это уже доказали,
спрятившись в темном подвале.
А город чуть не умер
со всеми своими Ленинами,
едва не сбежавшими с пьедесталов.
Даже Ворошилова это всё достало.
Он тоже хочет слезть с коня
и стать на колени

или уехать в Киев,
лишь бы это всё прекратилось.
Но не судьба.

Да.
Линия горизонта - тонкая,
будто вот-вот оборвётся,
взорвётся
новыми вспышками звезд-камикадзе,
а они только рады стараться -
не разорваться
и залечь привычным свинцом.
Их особенно хорошо было видно днем,
когда все выходили
посмотреть на смерть

и сказать:

*«Вот так и живем,
Тушенку да гречку жуем».
Линия горизонта - четкая,
будто всех нас перечеркивает,
делит всё на синеву неба,
синеву глаз, смотрящих в прицел,
синеву тех, кто попался в цель,
и смотрит обратно в небо
широко раскрытыми глазами
и оглушительно молчит...*

2

Говорит Москва.
Передает Луганску привет.
Сколько мы вместе натворили бед...
Приличные люди давно об этом
молчат вслух.
А неприличные где-то в лондонах
(тоже давно) испустили дух.

Говорит украинская армия.
Передает Луганску привет.
Тот, что побольше, посередине,
погорячее.
Говорит: «Потерпите, милые,
мы постараемся как можно скорее
освободить Донбасс от сепаратистов.

И реверсом вернуть Крым.
И реверсом отжать газ». *Ну, чего уж там, терпи, брат, терпи,*
пока нас освободят от нас.

Говорит Обама,
что-то о том, как мама мыла раму,

впрочем, он всегда несет
довольно ясный бред.
Но Луганку, вместе с Псаки,
Барак тоже передает привет.

Говорит Ворошилов-град -
всей истерзанной лентой дорог,
всей укатанной лентой дорог
с гусеничными следами.
Он не знает, что будет с нами.

Он от этого очень устал.
Но помехи мешают понять.
И теряется голос в свисте,
И латаются раны быстро...
И латаются раны наспех.
И срывается голос на крик.

Нет, ошиблась, Луганск не кричит.
За него отвечает «град».
Говорит Ворошилов-град.

Анна ВЕЧКАСОВА

Анна Вечкасова - фельдшер по образованию. Член литературного объединения «Радуга» (Краснодон). Участник Первого открытого республиканского фестиваля «Муза Новороссии».

* * *

А «скорая» меня не довезла,
напрасно била об асфальт колёса.
В единый миг я стала безголоса
среди руин и битого стекла.

Подумайте: молчать! А что осталось?!
Не видеть мир, не трогать
и не слышать,
как бисер-дождь рассыпался
по крышам...
Опять не повезло - какая жалость.

ЛЮДМИЛА ГОНТАРЕВА

Людмила Гонтарева, г. Краснодон, ЛНР, окончила филологический факультет Луганского педагогического университета. Член Союза писателей России. Лауреат премии им. «Молодой гвардии». Организатор I Всеукраинского поэтического фестиваля «Краснодонские горизонты - 2009».

Кто-то новые с радостью
носит ботинки,
кто-то упорно копит на пальто...
У Донбасса в сердце сегодня льдинки,
наши Донбасс уютный уже не тот.

От ночного бденья устали веки.
Мы теряем в спорах своих друзей.
Если это истории новой вехи,
значит, каждое утро - большой музей,

где еще находим по телефону
самые близкие голоса,
где молиться нужно родному дому,
что от слез вытирает тебе глаза...

Кто-то очень жестоко размазал кашу
по тарелке времени и в умах.
Наш донбасский уголь - это не сажа.
Здесь - суров характер
и велик размах!

Здесь степное поле и свободный ветер.
Здесь крепка и водка, и надежды нить...
Мы с тобой, товарищ, за беду в ответе,
и за счастье тоже
по счетам платить...

Только будет утро, и наступит вечер.
Сосчитает небо всех своих бойцов.
Но уже не верим фразе «время лечит»,
ведь над степью радуга
ранена свинцом...

Елена ЗАСЛАВСКАЯ

Елена Заславская - луганская поэтесса, журналист, общественный деятель. Родилась 14 октября 1977 года в городе Лисичанске. Сейчас живет в Луганске. Автор четырех поэтических сборников.

ПИСЬМО

Дорогая Настя,
Если бы ты только приехала
в этот город и увидела его!

Он как птица с перебитыми крыльями.
Он как самолет в крутом пике.
Он как человек с распахнутой
снарядом грудью.

И в горле становится ком,
И мысли путаются,
И в глазах соленое море.

Но я всё равно тебе пишу,
Чтобы ты хоть на миг увидела
его лицо,
Постаревшее за одно лето войны
На много лет.

Дороги изрыты воронками.
Провода висят, как оборванные струны.
В стенах домов пробоины.

Открытые раны -
Пространственно-временные проломы
В прошлое, в мирное время.

Во время, когда
Мы были счастливы,
Мы были вместе,
Мы были...

Помнишь, как мы катались на велике,
Обгоняли маршрутки,
А люди махали нам из окон.

Помнишь, как мы писали картины,
И писали стихи,
И писали признания.

Ты написала на моей двери:
«Дай сердцу волю -
Заведет в неволю».

Мое сердце блуждало.
Мое сердце блудило.
Мое сердце заблудилось.
И никак не вернется домой.

В моем доме без стекол холодно,
Зато звезды заглядывают
прямо в квартиру,
Попить чайку со сгущенкой.

Кошки возле домов сбились в стаи,
Вороны в парках кричат так,
Что слышно за километр.

Собаки-бродяги
Не боятся людей,
А, как и люди, боятся обстрелов.

Свечки и спички стоят дорого.
Мясо стоит дорого.
Молоко стоит дорого.
Но есть вещи совсем бесценные.

Люди говорят друг другу:
«Здравствуйте!»
И это приветствие обретает
старый смысл,
Давно утерянный и затертый.

Я знаю, что если я сегодня
не отправлю тебе письмо,
Завтра может не быть света,
А может и меня не быть,
Но засыпаю я всё равно счастливой.
И только по утрам
мне всё еще хочется плакать.

Публикацию подготовил Дмитрий ЕРМАКОВ

Татьяна СМИРНОВА

Татьяна Анатольевна Смирнова написала книгу о своей родной деревне, о том, как её земляки пережили войну. Она собрала большой материал, побеседовала со многими старожилами. К сожалению, журнал не имеет возможности опубликовать эту книгу целиком. Редакция «Вологодского ЛАДА» представляет читателям фрагменты труда Т. А. Смирновой - с надеждой, что земляки автора найдут возможность издать книгу полностью.

Война деревни Варламово

Фрагменты книги памяти

Как в капле росы отражается солнце, так и в истории каждой маленькой деревни, каждой семьи отражается большая история всего народа. Деревня Варламово Кубинского сельсовета Харовского района - типичное тому подтверждение. Здесь родились и выросли художники Алексей Фёдорович Пахомов и Валентин Николаевич Зернов, здесь прошли детские годы профессора филологии петербуржца Михаила Васильевича Отрадина...

Нынешний вид деревня обрела полвека назад. Сколько себя помню - дома стоят вразнобой, разбежавшись друг от друга в разные стороны, словно ребятишки на лужайке. С трудом просматриваются линии улиц, а ведь было всё когда-то здесь стройно, цельно, складно. К виду сквера, превратившегося с годами в небольшой лесок, все уже давно привыкли, как привыкли и к тому, что стоит в нём среди вишен и берёз памятник с мемориальной доской, повёрнутой лицом к деревне. Доска густо покрыта фамилиями погибших воинов.

Нет, воины пали не здесь и не лежат под памятником посреди сквера. Война и близко не подходила к деревне. Те, чьи имена выгравированы на мемориальной доске, закопаны безвестно в новгородских лесах, в ленинградских болотах, на полях Житомирской области, в земле Венгрии, Польши, Бог знает где. Иные погибли в

блокаду от голода и покоятся в тесных братских могилах то ли на Серафимовском, то ли на Пискарёвском, а может, и вовсе в Парке Победы. Эти люди здесь

Памятник жителям Варламова, погибшим в годы Великой Отечественной войны

Война грянула как неожиданное колоссальное горе и несчастье. В деревенской тиши это особенно остро чувствуется, да ещё в дни, когда природа пышно расцветает и люди поглощены работой страдной поры. Плач и причитания там не скрыты за каменными стенами, их видишь на улице, слышишь из раскрытых окон. Потянулись на станцию первые мобилизованные с котомками. С ними и я.

Алексей Фёдорович ПАХОМОВ

родились и здесь когда-то жили. Многие ушли отсюда на войну, обратно не вернулись. Обелиск в сквере - могила без покойников, каких много в нашей стране. Памятник был поставлен давно, более тридцати лет тому назад. И не у кого уже спросить - кто эти люди? Какими они были? Как жили, что любили? Те, кто поставил этот памятник, сами уже ушли в мир иной. Но всё же, поставив себе такую задачу - оживить в памяти эти имена, удалось кое-что раскрыть и вспомнить, пока ещё были живы последние старожилы.

ПОКА ВСЕ ДОМА - МЫ ЖИВЁМ

До войны Варламово - большая и шумная деревня, целый колхоз. Он был создан 18 мая 1931 года и носил имя жены вождя пролетарской революции Надежды Константиновны Крупской.

Колхоз был средним по всем показателям; быть может, сказывалось и то, что деревня расположена в сильно холмистой местности по берегу Кубены и было трудно обрабатывать землю. Лошади надрывались, вспахивая крутую Горочку за деревней. И поля раскинулись такши-

роко, что в первые годы коллективизации четыре семьи были переселены на хутор под Бережок, чтобы ежедневно не ездить в поля за три километра. На Кубене работала мукомольная мельница, тоже принадлежавшая колхозу.

От райцентра до Варламова всего 12 километров, но преодолеть их по бездорожью на лошадях порой бывало не так-то просто. К началу Великой Отечественной войны в деревне проживало 193 человека. Одной молодёжи - более полусотни человек! Имена в деревне давали звучные и красивые, по нынешним временам очень редкие: Евлампий, Великонида, Мануил, Исафаил, Афагангел, Евлампия, Акиндин, Клавдий, Никандр, Фомаида, Феофан, Евфалия, Евстолия, Градислава, Паис, Фирс, Феодосия, Пульхерия, Руфина, Ираида, Поликсения. Фамилии в деревне - сплошь Зерновы да Зорины, Озеровы да Кочковы, Коротины да Копосовы. Чтобы не путаться, чаще всего звали по прозвищу.

Жизнь шла своим чередом, игрались свадьбы, создавались новые семьи, для них строились новые дома. Последняя улица намечалась уже к самому краю посёлка. Бани в деревне были не в почёте - мылись в огромных русских печах. Так повелось из века - для экономии дров и из-за противопожарной безопасности. Да и где их строить при такой плотной застройке? Деревню «Китаем» звали - даже огородов возле домов не было, лишь яблони да черёмухи под окном. В доме моего дедушки под крышей со стороны двора - сплошь гнёзда ласточек. Множество писклявых птенцов. С утра до вечера мелькают, как дождь. Говорят, что ласточки приносят счастье...

О предстоящей страшной войне с Германией никто и не думал. Жизнь шла своим чередом за повседневной крестьянской работой. Радио в деревне не было, лишь из газет узнавали последние новости о победоносном шествии Гитлера по Европе. Мужики, собравшись где-нибудь на отдых, часто рассуждали о политике, и старшие, кто прошёл японскую и германскую войны, утверждали, что новой

войны с Германией нам не миновать. Так оно и вышло.

За четыре года войны на фронт из деревни ушли 42 человека, а в десяти семьях сразу по несколько человек. В семье Алексея Евлампиевича Кочкива воевал сам глава семьи и два сына; у Александра Павловича Смирнова - два сына на фронте и две дочери трудились в госпитале. Отцы и сыновья ушли на войну из семей Никандра Александровича Малиновского, Николая Евлампиевича Кочкива, Ивана Дмитриевича Зорина, Василия Николаевича Пахомова.

По дочери и сыну в действующей армии - у Зернова Вячеслава Дмитриевича, Казакова Евлампия Константиновича, Малиновской Марии Осиповны.

Вернулись - двадцать один, ровно половина.

ВСЕГО-ТО НА СОРОК ДНЕЙ

Первые повестки на сорокадневные сборы на станцию Кушуба получили резервисты Николай Александрович Смирнов и Серафим Дмитриевич Коротин 11 июня 1941 г.

Серафиму Коротину - тридцать пять. У него семья, трое детей, старенькие родители. Николай Смирнов с женой Талей (Натальей) приехал домой в краткосрочный отпуск. Ему - двадцать восемь. В 1936 - 1938 гг. проходил срочную в РККА, демобилизовался, потом служил по контракту во внутренних войсках в Карелии.

11 июня 1941 года... В этот не полетнему холодный день (днём было два градуса мороза) призывники и провожающие их близкие отправились на станцию Харовскую. Обратно возвращались по улице Каменной. Вдруг в небе показался самолёт, он пролетал очень низко, и какой-то мужчина на лошади (возможно, из органов) стал гонять всех с проезжей части в сосновый бор (где сейчас стоит храм). С Талей, женой Николая, обычно очень выдержанной и строгой, вдруг случилась истерика. Она упала на землю, билась в рываниях и всё повторяла: «Как

же я вернусь домой одна, без Коленьки?»

Поначалу я думала, что рассказчики путают даты. Какой самолёт над городом, если всё происходит ещё накануне войны? Но в архивах дата призыва Н. А. Смирнова и С. Д. Коротина - 11 июня - документально подтверждилась.

Рядовой Николай Смирнов пропал без вести в октябре 1941 г. Поговаривали многое: что эшелон разбомбили под Псковом, что генерал Власов всех сдал в плен и многое что есть. Его останки до сих пор не найдены и не преданы земле. Но его мама, моя бабушка, Александра Арсентьевна, до своих последних дней надеялась, что сын всё-таки жив и подаст о себе весточку. Судьба Серафима Коротина менее загадочна. Он попал в фашистский плен, где скончался от мучений 13 апреля 1943 г.

«Сорок дней» их военных сборов растянулись на вечность...

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Как проводили Николая, Таля осталась жить в доме свекрови и свёкра - Александра Павловича и Александры Арсентьевны Смирновых.

В один из тёмных осенних вечеров вся семья находилась дома. После ужина каждый занимался чем-то своим: отец сидел на лавке, починяя прохудившуюся обувь, Таля шила, младшая дочь Фомаида (моя мама) сидела у стола под висевшей керосиновой лампой и что-то писала, а мать прилегла отдохнуть на лежанке возле печи.

Вдруг мать резко вскочила с лежанки и вышла из избы на сарай. Через несколько минут там что-то сильно грохнуло. Все выбежали за дверь и у нижних ворот на въезде увидели лежащую навзничь маму.

Она была без памяти. С трудом перестащили её в избу, уложили, стали брызгать водой и давать нашатырь... Кое-как отвоились. Когда она наконец пришла в себя, то рассказала, что с ней там произошло.

Она почти задремала, когда услышала, что стучат у нижних ворот. Никому не сказав ни слова, пошла открывать.

- Кто? - спросила она у двери.
- Мама! - послышалось за ней.
Открыла, а там... Николай стоит. Живой.

- Коленька! - распахнула объятья навстречу сыну, обняла. И в тот же момент получила удар такой страшной силы, что её отбросило на взъезд словно взрывной волной.

Говорят, что многие матери, чей сын погибал или получал смертельное ранение, испытывают нечто подобное.

НА ОШТИНСКОМ РУБЕЖЕ

В июле 1941 г. Нина Смирнова, моя тётя, получила повестку от военкомата на оборонительные работы на 10 дней. Домой в Варламово, находившееся в двух километрах от «Бережка», бежать было некогда. На сборы дали всего три часа - только лишь успеть добраться до Харовской. Без еды и вещевого снаряжения, как были - в летних тапочках на босу ногу, лёгких кофточках и косынках - поспешили на сборный пункт, который размещался в доме колхозника. Там выдали по буханке хлеба на руки и по килограмму конфет-«подушечек». Утром поездом - до станции Сухона, дальше - на пароходе по Сухоне до Ладоги. По Ладоге на пароме плыли до Вытегры. Это были оборонительные работы на Оштинском рубеже. Денег у неё не было, хлеб тоже закончился. В дороге не кормили. Помогали те, кто приехал на сборы из дома - они хотя бы еду захватили, делились последним. Отправили всех в болото, строить взлётно-посадочную полосу. С июля по октябрь выполняли этот приказ... Налёты становились всё чаще, бомбёжки не прекращались. Гибли люди, работа становилась бессмысленной. Получили новый приказ: «Спасайся, кто может!» В этой неразберихе оставшиеся в живых стали разбредаться разными группами: одни - по дороге на Архангельск, другие - в сторону Череповца. До дома мало кто смог добраться. Люди шли без документов, их проверяли патрули, отправляли в комендатуры. Мужчин сразу

же отправляли на фронт, а если удавалось скрыться от патруля, понимали, что могут попасть под трибунал по законам военного времени. Группа девчонок (в их числе и Нина Смирнова), молодой паренёк из Пундуги да Клюев из деревни Фоминское подались в сторону Харовской. Стали спрашивать дорогу на Кириллов (так раньше ходили пешком из Варламово в Петербург мужики в отхожий промысел). Шли две недели, обувь уже износила, поэтому шли босиком по промёрзлой грязи. Спасало, что ещё не выпал снег, а то бы не миновать обморожений. Ноги начали опухать, передвигались с трудом. В одной из деревень местный председатель колхоза выписал им справку о том, что они беженцы, чтобы их впускали в дома, кормили и оставляли на ночлег. От Низовья едва дошли - больные ноги уже совсем не слушались. Там переночевали у знакомых. Но идти стало неизмеримо труднее, так как ноги совсем отекли. В родной деревне до дома пробирались задворками, остерегаясь доноса соседей. Могли наказать как дезертиров - ведь никакой бумаги при себе не было. Но всё равно долго скрываться не пришлось - на другой же день на лошади отец отвез Нину в Ивачинскую участковую больницу...

Подлечившись, 11 ноября 1941 г. она поступила на работу санитаркой в харовский эвакогоспиталь № 3733, где трудилась всю войну и до самого закрытия госпиталя. За самоотверженную работу в деле обслуживания раненых и больных ей неоднократно объявлялись благодарности, а в 1946 г. была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Тяжелораненых с вокзала от Харовской до дома отдыха носили на руках. А это три километра пути, с горы, да и в гору. А молодые девчонки ведь не лошади, сильно надрывались. Но всё равно таскали раненых бойцов, жалели. Доводились иочные дежурства в переполненном морге, где трупы были повсюду: на полу, на скамейках, на подвешенных носилках, просто негде ступить. В таких непри-

способленных условиях один раз тела попадали с верхних рядов и чуть не свели с ума находившихся там на дежурстве. После этого случая молодых санитарок в морг посыпать перестали. Часто вспоминала одного юного паренька - сына полка Васю, который служил примером для подражания другим. Ему было всего 16 лет, он был ранен в ногу. Он очень хотел жить, не разрешил ампутировать ногу: «Лучше умру, но с обеими ногами!» Её удалось вылечить, угрозы гангрены не было, и он уехал домой на обеих ногах.

КТО ИЗ РЕБЯТ ЕСТЬ ДОМА...

Несмотря на все трудности, молодёжь не унывала, так же, как и до войны, ходили на гулянки в соседние деревни, отмечали праздники, ставили концерты. Один выездной концерт надолго запомнился варламовцам. Его показывали сотрудники из санатория «Бережок» (там с лета 1942 г. был эвакогоспиталь). В избе у дяди Кости Зернова собралась вся деревня. Вспоминали, как задушевно исполняла за прялкой песню «В низенькой светёлке» молодая сотрудница санатория Александра Крылова. Молодёжь Варламова и Плясова собиралась вечерами после работы в осиннике напротив «Бережка» на гулянья, брали с собой гармошку. Но особенно любили отмечать престольные праздники, когда ходили в гости из деревни в деревню всей турьбой. Встречались старые знакомые, заводили новую дружбу. Узнавали последние новости о деревенской жизни и тех, кто воевал. Об этих праздниках вспоминали и на фронте, интересовались в письмах, удалось ли сходить на гулянье в соседнюю деревню.

«24/V -43 г.

Добрый день!

Здравствуй, многоуважаемая девушка Граня! С горячим приветом к Вам Ваш знакомый товарищ Анатолий. Во первых строках сообщаю, что жив и здоров, между прочим живу хорошо. Граня, пиши чаще письма, не дожидайся моего ответа. Нет времени часто писать.

«Вологодский ЛАД»

Граня, пиши, как живёшь и как проводили Николу в Яскино и кто из ребят есть дома».

ДЕТИ ВОЙНЫ

Ребятишек в Варламове было много. В канун войны детей до 12 лет насчитывалось 63 человека. По 5-6 одногодков и больше. Для самых крошечных в какой-либо пустующей избе организовывали детские ясли. До войны они находились в доме Акима Зорина, подавшегося всей семьёй в Сибирь, а в войну в пустовавшем большом доме Александра Озерова ясли находились на втором этаже. Заведующей детскими яслими была Мария Александровна Коротина, молодая девушка. Нянчить малышей ей помогали подростки от 10 до 12 лет.

И если малышей носили в ясли, то ребята постарше занимали игрой себя сами. Играли мячом, в «чижа», в прятки. Бегали в поскотину собирать землянику, ходили с ребятами постарше в лес и на реку. Помогали родителям по дому. Собирали в полях колоски, оставшиеся после жатвы. И не дай Бог унести хоть один домой! Наказание было суровым, как за воровство. Собирали для удобрения полей золу, птичий помёт. В радиусе трёх с лишним километров от деревни ребяташки знали назубок каждый кустик, каждое деревце, где какой гриб растёт. До ближайших деревень ходили одни в любое время года.

В 1941 г. начались налёты на станцию Харовская. Один раз самолёт кружил даже и над Варламовом. Деревенские ребяташки вначале со страхом наблюдали за стальной птицей из сруба недостроенной колхозной бани, а потом, осмелев, убегали на Горочку за деревней, чтоб погрозить крошечным кулачком вслед улетавшему фашистскому стервятнику. А он пролетал совсем низко - даже лётные очки у пилота в кабине можно было рассмотреть. «Делал круг» над деревенским громоотводом, поставленным возле своего дома Константином Матвеевичем Зерновым, подозревая в нём мачту радиостанции.

Вологодский художник Валентин

Николаевич Зернов свои детские впечатления о войне отобразил в живописном полотне «Последнее письмо», которое поражает своей эмоциональной достоверностью. Его он подарил Харовскому историко-художественному музею.

СЛУЖБЫ

О том, как в войну молились варламовские жители, вспоминает Елизавета Николаевна Семенкова (Кочкова):

- У дяди Ени (Евгения Матвеевича Зернова) в доме, в чистой половине, хранились часовенные иконы. В храмовые праздники он проводил церковные службы, делая это нелегально. Его родной брат Серёженка был председателем колхоза, могли обоих строго наказать. Дядя Ени уже вернулся из ссылки из Карелии, где он отбывал срок. В его доме была лавочка, жена Мария вела розничную торговлю. Поэтому их высыпали как купцов. Накануне праздников матери обычно посыпали ребятишек разузнать, будет ли служба. Потом тайком собирались в доме и молились о своих близких, кто был на фронте.

ГОСПИТАЛЬНАЯ СЕСТРЁНКА

Моей тёте, Смирновой Градиславе Александровне, уже 93. Наверное, Бог даровал ей такую долгую жизнь за то, что многих она самоотверженно выхаживала в госпитале в годы войны.

22 сентября 1942 г. она получила повестку в военкомат. Молодую девушку направили в харовский эвакогоспиталь № 3733, он размещался в Харовском доме отдыха. Присягу санитарки принимали, как все военнообязанные. Работали по 12 часов в сутки, все 5 лет - до декабря 1946 г. - без отпуска. За работу получали продуктовые карточки и небольшое денежное довольствие, которые большей частью переправлялись домой, в деревню, где оставались родные. По странному стечению обстоятельств Градислава Александровна не считается участником войны, она при-

здана лишь скромным тружеником тыла. Госпитальные сотрудники, к сожалению, не имеют тех льгот и привилегий, которые положены участникам войны. А зря. Они этого заслужили не меньше.

За весёлый нрав, незлобивость характера и аккуратность Градиславу любили и уважали больные и персонал госпиталя. Она могла найти общий язык даже с суровыми и придирчивыми офицерами.

Молодые девушки-санитарки были солдатами, хотя и не в строю. В госпитале держалась строжайшая дисциплина. Никаких «романов» до конца войны, в случае нарушений - гауптвахта, которую отправляли отбывать в КПЗ, в милиции. Не только кровь и боль, но и страх приходилось переживать деревенским девчонкам. Но сейчас Градислава Александровна чаще вспоминает курьёзные случаи из своей госпитальной жизни. Привожу несколько рассказов моей тёти.

Ночное дежурство

Один молоденький парнёк былшибко тяжело ранен. И приказали, чтоб возле него сидели ночью. Надо сидеть, да где? Стулк-то некуда поставить. Я села у него к ногам, а у него ноги-то и худые. И уснула. Я не помню, как сестра зашла:

- Ты куда уселись на ноги больному?

А он-то уж разбудился, что ли:

- Да не на ногах она, не на ногах... Она не шевельнулась, и ноги не болели. У меня ногам-то легче, как она сидит.

Вот все они за меня заступались. Худенький был парнёк, худенький. Потом стали фотографироваться, приехали откуда-то. Он тут стал уже ходить. И вышли все на улицу, к дому. Приполз за мной: «Иди, со мной сфотографируйся».

По дрова

Зимой всех посыпали заготовлять для госпиталя дрова. Эстокко-то печей где натопить? После смены все - и врачи, и сёстры, и санитарки брали топор да пилу - и по дрова! Мы-то дома до войны не одну

зиму лесу промучились, а иная ни топора, ни пилы в руках не держивала.

Дак вот, мы с напарницей ёлку пилим, а другие тут, рядом, дерево и валят. И не скричали, не ухнули. Как бахахнуло - я как шти пролила. Прутъям-то мне прямо по голове!

Очухалась уже в госпитале. Тогда больничный дали, подлечивали.

Чудотворные иконы

Или вот ещё. Заболели у меня руки. Экзема. Короста по всем рукам пошла. Мочить нельзя, за ранеными ухаживать тоже. Дали лечение и отправили домой в деревню. Приходит к маме Настя дяди Енина. (У дяди Ени в войну в той половине дома была служба, как в церкви). А как раз был какой-то праздник - не то Казанская, не то Михайлов день, не помню:

- Пусть Градя придёт к нам, иконы оботрёт.

Я пришла вечером, иконы-то и обтёрла. Руки вскоре стали чистые, экзема прошла. Как и не бывало.

«Ха-ха-ха-ха» да «Хи-хи-хи...»

В одной офицерской палате, в десятой, что ли, очень любили, когда я бывала у них. Один лежачий был балагур, рассказывал что-то занятное, все вокруг него. Я захожу, они: «Градя (так они меня звали), иди с нами посиди, всё сделала». Ну, я ротто опелила, на стулик там села и сижу. А Поляк, начальник отделения, наверное, догадывалась, что я где-то скрываюсь. Дверь открывается:

- Вечно узнаешь, где Градя! Где Градя, тут и хохот! Иди свои дела делай!

- Татьяна Осифовна, я всё сделала, - не могу уняться от смеха и хохочу при ней.

Ещё в палате был патефон. Часто заводили смешную пластинку: «Хи-хи-хи да ха-ха-ха». Тут уж все впокатушку, и я с ними.

- У вас в палате кто-то есть любимчик! - это мне начальница.

И в палате, где все рядовые, тоже всё хохот.

- У вас и тут есть любимчик!

- Татьяна Осифовна, в каждой палате любимчиков не бывает! Я всех люблю, понимаешь?

Она видит, что не выходит дело, и перестала оговаривать.

Поцелуй

Из одной палаты молодой ещё, неженатый, ездил в Харовскую. Накупил подарков матери и сестре и мне подарил коробку конфет.

Когда раненые уезжали, я ходила провожать их до ворот. И начальник госпиталя ходит. Машины подъехали. Стали прощаться-то за руку. А один, молодой, тот, что конфеты подарил, и поцеловал меня. А начальник госпиталя и начальник отделения стоят в воротах. Они не говорят ничего. А я, когда обратно побежала, глаза завытирали, мне их жалко.

Начальник госпиталя подумал, что ухажёр. Потом порасспрашивал у наших то.

- Никакого ухажёра у неё нет. Простая она, смешная.

Коля наш!!!

В большом зале все слушали радио. Шла передача с участием фронтовиков. Мы сидели с Ниной, она - сзади меня. Вдруг передают: «Выступает Смирнов Николай». Я как вскричала: «Нина! Это Николай наш!!!»

Меня никто не одёрнул, не оговорил. Да мало ли Колей, да ещё Смирновых.

Победа

Мы жили на квартире у Тезиковых, на Мятневе. Утром в 6 часов пошла в госпиталь на работу. У госпиталя, на столбе висело радио. Там народ сгрудился.

- Победа!!! Победа!!!

- Неужели Победа?

Как я кинулась по отделению бежать, на первом отделении пооткрывала палаты, кричу: «Победа!!! Победа!!!» Все зашевелились, завставали лежачие. А который

шибко-то лежачий, к тому подойду - поцелую в щёчку. В каждую палату бегу. Все на коридор завыходили. Кто ревит, тут все и слёзы оказались. Обрадели. На кухню засторопились, забегали. Победа!!! Обед был для всех - и для больных, и для санитарок.

САМОЛЁТ ЛЕТИТ НА ЗАПАД

Первые послевоенные годы наша деревня переживала большие трудности. Хотя и удалось сохранить колхоз, жизнь была голодной. Молодые люди правдами и неправдами стремились выпрямить паспорт и уехать куда угодно - на производство, на строительство узкоколейки в Семигороднюю, после срочной службы не возвращались домой... Уезжали целые семьи.

Колхозники и в послевоенные годы оставались такими же бесправными, как и до войны, даже не имели паспортов. Вернувшиеся с войны искалеченные и больные не могли получить даже инвалидность - им не давали направления на ВТЭК как колхозникам.

Слово «колхозник» стало ругательным, презрительным. Люди выживали как могли. Фронтовики не имели от государства никаких привилегий и льгот, их боевые ордена и медали не добавляли веса к их заслугам перед государством. Наверное, потому награды и не берегли. День Победы был обычным рабочим днём вплоть до 1965 г. Отдав Родине всё своё здоровье, молодость и силы, вчерашние фронтовики порой в одиночку боролись за свою жизнь на земле. И это было их новой войной. Только совсем непонятно, где фронт, а где тыл. Тут уже сам за себя, отстаивай сам свои права и человеческое достоинство. Пример тому - судьба Мануила Александровича Смирнова (1924 - 1952), моего дяди.

Под потолком нашего деревенского дома в большой светлой горнице висит маленький серебристый самолёт. Сколько себя помню - он всегда висел там. Самолёт держит курс на Запад. Детьми мы часто просили дать его нам поиграть. Но взрос-

лые никогда не разрешали. Потому, что это не просто игрушка, а дорогая память, семейная реликвия. Его смастерили мой дядя Мануил, вернувшись с войны, которая растянулась для него на восемь лет и была самым дорогим воспоминанием.

Мануил был шестым ребёнком у родителей. Всего у них было десять детей, до взрослого возраста дожили шесть. Мануил был призван в ряды РККА 18 ноября 1942 г., а 10 декабря (за неделю до восемнадцатилетия!) принимал присягу. С 13 мая 1943-го воевал на Карельском фронте. К сожалению, ни одного письма с войны не сохранилось. В 1944 г. Карельский фронт вошёл в состав 3-го Украинского фронта. Бои велись на территории Сербии, Венгрии и Австрии. Освобождали Болгарию от немецко-фашистских захватчиков. Мануил Александрович Смирнов был награждён Правительством Болгарии медалью «Отечественная война 1944 - 1945». Этой медалью было награждено 86 тысяч воинов Красной Армии.

И хотя ему не удалось летать, вся его армейская жизнь была связана с самолётами. Он закончил службу в звании «старший сержант технической службы» в должности заведующего техническим складом ВУС-74. 2 мая 1949 г. он писал родным: «Посылаю фото. Фотографировались как отличники. Одно фото высылаю, а второе в части на доске лучших, хотя это достаётся нелегко, но мы на трудностях не останавливаемся».

Настоящие трудности были ещё впереди, и начались как раз с возвращения домой 3 июня 1950 г. Не только награды привёз он с собой с войны: ещё в 1948 г. у него обнаружили неизлечимое заболевание.

Молодой человек не мог получить инвалидность, но и работать не мог. Вчерашнего солдата не допускали на ВТЭК как колхозника. Воин-победитель не мог понять: как он, отдавший служению Родине восемь лет - всю свою молодость, вдруг оказался униженным и даже не имеет средств к существованию.

Просьбы, обращения, ходатайства - и в район, и в область, вплоть до Министер-

ства обороны. В надежде, что его услышат, помогут: «Так как до войны работал в колхозе, райсобес на ВТЭК меня не направляет. Но я же заболел не в колхозе, а в Советской Армии, где честно служил 8 лет. Считаю, что Вы мне поможете...» Но в ответ - лишь отписки. И только лишь за двадцать дней до его смерти пришёл долгожданный документ из Вологодского облисполкома, в которой было рекомендовано «рассмотреть вопрос о трудоспособности и инвалидности гр. Смирнова М. А.». Но эта радостная новость была ему уже ни к чему.

Вот так и закончилась война для одной маленькой деревни, которой сейчас почти уже нет. Разъехались люди, опустела территория, заросли поля. Лишь памятник хранит имена тех, кто жил здесь и смело сражался за Родину, чтобы она всегда жила и процветала. Никогда не пройдется по деревне статный «соколик-жених» Василий Зернов, не позовёт с высокого крылечка мать чай пить своих сыновей-близнецов Анатолия и Николая Румянцевых; не поселится рядом с отцом в новой избе Феофан Зернов. Всех их отняла война.

ВСПОМНИМ ВСЕХ ПОИМЁННО

Сад был посажен в середине семидесятых. В то время в деревне проживало порядка тридцати человек, большинство - пенсионеры. Помню, как местные женщины под руководством солдатской вдовы Антонины Всеволодовны Бурмистровой, приезжавшей в родные края из Северодвинска, приносили молодые берёзки из Нового поля, сажали вишни, ёлки, черёмуху. По берёзке - на каждого погибшего воина, по ёлке - на каждую вдову. Украсили сквер клумбами. Скамеечки поставили жившие в то время в деревне мужчины. Стали думать о памятнике погибшим. Чтобы стоял крепко, на века. Фанерная пирамидка не годилась. По полям вокруг деревни оставалось много обтёсанных камней-валунов, предназначавшихся для строительства опор железнодорожного

моста через Кубену в 1930-е годы. Один из этих камней и послужил основанием памятника. Его притащил на тракторе молодой тракторист Владимир Зайцев, внук погибшего Серафима Коротина.

Списки погибших собрал участник войны Сергей Константинович Зернов. Их передавали по рукам из избы в избу. Обсуждали за столом, вспоминали, спорили, уточняли, добавляли, поправляли. Перебирали в памяти всех - и кто погиб на фронте, и кто умер в блокадном Ленинграде. Записывали всех, кто родом из Варламова.

Табличку для памятника изготавливал в Ленинграде токарь с «Электросилы» Александр Михайлович Дикой, муж участницы войны Евфалии Вячеславовны Зерновой. Её брат Феофан погиб в 1943-м.

Сборку конструкции памятника сделал сварщик Харовского ЛДК Вениамин Александрович Смирнов. Его многочисленные родные и двоюродные братья были участниками войны. Старший, Николай, пропал без вести в 1941-м, двоюродный, Леонид, погиб. Дядя Николай и двоюродный брат Игорь умерли в блокаду. В 1984 г. памятник был установлен.

Помогали в установке памятника участники войны Леонид Иванович Зорин и Иван Николаевич Кочкин.

Рассказывая об истории памятника, нельзя не упомянуть и тех, кто ухаживал постоянно за садом. Ещё младшими школьниками Николай Смирнов и Сергей Тихомиров каждый год, приезжая в деревню ранней весной, приводили в порядок территорию сада, сгребали листья и сухой мусор. Сначала делали это вместе со взрослыми, а потом уже и самостоятельно на протяжении всех школьных лет. Заменили старые скамейки, подновили на памятнике звезды. Сейчас ребята выросли и покинули родные края. Но всё равно стараются навещать родную деревню.

Хочется верить, что будут жить там новые люди и не прервётся жизни нить, что сохраняется и сад, и памятник.

Марьинские клещи. Октябрь 1941 года

Отрывок из повести

Геннадий
Сазонов

Геннадий Алексеевич Сазонов - поэт, прозаик, публицист - родился в 1950 году в Тверской области, окончил Ленинградский государственный университет. Автор более двадцати книг поэзии, прозы, публицистики, а также многочисленных публикаций в периодике. Лауреат нескольких премий и конкурсов, в том числе удостоен Всероссийской литературно-художественной премии «Золотой венец Победы» за повести «Нелидовский коридор» и «Ярче легенды». Несколько раз публиковался в «Вологодском ЛАДЕ».

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ АВТОРА

По историческим меркам 70 лет - лишь одно «мгновение». Но, с другой стороны, это целая человеческая жизнь. Именно такой срок и отделяет нас от дня великого ликования - 9 мая 1945 года, когда разгромом фашистов завершилась самая страшная война за все века существования человечества - Великая Отечественная.

Мы, люди уже иной эпохи, обязаны душой и сердцем помнить и хранить большие и малые события той войны, понять и прочувствовать, какая цена заплачена за наше существование.

Цена эта - неимоверно большая!

Осознание её и побудило меня вникнуть в события октября 1941 года, в положение, сложившееся вокруг Торжка, Вязьмы, Ржева и Калинина в самый тяжелый период войны. Так возник замысел повести «Марьинские клещи», конкретно связанный с разгромом фашистских войск в селах Марьино и Медное во второй половине октября 1941 года. Наши войска окружили и ликвидировали 1-ю танковую дивизию и бригаду СС, входившие в группу армий «Центр». Это была невероятная победа, от которой пришёл в бешенство Гитлер.

События, описываемые в повести, - малоизвестная, но по-настоящему героическая страница Великой Отечественной войны. Разгром немцев под Марьином стал первой точкой отсчёта в великой Московской битве, первым успешным усилием Красной Армии по изгнанию фашистских варваров с родной земли.

Главные герои повести - советские солдаты и офицеры, а также замечательные полководцы: Иван Конев, Николай Ватутин, Василий Швецов, Павел Ротмистров.

Но не только героические подвиги наших отцов и дедов побудили меня написать повесть «Марьинские клещи», но и ежедневные события, происходящие в современном мире. В первую очередь - забвение великого подвига советского солдата, спасшего Европу от «коричневой чумы», наглое осквернение памяти погибших воинов.

В странах Европы ведётся русофобская пропаганда, советских солдат всё чаще называют «оккупантами». В ряде мест сносят памятники выдающимся советским полководцам. Так получилось с памятником прославленному генералу, маршалу, дважды Герою Советского Союза И. С. Коневу в городе Кракове - польском городе, который советские войска под командованием И. С. Конева освободили от фашистов, спасли его от разрушения. С приходом на Украине к власти фашистской хунты в начале 2014 года были уничтожены памятники великим русским полководцам М. И. Кутузову и Г. К. Жукову, осквернены или разрушены десятки монументов воинской славы.

Мощной волне неофашизма можно и нужно противостоять напоминанием о злодеяниях фашизма в годы Великой Отечественной войны, о борьбе с ним.

1

На огромных просторах Советского Союза - от южных степей Причерноморья и до берегов Финского залива под Ленинградом - война не затихала и ночью. По радио из Москвы несколько раз читали сводку Совинформбюро: «В течение 1 октября наши войска вели бои с противником на всём фронте». Для шести армий, а также резервных подразделений Западного фронта, державших оборону на протяжении 340 километров - от Осташкова до Ельни, уходящие сутки выдались «спокойными». Другое положение у соседей на Брянском фронте: там фашисты прорвали оборону, проутюжили танками 60 километров и заняли город Севск.

Теми же сутками в Москве, казавшейся многим и из-под Вязьмы очень-очень далёкой, закончилась конференция, где Англия и Америка дали обязательство поставлять в СССР (до июня 1942 года) ежемесячно 400 самолётов, 500 танков, 200 противотанковых ружей, тысячи тонн алюминия, свинца, олова, молибдена, броневых листов для танков; зенитные пушки, противотанковые орудия.

Англосаксы и американцы, похоже, были довольны возможностью хапнуть большие деньги на бойне, которую они же и устроили, подтолкнув немцев к войне против Советского Союза. Это излюблен-

Наша пехота отбивает атаку фашистов

ный политический приём «цивилизованного Запада», который сработал и летом 1941 года.

Советское правительство в ответ на помощь намеревалось предоставить США и Англии сырьё для выпуска вооружений, а также оплачивать их поставки золотом из казны.

На календаре было 2 октября 1941 года.

2

Разбрызгивая редкие лужи на сельской дороге, в сумерках, не включая на всю мощность фары, катили две легковые машины, подчинённые Западному фронту. На переднем сиденье - командующий. Ещё и месяца не прошло, как Иван Конев, получив очередное звание генерал-полковника, вступил в новую должность. Пока он не успел освободиться от старых привычек, приобретённых во время, когда командовал армией. Они проявлялись в том, что Иван Степанович любил лично вникать в подробности обширного хозяйства 19-й армии. Бывало, что не доверял отдельным офицерам, перепроверял их, выезжал на позиции. И если командарм обнаруживал ложь либо неточность в донесениях, мог круто наказать виновных.

Вместе с другими руководителями Западного фронта он возвращался в штаб после осмотра расположений действующих армий под Вязьмой, а также позиций, куда прибывали дивизии народного ополчения, наскоро сформированные в Москве и присланые для подкрепления армейских соединений.

Много чего увидел Иван Степанович Конев за целый день. Нет, он не усомнился в боевом духе солдат, генералов, младших офицеров, горящих желанием громить врага ополченцев. Дух соответствовал тому, чем обычно заканчивал он приказы, будучи командар-

мом: «Славные воины! Вы уже нанесли фашистским собакам сокрушительный удар! Вперед, к новым подвигам! За Родину, за великого Сталина!»

Так призывал он в кровавых, жестоких боях под Витебском. Туда срочно перебросили 19-ю армию, и Конев прибыл раньше своих частей. Он с небольшим отрядом охраны отыскивал штаб Западного фронта. На шоссе генерал столкнулся с потоком отступающих - солдаты и офицеры шли в беспорядке, связь со штабами у них была потеряна, они не знали обстановки, не могли точно определить, где свои, где неприятель.

Конев вышел из машины. Снял плащ, чтобы все видели знаки различия в петлицах, чтобы все поняли, кто к ним будет обращаться. Выбирая взглядом в толпе кадровых бойцов и офицеров, генерал спокойно, но суворо потребовал:

- Приказываю прекратить отступление! Построиться в колонну!

Уверенный тон генерала, его воля, которая сквозила в приказах, его решимость подействовали на тех, кто отступал. Они стали останавливаться, собираясь вокруг Конева, постепенно образовалась целая колонна военных.

В Витебск, вслед за вездеходом командарма, пришли несколько подразделений пехоты, батарея пушек и три тяжелых танка «КВ». Это была неплохая подмога для частей, оставшихся оборонять Витебск.

С рассветом авиация немцев бомбила Витебск, танки и довольно много пехоты на мотоциклах двинулись к мосту через Западную Двину, где держал оборону передвивший батальон майора Рожкова из 37-й армии с несколькими ротами народного ополчения. Конев наблюдал за ходом боя, видел, как удачно наши артиллеристы поддержали действия майора: танки фашистов горели, уцелевшие машины повернули назад, их обгоняла пехота на мотоциклах.

Атака не удалась. Перегруппировав силы, фашисты вновь пошли в бой, подтянув самоходные орудия для уничтожения

нашей батареи; на позициях артиллерийского расчёта рвались снаряды.

Конев приказал артиллеристам отойти в укрытие, но комбат не успел выполнить его приказ - осколок от снаряда сразил его. Тогда генерал принял на себя командование батареей.

Конев называл цели наводчикам, отрывисто бросал: «Огонь!» В то же время он успевал следить за тем, что происходило на поле сражение в целом, на всех его участках.

Это был первый бой Ивана Степановича Конева с фашистами. В то утро им так и не удалось прорваться на мост через Западную Двину. К вечеру сюда, к назначенному месту дислокации, стали прибывать основные части 19-й армии.

С ходу перейдя в наступление, бойцы этой армии 10 июля нанесли сильный, неожиданный удар по группировке фашистов, те были вынуждены отступить. Части фашистов, которые вклинились в расположение Красной Армии, бойцы Конева уничтожили. Наступление немцев на Рудню и Сураж остановилось.

На западном участке фронта это была первая наша успешная наступательная операция. Да, по меркам фронта победы 19-й армии были небольшими, но они имели чрезвычайное значение. Они показывали, что ломать врага, уничтожать его - всё это по силам Красной Армии. Сам же Конев ещё раз увидел, что главное достоинство солдата - не только в умении стрелять, знать технику, боевую тактику; главное - в твёрдости духа. Если солдат не сломлен морально, значит, можно расчитывать на победу.

И всё же в итоге войскам Красной Армии пришлось отступить из района Витебска на восток. Одна из причин, думаю, состояла в следующем. Немцы, сосредоточивая крупные силы на определенном участке, активно поддерживали их бронетехникой, авиацией - всеми имевшимися в наличии родами войск. Получался своего рода «железный накат», где было отлажено быстрое взаимодействие разных частей.

Тактика Красной Армии тоже предполагала взаимодействие разных видов войск. Но на практике их взаимодействие часто не получалось в силу различных причин. Теперь, под Вязьмой, Конев готов был повторить пламенный призыв, звучавший под Витебском.

Чутьё профессионала, а служил генерал с 1916 года, с далёких царских времён, рождало в нём тревогу. Он скорее угадывал, а иногда и находил подтверждение тому, что оборона Брянского, Западного и Резервного фронтов не была связана в мощный кулак, способный громить противника наверняка. Это ослабляло Красную Армию, лишало её быстрого, рассчитанного заранее манёвра.

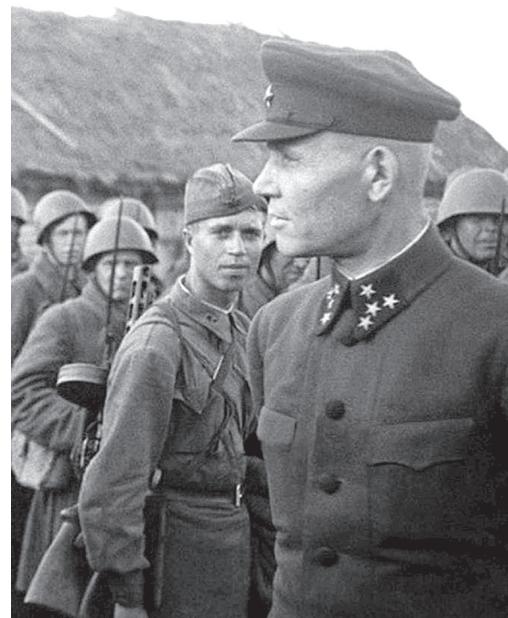
К тому же плохо действовала связь с тем же Резервным фронтом. Командующий Семён Будённый квартировал в Гжатске - за двести с лишним километров от передовой, где шли бои. Случись что - прорыв нашей обороны или вынужденное отступление, подкрепления у Будённого допроситься трудно, не одного нарочного придётся посыпать к нему.

Три дня назад из Ставки Верховного Главнокомандования поступила директива войскам Западного фронта - перейти к «жесткой обороне». Но её плана не было. В чём и как устроить «жесткость»? Толком никто не мог это объяснить. Похоже, руководство в Москве, включая Генштаб, рассчитывало на войсковых командиров, их инициативу и ответственность. Какой-то смысл в таком расчёте, наверное, был. Однако в условиях фронта, в условиях боёв командирам часто было не до инициативы: отбить бы атаки фашистов с меньшими потерями да успеть передохнуть до следующей атаки, а также подготовить собственные атаки.

3

Ивану Коневу шёл 44-й год. Он был прирождённым воином. Высокий, жилистый, широкий в кости, со строевой выпрямкой, Конев всегда выглядел подтянутым, бодрым.

«Вологодский ЛАД»

Генерал Иван Степанович Конев среди бойцов Красной Армии, предположительно в районе Вязьмы в октябре 1941 года

В тот день, находясь в одной из дивизий, генерал увидел, как вдоль Минского шоссе в сторону Вязьмы солдаты рыли окопы-ячейки, готовились к наступлению немцев. Командующий удивился работе солдат, приказал доставить к нему команда батальона.

- Приказ был делать траншеи с ходами сообщений, а не одиночные окопы, - сдерживаясь, заметил генерал прибывшему комбату - полковнику Бородину.

- Так точно, товарищ командующий, - подтвердил комбат, - был приказ.

- Почему не выполняете, комбат? - резко бросил он. - Что роют ваши подчинённые?

Конев указал рукой туда, где копали солдаты.

Комбат замялся, не зная, как ответить.

- Товарищ командующий, им так сподручнее копать, окоп получается быстрее, а то бойцы устали, - нашёлся, наконец, комбат.

- Устали? А кто не устал? Вот когда война кончится, тогда и отдохнём, а

пока она не кончилась! Вам замечание, товарищ комбат. Всякому рядовому яснее ясного преимущества траншеи перед окопом, - отчеканил Конев. - Вы же старший офицер! Разве не понимаете, что траншея сохранит ваших же бойцов лучше, чем самый удобный окоп? Немедленно сделать так, как требует приказ!

- Есть сделать, как требует приказ, - комбат взял правой ладонью к виску. - Разрешите идти?

Генерал быстро, прямо взглянул в глаза Бородину, тот не выдержал секущего взгляда, опустил голову.

- Идите, - разрешил командующий.

Он мог наказать полковника. Да и следовало бы, пожалуй, это сделать - в назидание другим. Но что-то произошло в душе командующего. Из сотен эпизодов, отложившихся в сознании за три месяца боёв, Конев вдруг вспомнил, как батальон Николая Бородина геройски дрался с фашистами на подступах к Смоленску. Генерал-полковник неожиданно смягчился - осуждающего взгляда, посчитал он, уже хватит для комбата. «Люди не железные, железо - и то не выдерживает, а тут - живые мужики», - подумал Конев.

4

Командующему мнилось, что в сумерках за лобовым стеклом машины, то возникало, то пропадало испуганное лицо Бородина, а в ушах звучало словечко - «сподручнее».

Генерал вспомнил, как комбат сказал это словечко, и улыбнулся.

Он почувствовал в словечке что-то до боли родное, далёкое, незабываемое...

- Сподручник, Ванёк! - гремел бригадир. - Перекур кончили - шабаш! Вставай в пару.

Иван бежал из будки, где доедал деревенский хлеб, запивая чаем, хватал тяжелый, длинный багор, вставал на брёвна, приоравливался к напарнику.

Закипала сбивка плотов - тяжелое мужицкое дело. Иван был слишком молод для неё, но он не подавал виду, что ему

трудно, тянулся за напарником, хотел быть для него настоящим помощником. С самой юности он подрабатывал на сплаве. Старший участка звал Ивана ласково - «сподручник» - значит, помощник.

Вечером он шагал к дому. Тётка Клавдия, заменившая мальчику мать после смерти родной мамы Марии (она умерла во время родов), встречала на крыльце.

- Наш сподручник пришёл, кормилец! - всплескивала она руками. - Ох, опять весь промок! Держи валенки - тёплые, прямо с печки. Давай садись скорее за стол! Самовар готов!

Как давно всё это происходило в деревне Лодейно на Вологодчине, где родился Иван! Так давно, будто было всё в сказке, теперь забытой. Нет, не забытой. Эта сказка жила в душе Конева.

5

Водитель включил фары, свет выхватил из темноты шлагбаум, фигуру часового. Узнав машину командующего, он быстро поднял перекладину. Машины остановились у штаба фронта. Дежурный офицер доложил командующему обстановку.

- Пришёл ответ из Ставки? - спросил Конев.

- Не было, товарищ командующий, - ответил дежурный, подал донесения.

Иван Степанович тяжело опустился на стул. Достал пачку папирос, размял одну, закурил, жадно вдыхая тяжелый дым. На правом виске командующего выступила тонкая жилка, словно он держал на плечах невероятно тяжелый груз.

Пять дней назад за подписями Конева, Соколовского и Лестева в Ставку ушла докладная от руководства Западного фронта. По данным нашей разведки, а также по показаниям взятого в плен фашистского лётчика-истребителя, Военный совет фронта отмечал, что противник наращивал силы в районе Духовщины. На отдельных направлениях Западного фронта превосходство в танках у немцев достигало 30 раз! Фашисты подтяги-

вали свежие дивизии в район Вязьмы. Наш фронт, отмечали руководители, по-прежнему «очень жидкий», поэтому командующий просил Ставку ускорить «присылку пополнения», «восполнить недостаток пулемётного и артиллерийского вооружений».

Ответ из Москвы в штаб фронта не поступил.

Чуть позже руководство фронта запросило Ставку о разрешении на отвод армий на запасные позиции в случае, если наша оборона будет прорвана и не удастся сдержать налёт фашистов.

Ставка в ответ опять молчала! Дорог был не только каждый день, но и каждый час - от решения Ставки зависела жизнь многих солдат и офицеров, а в конечном итоге - и судьба всей страны.

Почему же нет ответа? Никто не мог объяснить это молчание.

Наскоро поужинав, командующий принялся рассматривать карту фронта, которую и без того знал наизусть. Так, как знал наизусть начальник штаба пушкинского «Евгения Онегина». Когда обсудили положение армий, варианты обороны, атак, отступлений, Конев неожиданно попросил начальника штаба:

- Василий Данилович, давай почитай что-нибудь для души, передышка нужна, а то голова совсем уже плохо соображает.

- Что-то почитать? Исключительно только для вас, Иван Степанович, - встрепенулся Соколовский. - Для лирики теперь момент, сами понимаете, не совсем подходящий. Ну, уж ладно, попробую чего-нибудь вспомнить, порадовать вас.

Генерал Соколовский просветлел лицом, по-доброму улыбнулся. Минуту-другую он молчал, напрягая память, и вот зазвучал его прочувствованный голос:

*Но день протёк, и нет ответа,
Другой настал: всё нет как нет.
Бледна, как тень, с утра одета,
Татьяна ждёт: когда же ответ?
Приехал Ольгин обожатель.
«Скажите, где же ваш приятель? -
Ему вопрос хозяйки был. -
Он что-то нас совсем забыл».
Татьяна, вспыхнув, задрожала.
- Сегодня быть он обещал, -
Старушке Ленский отвечал, -
Да, видно, почта задержала.
Татьяна потупила взор,
Как будто слыша злой укор.*

«Торжок горит» - так назвал свой рисунок известный художник Николай Жуков, участник боёв на Калининском фронте

- Как это, Василий Данилович, ты всё запоминаешь? Мне бы столько не запомнить! И вот смотри, как интересно получается. На всякий случай жизни всё есть у Пушкина в этом его романе - «Евгений Онегин», - заметил командующий. - Как будто это он про нас написал: «Но день протёк, и нет ответа».

- Так точно, почти про нас написано, - согласился Соколовский. - Мы оказались в роли той самой Татьяны по отношению к Ставке.

Командующий засмеялся, ощущив какое-то душевное облегчение от пушкинских стихов.

- А сам-то, часом, не сочиняешь, Василий Данилович? - спросил он.

- Некогда, Иван Степанович, - махнул рукой Соколовский. - Я в детстве любил сказки, а когда в семинарии был, всё стихи учил наизусть, Пушкина любил. Тогда-то я и выучил всего «Евгения Онегина» на память, у молодого память была свежая... В 18-м пошёл добровольцем в Красную Армию, с тех пор и тяну армейскую лямку. У меня такой принцип: «Моё место там, где я нужнее». А нужнее всего я здесь, в армии!

- Это правильно! - оценил Конев. - Принцип хороший!

- Если бы не пошёл в армию, - мечтательно продолжал Соколовский, - может, и стал бы писать, может, и был бы поэтом. Не судьба, значит.

- Так, с лирикой закончили, спасибо, - сказал Конев и опять подошёл к карте фронта. - Теперь вернёмся к фрицам!

Они снова принялись обсуждать план действий на предстоящие дни. Соколовский был одним из лучших в Красной Армии организаторов штабной работы. Прибыв на Западный фронт, он планировал операции, укреплял линии обороны.

- Не думаю, что немцы пойдут сразу по пяти направлениям, - поделился командующий раздумьями с начальником штаба.

- Скорее, немцы будут искать слабое место у нас, чтобы прорвать нашу оборону, а может, и взять наши армии в кольцо. Может, Рокоссовский был и прав, когда

предлагал командованию фронта учесть вариант отвода 16-й армии в глубину обороны, при необходимости, конечно. А я ему приказал всякую подвижную оборону исключить. Как полагаешь, Василий Данилович, правильно или нет?

- Опасения ваши, Иван Степанович, разделяю, хотя и не полностью. Обхват наших частей со стороны фашистов не исключен, у немцев это излюбленный приём. Оборону нашу надо бы изменить, усилить стыки армий, - высказал своё мнение генерал-лейтенант Соколовский.

- Командующего 16-й армией, пожалуй, и следовало бы поддержать, вариант его разумный, я так считаю. Но вы сами знаете, Иван Степанович, что руки у нас связаны. Без согласования со Ставкой принимать такие решения мы не можем, нам нельзя это делать, это противоречит общей установке. Иначе, сами знаете, что будет за самовольное решение.

- Знаю, - резко бросил Конев.

Он молчал, размышляя о чём-то.

- Нам нужна не только оборона, - сказал Иван Степанович. - За собой я оставляю и план наступления.

- Ясно, - отозвался Соколовский, - я согласен.

Они ещё долго обсуждали положение в армиях.

6

...Иван Степанович услышал тяжелый гул, оглянулся. С пригородного перелеска в сторону шоссе, клубя дымами, прямо на него ползли танки, на башнях жирно чернели кресты.

Рядом, на обочине, сиротливо приткнулась наша противотанковая 45-миллиметровая пушка.

- Быстро к пушке! - скомандовал Конев. Командира орудия по какой-то причине не было, но сержант и заряжающий стояли на месте. Конев расставил расчет, сам прильнул к прицелу, поймал в панораму приближающийся танк, дал команду: «Огонь!».

Снаряд пробил броню, фашистский

танк загорелся. Другие танки развернулись, поползли в обход, намереваясь окружить артиллерийский расчёт.

По дороге к месту, где стояла пушка, подошла генеральская машина. Конев, ещё несколько штабистов, бойцы расчёта впрыгнули в машину, которая быстро поехала в сторону деревни, не занятой немцами. И тут Иван Степанович увидел, как на них прёт, прямо в лоб, танк с крестом.

Как, чем остановить машину? Ничего подходящего под рукой не было!

- Нет, нас так просто не возьмёшь! - закричал генерал.

Он вдруг что было сил схватил руками танк за пушку и начал крутить его туда-сюда. Танк почему-то оказался лёгким, и Конев швырнул его в кювет, как сломанную детскую игрушку. Выползший сбоку другой танк прямой наводкой выпустил снаряд прямо в грудь генералу, он вскрикнул, но не ощутил боли, только страх сдавил сердце.

Конев проснулся, несколько минут приходил в себя от страшного сна.

- Тыфу, и приснится же такая чепуха!
- сказал он и взглянул на часы. Четыре часа ночи.

Он вспомнил, что нечто похожее на то, что ему приснилось, происходило в реальности: с офицерами штаба он выезжал из Рудни для проверки расположения частей и за окраиной города наткнулся на наступающих фашистов. Только чудом удалось тогда избежать плена или смерти.

Накинув китель, командующий вышел на воздух.

Подмораживало. Слабо долетал никогда не смолкавший, а теперь приглушенный гул оттуда - с передовой. В тёмном небе искрились, мерцали звёзды, а Полярная звезда светила так низко, что, казалось, её можно достать руками. Иван Степанович закурил, медленно зашагал вдоль зимнего флигеля, ощущая бодрящую свежесть.

За углом, на повороте в барский парк, с ним поравнялся часовой, назвал себя сержантом Басовым, начал докладывать.

- Вольно, - остановил часового генерал.

- Как по имени?

- Николай, - назвался сержант.

Коневу захотелось поговорить с бойцом, закваска с гражданской войны осталась, когда служил комиссаром.

- Откуда родом? - поинтересовался Иван Степанович.

- Из Торжка я, товарищ командующий, - робко ответил сержант.

Он был явно смущён близостью самого генерала Конева, о котором среди солдат ходили легенды.

- Слышал о нём, но не бывал там ни разу, - мягко сказал генерал, как бы желая своим тоном освободить бойца от волнения. - Славный град? Должно быть, как и мой Никольск, небольшой?

- Самой Москвы, товарищ командующий, Торжок старше на сто лет. Народ у нас добрый, приветливый. Для меня так город большой, а кому-то, может, и невелик будет. Я вас, товарищ командующий, когда кончится война, приглашаю в гости, - осмелил Басов. - Мой дом на улице Болотной, все знают. Мы за Русь стояли испокон веков, всяких врагов били.

Конев удивился, но не подал виду.

- Спасибо за приглашение, - отозвался генерал. - Ждёт тебя кто-то дома?

- Ждут, товарищ командующий, ждут меня, - ответил Басов. - Мать ждёт, отец, сестры, любимая девушка Надя.

- Светлое имя, - сказал генерал. - Ради них береги себя, боец!

- Спасибо, товарищ командующий, - поблагодарил Басов.

Конев развернулся и зашагал назад к штабному подъезду.

7

Хрупкий иней тонкими узорами разукрасил луговины, опушки, взгорки, будто осыпал предрассветную землю крупной солью. С уходом темноты на обширных смоленских просторах открывалась чудо-вищная картина сосредоточения фашистских войск - колыхалось серое людское море. Пехотные и танковые дивизии,

артиллерия, авиация, моторизированные соединения - железная армада, подобно гигантской пантере, была готова к начальному и самому решительному прыжку, намеченному операцией «Тайфун».

Она возлагалась на группу армий под названием «Центр». К 1 октября 1941 года группа насчитывала 1 миллион 800 тысяч солдат и офицеров. Сюда стянули 1700 танков, 1390 самолётов, огромное количество миномётов, пушек, другой техники.

Фашистскому командованию казалось, что живой силы ещё мало. По ночам в сторону Смоленска продолжали идти дополнительные танковые и моторизированные дивизии из резерва, из групп армий «Юг» и «Север». Из-под Ленинграда перебросили 4-ю танковую группу под командованием генерал-полковника Э. Гёпнера.

Численность войск Гитлера, выставленных для наступления в операции «Тайфун», почти на 500 тысяч человек превосходила состав Брянского, Западного и Резервного фронтов, не говоря уже о том, что наши соединения отставали в технической оснащённости, испытывали недостаток разных видов вооружения. Всё мыслимое и немыслимое поставили в Германии на службу тому, чтобы показать целому миру, трепетавшему перед фашизмом: Гитлер раздавит СССР в молниеносный срок.

Обычный тайфун зарождался и свирепствовал в восточной половине Тихого океана. Ураган, набрав силу на безоглядных водных просторах, вздымал массы воды, нёс их к побережью и, если доносил до берега, то крушил и сметал всё на своем пути. «Тайфун» из коричневых шинелей фашистов мыслился стратегами вермахта по ожидаемым последствиям похожим на тот, тихоокеанский. В считанные дни - не более двух недель отводили гитлеровские стратеги на всю операцию - он должен был смять, разнести в пух и прах, уничтожить Красную Армию, открыть гитлеровцам прямую дорогу на Москву.

Взятие столицы СССР, её ликвидация для Гитлера было делом решённым, без всяких сомнений. Уже шли в сторону

Восточного фронта вагоны, груженные отборным гранитом, из которого на месте поверженной Москвы намечали возвести памятник. Он, этот памятник, должен был символизировать гений Гитлера и славу оружия Третьего рейха.

8

Главная задача армий, объединенных в группировку «Центр», на утро 2 октября состояла в ликвидации взаимодействия соединений Красной Армии - надо было вывести из строя все виды связи, которыми располагали русские, а затем сильными ударами прорвать нашу оборону.

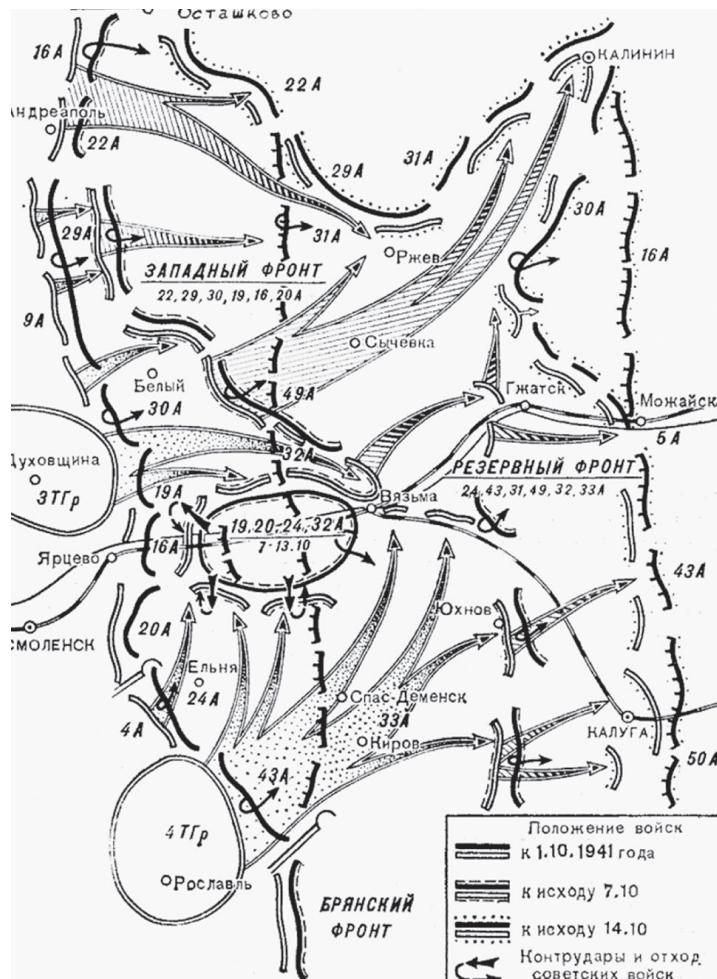
Фашисты начали со штаба Западного фронта.

Утром, когда Иван Степанович принимал донесения о завязавшихся на передовой боях, небо потемнело от фашистских бомбардировщиков. Двадцать «Юнкерсов-88», издавая противный вой при пикировании, хищнически обрушились на барскую усадьбу, где еще недавно размещался штаб фронта. Бомбы рвались на аллеях, выворачивая с корнями вековые липы, превращали в крошево кирпичные стены особняка, осколками разлетались по округе.

Удары с воздуха фашисты наносили по штабам разных уровней, командным высотам, пунктам управления Западного, Брянского и Резервного фронтов одновременно. Если представить три фронта живым организмом, то их штабы являли собой «нервные узлы», которые задавали, определяли деятельность всех родов войск. Теперь они в большинстве своём были стерты с лица земли. Всё произошло стремительно, командование фронтами не успело принять какие-то ответные меры.

Прицельный разгром штабов Красной Армии произошёл благодаря разведке фашистов, предварительно засекшей их расположение. В ряде дивизий нашлись предусмотрительные офицеры, они создали запасные командные пункты и использовали их, когда войска отходили под

МАРЬИНСКИЕ КЛЕЩИ

Положение войск Красной Армии на Западном фронте на 1 октября 1941 года - накануне начала фашистской операции «Тайфун»

напором врага. Но таких дальновидных командиров было немного.

Проводная связь фактически бездействовала. В штабах на всякий пожарный случай имелись переносные радиостанции. К сожалению, новыми аппаратами ещё не умели хорошо пользоваться, к тому же опасались радиоперехвата фашистов. Управление войсками резко ухудшилось, роль «телефонов» выполняли посыльные офицеры, терялось драгоценное время.

Всё же генералу Ивану Степановичу Коневу удалось по аппарату «Бодо» пере-

дать в Москву докладную, где он скромно написал, что через позиции Западного фронта просочились «мелкие группы противника», чем и ввёл в заблуждение Ставку. Возможно, такая информация командующего фронтом дала повод Сталину спустя три дня сказать, что он «не может добиться от Западного и Резервного фронтов исчерпывающего доклада об истинном положении дел», не может «принять никаких решений».

Принимать их надо было немедленно!

Каждый час, любая минута промедления обирались убитыми и ранеными на фронтах, усугубляли ситуацию для всей страны. Спасение могло быть в отводе армий в глубину нашей обороны. Но такой операции - «отвод войск» - не существовало в военной доктрине Красной Армии. Доктрина, порожденная сиюминутными обстоятельствами, когда сдавали города и села, была и для солдат, и для генералов

единственной: «Ни шагу назад!». Сам генерал собственной властью не имел права отдать приказ, который мог бы спасти тысячи бойцов.

Может, всё-таки армии трех фронтов имели достаточно сил, чтобы сдержать удар врага? Ведь чрезвычайных преимуществ у фашистов не было, а преимущества в живой силе и технике, если сложить всю наличность этих фронтов, у них были не столь значительные, о чём я уже сказал чуть раньше.

Пожалуй - да, имели силу для сдерживания мощного удара!

По мере того как поступали донесения из армейских и дивизионных штабов, ещё уцелевших под фашистским напором, генерал Конев всё мрачнел, ощущал в душе смятение. Понимая серьезность положения, в котором оказался Западный фронт, командующий лихорадочно искал выход, прикидывал, как организовать контрудар.

Генерал интуитивно угадывал и собственный просчёт, и просчёт Военного совета фронта - фашисты наступали не по тем направлениям, где их ожидали наши. Он уже сожалел, что поторопился с донесением в Ставку, что отступил от «принципа правдивости», очевидно, рассчитывая к концу дня получить более точные сведения о ходе боёв.

Но и Иван Степанович, увы, не представлял себе реальные масштабы «Тайфуна», устроенного фашистами. Ударами танковых «клиньев» и «ромбов» немцы взломали несколько участков фронта, растянувшегося от Осташкова и Селижарова до Ельни и Дорогобужа на расстояние более трехсот километров, а затем направили силы на стык 30-й и 19-й армий, чтобы охватить наши войска с севера и юга, то есть со стороны Духовщины и Рославля, а не с западной стороны от Вязьмы, как предполагали в штабе Западного фронта.

«Тайфун» набирал обороты, свирепствовал всё сильнее и сильнее. Против четырех дивизий Западного фронта, удерживавших линию фронта на стыке 30-й и 19-й армий, фашистское командование двинуло 12 дивизий, в том числе три танковые. Одновременно 4-я танковая группа Гёпнера нанесла прицельный удар в стык 43-й и 50-й армий, это примерно 60 километров фронта.

Прорыв в нашей обороне с каждым часом увеличивался в размерах, уже возникла реальная угроза окружения, среди солдат поползли слухи, что «генералы предали их, бросили на произвол судьбы». Был сдан город Белый, а это уже

на подходе к Ржеву, что открыло возможность быстрого продвижения фашистов к Москве.

Приказ об отводе войск из Ставки Верховного Главнокомандующего так и не поступил.

Как и раньше бывало, когда возникали сложные ситуации, генерал Конев напряженно искал выход. Командующий отдавал приказания о контраступлении на разных участках. Силами действующих армий, а также соединений, взятых из резерва, были нанесены ощутимые удары по немцам, прорвавшимся в тыл.

Но красноармейским частям не хватало поддержки авиации и артиллерии, без чего их атаки не меняли кардинально ситуацию в нашу пользу; взаимодействию мешало и то, что часто выходила из строя телефонная связь.

4 октября генерал доложил в Ставку о мерах, которые он предпринимал для противодействия наступлению фашистов, но также сообщил, что «существует угроза выхода крупной группировки немцев в тыл нашим войскам». Трети сутки подряд командующий не ложился спать, он считал, что нельзя ему передавать «бразды правления» кому-то другому - даже на час.

Всё-таки Иван Степанович не терял надежды изменить ход боёв в нашу пользу. Он поручил первому заместителю командующего Западным фронтом генералу Ивану Болдину быстро сформировать оперативную группу, куда вошли стрелковая и мотострелковая дивизии и две танковые бригады. В районе районного центра Холм-Жирковский группа генерала Болдина атаковала фашистов, завязала танковое сражение. Двое суток - 4-5 октября - вздымалась и горела земля в окрестностях Холм-Жирковского, обильно лилась солдатская кровь, окрестные поля и луга были усеяны трупами немцев и русских, повсюду были видны разбитые повозки, обгорелые машины и танки, на пепелищах бродили раненые или просто брошенные лошади.

Опергруппа должна была соединиться с резервными войсками генерала Кон-

После изгнания фашистов

станина Константиновича Рокоссовского, но осуществить этот замысел не удалось, силы были неравные. Поэтому соединения под командованием генерала Ивана Болдина отступили.

В ночь с 5 на 6 октября было наконец-то получено разрешение Ставки, и начался отвод наших войск от фронта на линию Осташков - Селижарово - Оленино - Булашево, далее по восточному берегу Днепра до Дорогобужа. Манёвр, к сожалению, запоздал, но всё же и он имел положительное значение, поскольку позволял сохранить жизни тысячам солдат и офицеров.

Ещё накануне немецкие соединения получили приказ № 1870/41 с грифом «совершенно секретно» за подписью командующего группой армий «Центр» генерала фон Бока, который детально предписывал действия по окружению частей Красной Армии западнее Вязьмы. Утром 7 октября фашисты замкнули кольцо, куда попали 16 дивизий Западного фронта из четырёх армий.

По поручению Ставки генерал Иван Конев отдал войскам приказ сражаться в окружении, вырваться из блокады,

руководство он возложил на генералов Федора Лукина и Ивана Болдина. Части, отрезанные от фронта, сковали значительные силы немцев - 13 дивизий. И это был зримый положительный результат «вяземского котла» - немало вражеских войск было выбито из наступления на Москву.

«Поведение русских войск даже в первых боях находилось в поразительном контрасте с поведением поляков и западных союзников при поражении. Даже в окружении русские продолжали упорные бои, - вспоминал уже после войны один из фашистских преступников. - Там, где дорог не было, русские в большинстве случаев оставались недосягаемыми. Они всегда пытались прорваться на восток. Наше окружение русских редко бывало успешным. Русские с самого начала показали себя как первоклассные воины, и наши успехи в первые месяцы войны объяснялись просто лучшей подготовкой. Обретя боевой опыт, они стали первоклассными солдатами. Они сражались с исключительным упорством, имели поразительную выносливость».

2013 - 2015 гг.

«Сиротский смысл семейных фотографий»

(война в лирике Николая Рубцова)

Творчество Николая Рубцова стало заметным явлением ещё при жизни поэта. И после смерти интерес к его лирике продолжал расти: осмысление литературного наследия с годами приобрело последовательный и системный характер, убедительно доказывая несостоительность всех скептических прогнозов относительно будущего рубцовского творчества. Слово поэта живёт и продолжает волновать читателя. Это движение не является искусственным навязыванием «извне», оно естественно и вполне отвечает нравственным запросам современного общества.

Однако есть и обратная сторона памяти. Печально, но факт: личность и наследие поэта нередко оказываются в пленау субъективных суждений, заблуждений, растиражированных до уровня мифа. Например, активно внедряется в читательское сознание мысль об отсутствии гражданственности в рубцовской поэзии. Причём происходит это как со стороны «ревнителей» слова, приверженцев «искусства для искусства», так и со стороны тех, кто усматривает в «чистой» лирике ограниченность и считает это, скорее, недостатком.

В числе последних, к примеру, - авторитетное мнение Сергея Викулова, назвавшего Николая Рубцова в одном из своих интервью т о л ь к о лириком (разрядка моя - А.К.) и заявившего в этом контексте, что «настоящего великого русского писателя не может быть без любви к своему народу». [2: 6]. Беспорно. Но неужели Рубцов, живший, по его собственному признанию, «в своём народе», не был обеспокоен судьбой поколения, страны? Вряд ли. Уже в 1976 году в первой книге о поэте Вадим Кожинов справедливо рассуждал о подлинной народности поэзии Рубцова.

Сергей Викулов последователен в

своих суждениях: ещё в начале 80-х в его предисловии к рубцовским книгам «Избранное» (1982 г.) и «Посвящение другу» (1984 г.), пусть и не столь категорично, но звучит упрёк в недостаточно выраженной социальной направленности творчества поэта. В частности, Викулов задаётся вопросом о том, почему у Рубцова практически не представлена военная тематика.

Ответить на этот небесспорный вопрос отчасти помогает точка зрения Валерия Дементьева: «Минувшая война осталась вроде бы за «кадром» лирических стихотворений Рубцова <...> Но грозовое дыхание военных лет ощущается в поэзии Рубцова во всем - и в природе, и в облике деревни, и характере жителей Севера. По малолетству он почти не помнил и не знал войны, однако ее помнили и знали односельчане, помнил и знал народ. <...> Особая проникновенность поэта в чужую боль, в чужие страдания, его способность сопереживать с другими - все это выявила <...> война» [3: 442].

Очевидно, что война в художественном пространстве литературного произведения может быть представлена по-разному. Это вовсе не обязательно батальные сцены, описание трудовых

подвигов в тылу, слёзы прощания и триумф Победы (таких стихов у Рубцова действительно нет). Это может быть внутренняя трагедия отдельного человека, которая оказалась родственна целому поколению и потому общественно значима. Сиротство как следствие войны - вот тот личный фактор, через призму которого смотрело на окружающий мир поколение, к которому относился и герой Рубцова. И в этом смысле тема войны имплицитно представлена в значительной части лирики поэта.

Восприятие войны рубцовским лирическим героем соответствует народному мироощущению. С одной стороны, это данность, свершившийся факт, приведший к катастрофическим последствиям: «мать умерла, отец ушёл на фронт» («Детство»), «на войне отца убила пуля» («Берёзы»). С другой стороны, это страх перед новой войной («Русский огонёк») и преклонение перед героикой минувшего («Видения на холме»). Объём и содержание понятия «война» в разных стихотворениях неодинаковы. Наряду с упоминающимися или подразумевающимися конкретными историческими событиями (Великая Отечественная война («Вспомню, как жили мы...», «Детство», «Берёзы»), Отечественная война 1812 года («О Московском Кремле»), набеги хана Батыя («Видения на холме») или Чингисхана («Шумит Катунь») Рубцов пишет о войне как народном горе в контексте общечеловеческих ценностей («Море», «Русский огонёк»). Интересная деталь: практически все упоминаемые поэтом исторические фигуры имеют непосредственное отношение к военным действиям - Чингисхан, Батый, «грозный Иоанн», Емельян Пугачёв, Наполеон, Ленин, Гитлер.

В одном из своих самых ранних стихотворений (по предположению Вячеслава Белкова, это был первый поэтический опыт Рубцова [1: 3]) автор по-детски наивно, но предельно чётко обозначит грань, отделяющую войну от мирной жизни:

*Вспомню, как жили мы
С мамой родною -*

*Всегда в веселе и тепле,
Но вот наше счастье
Распалось на части -
Война наступила в стране.*

[5: 1: 36]

Финал стихотворения обнадёживающий: не потеряна вера в восстановление родственных связей, «счастливое и весёлое» будущее. Много лет спустя эти же трагические факты найдут художественное воплощение в стихотворении «Детство». Здесь мотив прощания приобретает черты обречённости: расставание уже не предполагает скорой встречи:

*...Туман покрыл
Разлуки нашей след...*

[5: 2: 15]

Взгляд мальчика и взгляд взрослого поэта: в одном - трогательная непосредственность, в другом - трагическая обыденность: «военная морока», «детдом на берегу» и оскорбляющее слово «сирота».

...Начало 60-х годов (время вступления Николая Рубцова в большую литературу) - «в поэзии - пора эстрады» (Константин Ваншенкин). В этот период активно работает поколение поэтов-фронтовиков, стимул для творчества даёт «оттепель», развенчавшая «культ личности». Многие авторы возвращаются к ранее созданным текстам, корректируя их с учётом изменившихся условий. «Эстрадная» поэзия с её декларативным пафосом пополняется новыми произведениями о войне, в числе которых, например, известное стихотворение Евгения Евтушенко «Хотят ли русские войны» (1961) и не менее известная поэма Роберта Рождественского «Реквием» (1962). По-другому военная тема представлена в поэзии «тихой». Но даже в близких по стилевым особенностям текстах (Алексей Прасолов, «Тревога военного лета» (1963); Анатолий Жигулин «В окруже бродит холод синий...» (1963)

и др.) трудно найти что-то похожее на рубцовский взгляд.

А этот взгляд хорошо просматривается, например, в хрестоматийном «Русском огоньке» (1964). Конечно, вряд ли можно проводить прямые параллели между стихотворением и конкретными военно-политическими событиями, но, принимая во внимание время написания (разгар «холодной» войны), отрицать подобную связь вообще неправомерно. Эту мысль подтверждает рубцовский эпиграф, сопровождавший одну из газетных публикаций «Русского огонька»:

*Огромный мир
По-прежнему не тих.
Они грозят,
Мы сдерживаем их. [4: 3].*

Сегодня, спустя несколько десятилетий, трактовать оппозицию «мы» - «они» можно предельно широко, но читателю тех лет, вероятно, угроза новой войны представлялась вполне конкретной.

Короткий диалог хозяйки и героя о войне является смысловым центром стихотворения. Об этом можно судить по ранним редакциям «Русского огонька», в которых диалогическая часть текста остаётся неизменной. Разговор этот по-своему необычен: два человека, оказавшиеся вместе среди оцепеневших снегов и деревьев, обсуждают не бытовые, хозяйствственные проблемы, а угрозу войны. Ощущается какая-то недоговорённость, но герой и хозяйка без слов понимают друг друга. Их объединяет «сиротский смысл семейных фотографий», запечатлённый как в памяти отдельных людей, так и в исторической памяти русского народа в целом. Не случайно, видимо, собеседники ведут разговор не от себя лично, а от имени своего поколения:

*- Господь с тобой! Мы денег
не берём,
- Что ж, - говорю, - желаю
вам здоровья!
За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся
любовью...[5: 1:193].*

Душа - одно из ключевых понятий в стихотворении. С одной стороны, «близких всех душа не позабудет», с другой, - русский огонёк горит, «как добрая душа». Следовательно, пока горит этот огонёк, память (а значит - преемственность поколений) не оборвётся.

В «Видениях на холме» - другом не менее известном стихотворении этого периода - угроза войны просматривается ещё более отчётливо:

*Со всех сторон нагрянули они,
Иных времён татары и монголы.
Они несут на флагах чёрный крест,
Они крестами небо закрестили...*

[5: 1:204].

Кто же это - «иных времён татары и монголы»? Предпринимались попытки «разгадать» рубцовскую метафору (кто-то даже усматривает в черном кресте фашистскую свастику), но, думается, здесь, как и в «Русском огоньке», связывать текст с конкретными событиями было бы недальновидным упрощением, хотя и не учитывать ситуации в стране и мире начала 60-х нельзя. Образ креста в лирике Рубцова многогранен: если в этом стихотворении «чёрный крест» олицетворяет некие (или определённые?) злые силы, то во многих других - крест связывается с судьбой, долей человека или вечным покоем.

В «Видениях на холме» угроза войны представлена в историческом контексте: через «страдания и битвы». В ранних вариантах стихотворения помимо «скуластого Батыя» упоминаются и «бег татар на поле Куликовом», и крах наполеоновской армии. Контраст между светлыми и черными силами, миром и войной усиливает умиротворяющий пейзаж как символ сильной России, способной дать отпор врагу.

Подобную функцию пейзаж выполняет и в стихотворении «Шумит Катунь», где герой слушает, как могучая река

*Поёт <...> таинственные мифы
О том, как шли воинственные скифы, -
Они топтали эти берега!*

[5: 1: 287].

Н. М. Рубцов. 1985. Художник Владислав Сергеев

Примечательно, что близкая Рубцову водная стихия в некоторых его ранних стихотворениях («Море» («Я у моря ходил...»), «Море» («Ветер. Волны с пеной...»), «Сердце героя», «Баренцево море», «Матросская юность») связывается с событиями военных лет, хранит память о погибших героях. Шум океана у поэта - «вечное эхо войны», море - братская могила. Очевидно, Рубцов, служивший дальномерщиком на эсминце Северного флота, имел хорошие представления о морских сражениях. Но если в ранней лирике (50-е годы), во многом ученической и преимущественно однотемной, война, главным образом, - героическое прошлое народа, то в зрелых стихотворениях на первый план выходит её трагедийный смысл.

Меня война солдатом не застала.
Чтоб взять винтовку,
был годами мал.

Но тоже рос голодный и усталый
И тоже груз на плечи поднимал!
Своим крылом безжалостное время
Махало так,

что мой мутился взгляд, -
Недетских слез

и всех лишений бремя
Я тоже нес, как будто был солдат!..

[5: 2: 257].

Так звучит стихотворение осетинского поэта Хазби Дзаболова в переводе Николая Рубцова. Дзаболов, чья короткая жизнь была в чём-то сходна рубцовской, здесь подчёркивает сопричастность к событиям военных лет. Это же самое мог сказать о себе Рубцов, родившийся за пять лет до начала самой смертоносной в истории русского народа войны. Она отняла у поэта всех близких людей, он в полной мере ощутил бремя лишений: и длинные ночи томительного ожидания, и скучный детдомовский паёк. Не будь войны, судьба Рубцова (и поколения Рубцова) сложилась бы иначе. Но война была. Причём не только на полях сражений...

В стихах, лишённых дидактизма и ура-патриотизма, поэт сумел понятными словами выразить настроение и судьбу русского человека, его архетипические представления о добре и зле, жизни и смерти, о проходящем и вечном, о родной земле. В этом гражданственность и народность Рубцова.

Артём КУЛЯБИН

ЛИТЕРАТУРА

1. Белков В. С. Жизнь Рубцова. - Вологда. 1993.
2. Викулов С. От Белозерска до белокаменной: Интервью // Вологодская неделя. - 2002. - 9-16 мая.
3. Дементьев В. В. Мир поэта: Личность. Творчество. Эпоха. - М. - 1980.
4. Рубцов Н. Русский огонёк // Сокольская правда. - 1966. - 21 июля.
5. Рубцов Н. М. Собрание сочинений в 3-х т. - М. - 2000.

Что говорят на хомосъёй стороне

(по материалам диалектологической экспедиции 2014 года)

Особенности мироустройства и речи жителей Бабушкинского района с давних пор привлекают внимание историков, этнографов, лингвистов. Эта территория - самый центр распространения Вологодской группы говоров. Список населённых пунктов района, обследованных при составлении Словаря вологодских говоров, включает в себя около 40 деревень [СВГ 1: 11], однако признать эти говоры достаточно изученными всё ещё никак нельзя.

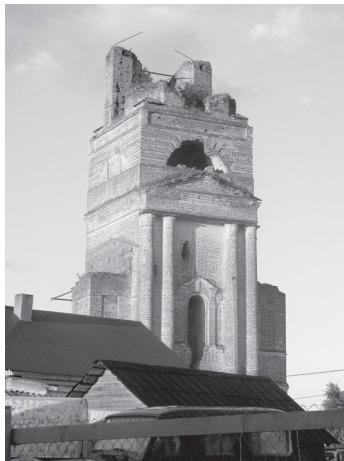
Летом 2014 года состоялась диалектологическая экспедиция в деревни Тимановского муниципального образования названного района. Записи речи здешних жителей посредством современной цифровой техники в этой местности ещё никогда не производились [ср.: Ганичева 2012].

Экспедиция проходила в течение десяти дней - с 26 июня по 5 июля. Возглавлял её старший научный сотрудник Института русского языка РАН кандидат филологических наук И. И. Исаев. В со-

став экспедиционного отряда входили научный сотрудник ИРЯ РАН А. А. Лопухина, руководившая ранее экспедициями МГУ в Архангельскую область, аспирантка Вологодского государственного университета Полина Задумина, автор этой статьи, профессор Вологодского университета Л. Ю. Зорина, студенты Российской государственной гуманитарной университета Олег Валиулин, Анастасия Горностаева, Надежда Чайко. Студенты работали в экспедиции не ради получения оценки за обязательную практику, а из неподдельного

Тиманова Гора

Над округой царит храм

Инвентарь для сеноокоса. Полина Задумина и Алексей Алексеевич Попов

интереса к диалектам русского языка. Обязанности фотографа выполняла дочь руководителя, московская школьница Маша Исаева.

Местные жители охотно общались с диалектологами. Нас поддержали начальник районного управления культуры и туризма С. В. Поляшова и глава Тимановской администрации А. А. Андреева, а также учителя-филологи с более чем 20-летним стажем работы в этой местности, участвующие в организации школьного лингвокраеведения.

Сельское поселение Тиманова Гора Бабушкинского района Вологодской области расположено в 43 километрах севернее села имени Бабушкина, примерно в 440 километрах от Вологды. Связь поселения с райцентром осуществляется в настоящее время благодаря хорошей грунтовой дороге. В Пожарище и Тимановой Горе (ранее - Тиманиха) когда-то были действующие церкви. В 60-70-х годах прошлого века эта местность была ещё густонаселенной, здесь функционировало несколько школ. К настоящему времени жизнь пока ещё пульсирует в Тимановой Горе, деревнях Овсянниково, Жилкино и в посёлке лесозаготовителей Берёзовка. В деревне Подгорная постоянно проживают только два человека, немногим больше жителей и в деревнях Дор и Пожарище.

Во время экспедиции её участники вели тематические беседы с коренными жителями данной местности: Анной Николаевной Андреевой (1929 г.р., образование 2 класса), Ниной Ивановной Воробьёвой (1932 г.р., 7 классов), Еленой Финогентовной Дурневой (1939 г.р., 6 классов), Павлой Григорьевной Дурневой (1930 г.р., 4 класса), Градиславой Николаевной Кряталовой (1926 г.р., 4 класса), Маргаритой Марковной Кузнецовой (1926 г.р., 6 классов), Графирой Ивановной Поповской (1931 г.р., 7 классов), Алексеем Алексеевичем Поповым (1932 г.р., 4 класса), Таисией Николаевной Репнициной (1925 г.р., 2 класса) и другими пожилыми людьми. Обращает на себя внимание, что в приведённом списке совсем не грамотных людей нет, а вот мужчины, к большому сожалению, единичны.

Местному диалекту свойственные черты, характерные для типичных вологодских говоров. Начнем с реплики, вынесенной в название статьи: *на хомоськей стороне...* Что в таком обозначении местности видит диалектолог? Население окает. Оканье в говоре полного типа, архаическое. Топоним Холм в результате упрощения труднопроизносимой группы согласных превращается в Хом, от него образовано прилагательное хомоськяя. В его суффиксе согласный [с'] сохраня-

Школьный музей. Насти Горностаева и Надежда Чайко в народных костюмах

ет свою бытую, существовавшую ещё в XII веке мягкость. Звук [к'] - результат прогрессивной ассимиляции звуков по мягкости.

Здесь говорят *мисяць*, *умию*, *нидиля*, *йидёт*. Это звук [и] произносится между мягкими согласными на месте древнего «ять». *Дедя, стоет, ныреют, скрицели* - звук [Э] произносится на месте [а] между мягкими согласными. *По очереде, по жизни, в кисте, в честе, в соле* - окончание 1-го склонения используется у существительных 3-го склонения. *Никакиё войны, муки гороховыё, робёнок у одныё был* - наблюдается архаическое окончание у прилагательных и местоимений. *Мати, доци* - отмечается сохранение архаической формы им. пад. существительных с древней основой на согласную. *Нет имя, не было время* - переход существительных на -мя во 2-е склонение. *Остригци, запрягци* - у глаголов с основой на за-днеязычный сохраняются архаические формы инфинитива. *Дом-от-ко* - обильное

употребление постпозитивных частиц и др. В речи жителей чрезвычайно многочисленны диалектные слова: *А мне оттоль, от дороги, мне не уйти ведь. Надо туды да и оттоль дак, али оттоль да и туды дак*.

Беседы диалектологов с информантами выстраивались в основном вокруг традиционных тем: природа и история этого уголка России, прожитая людьми нелёгкая жизнь, трагические судьбы родителей, замужество, рождение и взросление детей, сохранившиеся в памяти обычай, обряды и др.

Во многих высказываниях очень положительно характеризуется жизнь советской деревни и, напротив, негативно оценивается её современное состояние: *Те годы дак оценъ хорошо жили. Все и дружно, и шутили друг с дружкой; Дух радуете - живёт деревня! А теперь шо? Веретяя была, Лыцьная была - теперь уже нет, всё схайдокали*.

В рассказах деревенских жителей идеализируются традиционные формы общения: *А праздники были колхозные-ти - по три, по четыре дня гуляли. Вина-то бутылку на семью или на двух - на трёх на это времё - всё! Остальноё всё пиво пили. И все весёлые и всё - ой! И пьяных нет, и драк нет. Пляска да песни. Ой, интересно было жить!*

Из серии записанных воспоминаний о войне можно, как кажется, составить

В местном музее. Печь-кормилица

И. И. Исаев беседует с Ниной Ивановной Воробьёвой

Елена Финогентовна Дурнева

её летопись: У меня тятя-то пошёл на войну и сказал: «Зойся, не росстраивайся: я, как увижу Гитлера, дак сразу убью». А его в Ленинграде и убили самого; Што было - дак ой! Послушаешь - в той стороне ревят, в той ревят, тут ревят. Ой-ой-ой! Мы похоронную получили; Попало, конечно, нам хорошо в войну-то. Спокою не было. Вся тягость... Ведь у нас единого мужика не было в деревне-то. Дак всё приходилось бабам да девушкам вот таким, подросткам-то.

Деревенские жители с тяжёлым чувством вспоминают испытанные ими периоды голода: Всё тили, и гороховину толкли, посушат да, толкли - ступы были. Всяку болесть тили. А пистики эти хорошо, паре, сваришь да - вкусные; Ели кокишу. А клевер, знаешь, ростёт, а на клеверу-то эти, семечки-то. Да, это кокша называласе. Ак мы высушим, истолкём да ляпаников и натряпаем. Ляпаники - ежели есть мучька, дак положишь, а нет, дак одна кокша.

До сего дня болью в душах старших граждан отзываются истории о раскулачивании жителей деревни. Историй на этот счёт было озвучено очень много: Не помлю этого, как заходили в кохоз. Кулаки некоторых. У нас-то - мы среднеки были. А есть, были у нас в деревне-то - одного кулакиши. <>. Плохой быц, дак бы

не быц кулаком. Роботяга быц. Нанимау ешио ить этих вот, роботников. Хорошо оне жили, и работали, спокойнее было у тих. Ты лёжи, дак нищего ведь не будет. У нас ведь есть коги не робят дак, ходят голодные. Хто цего дас, дак поиидят. А мы ведь всю жизнь работаем, ак мы...

У нас двух мужиков сослали. Не вернулись. Оттоль и на войну ушли.

Они приехали к дедку моему, штобы увезти. Я вышла туток да ему сказала: «Уходи отсоль, пока я помела не взяла да тебе по морде не нахлестала! Потому что ты наших родителей доводил до ничева!»

Шестеро робёнков было да мати, без отца. Сына угонили на войну да убили. Она корову одну держала, да раньше мясозаготовка-то была, сдавали мясо-то. Оне не сдавали год не один. У тих корову забрали за рожка и увезли со двора. Осталось эдакое руно дитей-то.

Умной не отберёт никогды <запасов продовольствия>. Вот был Генаха умной-от, дак он - не бойсе, что сделает цего худо, што ли. Он завсегда всё на добро. А этот Федос с лыщечкой, дак будь он проклят!

Многие жители Тимановского сельсовета вспоминали, как в разное время появлялись здесь «выселенцы», люди, принудительно привезённые на Вологод-

чину для участия в лесозаготовительных работах:

Дак они не в деревне, а в кадре, в лесопункте. Конечно, их выселили не по доброй воле. Мы так и не видали их, не. Дак они жили в Лугоде, в кадре. Там и магазин был, дак они ходили. Мы работали зимой, дак видели этих поляков, видели. Но мы с тим не общались.

Литовцы были, евреи даже были. На лесных <работах>. В деревнях-то мужиков взели на войну, так их нет. Дак вот эдаких отмоль и высылали. Как рабочая сила.

Человек труда в этой местности всегда был в цене: Рабочая. Рабочая сила. Ой, поробили! Говорят - искипильница. Всё жицьё ты и делаешь. Куды тебя не попросят, ты везде идёшь и делаешь; Ой, ведь она и искипильница!

Умение азартно работать, выполнять тяжёлую физическую работу вызывает у людей закономерную гордость за выросших и возмужавших сыновей: Всё сын нас обеспечивает, из Северодвинска. Насос привёз, и шланги привёз. Старший ешио сын - вот сын кто! Я им говорю: «Вот, робяты, только своим хозяйством с вам заниматься». Такие парни сильные. Этот идёт косить, дак как метеор. Старший. Да и младшой хорошо косит.

«Дедко, - говорит, - только инструмент налажай».

Исключительно в положительно окрашенных нарративах представляется рассказчиками сенокосная пора: Снацяля косили всем колхозом, бригадой. Идут один за одним. Косят и косят целый день. Всё, накосили, не одно стожьё. Стожьём у нас говорят. Всю реку, всё выкашивали. Накосят. Старались косить в непогоду. В дождливую да в непогоду. А хорошая погода - вот эти грабли. А грабли разные были. Для мужика - во какиё. Ну и женщины брали, которые могутные. Как быстрей чтобы это всё делалось. Вот были такие женщины, косили... Покойница Дуня Шишкинкова... Прозвище. Тоже всех в живых-то нет... Дак вот как она косила! Прокосив на прокосиво! - так считалось. Вот она идёт косить - идёт отсюда, прошла до лесу - обратно - на это, в обратную сторону. Во как! А косы были не эта вот, семёроцька. А косы были аршинницы назывались, большие косы, метровые, наверно, не меньше, метр. Во какие!

Нынешнее поколение наших старших собеседников независимо от уровня образования ощущает происшедшую в обществе переоценку ценностей: Закон-от был какой - вот не давали иконы-ти держать. Коммунисты-ти были. Воросыки держали

Л. Ю. Зорина ведёт запись беседы

Павла Григорьевна Дурнева

иконы, а топерь уж, виши, не то, топерь уж иконы все в цесте; Были книги - Евангель, и то вороськи, дак отбирали всё. А топере другойё всё, топере иконы, виши, покупают.

Диалектологов удивило, насколько плотно наполнена деревенская речь диалектными словами (они выделены дальше в примере жирным шрифтом): Соломой набивали ржаной постели-ти. Да **лоскутёнкой окутвалисе. Лоскутёнкой** - вот как половики-те ткут. Дак эдаких полос наткут да сошьют в одно место, как одеяло сделают да ешишо **и кустиков тут насадят, напртыкают завязоцек.** Дак это уж **холлёнкой** звали, хорошая была **холлёна. Окутка** была эдакая.

Однако в разговорах на темы сегодняшнего дня диалектные слова почти не используются. Вот как один из информантов рассуждает о гражданско-конфликте в соседней стране: Мы уж прожили своё, дак только не приведи Боже вам шиши этова прожить. Не приведи Боже этова! Живите дружняя. До щёво уж дожили, дак невозможно. <...> Я интересуюсь, которые воюют. Это место закроют, это закроют. Дак неуж они не подумают, что у меня дети есть да и внуки? Мне **нашто** стрелеть, **нашто** бищце? Нет они бы согласились, что не будем драцце, не будем и бищце. Будем жить дружно. Што же этово не понимают? Пересылают, шиши Россия отдала деньги им все. Вот што они пересылают. <> А ведь мы тоже слушаем дак, понимаём немножко-то... Ну... А деньги-то уходят туды. По пятьсот миллионов. Не множко не мало. <> Щёво? Не знаю, обойдеще али нет? Обойдеще, дак это хорошо. А уж не обойдеще дак... Нас уж не угонят, буди нам только смерть будет да и всё. Ой, я не знаю это. Это вот которые воюют да это ползут - зачем они это место делают? Ведь у нас дити, да и внуки, да и правнуки. Ведь жить надо это всё. Все ведь уже в разуме да и в россудке.

Радостно было услышать новые, не зафиксированные ранее слова. Приведём далее несколько примеров.

Конжинник - 'сосновый лес с плотной, зрелой древесиной': Дров специально навозят конговых-то, вот с болот, **конжиннику.** И он горит, и эти камни накаляются.

Окортомиться - 'обосноваться для постоянного проживания, осесть':

Нажились, как надо. Маму с Ямной перевели в Косиково. Потом с Косикова на Пощинок, а с Пощинка уж на Дор. И тут **окортомились**, всё. Ну, осели. Окортомились - знают осели на Дору. Вот мы тут и жили, в колхозе работали.

Тушлять - 'лишать права на что-либо, притеснять; обижать': В общем, я из колхоза убежал. Меня **тушляли**, и дядю **тушляли**, что из колхоза-то убежал. **Тушляли.** Обижали. Ну, короче, в лесопункте не давали работы. Нелегально там жил и работал.

Этих слов нет в словарях литературного языка, что свидетельствует об их диалектном характере, нет их и в Словаре вологодских говоров, что, в свою очередь, свидетельствует о фиксации новых, ранее неизвестных нам вологодских слов. Слово **конжинник** вообще отсутствует в Словаре русских народных говоров. Слово **окортомиться** приводится в нём с пометой **арх.** [СРНГ 23: 156]. Об ареале слова **тушлять** говорить пока преждевременно: в Словаре В. И. Даля слова нет, а издание СРНГ не доведено ещё до буквы «Г».

Полагаем, что эти убедительные материалы войдут в Словарь вологодских говоров при его переиздании. По-видимому, существенно пополнится в словаре и лексика сенокошения (названия орудий труда и их частей, действий, видов трав, наименования участков и др.), так как эта тема обсуждалась практически с каждым информантом: И обзороды ставим. А ныне как сухое сено, дак копны. А как сыренькое, дак эти обзороды; **Муляга?** Это моска такая. Муляга бываёт. Муляга пыщко кусаёт. Её, считай, что не видно, а куснёт дак... Наредиссе да вот. Ошорончешься да опеть так станешь косить да делаёшь. Поела муляга-то нас! А она мунега зовёт. Муляга - это что! Несёшь сено на носилках, дак нани не

видно. А всё ровно доносишь до обзорода; Смецёшь, да изопреёт. Я тожё раз эту копну размётвала со своим Володёй. А идёт парок из его, дак увидишь; Мы пораз ехали с Игорём с молоком, и ураган-от прошёл - мы остановились: копны дак как наповал все на хомоськей стороне. Хом. На Хом ходили дак.

Некоторые бытующие в говоре старинные слова предстали перед наблюдателями в новом виде. Так, старорусское слово **новина** 'расчищенное под пашню место в лесу, подсека' подверглось в устах тимановцев переразложению и, как следствие, деэтимологизации, затемнению этимологии: **Мы день это покорцевали, пожгли вины-те**, дак назавтрече захворали. Да, да, **вины-те** жгли. Вот эти **вины** и жгли. Корцевали. Спросят: «Где ты сёдне была?» - «**На вине**, корцевала. **На вино** ходила».

В лексике говора заметны и новые явления, свидетельствующие о том, что диалект, как всякое живое образование, восприимчив к новому. **Автобусник** - 'водитель автобуса': Прийдёт сюда автобусник-от. **Черноруб** - 'человек, занимающийся незаконной вырубкой леса': Чёрнорубы у нас их называют. **Лягушка** - 'использованный пакетик заварки чая': Достань лягушку-то из цяя.

За время работы экспедиции зафиксирован целый ряд диалектных фразеологизмов, хотя известно, что для употребления этих единиц в речи обычно требуется определённая свобода коммуникантов и доверие информантов к собеседнику: **Через Холм на Веретено**; **На что нас в это-то место? На телефон-от?** Зачем нас, старух, **на память садить?** **Порохня сыпецце** уже; **А у нас с председателем всё как-то не рука была**, не ладили всё; У плиты стоят, всего просят. А чего не дашь, дак и **губа титькей**; **Ни следу**, говорят, **ни примету**; А высушишь, дак не зопреёт, а не высушишь, дак **живо-два**; Медики говорили: «Подавай на суд их!» Дак уж я говорю: **«В соседнём диле** на суд подавать?»; Что, **хылы-мылы**?

Много интересных сведений участни-

Типичный дом в Тиманах

ки экспедиции получили, наблюдая над особенностями коммуникативного поведения сельских жителей: **Вот как общались... Те годы дак очень хорошо жили. Все и дружно, и шутили друг с дружкой.** Про соседей, про знакомых говорят только хорошо: Знаешь, ангел, этта все женщины очень хорошие. Очень-очень-очень! Особенno ласковая стилистика общения выражается в этой местности, начиная уже с обращений к собеседникам: **Ой, как далёко, миланушки, приехали-то!;** Да, **Людмилаушка**, это подумать, шиши делали...; **Она, рожёноё, жила с отъцём.** В памяти деревенских женщин сохраняются некоторые старинные формулы этикетных диалогических единиц: Сего дня у того избу моют, дак говорят: **«Вороны летят? Галки летят?»** - «Нет, у нас лебеди, у нас гуси-лебеди летят!» Такие раньше обычаи были.

Информативными оказались для диалектологов местные частушки. Они тоже отражают особенности говора:

Илеза-река
Потопила **парнека**,
Паренька хорошего
Топила **помалёшеньку**.

Киса баню продаёт -
Кисариха не даёт.

«Вологодский ЛАД»

А кисарёночки пишшат
И баню под гору ташшат.

При беглом просмотре записей деревенской речи возникло предположение, что грамматическая система говора характеризуется некоторыми архаическими чертами. Так, в говоре сохраняются, как нам представляется, формы старинного плюсквамперфекта: *Наверно, в войну ешио было - дедко-то тут жил был пахал*. Не исключено, хотя факты единичны, что сохраняется и супин: *Ведь надо было кормить - воевали дак... людей-ту. Спокою не было*.

Иногда в процессе работы у студентов возникали недоразумения из-за невозможности осмысливать прозвучавшую фразу, соотнести её с чем-то знакомым. Так, фонетическую цепь *Мнеказадедафатеру-*

дали они осмыслили таким образом: *Мне Казадеда квартиру дали. Мне-ка, тебе-ка, дай-ка* - это слова с неопознанной студентами постпозитивной частицей. И появился в жизни экспедиции мифический *Казадед!*

Весьма информативные записи летней диалектологической экспедиции 2014 года в Бабушкинский район Вологодской области органично войдут в коллекцию новых диалектных материалов, составляемую нами с 2009 года.

**Людмила ЗОРИНА,
кандидат филологических наук**

Работа выполнена при финансовой поддержке Российской научного гуманитарного фонда.

Проект № 15-04-00205 а «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского языка».

ЛИТЕРАТУРА

Ганичева С. А. Отчёт о диалектологической экспедиции в Бабушкинский район Вологодской области (июль 2012) // Лингвистика смотрит в будущее. Вып.2. - Вологда, 2012. - С. 296-302.

Зорина Л.Ю. Тарногские говоры. Век XXI / Л. Ю. Зорина // Тарнога (Кокшеньгский край): краеведческий сборник: к 560-летию Тарногского городка / гл. ред. Ю.С. Васильев, сост. Н. Г. Недомолкина. - Вологда: Б-Принт, 2013. - С. 259-278.

Словари

Даль - Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. - Т. 1-4. - М., 1955.

СВГ - Словарь вологодских говоров. Вып. 1-6 / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вып. 7-12 / под ред. Л. Ю. Зориной. - Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983-2007.

СРНГ - Словарь русских народных говоров. - Вып. 1-24 / гл. ред. Ф.П. Филин / ред. Ф. П. Сороколетов. - М; Л: Наука, 1965-1989. - Вып. 25-43-. / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. - СПб.: Наука, 1990-2010.

Работы у диалектологов много.

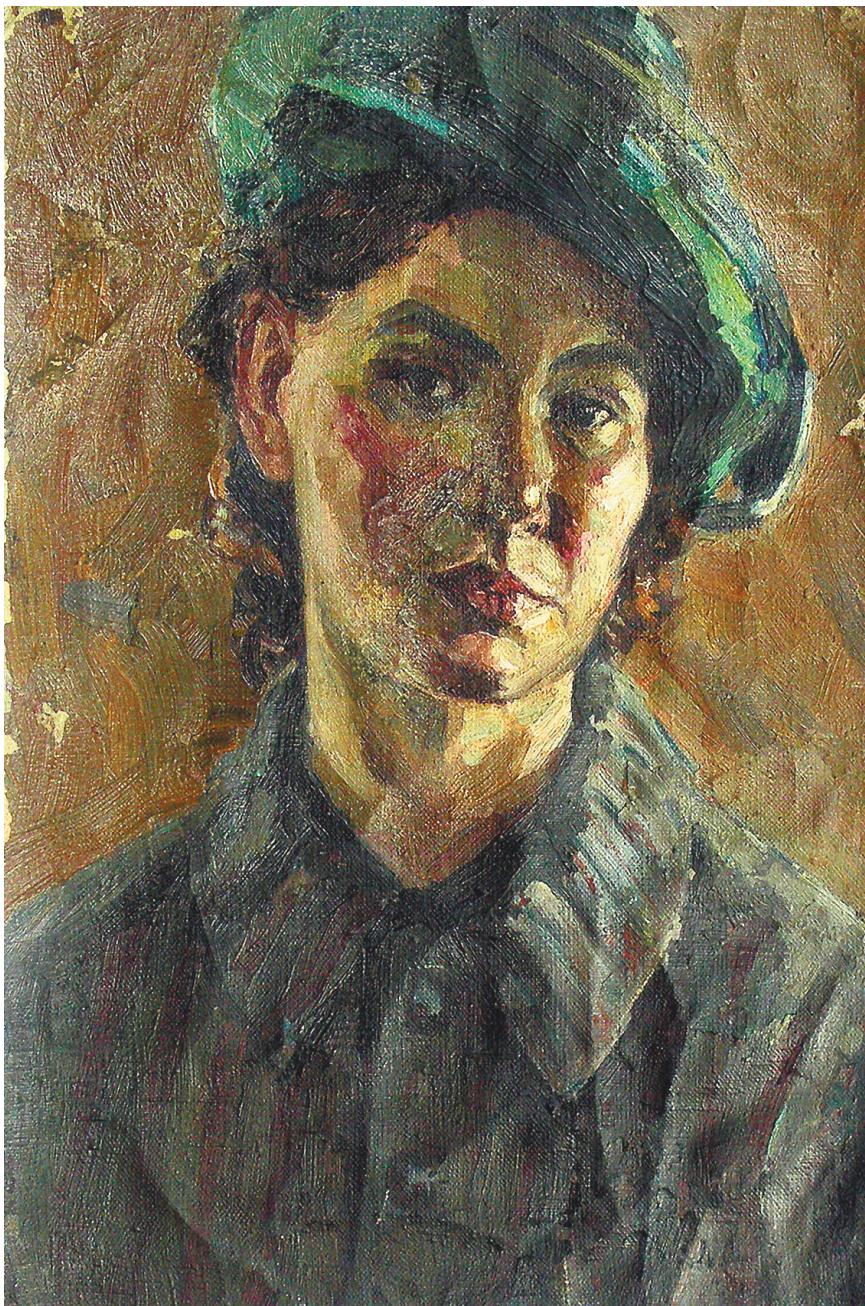
70 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ		
Вологжане хранят память		
о героях	2-я стр. обложки	
Алексей Колосов. Здесь учились летать,		
побеждая	цв. вклейка	
Юрий Кумзёров. Подарившие		
нам жизнь. Письма внука о войне	84	
Татьяна Смирнова. Война деревни		
Варламово. Из книги памяти	207	
Геннадий Сазонов.		
Марынинские клещи. Октябрь 1941 года.		
Отрывок из повести	216	
Артем Кулябин. Сиротский смысл		
семейных фотографий.		
Война в лирике Николая Рубцова	228	
И НЫНЕ, И ПРИСНО		
Пётр Давыдов. Благословенная Сура.		
Граница неба и земли	4	
ГОД ЛИТЕРАТУРЫ:		
ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЕМ		
Сергей Михеенков: «Книга состоится,		
если герой тебе ответит...»	16	
ГОД ЛИТЕРАТУРЫ: ОТКРЫТИЕ		
Анна Першина. «Моя профессия -		
художник слова...» Тайны судьбы поэта		
Алексея Ганина по материалам		
Государственного архива		
Вологодской области	22	
ПРОЗА		
Станислав Мишинев.		
У каждого своя дорога	33	
Ольга Кульевская. Сердитая буква	42	
Алексей Муратов.		
Два рассказа про армию	44	
Сергей Михеенков. Берлин.		
Из книги «Жуков. Маршал на белом коне»....	48	
ПОЭЗИЯ		
Ольга Фокина. Ветер с севера	56	
Николай Дегтерев. Папины стихи	60	
Евленья (Елена) Виноградова. ...Звенит		
струна страстями жизни жаркими	64	
Григорий Шувалов. ...Словно белые		
птицы, уходят на юг облака	68	
На 1-й и 4-й страницах обложки - памятный знак летчикам 27-го запасного истребительного		
авиаполка в Каднике. Фотография Алексея Колосова		
ВОЛОГОДСКИЙ	Литературно-	
ЛАД	художественный	
	журнал	
2015, № 1 (30)	в 1991-1995 годах	
	выходил под названием	
	«Лад. Журнал	
	для семейного чтения».	
	С 2006 года -	
	«Вологодский ЛАД»	
Главный редактор - А. К. Сальников		
Адрес редакции: 160009, Вологда, ул. Козлёнская, д. 33, оф. 309		
Телефон: (8172) 72-42-90, e-mail: salnikov@krassever.ru		
Адрес типографии: ООО Пф «Полиграф-Пресса»,		
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.		
Тираж 1500. Объем 15 п. л. Формат 70x100/16. Печать офсетная. Подписано в печать 30 июня 2015 г.		
Время подписания номера по графику - 10 час., номер подписан в 10 час.		
Дата выхода номера - 10 июля 2015 г. Заказ № 806. Свободная цена.		
Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать рукописи.		

Евгений Некрасов. Сегодня солнце	
людям тоже светит!	72
Ольга Селезнёва. Встречное чудо	75
Вера Багрецова.	
А душа - самый хрупкий мост...	78
Сергей Пахомов. Новые стихи	80
ГОД ЛИТЕРАТУРЫ: УРОКИ БЕЛОВА	
Андрей Сальников.	
Напутствие классика	цв. вклейка
КНИГА В ЖУРНАЛЕ	
Дмитрий Ермаков.	
Тайный остров. Роман	101
ГОД ЛИТЕРАТУРЫ:	
ХУДОЖНИК И ПИСАТЕЛИ	
Любовь Соснина. Свет творчества.	
К 100-летию Нины Железняк ..	168, цв. вклейка
ИЗДАНО В ВОЛОГДЕ	
Пётр Давыдов. Крестная история России	
на примере одного города	173
ПРЕДСТАВЛЯЕМ	
ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ	
Артём Кулябин. Продолжая творческий	
полёт. К 60-летию литературного	
объединения «Сокол»	178
Стихи и проза сокольчан	179
ГОД ЛИТЕРАТУРЫ:	
ПОЭЗИЯ И МУЗЫКА	
Татьяна Самсонова. Нам веёт	
на хороших людей! О творческом	
конкурсном проекте «Сочини мелодию»	
в Белозерске	188
РАЗГОВОР С ЧИТАТЕЛЯМИ	
Татьяна Короткова.	
С любовью о Двинице	197
СЛАВЯНСКИЙ МИР	
...Над степью радуга ранена свинцом.	
Стихи и проза писателей Новороссии	198
ЯЗЫК МОЙ	
Людмила Зорина. Что говорят	
на хомоскейской стороне (по материалам	
диалектологической	
экспедиции 2014 года)	232

Свет творчества

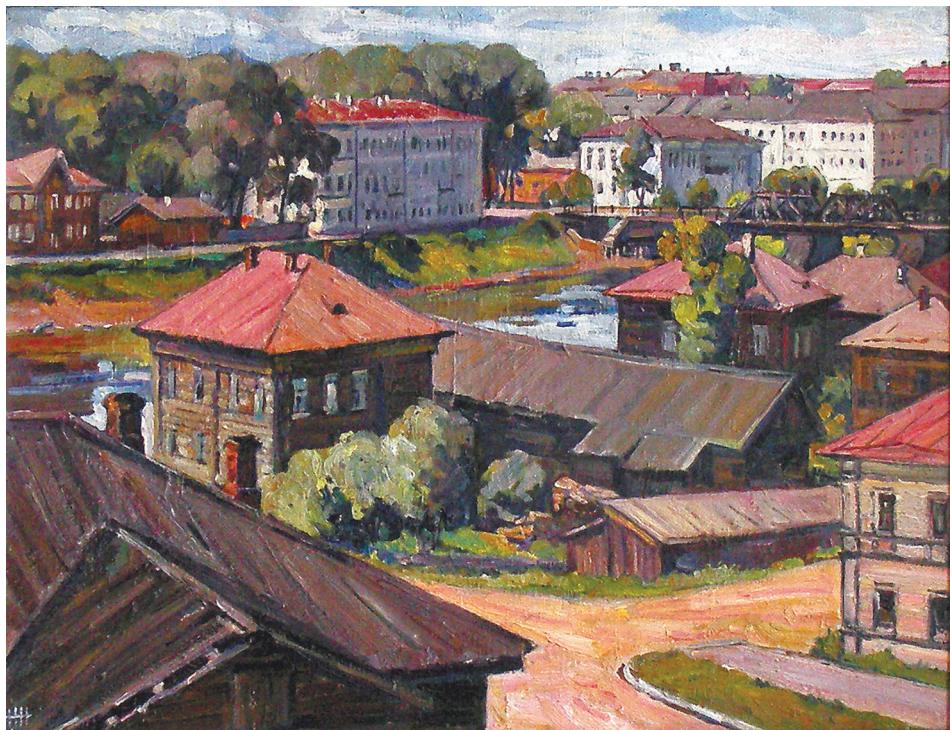
К 100-летию Нины Витальевны Железняк

Иллюстрации к статье на стр. 168

Автопортрет в зеленом берете. 1945 - 1948. Х., м.

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ: ■ художник и писатели

Красные крыши. 1968. Х., м.

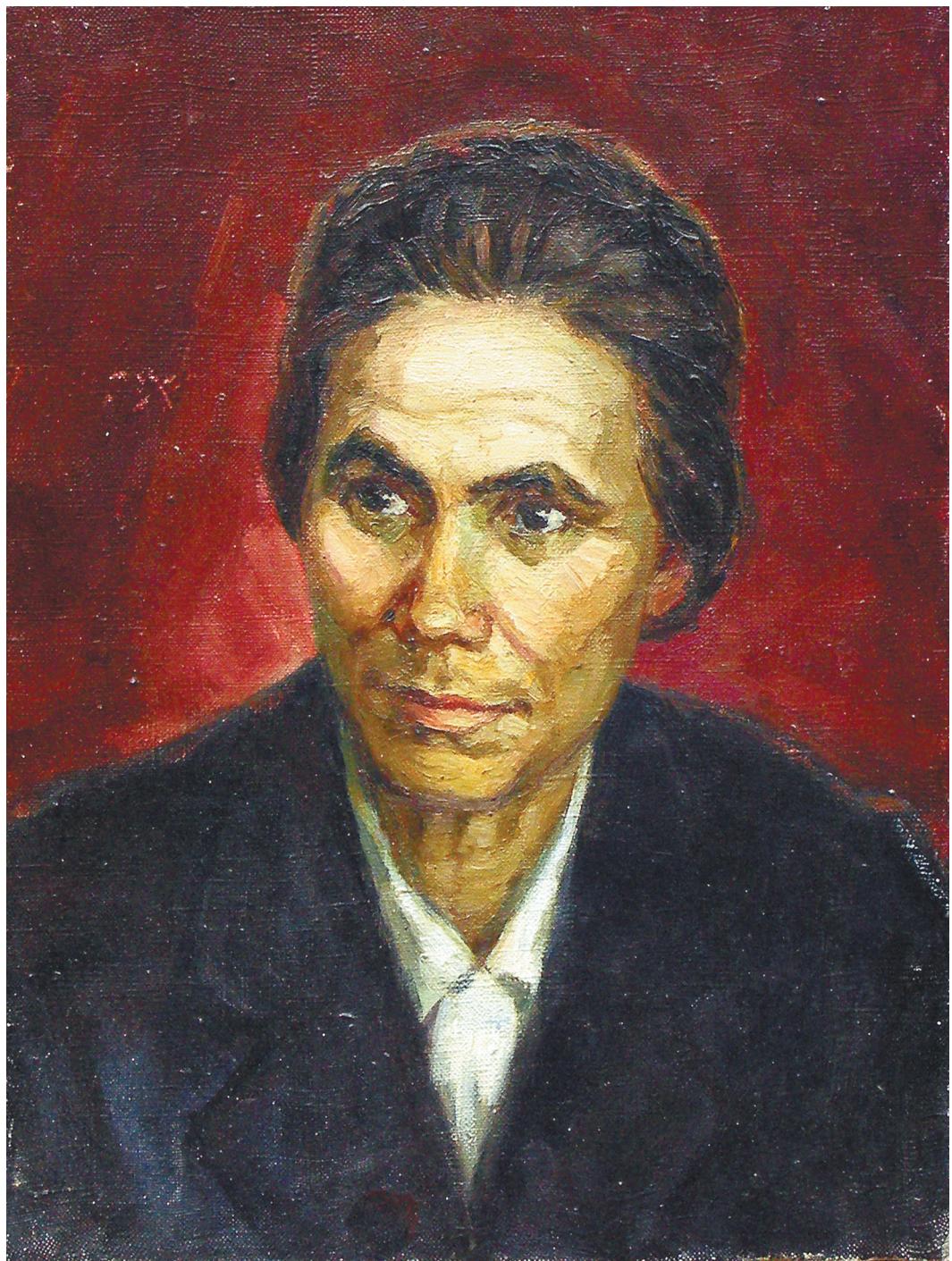
В башне Цифирной школы. 1961. К., м.

К 100-ЛЕТИЮ ■ Нины ЖЕЛЕЗНЯК

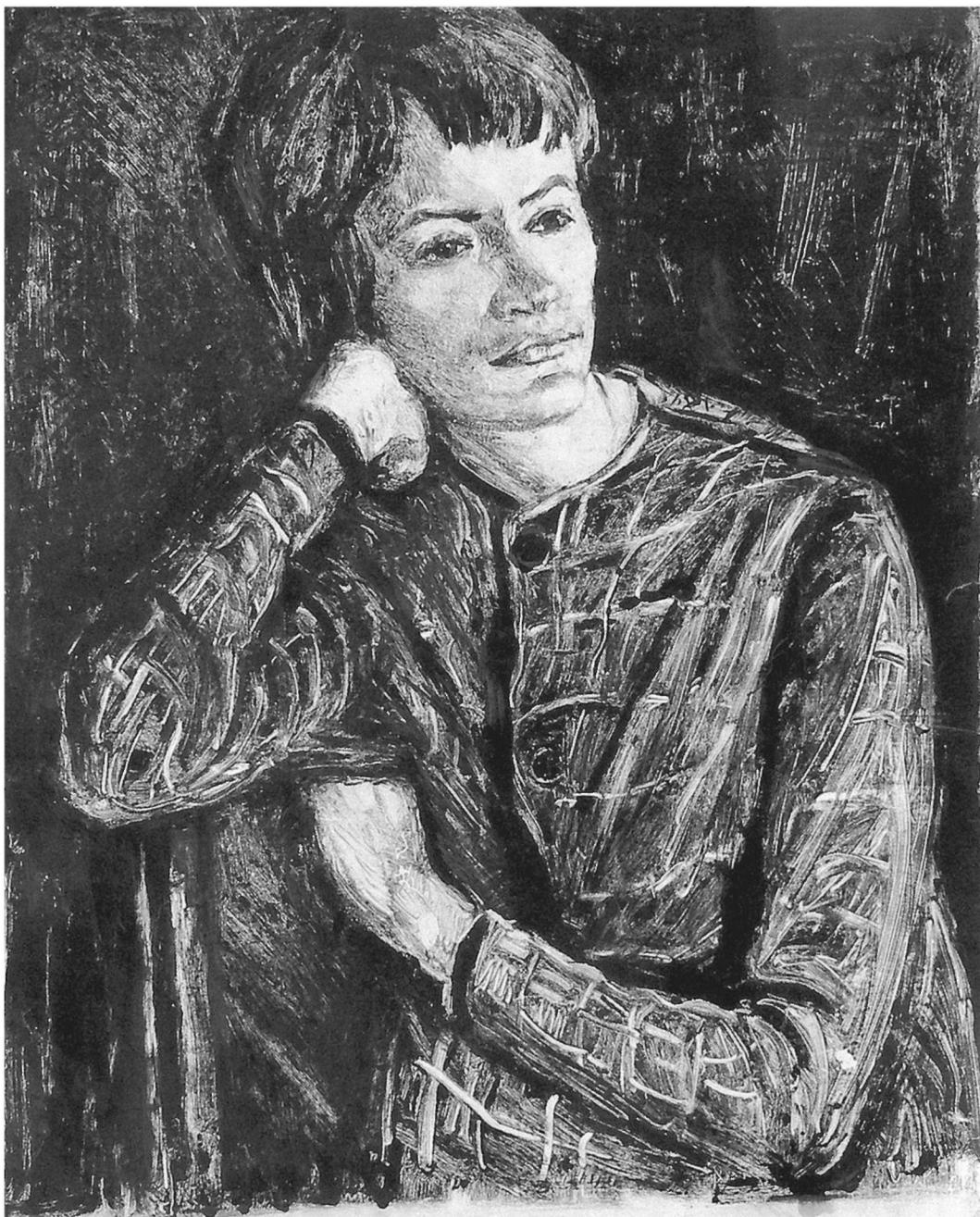
Портрет женщины в красном платке. 1950-е. Х., м.

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ: ■ художник и писатели

Портрет кружевницы К. В. Исаковой. 1961. Х., м.

К 100-ЛЕТИЮ ■ Нины ЖЕЛЕЗНЯК

Портрет Эльзы Хумала. 1961. Б., монотипия.

